

ISSN 2073-6118

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. М.В. ЛОМОНОСОВА

ФИЛОСОФИЯ ХОЗЯЙСТВА

**АЛЬМАНАХ
ЦЕНТРА ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК И
ЭКОНОМИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ**

ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

МАЙ
ИЮНЬ **№3(93)**

МОСКВА 2014

Философия хозяйства. Альманах Центра общественных наук и экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.
2014. № 3. — 304 с.

Главный редактор Ю.М. Осипов

Редакционно-издательский совет:

д.х.н., проф. Л.А. Асланов; д.ф.н., проф. Ф.И. Гиренок;
к.э.н., в.н.с. Е.С. Зотова, первый зам. гл. редактора;
д.э.н., проф. В.П. Колесов; д.ф.н., проф. Д.С. Клементьев;
д.э.н., проф. В.М. Кульков; д.э.н., проф. С.П. Макаров;
д.и.н., проф. Г.Р. Наумова;
д.э.н., проф. Ю.М. Осипов, председатель совета;
д.э.н., проф. А.А. Пороховский, к.и.н., в.н.с. И.П. Смирнов;
д.э.н., проф. Л.А. Тугов; д.ф.н., проф. Н.Б. Шулевский, зам. гл. редактора

Научно-экспертный совет:

д.э.н., проф. А.И. Агеев; д.э.н., проф. У.Ж. Алиев (Казахстан);
д.э.н., проф. А.Ю. Архипов (Ростов-на-Дону); д.э.н., проф. В.Д. Базилевич (Украина);
д.и.н., проф. И.В. Бестужев-Лада; д.э.н., проф. И.Р. Бугаян (Ростов-на-Дону);
д.э.н., проф. М.М. Гузев (Волжский); д-р, проф. В. Драшкович (Черногория);
д.э.н., проф. Л.Н. Дробышевская (Краснодар); д.ф.н., проф. В.В. Ильин (Украина);
д.э.н., проф. О.В. Иншаков (Волгоград); д.э.н., проф. В.Я. Иохин;
д.х.н., проф. С.Г. Кара-Мурза; к.э.н., проф. В.В. Кашицын (Новороссийск);
д.э.н., проф. С.Г. Ковалев (Санкт-Петербург); д.э.н., проф. В.П. Колесов;
д.э.н., проф. В.И. Корняков (Ярославль); д.ф.н., проф. В.А. Кутырёв (Нижний Новгород);
д.э.н., проф. П.С. Лемешенко (Белоруссия); д-р, проф. А.З. Новак (Польша);
д.э.н., проф. В.Т. Пуляев (Санкт-Петербург); д.э.н., проф. В.Т. Рязанов (Санкт-Петербург);
д.э.н., проф. В.С. Сизов (Киров); к.т.н., проф. Е.А. Субботин (Екатеринбург);
д.э.н., проф. А.И. Субетто (Санкт-Петербург); д.э.н., проф. А.С. Филипенко (Украина);
д.э.н., проф. В.В. Чекмарёв (Кострома); д.э.н., проф. Ю.В. Яковец; д.э.н., проф. Ю.В. Якутин

Научный редактор — *Е.С. Зотова*

Редактор — *Т.Г. Трубицына*

Художник — *Е.Ю. Осипова*

Оригинал-макет — *Л.Г. Полунина*

Компьютерная верстка — *Л.Г. Полунина, О.Б. Лемешонок*

Перевод на англ. язык — *О.Б. Лемешонок*

Распространение — *И.А. Ольховая*

Научно-организационная работа — *А.А. Антропов, К.В. Молчанов, С.С. Нина,
С.Ю. Синельников, Т.С. Сухина*

**Включен в Перечень ВАК российских рецензируемых
научных журналов и изданий**

Выходит 6 раз в год

Адрес редакции: 119992, Москва, Ленинские горы, МГУ, III учебный корпус, экономический факультет, к. 331, тел. (495)939-4183, факс (495)939-3496,
e-mail: <lab.phil.ec@mail.ru>

skype: <philosophy_of_economy>

<http://www.econ.msu.ru/cd/311/>, <http://www.css.msu.ru>

Отпечатано в типографии «Наука». 121099, Москва, Шубинский пер., 6.

Тираж 1000 экз. Заказ №

Учредитель ООО «Инвестиционная компания «БАРРЕЛЬ»

тел. (495)710-2939

ISSN 2073-6118

© «Философия хозяйства», 2014 г.

Содержание

Раздел I

Философия хозяйства

Ю.М. Осипов

Философия на миру: абстракции и практики 9

Н.Б. Шулевский, О.Б. Лемешонок

История в ноосфере философии хозяйства..... 14

Е.В. Пастукьян

Изменение доминирующего фактора производства как причина развития феномена культуры..... 27

П.П. Жуликов, О.В. Жуликова

Иной взгляд на развитие человеческого хозяйства..... 36

Т.Ю. Яковец

Теория народонаселения в «Философии хозяйства» С.Н. Булгакова..... 41

Раздел II

Евразийская интеграция

Ю.М. Осипов

Русский вопрос..... 55

А.А. Гриценко

Россия и Украина на острие европейской и евразийской экономической интеграции..... 64

В.Г. Бодров

Интеграционные векторы экономического развития в треугольнике ЕС — Украина — ЕврАзЭС: противоречия, возможности, перспективы 74

Г.И. Мойсейчик

Соединение финансов и интеллекта как платформа евразийской интеграции..... 83

З.Э. Скрынник, Е.С. Зотова

Украина в контекстах российского самоутверждения..... 93

А. Вержбицки

Цивилизационные основания и важнейшие проблемы евразийской интеграции государств Центральной Азии..... 100

А.К. Попов, А.А. Соболевская

Имперские традиции России и евразийство 109

Раздел III

Экономическая теория

А.З. Новак, К. Рычъ

Злотый или евро? 127

С.В. Бирюков

Политэкономия ренты и Россия: к уточнению проблемы..... 132

В.В. Смагина

Принципы индикативного государственного планирования в условиях международной интеграции..... 141

М.И. Воейков

Запад, мещанство и политическая экономия в концепции А.И. Герцена 148

А.А. Акинин, А.А. Шевелев

Дилеммы развития России в контексте институциональной экономической теории..... 161

<i>А.А. Залетный</i>	
От «человека финансового» к «человеку творческому»: многообразие измерений и подходов	181
<i>Г.В. Астратова, И.В. Агафонова, Е.В. Баженова</i>	
Маркетинговые аспекты изменения управленческой парадигмы в сфере ЖКХ	188
Раздел IV	
Актуальная философия	
<i>Ф.И. Гиренок</i>	
Самарин: русские и окраины России.....	197
<i>А.В. Кузнецов</i>	
Экзистенциальная дилемма «финансового человека».....	203
<i>Н.Н. Ростова</i>	
Символ как освящение реальности	211
<i>Г.С. Петренко</i>	
Символическая природа денег в финансовом универсуме.....	221
<i>О.В. Добровичев</i>	
Гуманитарные приложения гипотезы очень больших систем	228
<i>М.А. Альпидовская</i>	
Материальные и духовные ценности. Прерогатива выбора современного общества	245
<i>Ю.М. Беспалова, В.А. Кондаков</i>	
Честность как социально-экономическая категория.....	252
Раздел V	
Рецензии и отклики	
<i>Ю.М. Осипов</i>	
Философия хозяйства и историософия	263
<i>Ф.И. Гиренок</i>	
О божестве советской интеллигенции.....	265
Научная жизнь	
<i>Н.Б. Шулевский, О.Б. Лемешонок</i>	
СССР. Что это было?	272
<i>С.Ю. Синельников</i>	
Домоупстройство в рамках семейного хозяйства (современный опыт)	285
<i>Ю.М. Осипов</i>	
Международные интеграционные процессы в Евразии	290
Наши авторы	299

Contents

Part I	
Philosophy of Economy	
<i>Yu.M. Osipov</i>	
Philosophy in the World: Abstractions and Practices	9
<i>N.B. Shulevsky, O.B. Lemeshonok</i>	
History in a Noosphere of Philosophy of Economy	14
<i>E.V. Pastukyan</i>	
The Change of the Dominant Production Factor as the Reason of Cultural Development	27
<i>P.P. Zhulikov, O.V. Zhulikova</i>	
Another Look at the Development of Human Services	36
<i>T.Yu. Yakovets</i>	
Population Science in S. N. Bulgakov's «Philosophy of Economy»	41
Part II	
Euroasian Integration	
<i>Yu.M. Osipov</i>	
Russian Question	55
<i>A.A. Gritsenko</i>	
Russia and Ukraine on the Edge of the European and Euroasian Economic Integration	64
<i>V.G. Bodrov</i>	
Integration Vectors of Economic Development in a Triangle EU — Ukraine — EurAsEC: Contradictions, Opportunities, Prospects	74
<i>G.I. Moyseychik</i>	
Connection of Finance and Intelligence as a Platform of the Euroasian Integration	83
<i>Z.E. Skrynnik, E.S. Zotova</i>	
Ukraine in Context of the Russian Self-Affirmation	93
<i>A. Verzhbitski</i>	
Civilization Bases and the Most Important Problems of the Euroasian Integration of the Central Asia States	100
<i>A.K. Popov, A.A. Sobolevskaya</i>	
Russia Empire Traditions and Euroasia	109
Part III	
Economic Theory	
<i>A.Z. Novak, K. Rych</i>	
Zloty or Euro?	127
<i>S.V. Biryukov</i>	
Political Economy of a Rent and Russia: to Problem Specification	132
<i>V.V. Smagina</i>	
Principles Indicative of State Planning in terms of International Integration	141
<i>M.I. Voeykov</i>	
West, Petty Bourgeois and Political Economy in Conception of A. Herzen	148
<i>A.A. Akinin, A.A. Shevelev</i>	
Dilemmas of Russia's Development in a Context of the Institutional Economic Theory	161

<i>A.A. Zaletnyy</i>	
From «Homo Finansus» to «Homo Creator»: Diversity of Dimensions and Approaches	181
<i>G.V. Astratova, I.V. Agafonov, E.V. Bazhenov</i>	
The Marketing Aspects of Change Management Paradigm in the Sphere of Housing and Communal Services	188
Part IV	
Actual Philosophy	
<i>F.I. Girenok</i>	
Samarin: Russians and Suburbs of Russia	197
<i>A.V. Kuznetsov</i>	
Existential Dilemma of «the Financial Person»	203
<i>N.N. Rostova</i>	
Symbol as Reality Consecration	211
<i>G.S. Petrenko</i>	
The Symbolical Nature of Money in a Financial Universum	221
<i>O.V. Dobrodeev</i>	
Humanitarian Applications Hypotheses Very Large Systems	228
<i>M.A. Alpidovskaya</i>	
Material and Cultural Wealth. Prerogative of a Modern Society's Choice	245
<i>Yu.M. Bessalova, V.A. Kondakov</i>	
Honesty Like a Socio-Economic Category	252
Part V	
Reviews and Responses	
<i>Yu.M. Osipov</i>	
Philosophy of Economy and Historiosophy	263
<i>F.I. Girenok</i>	
About God of the Soviet Intellectuals	265
Scientific Life	
<i>N.B. Shulevsky, O.B. Lemeshonok</i>	
USSR. What has it been?	272
<i>S.YU. Sinelnikov</i>	
House-building within Family Economy (Modern Experience)	285
<i>Yu.M. Osipov</i>	
The International Integration Processes in Eurasia	290
Our Authors	299

**ФИЛОСОФИЯ
ХОЗЯЙСТВА**

Ю.М. ОСИПОВ

Философия на миру: абстракции и практики *

Аннотация. Раскрывается роль философии в формировании сознания и в социохозяйственной практике, включая российскую современность.

Ключевые слова: философия, философские абстракции, философская практика, сознание, культура, цивилизация, Россия, российские перемены.

Abstract. The article is devoted to the philosophy role in formation of consciousness and in economy practice including the Russian present.

Keywords: philosophy, philosophical abstractions, philosophical practice, consciousness, culture, civilization, Russia, Russian changes.

Наука открывает тайну природного, или физического, мира, религия закрывает собой тайну мира иного, или метафизического, философия же остается с тайной мира вообще — что физического, что метафизического, не пытаясь разрешить тайну мира — как точная наука, и не преодолевая тайны мира — как догматическая религия. Философия предпочитает иметь дело не со знанием, а с незнанием, стараясь это последнее не более чем осознать, никак не превращая его в конечное — опытно-доказательное или же верообусловленное — знание. Если наука и религия явно что-то знают, пусть каждая свое и по-своему, то философия, исходя более всего не из знания, а из незнания, никак не претендует на какое-либо законченное знание. В сердцевине философии знание-размыслительная неопределенность, восходящая к тайне мира, а не определенность, восходящая либо к точному (физическому) знанию, либо же к утвержденному от имени высшей силы непререкаемому догмату (вполне, кстати, и метафизическому).

* Брянское философское общество, проводя 25 марта 2014 г. на базе Брянской областной научной универсальной библиотеки имени Ф.И. Тютчева II философские чтения «Философия в контексте современных социальных практик», обратилось к директору ЦОН при МГУ профессору Ю.М. Осипову принять участие в обсуждении следующих тем:

- Философия в поисках моделей модернизации;
- Социальные и этнические проблемы в глобализирующемся мире;
- Образование и культура в условиях глобализации;
- Человек в условиях техногенной цивилизации.

Предлагаем текст, представленный в адрес чтений в качестве доклада.

Философия есть свободное суждение человека о мире, бытии, жизни, включая человека и его сознание, то самое суждение, которое позволяет человеку самому ориентироваться в полных тайны мире, бытии, жизни, включая и себя со своим сознанием. Философия — изъяснение сознания, осознание всего и вся, но и формирование самого сознания. Философия исходит не так от природы, как наука, и не так от высшей силы, как та же религия, как из самого по себе человеческого сознания, весьма и трансцендентного, оказываясь результатом диалога между сознанием и окружающим его внешним миром, в котором акцент уже не на природе и не на высшей силе, а на самом сознании. Истина здесь более всего не в природе и не в ином мире, а... в сознании. Философия — постоянно действующая попытка человека оставаться человеком на основе и посредством своего сознания, его непрерывного осознания, насыщения и совершенствования. Философия не чужда природе и науке, не сторонится она и высшей силы с религией, но она обязательно и по преимуществу сама по себе — *сама-себе-мудрость*.

Сознание человеческое — сознание прежде всего и в целом *философическое*, а потом уже частично научное и частично религиозное. Достаточно обратить внимание на текущее жизнеотправление человека как на истечение и работу сознания, чтобы убедиться в том, что человек, замечая это или нет, непрерывно философствует, пусть и вполне по-обыденному. Человек думает, размышляет, оценивает, принимает решения и действует в условиях более всего не полной определенности, не полной известности, не полной управляемости, в общем — взаимодействуя с той или иной тайной. Однако человек, наделенный сознанием, имеет возможность помещать свое сознание в метасознание (сверхсознание) пространство, находиться в нем вообразительно и с той или иной степенью ошибок, отклонений и фантазий прочитывать бытийный контекст, его воспринимать, с ним взаимодействовать, реализовывать свое жизнеотправление, хозяйствовать, быть. Не знание толкает человека к философствованию, а как раз незнание, а потому философствование — погашение незнания не столько через знание, сколько через... незнание, постоянно с человеком и его сознанием взаимодействующее.

Выделившееся из обыденного философствования абстрактное философствование, или *философия философии*, — достояние соответствующим образом подготовленной группы цивилизованных особей. По преимуществу это знатоки *философии* (этой как раз философии философии), частично интерпретаторы и лишь в порядке исключения — творцы. Особенность абстрактной философии (этой самофилософии или для-себя-философии) в том, что ни одна из ее версий не является ни общепринятой, как в науке, ни общеобязательной, как в религии. Сколько философов, столько и философий! Это, правда, не значит, что

у философии как таковой не может быть ни общего языка (хотя бы для части философии), ни общих смысловых опор, ни кое-каких категориальных инвариантов. Есть *мир философии*, он же и *философский мир*, в котором бытует более или менее всеми принимаемое и понимаемое логосно-семантическое ядро, хотя ни для кого и не строго обязательное.

Впечатление, что философия есть что-то совсем уж абстрактное, неопределенное, расплывчатое, рассеянное, несобранное и т. д. — обманчивое впечатление, рождающееся обычно у неподготовленных обывателей и ограниченных ученых. Философия — как раз то, что в наибольшей степени соответствует сознанию, психике, жизни, бытию, миру, где, повторяем, тайны больше, чем нетайны, неопределенности больше, чем определенности, стихии больше, чем порядка. Порядок вообще есть лишь мгновение стихии, а не наоборот. Не порядок рождает стихию, а стихия — порядок! Философия есть упорядочение стихии в рамках самой же стихии, достижение произвольных упорядочений посреди фундаментальной стихии. О какой стихии и каком порядке тут речь? О стихии мира, бытия, жизни, сознания, как и их свободном воззренческом упорядочении. Философия занята воззренческим через воображение и посредством логоса упорядочением контекстной, включая сознание, стихии.

Есть ли при этом удобоваримые эффективные результаты? Здесь возникает проблема *философического праксиса*, влияния философии на сознание, ноосферу, на человеческое жизнеотправление. Имеют ли философические абстракции какое-либо практическое значение?

Обычный цивилизованный человек считает, что философия есть лишь оторванное от реальности упражнение ума, вроде тех же шахмат. Затеяливая академическая игра — не более того! Однако это не то что не совсем так, а это совсем не так: философия, как это ни покажется кому-то странным, прямо в гуще цивилизованной жизни, в ее непосредственной реализации. И это нетрудно показать, ежели обратиться к словам, понятиям, концептам, всюду используемым цивилизациями в той или иной момент исторического времени.

Была когда-то та же античная цивилизация со свойственной ей высокой культурой, как и была потом христианская цивилизация с ее сакрализованным мировосприятием, затем наступил европейский Модерн, рожденный Ренессансом и родивший гуманизм с либерализмом, закончившиеся явлением коммунизма и того же фашизма, а сейчас вот имеет место постмодерновый глобализм — и все это было обосновано, освещено и оснащено словесно, понятийно и концептуально ничем иным, как... *философией*, вовсе при этом не такой уж академической. Употребляя слова, пользуясь понятиями и следуя тем или иным концептам, обычный цивилизованный человек менее всего задумывается над тем, что очень многие полезные ему слова, опорные понятия и

применяемые им концепты имеют прямое философское происхождение. Вся более или менее абстрактная часть сознания цивилизованного человека — *философическая!* Соответственно и окружающая человека цивилизованная реальность тоже в основе своей философическая.

Философия — вскрытие, созидание и обоснование *смыслов*, а затем и посыл этих смыслов в логосном отображении в реальную жизнь. В этом-то прежде всего и состоит практическая функция философии. Философия дает воззрение, начинает им сознание, задает координаты осознанного бытия, хотя и не занимается его непосредственным строительством и прямой реализацией. Даже такая вроде бы практическая философская отрасль знания и мысли, как философия хозяйства, выполняет более осознательно-направительную, чем собственно практическую функцию. Будучи сама, как и вся вообще философия, элементом человеческого ментального хозяйства, философия хозяйства оставляет основную долю практического хозяйства... за самим хозяйством, довольствуясь лишь некоторым в нем концептуальным присутствием.

Нельзя ни недооценивать роли и значения философии в жизнеотправлении человека, которые воистину громадны, ни преувеличивать практические — прикладные, функциональные, деятельские — возможности философии, для чего философия просто бывает не предназначена. Одно дело идеология, культура, сознание, политика, совсем другое — наука, техника, технология, любое практическое деяние. Между философской интенцией и практическим деянием — огромная дистанция, перекрываемая сознанием в качестве посредника и переводчика между собственно философическим и собственно нефилософическим мирами.

Сегодняшний евроамериканский мир — мир Постмодерна, когда модернизации подвергаются не столько природа и общество, сколько уже сам человек, причем прямо уже за рамками своего естества. Вокруг современного человека гигантская искусственная неприрода, человек бытует в денатуризованном (мегаполюсном) социуме, а сам человек уже то ли пока еще *все-еще-человек* или же *уже-и-не-человек*. На повестке дня гигантская мутация человека, но не в нового человека, как это было в эпоху того же Модерна, а уже в *пост-человека!* Философия это видит, обосновывает, упреждает, от этого предостерегает и... во всем этом... участвует, разумеется, делая это по-своему: идейно, понятийно, концептуально.

Отсюда и главная коллизия современности: *от человека через его апокалиптический кризис к постчеловеку!*

Не надо думать, что постчеловек нереален или это дело отдаленного будущего. *Он уже здесь*, расчеловечивание всюду идет — как подготовка к окончательному мутационному скачку!

Перед уже открывшейся мутационной перспективой замирает сознание, стынет душа, немеет ум, в особенности, когда нынешний передовой «человече» все это преспокойно одобряет, смело готовясь к отлету в космос в статусе уже «невозвращенца».

Философия способна все это оправдать и обосновать, как и, наоборот, подвергнуть резкой критике и решительно осудить. А что же тогда делать нам, российским мыслителям, если таковые среди россиян еще есть: оправдывать или осуждать, а ежели осуждать, то что же предлагать взамен?

Это только кажется, что во всем этом нет ничего особенного, на самом-то деле тут все очень и очень не просто — и не потому, что слишком замысловато, а потому что это вовсю уже идет, в том числе и в России. Правда, в России еще задаются сакраментальными вопросами, пытаются понять и распознать происходящее, даже что-то предложить и иное. И осмысление это усиливается по мере уже текущего восстановления, как и уже грядущего, хоть еще и остающегося в возможности, *возрождения* России, причем не государства только, не страны, не империи, а именно *России*, совсем недавно еще усиленно подавлявшейся и нагло отрицавшейся (вовсе не только в жуткие 1990-е гг.).

У России есть своя высокая философия, обозначившаяся в новейшее время как раз к моменту гибели Российской империи, происшедшей в ходе и в результате нероссийской по сути революции, начатой февралем 1917 г. Речь идет о *русской софийной философии* (В. Соловьев, П. Флоренский, Н. Бердяев, С. Булгаков, Е. Трубецкой и др.), как раз и пытавшейся, обращаясь к Софии Премудрости Божией, предотвратить погибельную революцию, отринуть наступавший марксистский социализм, возродить русскую святость, а точнее — *Россию!* Было примерно так же, как и мы сегодня пытаемся делать, отстаивая Россию перед лицом глобализма, воинствующего либерализма, мирового экономизма, разлагающего постмодернизма, бесчеловечного технологизма.

У русского и солидарного с ним человека нет ничего более четкого, понятного, утвердительного и спасительного, чем *Россия* — этот вполне иномирный, если и не неотмирный, феномен, настоящая метафизическая святыня. Не Европа, не Америка, не Азия, не Евразия, как и не гуманизм, капитализм, социализм, либерализм и т. п. вещи, а всего лишь *Россия* — это страдательная, но и воистину софийная данность, от которой нынче родилась и утверждается не философия даже (человеческая мудрость), а *софиасофия* (мудрость внечеловеческая, высшая, божественная). Причем, обратим внимание, не *софиософия* — как учение о Софии, а именно *софиасофия* — как взаимодействие с Софией.

И дело здесь не в новых или же переосмысленных словечках, наименованиях и смысловых зацепках, а в самом обращении современного мыслящего русского к таким сакральным понятиям, как Россия и русскость, София и софиасофия — и вовсе не какое-то там вероподобное обращение, а совершенно реалистичное — как к чему-то подлинному, настоящему, коренному, как к несущему существу.

И если все это принять всего лишь за миф, то это миф, безусловно, действенный, как раз тот самый, который удерживает русского человека в мире, дает ему опору, ориентирует его, сосредоточивает, укрепляет и мобилизует, открывает перспективу. С Россией и Софией жить можно, как и действовать (хозяйствовать) ради России и по заветам Софии, и всю *творить*, реализуя на практике родившуюся и бытующую в России *философию хозяйства*.

Что же касается ультрасовременного аспекта, то возрождающейся России необходимо пройти через *пост*-реформенный фазис, пережить, освобождаясь от кабальной зависимости от внешнего контекста, глобальное перестроение (не перестройку с остановкой и разрушением, а именно безостановочное и сознательное перестроение — прямо на ходу, на марше), чтобы, полностью овладев современностью, подчинить себе и переиначить происходящие в мире перемены, не утратив при этом ни человека, ни жизни, ни перспективы!

Н.Б. ШУЛЕВСКИЙ, О.Б. ЛЕМЕШОНОК

История в ноосфере философии хозяйства

История — Страшный Суд.

Г.В.Ф. Гегель

Аннотация. Исследуется феномен истории в контексте философии хозяйства. Выделяются три аспекта анализа: история как научно-эмпирический хозяйственный факт, история как трансцендентно-критический метод философии хозяйства, история как метафизика философии хозяйства. Приоткрываются иные суть и периодизации истории. История есть духовный процесс интерпретации-конструирования человеком своего бытия во времени и в пространстве хозяйства. Это проектирование составляет четыре эпохи: сакральную, человеческую, апокалиптическую и экологическую. В философии хозяйства история выступает как средство созидания Дома Спасения человечества.

Ключевые слова: философия хозяйства, «ирония истории», «хитрость разума».

Abstract. The article is devoted to the sense of a phenomenon of history in a context of philosophy of economy. There are three aspects of the analy-

sis. History as a scientific and empirical economic fact. History as transcendental and critical methodology of philosophy of economy. History as metaphysics of mind and consciousness of philosophy of economy. The article also presents other essence and history periodization. The history is spiritual process of interpretation and designing by the person of his life in time and in an economy space. This design includes four eras: sacral, human, apocalyptic and ecological. In philosophy of economy the history acts as means of creation of the Rescue House for mankind.

Keywords: philosophy of economy, «irony of history», «trick of the mind».

История — реально-нереальная непостижимость. Если бы люди и понимали историю, то они вряд ли продолжали бы этот кошмар; познав историю, люди обрели бы иной статус, близкий к их недоступному ныне оригиналу. А так «всемирная история не есть арена счастья. Периоды счастья являются в ней пустыми листами» [1, 26]. Сама история со странной «сознательностью» противится познанию, идя своим неведомым путем в свое неведомое царство, создаваемое из людей. История имеет цель, но путь к ней она мостит самыми лучшими костями человечества.

Уже само буквозначие «история» поражает своим сумбуром, обозначая и рассказы о прошедшем, и вид реальности, и тип развития, и науку, и нехорошие приключения («влип в историю»), и приключения авантурные, отрядные, комические, драматические, ожидаемые и внезапные («случилась, произошла история»), и форму опыта, и память человечества.

Марксизм возвел историю в универсальный принцип¹, сделав историю главным орудием труда и правды, но не заметил его скрытого коварства. Признав *историческое* адекватным бытием человека, мира, познания, марксизм исказил связи части и целого. Не история — часть мира, человека и познания, а сами эти реалии стали элементами истории. Но ведь во всяком бытии есть вечное и историческое содержание, которое без внеисторических опор невозможно. Воде нужны кувшин, берега или другие границы, чтобы она сохранила себя; и даже став паром, воде нужны пределы, делающие ее паром. И «конец истории» означает лишь конец «этой истории» и ее продолжение в «ином бытии»², как река продолжается в океане.

¹ «История это для нас все...» [2, т. 3, 22].

² В церковнославянском языке каждая буква содержит в себе слово, ключ, сакральный знак; термин «*и(и)стория*» буквально означает: «дух словом возделывает твердь, людей, речь, бытие, малых духов (людей) самого себя, чтобы возвратить самому себе, всем существованиям, свои исходные подлинные имена», в которых содержится их суть, их оригиналы, их назначение. История

В то же время в истории царят произвол, хаос, ложь, клевета, бред, измышления даже по поводу очевидностей; такого хаоса нет ни в одной науке. Оспариваются, отвергаются факты, события, хронология, хотя признается определяющее влияние истории на людей и события.

История есть особая реальность, которая несет в себе опасность: сильное, внушающее, влекущее, но не толкующее, и не истолковываемое слово. И хотя в истории все события творятся людьми, но они не ведают, что творят; плоды деяний людей служат не столько людям, сколько скрытым силам мира. История очень темное дело, ибо не видны и неведомы ее соавторы.

Более того, история выступает как некое гигантское чудовище, состоящее из клубка переплетенных змей — ядовитых, безобидных, разнообразно украшенных, но все они пожирают человечество, которое вопреки всему готовит себя к этому вселенскому Гастрономииалу. Чудовищу присущи живодерский характер, хитрый разум, оно очень и очень любит театр, жестокий юмор, драму, комедию, трагедию, но больше всего почитает жестокую *«иронию истории»* и *«хитрость разума»*.

Выражение «ирония истории» проистекает из мифологемы судьбы. История наделяет человека множеством умений, способностью к целеполаганию; но та же история не позволяет человеку достигать своих целей, зачастую выворачивая их наизнанку, превращая деятельность людей в сумму катастроф, войн, в истребления народов и царств. И даже желание познать историю, само познание, всевидящая и мстительная ее ирония превращает в орудие невольной лжи, путаницы и диких вымыслов. Так что не столько историки сознательно искажают события, сколько сама история искажает разум аналитиков, превращая их в бессознательные орудия лжи.

Театрофилия³ «иронии истории», играет важную роль в философии Гегеля и марксизма. Энгельс писал: «Ведь в том-то и заключается дей-

есть поиск каждой тварью, человеком и самим духом своего утерянного подлинного первоимени (*I* — дух, *C* — слово, *T* — твердь (торить, пахать), *O* — бытие, *P* — речь (рцы), *Я* — истинное имя).

³ *«Трагической была история... и гибель старого порядка», а теперь его реставрация «разыгрывает свою комедию... Последний фазис всемирно-исторической формы есть ее комедия»* [2, т. 1, 418]. Все «великие-всемирно-исторические события и личности появляются дважды: первый раз в виде трагедии, второй раз в виде фарса. [2, т. 8, 119]. «История Франции вступила в стадию совершеннейшего комизма. Хоть целый год промучайся, не выдумаешь комедии лучше этой» [2, т. 27, 339]. «История в общем меткая эпиграмма, настоящее художественное драматическое произведение» [2, т. 28, 24]. «Мировая история становится все более иронической» [2, т. 31, 198]. «Мировая история — величайшая поэсса» [2, т. 33, 43]. «Великолепная ирония миро-

ствующая в нашу пользу ирония истории, что различные элементы этой феодальной и буржуазной массы к нашей выгоде борются между собой, грызутся и пожирают друг друга» [2, т. 36, 32—33]. Борющиеся, сотрудничающие в достижении своих целей люди создают в истории некую третью силу, которая затем извращает эти цели, присваивает себе плоды людских деяний; люди работают частично для себя, а в целом служат средствами неизвестного им проекта — «мировая история». «Ирония истории» — режиссер и средство этой третьей силы, действующей и до наших дней. Так, в родовом обществе, где все связи просты, была и скрытая группа, которая незаметно преобразила его в рабский строй, в котором эта скрытая группа стала христианской общиной, которая преобразовала рабскую империю в феодализм, внутри которого созрело «третье сословие», которое перевело феодализм в капитализм. Затем тайный союз коммунистов превратил капитализм в социализм, внутри которого возникла каста «перестройщиков», которая превратила социализм в криминальный либерализм. Вряд ли «ирония истории» завершила свою работу, ибо она выражает суть истории. США заняты глобализацией, но создают они абсолютный технократический контроль над человеком. Но и в этой системе заявит о себе «ирония истории», которая играет богатыми и бедными, знающими и незнающими.

Маркс находил корень иронии истории в невежестве людей, не знающих своих целей⁴, и полагал, что именно его-то, с его энциклопедическими знаниями, эта ирония минует. Увы, реализация идеи социализма создала общество, неспособное к развитию; были и успехи великие, но они не смогли спасти ее смысл. А самого Маркса в духе «иронии истории» отбросили и предали марксисты. И сегодня «ирония истории» не имеет выходов, создавая руками глобализаторов финансово-экологические могилы для народов мира. Все люди — жертвы иронии истории, ибо они защищают частное, а история есть духовное дело человечества. Совокупная жизнь людей порождает горький плод; они не могут отказаться от него, ибо он взращен ими и неотделим от них, но, отведав его, они вырождаются и гибнут. Гегель поэтому считал мировую историю Страшным Судом, в котором люди выступают преступниками, судьями, адвокатами и палачами, придумывая для себя муки, превосходящие черную фантазию дьявола.

вой истории. Что значат крохи нашего остроумия по сравнению с потрясающим юмором, который прокладывает себе путь в историческом развитии: каждая из партий апеллирует к народу, чтобы взять власть, разрушить ее и затем быть приконченной тем же народом [2, т. 38, 338].

⁴ «Невежество — это демоническая сила, и мы опасаемся, что оно послужит причиной еще многих трагедий» [2, т. 1, 112].

Важную роль в истории играет и «хитрость разума». Не только человек использует разум в своих целях, но и сам разум использует страсти, желания человека во всеобщих проектах истории. Так, крестьянин, желая справедливо отомстить, поджигает дом своего обидчика. Поднялся ветер и сжег всю деревню. Мститель не подозревал, что в его действиях содержатся не только месть, но и преступление, и кара за него, обратный удар права. Идею права разум утверждает жизнями несведущих индивидов. Люди знают свои цели, но в их действиях содержится нечто иное, не сознаваемое ими и не входящее в их намерения — сама история, которая уже не зависит от их воли, а определяет ее. И в той мере, в какой человек осознает делаемое, в той мере он является субъектом истории, а в той мере, в какой он не сознает своих деяний, он становится объектом и средством истории как целостности.

Поэтому история требует идей и методов, которые работают в истории и вне истории — в сфере провиденциальной метафизики. Такая метафизика содержится в философии хозяйства, созданной С.Н. Булгаковым и превращенной в энциклопедию русской мысли Ю.М. Осиповым. В своем классическом труде С.Н. Булгаков трактовал историю в контексте философии хозяйства. Он обнаружил, что к анализу истории и хозяйства применим общий метод, который выделяет в качестве единиц анализа троичные структуры, части которых неотделимы друг от друга, но и не сливаются в тождество: они работают по закону взаимопользительной дополняемости. Поэтому С.Н. Булгаков рассматривал историю и хозяйство в троичной перспективе — *научно-эмпирической, трансцендентально-критической и метафизической*; причем автор указывает, что это не его личная прихоть, а такой подход требуют изучаемые предметы [3, 50].

В *научно-эмпирическом* плане история выступает как фактологический опыт индивидуальных и коллективных субъектов. Однако *факты* — лишь малая часть истории, науки, да к тому же еще и весьма неопределенная, хотя вроде и самоочевидная. «Как трудно видеть то, что ясно вижу!» (Шекспир). Преклонение эмпириков перед фактами само не имеет фактических оснований. Позитивист Ш. Ренувье писал слово «факт» с большой буквы и призывал воздвигнуть Храм Факта. Но уже этимология слова «факт» (лат. *Factum* — сделанное) показывает, что факты — не первичные элементы истории и науки. Если факт есть нечто сделанное, то сразу же встают вопросы о «факторе» (лат. *Factor* — делающий, производящий), о демиурге фактов: кто, как, зачем, для чего и для кого, с какой целью и за какую цену делает, конструирует факты.

В тесте «Пятно Роршаха» дается чернильное пятно, и все зрящие видят в нем различные «факты», хотя пятно-то одно! И так обстоят дела с любыми фактами, которые представляют собой сумму субъективных пространств различных идеологических интересов. Чистые факты

говорят лишь о самих себе, не указывая на внефактологическую реальность. Сами факты не обладают фактичностью⁵. Позитивизм, проповедуя культ фактов, сам оказался сомнительной идеологической конструкцией.

Дело не в фактах, которые нужно делать тоже по правилам, а в смысловых интерпретациях реальности; и эти интерпретации, зафиксированные в текстах, памятниках, обычаях, ритуалах, правилах, социокультурных нормах, в средствах жизни и войн, становятся фактами⁶, пока их не проинтерпретируют снова, ибо нет последней интерпретации.

Исторические факты творятся в таком виде, что, прежде чем определять науку, они уже определены человеком именно для данного исследования. Факты служат «комплектующими» изделиями науки; без них невозможна «сборка» теории, но сами по себе они теорию не создают и служат любым теориям. Возьмем октябрь 1917 г. Для одних ученых эта дата будет фактом революции, для других — переворота, для третьих — заговора, для четвертых — стихийного бунта, для пятых — восстания и др.

Посредством фактов реальность моделируется, заменяется знанием, которое должно стать теорией, идеологией. А бытие само по себе дано не в фактах, а между фактами, над ними, за ними, в молчании, под ними в сверхфактических смыслах разума, сознания и хозяйства. Поэтому история и *делается* людьми; она и *движется* сама по себе независимо от них; история и *случается* посредством выбросов пассионарной энергии, таящейся в глубинах человека; история и преобразуется в неведомую постисторию; история осуществляет и свой эсхатологический проект.

Философия хозяйства не знает чистых фактов, а видит в них клубки опредмеченных смыслов, которые распредмечиваются в хозяйствующем сознании человека. Поэтому только хозяйственные акты, деяния людей, могут быть основой истории и науки, ибо в них содержится диалектика идеально-смысловых и словесно-вещественных элементов фактов. В хозяйстве человек творит живое бытие, которое служит материей и смыслом фактов. И история — не последняя инстанция бы-

⁵ В словарях воровского жаргона «факт — это половой акт» (<http://www.onlinedics.ru/slovar/jar/f/fakt.html>); интересно, согласны ли с этим мнением позитивисты?!

⁶ Гегель полагал, что единственный смысл Пелопонесской войны, сгубившей Элладу, состоял лишь в создании Фукидидом истории этой войны. «Фукидид написал историю большей части этой войны, и это бессмертное произведение есть абсолютное приобретение, доставшееся человечеству в результате борьбы». И все! гибель уникальной культуры стала лишь средством исторического текста [1, т. 8, 250].

тия, а коридор в миры иные. Философия хозяйства есть сумма идущих в бесконечность актов хозяйствования, в которых физика и метафизика, идея и материя, смысл и слово, созерцание и деяние, дикость ничто и культура умений, созидание из ничто и преображение, рост и уничтожение, исчезновение и появление ведут постоянные диалоги и становятся в миру гражданами науки — фактами. Хозяйство производит не только средства жизнеобеспечения, но и факты, которые суть посланники ума и сознания; и нужно уметь читать их смысловые депеши для понимания изучаемых реалий.

В *трансцендентально-критической* части истории (как и хозяйства) речь идет об априорных методах и формах познания, которые вытекают не из опыта, не из фактов, а из глубин разума, делая возможными факты, сам опыт. Повелителем методов и форм познания является *трансцендентальный субъект*, в качестве которого выступает все человечество.

И опять-таки философия хозяйства поставляет истории первые и самые совершенные методы и формы познания. Дело в том, что все первичные хозяйственные (земледелие, скотоводство, строительство, ремесла, календарь), научные (числа, весы, огонь, оружие), социальные (дом, семья, община), художественные умения были открыты мифами. Сама философия хозяйства есть сумма продуктивных мифов, посредством которых работают жизнь, сознание, разум. И саму историю впервые выделил и реалистически исследовал миф в своем учении о золотом, серебряном, бронзовом и железном веках⁷. Поэтому смысловые завязи истории, мотивы, значения ее событий открываются посредством мифологом, теологом, софиологом, философом, посредством размышлений над ее фактами. Чисто научные методы подчинены рационализму истории. Нечеловеческие и человеческие силы, активированные человеком, формируют хозяйственные факты, а мифология и философия дают им смысловые выражения. Но не узнают люди своего мифотворчества даже в науке, хотя мифы богаче смыслами, чем научные термины. Не узнают и мифической сути своего разума, хотя благоговееют перед воображением и фантазией — силами мифи-

⁷ Дж. Вико учил: «И первая наука, которой нужно научиться — это мифология, т. е. истолкование мифов, ибо начала... всякой истории мифичны и что мифы были первыми историями языческих наций. Именно таким методом нужно отыскивать начала как наций, так и наук, порожденных этими нациями» [4, 44]. История постигается не столько научными, сколько художественными, мифологическими и конспирологическими методами. А.Ф. Лосев полагал, что не человек творит миф, а миф творит человека, историю и все ее события; поэтому мифом начинается история и мифом же завершается. Человечество живет внутри мегакосмического мифа, который пока спасает их от гибели вследствие своей разумности [5].

ческими. История есть провиденциальный мифопроjekt движения человека в иные миры, хотя тень вселенского крематория не исчезает даже в полдень.

Философия хозяйства составляет жизненно-смысловую и нормативно-проективную матрицу, которая входит во все исторические события и бифуркации. Сама историософия есть часть философии хозяйства, вокруг которого вращаются все события, тайны, безумства истории. Философия хозяйства приоткрывает их в зависимости от качества людей эпохи.

В *метафизической части истории* (как и хозяйства) речь идет об осуществлении в истории надисторического софийного плана Провидения. Хозяйство и его философия обеспечивают средствами людей, чтобы они могли воспроизводить разум и сознание не только для познания и пользы, но прежде всего для спасения от хищников времени. Философия хозяйства посредством смыслов Софии Премудрости становится частью православного учения о спасении, которое есть высшая форма хозяйствования.

И через философию хозяйства вся история выступает как орган этого всемирного Проекта Софии Премудрой, строящей Дом Спасения для разумных, чистых и благих. Процветает хозяйство — история нагуливает жирок; хиреет хозяйство — история входит в кризис и спешит на «праздник» апокалипсиса. Хозяйство превращает историю в понятные действия людей, строящих с помощью Софии Премудрой провиденциальный мост для перехода от гуляющей кровавой свободы в благой мир несвободы мудрой.

Своими корнями история уходит в метафизическое плодящее лоно софийной мудрости человека и мира. Можно сказать, что «история — это знамение судьбы». Люди изобретательно сотворили мегаорганизм истории, ставшей в итоге их властелином. История укрывается в судьбе, а судьба стала органом истории, ее смысловым кодом, неведомым курсом ее маршрута, ракетой, которую запустили все ядерные державы, предоставив ее «электронной совести» сделать судьбоносный выбор жертвы.

Действительно, даже описать феномен судьбы очень трудно: она не чисто объективна, ибо без людей сама по себе не действует; но она и не субъективна, ибо сама реализует свои планы через людей; она не материальна, ибо не имеет вещественной тучности; но она не идеальна, ибо она не образ, не копия, не модель неизвестного оригинала, а сам этот неведомый оригинал. Судьба не вечна, ибо есть и на нее своя судьба в Провидении; но она и не зависит от времени, ибо может нарушать его законы. Она — аноним, без имени, без роду, без статуса и должности, но может обретать эти титулы или же обходиться без них. Люди и вещи ей не нужны, да и людям она по большому счету тоже в тягость. И все же ее неотвратимо тянет к человеку. Судьба —

это не божественное начало, ибо бывает и атеисткой; это и не человеческое начало, ибо в ней нет расчета; она — не сатанинское начало, ибо бывает благотворной, но и не ангельское начало, ибо проявляет злорадство. Судьба похожа на случай, ибо не имеет прямых причин; но ладит она и с причинностью, ибо не бессвязна. Все границы для нее проницаемы; она произвольно распоряжается нашим бытием; она сжимает время и раздвигает пространства. Судьбу тешит невозможное, а возможное она презирует. Судьба вторгается в неделимое, разделяя его, но она же и связывает несоединимое. Судьба действует лишь противоречиями, а потому не выражается в понятиях и в смыслах. Она не коварна, ибо ей доступен «алгеброс» справедливости; она бывает рациональной, но часто поступает с рационалистами иррационально (Маркс и Кейнс разорились на биржевых операциях!). Тщетно укрываться от нее, искать избавления, хотя она иногда дарит спасение по своему тайному кодексу достоинств. Судьба работает как в телесном, так и в бестелесном, не забывая и животных. Но в целом она все же состоит в странно-престранной связи с человеком, то совпадая с моралью, то цинично попирая ее. Судьба не расчетлива, не своекорыстна, но ее влечет к финансам; она не мстительна, хотя содержит в своем штате демонов возмездия. Судьба не слепая, но видит она то, чего не видят люди; но она и не зрячая, ибо не видит чудовищного зла. Судьба не благосклонна ни к бедным, ни к богатым, но слегка симпатизирует бескорыстным (на «Титанике» спаслись не бедные и не богатые, а удачливые!); в ее действиях нет определенного метода, но в ней работает неведомый человеку глубинный первоинструмент его сознания и разума.

Все вышеприведенные характеристики судьбы в полной мере относятся и к истории, ставшей глобальной, даже — метаглобальным организмом судьбы. Кажется, что история родилась в судьбе, став ее любимой дочерью, которой она передала свои тайные искусства! Ясно, что без метафизики изучать такой многоплановый и своенравный объект, как история, невозможно. Долгое время богатство, руководствуясь интуицией, индукцией, здравым смыслом, используя опыт войн и спекуляций, сохраняло себя. Но всему приходит конец с петлей-продолжением. И вот сегодня перед философией истории стоит сложная и, кажется, непосильная задача — построить работающую модель судьбы, осознать присущий мировой истории метод, который по точности приближался бы к тайному методу судьбы. Есть, есть странные соответствия между общим сценарием истории и мелкими бифуркациями человека, чему он не придает значения. Судьба-предопределение истории творит пути и определяет деяния людей.

Таким образом, философия хозяйства является ядром историографии, историософии. История творится, конструируется, выдумывается человеком в соавторстве с философией хозяйства. Истории при-

суща и объективность, но она тоже творится человеком, служит материалом и средством его демиургии, которая зависит от понимания человеком самого себя. А человек — это темный центр, в который не могут проникнуть ни воспитание, ни образование, ни насилие, ни история, а только любовь. История есть борьба искусственной зверинности и мудрой несвободы любви. А в глубинах истории бытие сражается с ничто, поэтому история непредсказуема, и мудрый апокалипсис обозначил ее перспективу таинственными символами.

История России написана иностранцами под их стремление поработить Россию. А сегодня мы должны сами выдумать, сотворить историю по-русскому проекту в борьбе с антирусским проектом. Запад потерял способность исторiotворчества; провозгласив фукуямовский «конец истории», ему не остается ничего иного, как разрушать слабые народы, ибо историческим народам, творящим историю, ему сказать нечего.

В России сегодня есть все условия для создания истинной историографии, ибо «заморские проекты» истории обанкротились, а единственным предметом историографии всегда была и остается именно Россия — самая загадочная и непонятная страна — постоянный вызов истории, мысли и Западу. Сегодня мера понимания России служит мерой понимания истории вообще. Историография зависит и от того представления, которое человек создает о себе и которое затем воплощается в истории. Именно философия хозяйства, давая человеку высокое понимание самого себя как *хозяина* («человек шагает как хозяин, а не как историк или экономист») своей жизни, вступающей в сражение с неизвестностью; именно это новое самосознание человека требует новой истории.

И в этом плане каждая эпоха создает, выдумывает, переделывает свою историю, чтобы посредством нее сохранять царства и спасать людей из челюстей времени. Страна, которая не может выдумывать свою историю, превращать ее в приемлемую для людей идеологию, обречена на распад. История в философии хозяйства имеет свою периодизацию — и перестает быть безумной, кровавой бойней, хаосом событий, а предстает как жертвоприношение людей за грехи свои искупаемые ради неотвратимого движения в свой родной океан Чистоты вечного бытия.

Можно выделить четыре мировых эпохи, через которые история движется к своему продолжению в ином качестве: сакральную, человеческую, апокалипсическую и экологическую эпохи.

1. *Сакральная эпоха (Премодерн)*⁸. В эту эпоху человек выступает как микромодель мира, призванная своими умениями подтвердить и

⁸ Данте обозначил эту эпоху таинственной формулой — божественная комедия! Почему комедия? Ведь в комедии нет аналогов ада, чистилища, рая?!

умножать Чистоту бытия. Суть этой эпохи составляет хозяйство, все элементы которого определяются священным календарем. Субъектом здесь является хозяин- правитель (в Китае первую борозду на пашне проводил император; известна традиция многих народов, которые первый колос, первые плоды, первых домашних животных приносили в жертву божествам). В сакральную эпоху философия хозяйства работает внутри мифологической и религиозной традиции, и ее задача состоит в том, чтобы сохранять, воспроизводить смысловую и трудовую идеологию, защищающую жизнь от хаоса, ничто.

Институтами сакральной истории служат храмы, монастыри, академии, университеты, биозаповедники («священные места»).

2. *Человеческая эпоха (модерн)*⁹. В эту эпоху человек выступает центром мира, который служит средством и материалом его самоутверждения. Просыпается хаос, расширяют свои владения ничто и бездна, готовятся к старту черные дыры. Хозяйство вытесняется на периферию жизни, заменяясь экономикой-хрематистикой «золотого тельца». Субъектом является человек, ищущий замену божественному мирустрою. Но у него появляется опасный конкурент — дьявол, который пытается посредством научно-технического прогресса найти замену человеку и самостоятельно выйти из заточения в бездне. Институтами человеческой истории становятся рынок, корпорации, банки и биржи.

Основная функция философии хозяйства в этот период сакральная — сохранять и воспроизводить софийные смыслы, умения, способности человека накануне его полного порабощения технологиями и властью; философия хозяйства строит мосты между идеальными и материальными факторами бытия, скрывая в себе экзистенциальные оригиналы жизни.

3. *Апокалипсическая эпоха (постмодерн)*. Наивно думать, что Суд апокалипсиса нас ждет в грядущем¹⁰. Нет, он берет начало с капитала, который, набрав огромные обороты, не способен остановиться в получении прибыли и в... разрушении биосферы: капитал неуправляем, а остановить его может лишь катастрофа. Первая мировая война поставила апокалипсис на прочные рельсы милитаризма, который стал сегодня его мотором. Человечество уже завершает прохождение первой фазы биосферного кризиса, в котором противоречия между человеком и миром, внутри человека нарастают быстрее, чем люди способны их осознать и решать. Описанные великим тайновидцем, ап. Иоанном, ужасы, кошмары, беды и страдания людей вершатся се-

⁹ О. де Бальзак обозначил эту эпоху опять-таки таинственной формулой — «человеческая комедия»!

¹⁰ «Суд же состоит в том, что свет пришел в мир; но люди более возлюбили тьму, нежели свет» (Иоан. 3:19).

годня на глазах у всех, но нерелигиозные люди привыкают ко всему; даже львы привыкают жить в клетках. В эту эпоху хозяйство уходит в резервации жизни, а правит бал финансомика и техномика (термины Ю.М. Осипова), виртуальный мир¹¹. Субъектом этой эпохи становятся криминал и кризис, провиденциальное и биосферное правосудие. Институтами апокалипсической эпохи являются «три зверя» — СМИ, МВФ и ООН.

В этот период философии хозяйства уходит в эзотерику ради сохранения тайны жизнеспасения, которое состоит именно в хозяйственном продолжении бытия, а также в создании свободных и независимых от мира сего институтов — типа Академии философии хозяйства, творящих предпосылки, идеи для ноосферы нового мира.

4. *Экологическая эпоха.* Ошибочно сводить экологию только к социобиологической дисциплине, изучающей взаимодействие надорганизменных систем — популяций, видов, биоценозов, человеческих сообществ. Экология изучает как самостоятельный предмет феномен Чистоты, ее формы и творческие инициативы, ее сопротивление грязи. Поскольку вся человеческая история есть накопление грязи и пороков, то идея Чистоты как естественной нормы бытия сохранилась лишь в религиозных, мифологических творениях, выражая гегемонию духа над материей, преобразование материи в ее же чистые (=идеальные) формы. Чистота является атрибутом вечного, идеального мира¹². Остатки этой идеальности мира и вещей не давали покоя Канту, который вздумал провести критику чистого разума. Да за что же критиковать чистый разум? И с каких позиций? Только с позиций грязного разума, т. е. безумия, ибо самокритика чистого разума просто невозможна, как не может единица критиковать свою единичность. И жизнь можно рассматривать как непрерывную войну с грязью.

Вообще, все народы с момента пробуждения их самосознания считали себя почему-то нечистыми и жизнь свою посвящали очищению, обретению Чистоты. Пифагор полагал, что мудрость призвана очищать желания и влечения (посредством образования и учебы), ум (посредством математики), тело (посредством спорта), души (посредством религии и искусства), общество (посредством школы), власть (посредством справедливости и философии), нравы (посредством мужества, долга и совести), а жизнь в целом — через ее посвящения в божественные мистерии.

¹¹ Финансомика и техномика иницируют технологии, несущие смерть. Они ее не столько творят, сколько высвобождают таящуюся везде и связанную смерть. Поэтому современные технологии непрерывно, как и подобает смерти, уничтожают природу; и остановиться они не смогут без своего техно-Христа.

¹² В этом понимании Чистоту (с заглавной буквы) можно трактовать как Бога.

Из всех новейших наук ближе всего к тому, что может заменить собой агрессивный финансизм и техномизм, безумное потребительство, производящих грязь, можно назвать лишь экологию, ибо только в ней Чистота является высшей ценностью. Экология должна стать идеологией, соединяющей в себе образование, науку и практическое хозяйствование, направляя их по путям обретения Чистоты как условия подлинной жизни, в которой Чистота не оставляет никаких шансов смерти и лукавому.

Экологическая эпоха начинает воссоздание Чистоты как особого мира человека, природы, культуры, жизни. В этом мире будут царить безотходные технологии, смысловая экономика и творческое хозяйствование, преобразующее хаос и грязь пороков в чистое бытие. Но экология есть одна из важнейших наук, которая служит орудием очищения человека и мира от последствий греха и, прежде всего, от своеволия и произвола. Свобода — не высшая ценность и не самоценность, а средство понимания; только мудрые свободны, но им-то свобода уже и не нужна.

И субъектом экологической эпохи становится Учитель с большой буквы, ибо ее основная забота — образование, обучение тому, как обрести и сохранять Чистоту, ибо грязным нет спасения. Главным институтом, перводвигателем Чистоты становится Школа. Но это не нынешняя псевдошкола. Нужно радикально переоценить смысл и назначение школы, которая в сути своей является не частным институтом общества, а зародышем грядущего социума Чистоты. Не школа — часть общества, а общество должно стать единой универсальной школой, в которой люди не просто будут набираться полезных знаний, а будут постоянно изучать науку спасения, науку обретения Чистоты, царящей в мирах вечности. А производство, экономика будут подчинены этой постапокалиптической задаче. И сие царство Чистоты — от мира сего и от мира иного.

Подлинная история возможна лишь в сфере хозяйства; и состояться может она лишь при участии не только в делах мира сего, но и в делах смыслового мира, мира софийной благодати и разумения. Философия хозяйства обеспечивает жизнь средствами бытия, сознание, разум, язык и душу — смысловым материалом, науку (историю) — фактами, образование — знаниями, посредством которых человек отучается от грязи и обучается Чистоте Спасения. История может быть только историей созидания Дома Спасения. Утопия? Но ведь человек только и жив утопиями, которые только и осуществляются, а у реальности лишь одна перспектива — разрушение. О такой школе мечтал Н.В. Гоголь, видя в святых первых ее выпускников. И не случайно сегодня Россия стала ареной битв учебников истории! Сама Россия должна сегодня выдумать себя и показать себя в облике своей — своей, а не заморской — истории! История — это развертывание домостроительной мысли

самой России во времени. Все дела и события приходят и уходят, а созидание Дома Спасения для народов в России остается неизменным.

Литература

1. Гегель Г.В.Ф. Соч.: В 14 т. Т. 8.
2. Маркс К., Энгельс Ф. Соч.
3. Булгаков С.Н. Соч.: В 2 т. Т. 1. М., 1993.
4. Вико Дж. Основания новой науки об общей природе наций. Л., 1940.
5. Лосев А.Ф. Диалектика мифа. М., 1990.

Е.В. ПАСТУКЬЯН

Изменение доминирующего фактора производства как причина развития феномена культуры

Аннотация. Субординация факторов производства является одним из основополагающих моментов при рассмотрении причин динамики культуры. Культура — производное от прибавочного продукта. Она развивается соответственно тому, какой прибавочный продукт был присвоен владельцем средств производства.

Ключевые слова: культура, субординация факторов производства, трансцендентность, Карфаген, Римская империя, Средневековье, постмодернизм.

Abstract. When we consider reasons of cultural changes it is very important to take into account the subordination of production factors. Culture is a derivation from surplus product. Culture development depends on the kind of the appropriated surplus product.

Keywords: culture, subordination of production factors, transcendence, Carthage, the Roman Empire, the Middle Ages, post-modernism.

Человечество прошло долгий путь исторического развития — от первобытного человека до жителя современного мегаполиса. Исчезали одни народы, государства и правители, им на смену приходили другие. Сменялись целые эпохи, говоря о которых сегодня, мы зачастую имеем в виду их культуру.

Понятие культуры и его содержание

Ввиду ее онтологии культуру следует рассматривать в контексте философии хозяйства, поскольку она есть «трудом или хозяйственно вызываемый и реализуемый рост жизни, имеющий в своей основе

природу» [1, 67]. Культура создается человеком в процессе приспособления им окружающего мира к своим нуждам. Эта искусственная среда есть единое целое, состоящее из инструментов производства и предметов потребления, правил взаимодействия между людьми, идей и ремесел, верований и обычаев [2, 41—42], т. е. всего, что изменяет человек в процессе завоевания у природы жизненного пространства.

Хозяйственная культура необычайно разнообразна: к ней относятся слово, язык, знания, предметы быта, дома, орудия труда, процесс труда и его организация, продукты труда, блага, обычаи, законы, информация, манеры поведения, образ жизни и др. [3, 751]. Говоря о культуре, мы вправе упомянуть весь массив материальных ценностей, созданных человеком, знания и ценности общества, уровень жизни и мировоззрения.

Причины динамики культуры — вопрос в современной науке дискуссионный. Культура и хозяйство находятся в непрерывном взаимодействии. Результатом хозяйственной деятельности человека становится определенный уровень культуры, но и культура служит основой и предпосылкой для дальнейшего развития хозяйства. Нельзя игнорировать и национальные культурные различия, во многом связанные с кормящим ландшафтом, но доминирующий фактор производства в ходе истории стал одной из основных определяющих вектора культурного развития общества.

Материально-производственный аспект культуры связан с формационными переходами, обусловленными социально-экономическими изменениями в обществе как результатом закономерных перемещений доминантных свойств между факторами производства — трансцендентными и нетрансцендентными [4]. Субординация факторов производства оказывает влияние на все аспекты культуры. Мы рассматриваем влияние факторов производства на культуру с позиции их характера (трансцендентный/нетрансцендентный) и непосредственного содержания (предпринимательство, труд, земля, капитал).

Обоснование влияния доминирующего фактора производства на культуру

Трансцендентность зачастую ассоциируется с понятием непостижимого или частично постижимого, несмотря на то, что человек хозяйствующий неизменно имеет дело с трансценденцией [5, 254]. Человек внеприроден, он есть реализующаяся в действительности трансценденция. Он и деяния его метафизичны, непознаваемы до конца [6, 411], это не просто действия, а творческая интерпретация потенциально существующих вариантов изменения природы в соответствии со своими потребностями. По сути своей жизнь и хозяйственная деятельность человека есть творчество. Человеческое творчество — в знании, в хозяйстве, в культуре — софийно [1, 150]. Именно через творчество,

отражающееся в культуре, проявляется наше восприятие действительности, которое и формирует эту действительность [7, 11].

Трансцендентным является поиск абсолютной истины как основная цель и задача процесса познания. Трансцендентны попытки постижения Божественной Софии, в недрах которой зиждутся понятия абсолютной истины мироздания и абсолютных ценностей [8, 36]. Хозяйство и культура — понятия не исключительно трансцендентные, но они имеют вне-человеческий характер. Давая определение хозяйству, С.Н. Булгаков говорит о том, что оно есть завоевание человеком жизненного пространства у природных сил, превращение космического механизма в организм, а природа — материал для хозяйственного воздействия [1, 60—67]. Но в то же время универсум есть построенное в Боге совершеннейшее произведение искусства [9, 17], т. е. также нечто созданное, искусственное. А человек есть в этой системе организм. Универсум, хозяйство и организующий его разум, имеющий «чутье в искании» [1, 148], развиваются взаимообусловленно.

В период доминирования трансцендентных факторов производства культура становится пронизанной идеей поиска истины, при этом истина эта не в человеке как существе разумном, а вне его — в Боге, вере — и опосредованно — в душевных метаниях человека. Развивается общество, где коллектив довлеет над личностью и очень сильна вера в иррациональное.

В период доминирования факторов труда и капитала культура имеет антропоцентрический характер, в основе ее — человек и его цели, уверенность в своем всемогуществе, желание жить удобно и весело. Развивается философия как попытка заменить магическую веру верой в рациональное, а мыслители избегают метафизических теорий. Автономия личности и инициативность выходят на первый план. И поскольку успешность личности в социуме зачастую определяется уровнем ее благосостояния и власти, в индивидуалистических обществах культура более материально-ориентирована, что и сказывается на особенностях развития хозяйства.

Развитие культуры определяется и происходит во многом в рамках общественного сектора экономики. Обязательным условием для такого развития является наличие прибавочного продукта, условия для присвоения которого создаются доминированием того или иного фактора производства. Прибавочный продукт — основное условие развития цивилизации [10, 41]. Культура — производное от прибавочного продукта. Она развивается соответственно тому, какой прибавочный продукт был присвоен владельцем средств производства, и ее развитие обосновано в том числе и необходимостью поддержания или увеличения объемов присвоения данного прибавочного продукта.

О культуре финикийцев (фактор посреднического предпринимательства)

Этнос финикийцев развивался и возвышался в условиях доминирования фактора производства «предпринимательство». Финикийская империя дала миру блок общественно-экономических научных дисциплин — бухгалтерский учет и аудит, государственные займы, финансы и кредит. Особенность торговой деятельности финикийцев, а именно, необходимость длительных перемещений по морю и ориентирования в пути, заложили базис для развития основ мореплавания и навигации.

Карфагеняне не ввязывались в военные конфликты — там, где можно было, они платили дань, чтобы иметь возможность и дальше заниматься торговлей [11, 196]. Необходимость заверять достигнутые с партнерами соглашения привели к тому, что процветало изготовление различных печатей [12, 130]. Для ведения торговых операций была необходима также удобная символическая система фиксации информации — финикийцы изобрели алфавит.

Трансцендентность доминирующего фактора производства отразилась в том, что финикийцы поклонялись обширному пантеону богов, и, что интересно, боги были как исконно финикийские, так и «заимствованные» у этносов, с которыми финикийцы вели торговлю. Финикийцы верили и в талисманы, гадания и магию, с помощью которой часто пробовали решать свои проблемы [13, 286—287].

Римская империя (фактор труда)

Римская империя возвысилась в период доминирования фактора труда. Тот факт, что ей были подконтрольны огромные территории, облагаемые налогами, являясь определяющим для возникновения на государственном уровне необходимости привития своей политики и своей философии.

Так, история становится самостоятельной наукой — и победитель пишет историю — свою и поверженного Карфагена [14, 24]. Как ответ на объективную необходимость прописать имущественные и правовые разграничения между членами общества зарождается юриспруденция. Верховенство закона гарантировало в какой-то мере внутреннюю стабильность и безопасность Римской империи.

Возникновение цикла гуманитарных дисциплин обусловлено необходимостью постоянных выступлений перед толпой для тех, кто стремился к власти. Философия и риторика выполняли свою государственную роль и в том, что касается воспитания римского духа и формирования мировоззрения римлян, которые были всецело преданы Империи [14, 35—40].

Софисты руководствовались логикой вещей. Тезис Протагора о субъективности познания — «человек есть мера всех вещей» — был чреват отрицанием как объективных истин, так и обязательных для

всех моральных норм. Авторитет традиционной религии ставился под сомнение, полезные для людей силы природы были объявлены богами. Развитие подобных представлений в обществе объясняется нетрансцендентным характером доминирующего фактора производства. Это время господства человеческого разума, когда люди необычайно активны в своем стремлении раскрыть тайны Вселенной и управлять вселенскими процессами. Так, Демокрит выступает со своей первой последовательно материалистической теорией атомов. Анаксагор создает учение, в основу которого положены не представления о божественных силах, а представления о разуме. Гиппократ закладывает основы научной медицины [15, 6].

Красота в Римской империи уже воспринимается не просто как ценность в себе, она должна служить государственным целям. Развивается искусство реалистичного портрета и скульптуры, большей частью прославляющие военачальников и героев сражений в рамках системы государственного стимулирования боевого духа воинов [14, 35—40]. Она включает в себя как наказания, так и поощрения, в частности, обещания, что герои не будут забыты и память о них дойдет до потомков.

В это время в Греции развиваются драматическая поэзия и театр, приобретающий значение трибуны для распространения новых мыслей, освещения актуальных проблем, волновавших умы современников, ведь театральное искусство воздействует одновременно на все чувства человека [15, 47], т. е. является самым на тот момент эффективным средством государственной пропаганды и воспитания.

С течением времени все явственнее проявлялась в театральном искусстве антропологичность доминирующего фактора производства. Так, если в трагедиях Феспида и Эсхила очевидны признаки религиозно-мифологического мировоззрения авторов, рассказывающих о богах и боготорцах, то Софокл немногим позже полностью основывает свои трагедии на проблеме места человека в этом мире, а Еврипид изображает не просто сильного человека, цельного и неизменного, но как постоянно развивающуюся личность, раздираемую противоречивыми внутренними страстями [16, 13—15]. Искусство переходит в разряд ремесла или производственно-технической деятельности, а театр лишается своего божественного ореола периода возникновения из обрядовых игр, посвященных богам-покровителям.

Греки многое заимствовали у тех же финикийцев, но на своей родине эти заимствования были уделом лишь ограниченного круга людей. Греческая же культура стала достоянием значительно более широких социальных слоев [15, 4—5].

Средние века (фактор земли)

Трансцендентный характер доминировавшего в Средние века в Европе фактора земли объясняет преобладание церковного над светским и тяготение всей культуры этого периода — искусства, литературы, науки — к универсальности, всеохватности и энциклопедичности [7, 12]. Отрицаются верховенство человеческого разума и необходимость осознания и анализа действительности. Лейтмотивом становится величие божественного. Это выразилось в общей монументальности искусства, в его художественно-стилевом единстве — господстве линий, вертикализме композиций, тщательной проработке отдельных деталей в логике целого. Соборы устремлены ввысь, интерьеры обширны, каменная резьба, изображающая библейские сцены, повсюду.

Власть феодалов объявляется божественной, данной свыше, что способствует ее укреплению. Но, даже будучи теологически обоснованной, она сопряжена с опасностями, стараясь минимизировать которые, феодалы возводят укрепленные замки с башнями, высокими стенами и рвами с водой.

Кроме того, разрастающемуся классу праздных землевладельцев требовались развлечения, не являющиеся предосудительными с точки зрения церковной морали. Танец — выражение эмоциональных переживаний различными движениями тела — зародился еще на заре человечества. Пляска, развиваясь и видоизменяясь, послужила основой для создания особого вида театрального искусства — балета [17, 5], который со временем приобретал большую практическую направленность. Так, в России при Екатерине II были поставлены панегирико-аллегорические балеты, прославлявшие царский двор. Такими спектаклями были «Побежденное предрассуждение», поставленное по случаю выздоровления Екатерины после первой прививки от оспы, «Новые аргонавты» и «Торжествующая Россия», воспевавшие военные победы русских [17, 32—33].

Постепенно тяга дворянства к культурным развлечениям охватывает всю страну. Облеченные неограниченными правами в отношении своих крепостных, непомерно богатевшие представители дворянской верхушки всячески старались превратить свои поместья в маленькие государства в государстве. В связи с этим родился характерный для России институт крепостного театра и балета [17, 39].

В период феодализма в Европе также развивалось искусство создания музыкального инструмента, весьма востребованного высокопоставленными ценителями, — скрипок и органов, созданных руками человека, но секрет звучания которых до сих пор не раскрыт. Их можно было услышать, в том числе и на церковных богослужениях, которые, благодаря удивительной музыке, оказывали на прихожан особенно сильное воздействие. Этой же цели служили и витражи в храмах,

одновременно радующие взор прихожан и производящие на них глубокое впечатление игрой света и цвета.

Восприятие божественного обусловлено культурой, но и само определяет культуру. Так, боги финикийцев строги и суровы, они требовали строгого почитания, произнесения молитв и выполнения множества запретов [13, 266—270]. Боги римлян и греков не столь недостижимы, они влюбляются в земных девушек и помогают людям. Они становятся ближе к человеку. Трансцендентное не может быть полностью постигнуто, но оно в условиях верховенства разума не пугает уже своей непостижимостью и неизвестностью. Бог Средневековья не подвержен человеческим эмоциям, он строг и почти полностью персонафицирован институтом церкви, практически настолько, что в сознании обывателя он становится абстракцией, суровой и требующей повиновения и послушания.

Новое время (фактор капитала)

Начиная с периода Возрождения и вплоть до середины XX в. — в период господства антропологического фактора капитала — понятие божественного становится все менее пугающим, в обществе есть религиозные каноны, но человеку уже не отказывается в праве самостоятельно принимать решения. Материальное и рациональное вновь выходят на первый план.

Но опыт Средневековья с его господством религии не прошел даром, именно он заложил основу для научной революции начала XVII в. Творцы нового мира — Кеплер, Декарт, Лейбниц, Ньютон — были людьми не просто верующими, а сотворенными и окрыленными верой [18, 401]. В Новое время возвышается класс буржуазии. Именно из этого сословия вышли большинство ученых. Как отмечает П. Шоню, это были люди, занимавшие должности, приводившие к достатку. Очевидно, именно этот факт позволял им заниматься научными изысканиями. Кроме того, выходцы из буржуазии переняли от родной среды вкус к порядку, точность в цифрах и житейскую арифметическую практику, они были ориентированы на стабильность, достоинство и удовлетворение желаний [18, 403], и это также способствовало их успеху в проведении научных исследований.

Возникают опера, и чуть позже — оперетта, сюжетные постановки, объединяющие в рамках единого жанра такие виды искусства, как музыка, хореография, драматургия, изобразительное искусство, что усиливало его развлекательный потенциал, делало его доступнее для широких масс.

Культура индустриальной цивилизации, возникшая на основе пуританской морали, направленной на максимальную эффективность, производительность, скромность запросов, дала миру паровой двигатель, железную дорогу и конвейер. Антропологичность доминирую-

щего фактора производства отразилась на ориентации всей системы общества исключительно на получение прибыли и власти. Индустриальные технологии превращали человека в придаток системы машин [19, 138]. Духовной сфере уделялось меньшее внимание.

П. Козловски, говоря о культуре модерна, отмечает ее дифференцированный и раздробленный характер (связанный с антропологичностью доминирующего фактора), а также функционализм, пуританский технический конструктивизм и точность как заменитель смысла в науке и технике [20, 185] (определяемые самим содержанием фактора капитала). Возникают специализированные кварталы в городах, и даже отдельные «специальные» города на основе «градообразующих предприятий». Жители этих городов — в первую очередь работники, и только потом личности, у которых есть духовные потребности. Функциональный детерминизм в отношении работников, а также желание капиталистов минимизировать расходы и получать максимальные прибыли, приводят к всеобщей стандартизации — товары производятся большими типовыми партиями, практикуется типовая застройка [20, 158].

Постмодернизм (фактор предпринимательства на основе новых и информационных технологий)

Но постепенно повышается культурный уровень рабочих заводов. Культурные ожидания возрастают в связи с ростом квалификации работающих людей и более высокими требованиями к руководству работ в век микроэлектроники. Переход от машин, перерабатывающих энергию, к машинам, перерабатывающим информацию, ведет к замене энергии и материи знаниями [20, 138—140].

В середине XX в. в Европе начинает доминировать фактор предпринимательства на основе новых и информационных технологий. Теперь смысл бытия видится во всем новом. Эти изменения в сознании людей произошли не сиюминутно: задолго до середины века начал действовать тот самый таинственный *Zeitgeist* эпохи, о котором говорил П.М. Биццелли [7, 11], — нечто общее для своего времени, образующее основу хозяйства и культуры общества на определенном этапе истории, это общее — результат определенной субординации факторов производства, которая и определяет особенности хозяйствования общества на данном этапе его истории. Уже в начале века чувствовалось приближение постмодерна, и футуристы, имажинисты и кубисты в поисках смысла были ориентированы в новое, неиспробованное, временами кажущееся абсурдным, а на самом деле передовое и прогрессивное. Семантика культурно-духовного, совместность религии, искусств, философии — такие акценты расставляет постмодерн, нивелируя разобщенность и дифференциации модерна. Происходят взаимопроникновение и переплетение культурных областей [20, 180].

Гуманизация технологий дает человечеству возможность освободиться от доминанты механического и машинного склада жизни, характерных для эпохи индустриализации [19, 138], а значит уделить большее внимание поискам абсолютной истины, познания мироздания и себя как его частицы.

В середине 1970-х популярной становятся движения хиппи и стиляг, рок-опера и джаз. В них чувствуются бунтарский дух и стремление к новой реальности вчерашних фабричных рабочих, желание показать свой внутренний мир, эмоции, драйв, затрагивающий самые потаенные струны души. Той же движущей силой пронизано все современное искусство.

Итак, характер культурных изменений в обществе непосредственно связан с перемещением доминантных свойств между факторами производства. Определяющими при поиске причин динамики культуры являются именно характер доминирующего фактора производства и его содержание. Культура развивается в зависимости от того, какой прибавочный продукт присваивается. Его количество и необходимость создания условий для дальнейшего его присвоения образуют ту атмосферу, в которой происходят культурные изменения.

Литература

1. *Булгаков С.Н.* Философия хозяйства. М., 2008.
2. *Малиновский Б.* Научная теория культуры. М., 2005.
3. *Осипов Ю.М.* Философия хозяйства. Тезисы // Антология современной философии хозяйства. Т. 2. М., 2010.
4. *Бугаян И.Р.* О закономерностях перехода доминантных свойств от одного фактора производства к другому // Философия хозяйства. 2002. № 3.
5. *Осипов Ю.М.* Работающая трансценденция // Антология современной философии хозяйства. Т. 1. М., 2010.
6. *Осипов Ю.М.* Трансцендентность // Антология современной философии хозяйства. Т. 1. М., 2010.
7. *Бицилли П.М.* Элементы средневековой культуры. СПб., 1995.
8. *Тайнов Э.А.* Трансцендентальное. Очерк православной метафизики. М., 2002.
9. *Тасалов В.И.* ...Сквозь магический кристалл искусства. М., 2011.
10. *Бугаян И.Р.* Философия хозяйства: соотношение и мера форм занятости и незанятости российских этносов. Ростов н/Д, 2011.
11. *Моммзен Т.* История Рима. М., 2011.
12. *Москати С.* Древние семитские цивилизации. М., 2012.
13. *Дриди Э.* Карфаген и Пунический мир. М., 2008.
14. *Левицкий Г.М.* Рим и Карфаген. Мир тесен для двоих. М., 2009.
15. *Каллистов Д.П.* Античный театр. Л., 1970.

16. *Тинина З.П.* История европейского театра от античности до новейшего времени. Ч. 1. Волгоград, 2005.
17. *Бахрушин Ю.А.* История русского балета. М., 1965.
18. *Шоню П.* Цивилизация классической Европы. Екатеринбург, 2005.
19. *Яковец Ю.В.* Эпохальные инновации XXI века. М., 2004.
20. *Козловски П.* Культура постмодерна: Общественно-культурные последствия технического развития. М., 1997.

П.П. ЖУЛИКОВ, О.В. ЖУЛИКОВА

Иной взгляд на развитие человеческого хозяйства

Аннотация. В работе сделана попытка проанализировать современное состояние экономики с позиций философии хозяйства. Рассмотрены процессы зарождения человеческого хозяйства из природного и высказана гипотеза фрактального развития человеческого хозяйства. Дается фрактальная модель развития экономического хозяйства.

Ключевые слова: человеческое хозяйство, философия, философия хозяйства, экономика, фрактал, Фибоначчи.

Abstract. The paper attempts to analyze the current state of the economy from the standpoint of economic philosophy. The processes of nucleation of human economy and natural fractal hypothesized development of human economy. Given fractal model of economic development of the economy.

Keywords: human economy, philosophy, philosophy, economics, fractal, Fibonacci.

В философической, экономической и научной среде давно созрела мысль о том, что современный этап развития мирового хозяйства зашел в тупик. Сегодня почти никто не знает, что делать, как делать и для чего — и как говорить об этих проблемах. Такое начало статьи, вероятно, многим не понравится, но это факт, который трудно отрицать. Проблема непонимания сущности бытия муссируется несколько тысячелетий, но ясности от этого не прибавляется, хотя и актуальность исследования не теряется, и диалог о смыслах бытия в последнее время приобретает некоторую остроту и логические, осмысливаемые перспективы, потому что появилось новое представление о форме такого разговора, о языке, на котором этот разговор должен вестись.

Вопрос применения языка для таких дискуссий далеко не так прост, как может показаться на первый взгляд, и сегодня ни для кого не станет откровением то, что, поднимая любую тему о мироздании,

хозяйстве, экономике, мы, желая или не желая того, говорим на языке Маркса, на языке его политекономии и диалектического материализма.

Давно пришло понимание, что язык этот устарел и требуются новые языковые формы для конструктивного разговора о текущем состоянии мирового хозяйства, хозяйственных и экономических процессах, о мироздании вообще.

Сегодня с трудом, с оглядками на Запад предпринимаются попытки создания такого языка. Обозначить чье-то первенство в этих поисках довольно проблематично, но, если не копать в приоритетах, можно отметить, что серьезные исследования в этом направлении появились в начале прошлого века в работах С.Н. Булгакова, открывшего для исследования философию хозяйства, Й. Шумпетера, определившего креативный подход в экономике, Т. Шардена и В.И. Вернадского, предложивших организменную модель ноосферы.

В настоящее время такие исследования ведутся профессором Ю.М. Осиповым, который основал новую научную школу философии хозяйства и создал при МГУ одноименную лабораторию. В научной школе профессора Ю.М. Осипова формируется язык современного бытия и хозяйствования, который позволяет вести вменяемый и паритетный разговор о мироздании и его эпохальных фрагментах. В настоящей работе использованы элементы этого нового языка философии хозяйства в рассуждениях о строениях мироздания и человеческого хозяйства. Эти вопросы активно обсуждаются ученым и интеллектуальным сообществом в надежде, что это позволит понять секреты хозяйства, существо целеполагания и целеотправления человека и человечества в текущих отрезках времени и пространства. Понимание происходящих процессов позволит занять ключевые позиции и в человеческом хозяйстве, и в мироздании тому, кто первым разгадает эти секреты. Возможно, поэтому индустриально развитые страны выделяют огромные средства из бюджета на проведение исследовательских и опытно-конструкторских работ, ориентированных на изучение космоса и на проведение фундаментальных исследований в естественных науках, т. е. фундаментальных отраслях знаний: физике, математике, при этом уделяется внимание и философическим знаниям.

Однако сформировалась довольно странная проблема: фундаментальные исследования почти никогда не дают практической пользы в текущих отрезках времени, но приносят новые знания, помогающие при определенных условиях создавать новую науку, которая в рамках открытых закономерностей и зависимостей позволяет выстроить формулы и модели нового механизма хозяйствования, дающие конкретную пользу и в текущих отрезках времени.

Одна из сложностей, возникающих при размышлении о мироздании, человеческом хозяйстве, экономике, заключается в том, что в этих рассуждениях агрессивно доминируют количественные катего-

рии. Агрессивный детерминизм количественных подходов при обсуждении экономических категорий обуславливается различными причинами, в том числе и тем, что именно количественные категории определяют хозяйственный эффект текущего момента: вспахали десять гектаров земли — получили... и т. д. Но количественные категории применимы только к имманентным объектам и категориям, и на данном этапе развития знаний количественных категорий не хватает даже естествоиспытателям, не говоря уже об общественных науках.

Естествоиспытатели, традиционно стоящие на позициях чистой, или классической, науки, стремящиеся внести мерные системы во все направления развития природного и человеческого хозяйства со своим физико-метрическим подходом, успешно загнали сам физис в невозвратный тупик ограничений.

Никто не станет отрицать важность и нужность науки, но сама наука — далеко не все знания, которыми владеет человечество, однако именно наука, являясь частью знаний, отрицает все остальные знания, которые сама же не относит к науке.

Сложилась патовая ситуация: наука дает практические знания, которые используются при производстве всех современных потребительских благ, и отрицает все, что не вписывается в строгие научные рамки. Все, что не вписывается в научное представление, в догматы, попадает под прокрустов синдром. Наука отрицает все, что считает ненаучным (теологию, философию и т. д.), но при этом, когда задачи решаются или представляются решаемыми, привлекает теоремы, леммы и т. д., а когда уже совсем не видит выхода из сложившейся ситуации, то ограничивает дальнейшие рассуждения различными аксиомами, пределами, запретами и т. п.

Но разве это наука? Разве запреты и ограничения — это наука?!

Конечно, в текущих отрезках времени и пространства научного подхода вполне хватает для решения оперативных задач от выпечки хлеба до полетов в космос, но совершенно недостаточно для понимания задач мироздания, человеческого хозяйства, экономического хозяйства, социума.

И при длительном размышлении на эту тему начинает казаться, что выхода из этого тупика нет вообще. Действительно, как описать строение Вселенной, мироздания, пользуясь только наукой и научно доказанными теоремами?

Уместно припомнить ситуацию, когда церковь отрицала науку, закрывая свой мир догматами, и тормозила развитие общества, но когда объем новых знаний превысил граничный порог, даже церковь пошла на уступки.

Очевидно, для понимания сущности мироздания, природного и человеческого хозяйствования и осознания того, что будет завтра, т. е. потом, следует разобраться в том, что мы делаем сейчас и что делали

ранее, мы — люди, человеки, человечество в целом, используя весь известный инструментарий человеческих знаний. Следует заметить, что труд этот очень даже неблагодарный, но тем не менее многие пытаются размышлять на эту тему.

Итак, если начать рассуждение, то, отвечая на вопрос, что человечество делает сейчас, можно с уверенностью сказать, только то, что:

- во-первых, человечество пытается выжить и для этого непрерывно хозяйствует, создает и совершенствует свое *человеческое хозяйство*;
- во-вторых, совершенствуясь, человеческое хозяйство постоянно ширится, растет, развивается, усложняется — *хозяйство разрастается*;
- в-третьих, человечество, хозяйствуя, разрастаясь, сейчас и всегда ранее выстраивало и выстраивает какую-то *общественную конструкцию*.

Но какую и где?

Пытаясь понять, где в природном хозяйстве находится человеческое хозяйство, исследователь может с некоторой уверенностью только повторить высказывания естествоиспытателей о спорной модели зарождения Вселенной.

Где-то (где?) взорвалась какая-то (какая?) материальная точка и стала объемно расширяться, формируя что-то и опять где-то (где?).

Получается какая-то абсолютно неразрешимая головоломка, решать которую пытались старатели знаний с древнейших времен, и наблюдая природу и природное хозяйство, замечали, что природа в своем хозяйствовании часто повторяет одну и ту же схему, или модель.

Природное хозяйство часто развивается по модели организма, схожего с растущим во все стороны деревом, которое разветвляется в виде спиральных воронок. Разветвление подчиняется каким-то законам и ритмам, и в определенных отрезках времени новые направления взрываются бифуркациями, формирующими структуру нашей Вселенной, мироздания — дерева жизни с кроной и корневой системой. При этом формируется своеобразная дипольная многоуровневая система из отдельных фракталов (ветвей) низшего уровня.

На каком-то этапе этого развития на каком-то фрактале сформировалась планета Земля, и на ней зародилась наша человеческая хозяйственная система. Нетрудно заметить, что человеческая хозяйственная система также взорвалась из какой-то точки и стала объемно расширяться, странным образом имитируя фрактал мироздания и подчиняясь каким-то закономерностям, периодически взрываясь бифуркациями и разрастаясь во все стороны. Стал формироваться своеобразный организм, напоминающий, опять-таки, ветви дерева, у которого есть крона

и корневая система. Ветви такого дерева схожи со спиральными воронками Вселенной, в которых прячутся черные дыры.

Бесспорно, что в этих рассуждениях много, очень много пропущенных мест, но если принять посылку фрактально-организменной модели развития человеческого хозяйства, то можно выстроить цепочку развития организма по имени «Человеческое хозяйство», понять его прошлое и представить направление будущего движения этого хозяйства.

Рассматривая развитие нашего человеческого хозяйства в формате дерева с ветвями-воронками, можно представить модель, в которую вмещаются наши представления о мироздании и этапах его развития.

Построение такой модели можно начать с точки: где-то и как-то проросло семя — человеческая семья, т. е. сформировался фрактал, образованный семьей, родом, соседской общиной. Далее происходят взрыв и новая бифуркация, и строятся (разрастаются) новые фракталы (ветви) с иным качеством, с уровневым разделением собственности. Появляется цивилизация с целым рядом ветвей одного уровня, т. е. города и государства, в которых собственность накапливается и капитализируется, но дерево растет, растет во всех смыслах и на всех уровнях. Происходят новые бифуркации и формируются новые фракталы, появляются новые знания, новые философии: философия мироздания, философия хозяйства.

Обращаясь к модели дерева, мы можем представить, что дерево, подчиняясь определенным законам и циклам, каждую весну взрывается бифуркациями и разрастается на всех ветвях новыми веточками. При этом мы уже в состоянии, используя естественные знания и науки, предсказать и просчитать перспективы развития такой модели.

Теперь, если представить, что аналогичные, точнее похожие, процессы происходят и в развитии человеческого хозяйства, то можно понять и происходившие ранее процессы, и те, которые еще только могут произойти.

Тогда получается следующая картина: наше человеческое хозяйство — это дерево в Природном, или Божьем, хозяйстве, и это дерево скорее всего не одно и во времени, и в пространстве, но, отбросив другие варианты и акцентировавшись только на нашем дереве, можно понять прошлый путь и путь в перспективе.

Дерево человеческого хозяйства растет и, подчиняясь выявленным и невыявленным закономерностям и циклам, разветвляется. Каждая новая бифуркация дает новые веточки, количество которых укладывается в ряд Фибоначчи с просчитываемой поправкой, и каждая веточка в этом хозяйстве — копия предыдущих с определенной погрешностью. Преимущественно развитие хозяйства — рост — идет в общем направлении объемного расширения вдоль определенного вектора. Но дерево растет к Солнцу, т. е. вектор его роста направлен к энергетиче-

скому центру, каждый бифуркационный ряд ветвей отклоняется от вектора, но развивается в одном направлении. Дерево человеческого хозяйства тоже развивается к энергетическому центру, который можно обобщенно представить как капитал, но капитал всех познанных и непознанных человеком ценностей.

Осмысливая такую модель, нетрудно заметить, что современные технологии позволяют просчитать все прошлые этапы развития человеческого хозяйства и просчитать с большой вероятностью перспективы развития в будущих отрезках времени.

Литература

1. *Осипов Ю.М.* Экономическая цивилизация и научная экономика // Экономическая теория на пороге XXI в. / Под ред. Ю.М. Осипова, Е.С. Зотовой. М., 2000.

2. *Жуликова О.В., Жуликов П.П.* Особенности управления в российских ТНК // Проблемы современной экономики. 2008. № 4.

3. *Жуликов П.П.* Философия хозяйства. Взгляд со стороны // Философия хозяйства. 2010. № 1.

4. *Торфлер Э.* Третья волна. М., 1999.

Т.Ю. ЯКОВЕЦ

Теория народонаселения в «Философии хозяйства»

С.Н. Булгакова

Аннотация. Исследуется феномен демографии в контексте философии хозяйства С.Н. Булгакова. Выделяются и анализируются основные идеи философии хозяйства, раскрываются их связи с целостными процессами воспроизводства народонаселения. Вывод: понимание демографических процессов как формы хозяйственной деятельности позволяет рационально решать неотложные практические проблемы демографии.

Ключевые слова: философия хозяйства, новые тенденции в демографии.

Abstract. The article is devoted to the population science phenomenon in a context of S. N. Bulgakov's philosophy of economy. The main ideas of philosophy of economy are allocated and analysed, their communications with complete processes of reproduction of the population are revealed. In conclusion the understanding of demographic processes as forms of eco-

conomic activity is analyzed in the context of rational solving urgent practical problems of a demography.

Keywords: philosophy of economy, new tendencies in population science.

В 1912 г. в Московском государственном университете С.Н. Булгаков защитил докторскую диссертацию, посвященную *философия хозяйства*. Вскоре вышла и книга с одноименным названием. Путь Булгакова к философии хозяйства сокрыт во мраке и не похож на философско-экономические раздумья русских экономистов, не захотевших совершать тушинский перелет от марксистской политэкономии прямо к экономиксу.

С.Н. Булгаков пережил увлечение *экономическим материализмом*, полагая, что на новой ступени познания экономики этот материализм «должен быть не отвергнут, но *внутренне превзойден*, разъяснен в своей ограниченности как философское “отвлеченное начало”, в котором одна сторона истины выдается за всю истину» [1, 7].

Экономический материализм является философской основой многочисленных демографических исследований, проводимых в XX в. Другие подходы в условиях господства чувственной системы социокультурных ценностей в западных странах были отодвинуты на периферию мысли. Но П. Сорокин предвидел, что грядет эпоха *интегральных социокультурных ценностей*¹³. Интегральный тип культуры и общества гласит, что «истинной реальностью-ценностью является Неопределенное Многообразие, которое имеет сверхчувственные, рациональные и чувственные формы, неотделимые одна от другой... Наука, так же как философия и теология, начинают расцветать в нем, и они гармонично сотрудничают друг с другом... Это искусство, намеренно пренебрегающее всем вульгарным, низким и безобразным в эмпирическом мире чувств. Оно облагораживает недостойное, украшает безобразное, омолаживает старое и увековечивает смертное» [3, 25—26]. Под влиянием такого искусства в интегральной системе социокультурных ценностей формируется интеллектуальная теории личности, в которой человек постигается как активный и важный участник высших творческих сил космоса [2, 22]. Такой взгляд на человека неизбежно изменяет философские взгляды демографов, исследующих процессы «возобновление поколений людей, или закономерности воспроизводства населения в целом» [4, 17].

¹³ Эта идея разработана и обоснована в монографии Г.В. Осипова, Б.Н. Кузика и Ю.В. Яковца: «Перспективы социокультурной динамики и партнерства цивилизаций» [2].

Научная демографическая школа Н.М. Римашевской рассматривает не локальные процессы воспроизводства населения, а демографию как синтез социальных, экономических, политических и этнических процессов. Именно такой подход был применен при анализе социально-экономических последствий проводимых в РФ «реформ» в 1990-х гг. [5], физического и душевного состояния современных детей России [6]. Поэтому опыт применения цельной трюичной *методологии хозяйства* С.Н. Булгаковым и Ю.М. Осиповым в анализа проблем народонаселения органически родствен многолетним исследованиям Института социально-экономических проблем народонаселения РАН.

Демографические процессы — процессы воспроизводства человеческих жизней. С.Н. Булгаков пишет, что «жизнь есть не разгадываемая умом, а лишь переживаемая тайна мирового бытия, тот первозданный свет, в котором рождается и сознание, и различение... Жизнь есть то материнское лоно, в котором рождаются все ее проявления: и дремотное, полное бесконечных возможностей и грез, ночное сознание, и дневное, раздельное сознание, порождающее философскую мысль и научное видение... Мысль рождается в жизни и от жизни, есть ее необходимая ипостась» [1, 15].

В истории философии обозначились два противоположных направления: интеллектуализм, который считает саморазвитие логики и разума основой бытия, и антиинтеллектуализм, который «провозглашает приоритет алогического над логическим, инстинкта над разумом, бессознательного над сознательным» [1, 16]. При дальнейшем развитии в рационализме определились два течения — абсолютный идеализм и критический, научный рационализм. «Здесь философия откровенно и решительно ориентируется на науку, и прежде же всего, на математику»; здесь «понятия специальных наук с их абстрактными категориями получают значение высшей, единственно подлинной, насквозь рациональной, научным разумом “мышлением порождаемой” из мэонического ничто действительности» [1, 19—20]. Под знаменем антиинтеллектуализма объединились дарвинисты, Фейербах, Ницше и экономические материалисты. «Разуму усвоается здесь значение лишь инструмента, ценного только в его полезности» [1, 20]. В то же время, согласно С.Н. Булгакову, «жизнь есть конкретное, неразложимое единство логического и алогического, только из этого положения становится понятным факт знания и философии, и науки, и даже в нашем самосознании мы находим этот же самый живой синтез логического и алогического» [1, 22]. «Жизнь не трансцендентна¹⁴ для живого существа в

¹⁴ Выходящее за пределы возможного опыта («мира явлений») и недоступное эмпирическому анализу (например, идея Бога, души, бессмертия).

его целостном жизненном опыте, но она трансцендентна для него как для познающего, рефлектирующего, мыслящего» [1, 25]. «Философская рефлексия всегда направлена на целое жизни, научная — на ее частности... Философию можно определить поэтому как учение о жизни в ее целом или в самых общих ее определениях... Поэтому нам кажется правильнее не отождествлять, но противопоставлять философию и науку как два разных направления нашего мышления и познания» [1, 30—31]. Всякий акт познания является актом жизни. Мысль, знание — это творчество, творческие замыслы и идеи рождаются в сознании. «На долю теории познания остаются задачи двоякого рода: научная и философская или, если угодно, метафизическая. Научная задача сводится к анализу знания со стороны его общих форм, или критике знания в собственном смысле слова. Философская задача состоит в объяснении факта знания, философском истолковании его жизненного значения» [1, 35].

Рассмотрев все эти постулаты, перейдем к определению философии хозяйства, которая нужна нам для научного анализа и для философского истолкования жизненного значения процессов народонаселения.

С.Н. Булгаков утверждает, что «хозяйство есть борьба человечества с стихийными силами природы в целях защиты и расширения жизни, покорения и очеловечивания природы, превращения ее в потенциальный человеческий организм. Содержание хозяйственного процесса можно поэтому выразить еще и так: в нем выражается стремление превратить мертвую материю, действующую с механической необходимостью, в живое тело, с его органической целесообразностью, поэтому в пределе цель эту можно определить как превращение всего космического механизма в потенциальный или актуальный организм, в преодоление необходимости свободой, механизма организмом, причинности целесообразностью, как *очеловечение природы*. Задача хозяйства устанавливается именно этим распадом бытия, противоречием и взаимным ограничением свободы и необходимости, жизни и смерти...» [1, 39—41]. Далее философ определяет имманентный признак хозяйства: «Признаком, устанавливающим хозяйственную деятельность, является наличие *усилия, труда*, направленного к определенной цели. *Хозяйство есть трудовая деятельность*. Труд, и притом подневольный, отличает хозяйство. В этом смысле хозяйство можно определить как трудовую борьбу за жизнь и ее расширение, труд есть основа жизни, рассматриваемой с хозяйственной точки зрения. Жизнь возникает в рождении естественно, т. е. без сознательного приложения труда, дается даром, но в хозяйстве поддержание ее уже оплачивается трудом, она становится трудовой. Труд есть та ценность, которую приобретаются блага, поддерживающие жизнь. Эта истина как темное

предчувствие лежит в основе т. наз. трудовых теорий ценности в политической экономии» [1, 42]. «Мир как хозяйство — это мир как объект труда, а постольку и как продукт труда. Печать хозяйства кладется именно трудом, в этом права трудовая теория ценности, права политическая экономия, которая верно чувствует универсальное, космическое знание труда... Способность к труду есть одно из свойств живого существа, в нем обнаруживается огонь и острота жизни. Только тот живет полной жизнью, кто способен к труду и действительно трудится... Трудовое начало жизни соотносительно и в известной мере противоположно природному или даровому. *Хозяйству* как трудовому воспроизведению и расширению жизни, противоположна *природа* как совокупность даровых (для человека) “естественных” сил жизни и ее роста. Не хозяйственным актом рождается человек, развивается в утробе матери и растет после рождения, укрепляясь в своих физических и духовных силах, осознавая в себе силы духа. Не хозяйством совершаются всевозможные процессы в природе, не хозяйством, наконец создана эта вселенная. Напротив, лишь наличность ее и обуславливает как субъективную, так и объективную возможность труда. Хозяйство в этом смысле лишь включено в жизнь вселенной, есть момент ее роста» [1, 43—44]¹⁵.

Все хозяйство представляет собой постоянное воздействие хозяина, субъекта хозяйства (как единоличного, так и коллективного), на вещи (природу или материю). Иначе, хозяйство — это субъективно-объективная деятельность. Субъект действует целесообразно, а объект — природа — определяется механической закономерностью. Любой хозяйственный акт можно определить как слияние механизма природы с человеческим целеполаганием. Поэтому истинным основоположником философии хозяйства, по мнению С.Н. Булгакова, является Шеллинг, философ природы, признавший существование мира за пределами сознания и тождество субъекта и объекта. В его учении природа представляется как ряд ступеней развития, которая достигает своей высшей цели — вполне сделаться объектом для самого себя — в высшей и последней рефлексии — человеке. Шеллинг писал: «Всеобщий мировой процесс покоится на прогрессирующей, хотя и постоянно оспариваемой, победе субъективного над объективным» [1, 55], и само различие субъекта и объекта, идеального и реального — относи-

¹⁵ Такой «трудовой» подход к описанию хозяйства, а значит, и хозяйства народонаселения, сближает данное учение с теоретическими исследованиями отечественных демографов, основанными на марксистской политэкономии, в основу которой положена трудовая теория стоимости, и облегчает для них понимание основных постулатов *теории хозяйства народонаселения*.

тельно, оно создается в процессе саморазвития природы. На основании положений философии тождества Шеллинг разрешает вопрос, как возможно объективное действие, каким образом хотение преобразует объекты. Согласование представлений с объектами может быть двояко: они могут быть копиями объекта (идеальные удвоения), или же их образцами (проекты, модели). На возможности первых основывается теоретическое знание, вторых — свободная практическая деятельность, что возможно на основании идеи тождества субъекта и объекта, интеллекта и природы.

Хозяйственная жизнь сводится к некоторому кругообороту, который слагается из двух актов — производства и потребления. Поэтому необходимо рассмотреть, как возможно потребление и как возможно производство.

- *Потребление.* Анализируя понятие «потребление», С.Н. Булгаков делает вывод о *физическом коммунизме бытия* — каждый атом мироздания связан со всей Вселенной. Сам акт потребления — это поглощение живым телом мертвой материи. Это возможно только потому, что жизнь есть способность потреблять мир, приобщаться к нему, а смерть есть выход за пределы этого мира, утрата способности общения с ним. Это лучше всего видно в процессе питания, в котором чуждая организму материя становится его плотью. Философ делает вывод: «возможность *потребления* принципиально основана на метафизическом коммунизме мироздания, на изначальном тождестве всего сущего, благодаря которому возможен обмен веществ и кругооборот, и прежде всего, предполагает единство живого и неживого, универсальность жизни. Только потому, что вся вселенная есть живое тело, возможно возникновение жизни, ее питание и размножение» [1, 73].

- *Производство.* С.Н. Булгаков приводит следующее определение производства: «Производство есть такое активное воздействие субъекта на объект, или человека на природу, при котором хозяйствующий субъект отпечатлевает, осуществляет в предмете своего хозяйственного воздействия свою идею, объективирует свои цели. Стало быть, производство есть прежде всего система *объективных действий*, субъективное здесь объективируется, грань, лежащая между субъектом и объектом, снимается, субъект актуально выходит из себя в объект» [1, 76]. В производстве проявляется живое единство между теоретическим и практическим разумом, субъект дан нам лишь во взаимодействии с объектом, как две одноприродности. Живой связью между субъектом и объектом является труд — «человеческая актуальность, объективирующая вовне и тем объективирующая для нас этот мир» [1, 82]. Способностью проектирования и моделирования в процессе труда обладает технология. Научная технология — это тоже результат труда

в процессе познания. «Все знание есть хозяйственное моделирование в ставимых вопросах будущих ответов» [1, 84], объектом трудового воздействия является здесь внешний мир в идеальном смысле, в то время как хозяйство есть процесс знания чувственно-осознательный, это две взаимосвязанных сферы трудового воздействия на природу. В учении экономического материализма труд есть фактор производства, наряду с землей и капиталом. С.Б. Булгаков считает, что труд есть высшее начало хозяйственной жизни. При этом для оценки труда совершенно неинтересно, в каком отношении рыночные цены состоят к трудовым ценностям (они могут им никогда не соответствовать). Способы воздействия человека на природу в определенных наперед намеченных целях — это технология. С ее помощью природа очеловечивается, и в этом смысле человек — центр мироздания. Хозяйственный труд есть как бы новая сила природы, новый мирообразующий, космогонический фактор, принципиально отличный от остальных сил природы. Эпоха хозяйства есть новая эпоха в истории земли, истории космоса. Такой философский подход С.Н. Булгакова, выдвинутый им в 1912 г., развит в теории В.И. Вернадского о ноосфере и позволяет разрешить то философское противоречие, которое существовало между общественными и естественными науками.

Хозяйство, как и знания, является родовым и историческим, субъект в нем — не индивид, но род. Человеческое хозяйство есть процесс общественно-исторического развития, оно существует прежде его носителей, причем эта общественно-историческая организация хозяйства (как сменяющиеся системы хозяйства) — незаконченный процесс, так как истинным субъектом хозяйства является не человек, но человечество. Хозяйство вообще — это и есть проблема философии хозяйства. Хозяйство не существует без знания, само знание — это в известной степени хозяйственная деятельность, поскольку она является трудовой. «Хозяйство есть знание в действии, а знание есть хозяйство в идее» [1, 99]. Поскольку в человеке как части природы потенциально заложено самосознание всей природы, в этом самосознании проявляется «Мировая душа», идеальный центр мира. Поэтому путь знания и путь хозяйства один — организация мира как *истины* и как *жизни*. «Единый субъект хозяйства, Мировая Душа, проявляется в опыте, действует в истории как количественно неопределенная множественность отдельных, независимых центров — индивидуальных человеческих сознаний и волей» [1, 103]. Индивиды есть копии или экземпляры, род — их первично существующая идея. Родовой характер жизни осуществляется с помощью наследственности. Человечность соединяет людей в неизмеримо большей степени, нежели их разъединяет индивидуальность. Это динамическое единство человеческого рода и обна-

руживается в истории, в знании, в хозяйстве. Каждая индивидуальность по-своему преломляет и воспринимает тот же мир, ту же человеческую природу, как свою основу.

«Человечество эмпирически существует только как смена поколений, приходящих в жизнь и уходящих с исторической арены. Между ними кипит индивидуальная, групповая, классовая, национальная борьба... закон борьбы за существование становится общим правилом не только в мире животном, но и в человеческом... Единство человеческого рода, которое, конечно, все-таки остается и ничем не может быть уничтожено, ибо находится за пределами исторической досягаемости, субъективно выражается в постоянном стремлении человечества к осуществлению любви, солидарности, в поисках социального идеала, в стремлении найти нормальное устройство общества, в общественных идеалах всех времен и народов. Социальные идеалы формулируют для исторической действительности то, что есть в метафизической» [1, 109].

Таковы основные положения «Философии хозяйства» С.Н. Булгакова, необходимые нам для построения научной теории народонаселения. Всякая теория может быть проверена практикой и другой теорией, логикой. То, что философия С.Н. Булгакова предвосхитила учение В.И. Вернадского о ноосфере, мы уже указывали. Но она предшествовала еще двум теориям: глобалистики и научно-технического прогресса. Интересы человечества как единого целого изучает *глобалистика* — «новая интегративная область научного знания, которая включает в себя как теоретические (философские, политические, гуманитарные, естественно-научные, технические), так и прикладные (экономические, политические, экологические и др.) аспекты изучения глобальных явлений» [7, 11]. В теориях научно-технического прогресса рассматривается общественно процесс поглощения хозяйством процесса познания, до этого представлявшего отдельный вид человеческой деятельности. Таким образом, *современное мировое хозяйство протекает в ноосфере¹⁶, в глобальном масштабе и под воздействием научно-технологического прогресса.*

Исходя из всего вышесказанного теперь рассмотрим основные положения *хозяйственной теории народонаселения.*

¹⁶ Согласно В.И. Вернадскому, «в биосфере существует великая геологическая, быть может, космическая сила, планетное действие которой обычно не принимается во внимание в представлениях о *космосе*... Эта сила есть разум человека, устремленная и организованная *воля* его как существа общественного» [8].

Во-первых, хозяйство населения — это деятельность человечества по организации воспроизводства человеческого рода. Она протекает в материальной и духовной сферах. Организовано это воспроизводство по *сетевому принципу* — в рамках цивилизаций, состоящих из этносов и суперэтносов. Эта организация оформлена внутри цивилизаций в виде государственного устройства.

Во-вторых, формально воспроизводство народонаселения осуществляется на микроуровне (в рамках отдельных семей), национальном уровне (в отдельных государствах) и на глобальном уровне (как человечество в целом). Возможно выделение регионального мезоуровня.

В-третьих, хозяйство народонаселения проходит в своем развитии *последовательные общественно-исторические способы*. При переходе от одного способа ведения хозяйства к другому сначала вызревают революционные изменения в духовной сфере, за которыми следуют преобразования в материальной сфере хозяйства народонаселения. Так, переход к «обществу знаний» («третьей волне», по Тоффлеру) привел к возникновению «демографического перехода» и смене способа хозяйства народонаселения. В развитых странах (кроме США) возник режим депопуляции. При таком режиме воспроизводства населения меняются как цели и меры государственного регулирования — социодемографической политики, так и роль инноваций в экономическом росте в условиях снижения численности трудоспособного населения.

В-четвертых, хозяйство народонаселения — это важнейшая часть народного хозяйства. Социодемографические индикаторы являются показателями социально-экономической эффективности функционирования всего народного хозяйства. При этом, как и Ю.М. Осипов, мы понимаем, что «хозяйство есть общественное производство, рассматриваемое со стороны производительной — на уровне благ — организации. ...Деятельность человека по организации производства благ есть хозяйствование» [9, 19—26]. (На практике проблемами хозяйства занимаются такие научные дисциплины, как управление производством, анализ хозяйственной деятельности, планирование.) Таким образом, *хозяйство народонаселения* — это воспроизводство народонаселения, рассматриваемое со стороны его организации, как объект и сфера хозяйствования. Под *хозяйствованием* мы здесь понимаем деятельность человека по организации воспроизводства населения. Она возможна на микро-, мезо-, национальном и глобальном уровнях.

В-пятых, *воспроизводство населения* — это триединство биологических, социальных и культурных процессов, протекающих в материальной и духовной среде. Движущими силами этих процессов являются

ся: для биологических процессов — законы популяционного развития, для *материальных* социальных и культурных процессов — научно-технический прогресс, культурные и исторические процессы, для *духовных* социальных и культурных процессов — национальный дух и система социокультурных ценностей, социальных ролей, морально-нравственные устои общества [10, 303].

В-шестых, социодемографические процессы протекают в статике, динамике и генетике. (Методология статистики и динамики экономических процессов развита в работах Н.Д. Кондратьева; социогенетика социально-экономических процессов — в книге Б.Н. Кузька и Ю.В. Яковца «Цивилизации: теория, история, диалог, будущее» [11].)

В-седьмых, демографический фактор является одним из шести факторов, определяющих *генотип (наследственное ядро) цивилизации* [11].

В-восьмых, централизованно управлять воспроизводством народонаселения при данном способе хозяйствования — капиталистическом — невозможно, можно только его регулировать, т. е. *государство может выступать как регулятор — «коррекционная сила* (фактор, механизм, устройство), способная изменить, подправить, переориентировать уже происходящий организационный процесс; регулирование — функция регулятора, его реализация, *коррекционное действие»* [10, 425]. (При социалистическом способе хозяйствования в КНР в хозяйстве народонаселения существуют элементы его централизованного управления — введенное ограничение на количество детей в семье.)

В-девятых, государственное регулирование как часть хозяйства народонаселения происходит в определенной *сфере институциональной организации*, которую можно подразделить на следующие сферы (классификация Ю.М. Осипова [10, 414—415]): 1) сектор законодательного оформления, административного нормирования, контроля и управления; 2) сектор национальных достояний и имуществ; 3) сектор денежно-кредитного хозяйства и финансов; 4) сектор товарного обращения; 5) сектор технологий, производства и инфраструктуры; 6) сектор общественного труда, занятости населения и социального обеспечения; 7) сектор народного образования, науки и культуры; 8) сектор здравоохранения, спорта и туризма; 9) сектор информации.

В-десятых, хозяйство народонаселения, как и все хозяйство, включает в себя процессы трудового производства и потребления, причем их взаимоотношение зависит от способа хозяйства; в условиях капиталистического способа хозяйства при переходе к «экономике знаний» происходят исчерпание естественных источников роста народонаселения и значительный рост трудовых усилий человечества при своем воспроизводстве (даже зачатие все больше начинает происходить ме-

тодами ЭКО, для выхаживания будущего ребенка становятся необходимы перинатальные центры, для воспитания и образования детей на уровне, необходимом для современной экономики, требуется государственная поддержка, для сохранения здоровья при современной экологии и увеличения продолжительности жизни необходим растущий уровень затрат на здравоохранение и пенсионное обслуживание, для увеличения числа желаемых в семье детей государство не только повышает выплаты на детей и обеспечивает достойный заработок их родителям, но и начинает проделывать определенную работу в сфере духовного воспроизводства — стремится укрепить в стране национальный дух, поднять моральный престиж семейных ценностей).

В-одиннадцатых, увеличивающийся объем потребления, необходимого для продолжения процесса воспроизводства населения, требует повышения эффективности всего народного хозяйства: при переходе к «экономике знаний» единственным источником, обеспечивающим повышение экономических ресурсов, является научно-технологический прогресс, без которого все социально-демографические программы государственного регулирования носят чисто декларативный характер; для настоящего этапа развития экономики России — это реализация долгосрочной стратегии инновационного прорыва, опирающейся на внедрение технологий шестого технологического уклада.

В-двенадцатых, воспроизводство населения происходит в международно конкурентной среде, поэтому выбор целей и стратегии политики государственного регулирования социодемографических процессов должен соответствовать национальным целям государства и позволять максимально самореализоваться этносам, входящим в данное государство (в рамках их системы социокультурных ценностей и в конкретных исторических условиях).

Таким образом, нами были сформулированы 12 основных аксиом демографического исследования. Конечно, предлагаемый подход к анализу процесса воспроизводства народонаселения достаточно сильно отличается от привычного. Но мы исходим из того, что при современном переходе от чувственной системы социокультурных ценностей к интегральной необходимо произойдет переоценка ранее используемой научной методологии, применяемой при анализе социодемографических фактов. Как это произойдет — покажет время, но наше исследование предлагает один из вариантов такого изменения.

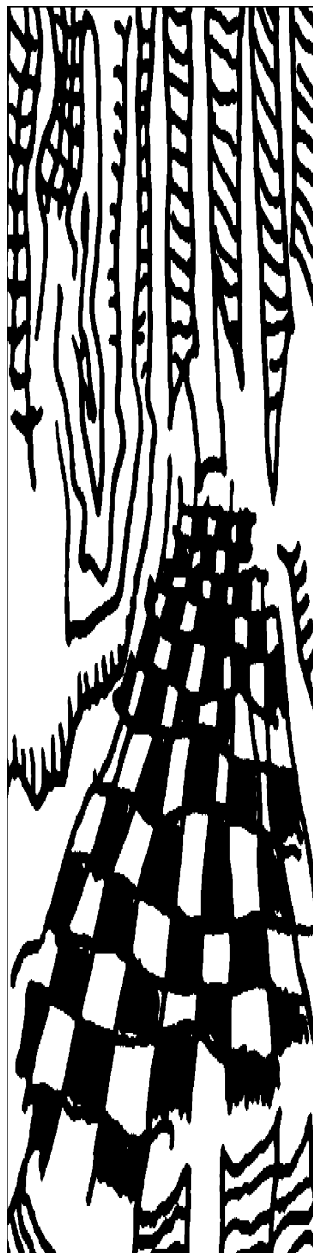
Литература

1. Булгаков С.Н. Философия хозяйства. М., 1990.

2. *Осипов Г.В., Кузык Б.Н., Яковец Ю.В.* Перспективы социокультурной динамики и партнерства цивилизаций. М., 2007.
3. *Сорокин П.А.* Главные тенденции нашего времени. М., 1997.
4. Демография / Под ред. Н.А. Волгина: Учебник. М., 2007.
5. *Римашевская Н.* Человек и реформы. Секреты выживания. М., 2003.
6. Дети реформ / Под ред. Н.М. Римашевской. М., 2011.
7. *Ильин И.В., Леонова О.Г., Розанов А.С.* Теория и практика политической глобалистики. М., 2013.
8. *Вернадский В.И.* Несколько слов о ноосфере // <http://ru.wikipedia.org/wiki/%CD%EE%EE%F1%F4%E5%F0%E0>.
9. *Осипов Ю.М.* Теория хозяйства: Учебн. в 3 т. Т. 1. М., 1995.
10. *Яковец Т.Ю.* О движущих силах общественного развития // *София. Сто лет русской философии хозяйства* / Под ред. Ю.М. Осипова, Е.С. Зотовой. М., 2012.
11. *Кузык Б.Н., Яковец Ю.В.* Цивилизации: теория, история, диалог, будущее. Т. 1. М., 2006.

II

**ЕВРАЗИЙСКАЯ
ИНТЕГРАЦИЯ**

Ю.М. ОСИПОВ

Русский вопрос

Аннотация. Осмысливается ситуация в русском мире: одновременно кризисная и конструктивная. Русофобия как средство очищения, консолидации и преобразования. Русский путь как путь в иное.

Ключевые слова: Русский мир, русские, русскость, «русский холокост», русский вопрос, историософия, философия хозяйства.

Abstract. The article is devoted to the crisis and constructive situation in the Russia. Russophobia as means of clearance, consolidation and transformation. Russian way as way to other.

Keywords: Russian world, Russians, «the Russian Holocaust», Russian question, historiosophy, philosophy of economy.

Мой старший коллега по Московскому университету, с которым у меня лично сложились вполне любезные отношения, Г.Х. Попов, сыгравший одну из ведущих ролей в перевороте 1991—1993 гг., как и давший в то самое время вольную отечественным мздоимцам, вдруг опубликовал где-то на рубеже 1900—2000-х гг. в одной из центральных газет статью под весьма характеристическим, если не попросту стреляющим, названием — «Русский холокост» [1]. Статья, конечно, была замечена, но и, разумеется, без особого промедления... забыта. Очень неудобной то была статья — что тогда, прозвучав как гром среди ясного неба, что сегодня — в разгар «нового интернационализма»! Какой-такой «русский холокост»?!¹⁷

Статья не гршила против правды, она совершенно актуальна и сейчас, хотя для меня остается загадкой, почему Г.Х. Попов, грек по этническому происхождению, конечно же, русскоговорящий и русский по культуре, вознамерился выступить ни с того ни с сего с этой убийственной статьей, возможно, лучшим своим публицистическим произведением? Но Гавриил Попов не был бы Гавриилом Поповым, если бы отказался от своей умственно-провидческой миссии быть взрывателем так называемого общественного мнения: что с освящением чиновничьей взятки, что с вскрытием очень болезненного русского вопроса.

¹⁷ Мы позволили себе оставить вне обсуждения правомерность использования слова «холокост» применительно к русскому миру (это право и дело Г.Х. Попова), мы обращаемся к этому слову всего лишь как к образу, а не определительному термину.

Русские и русскость атакуются изобретательно и всесторонне: через отрицание русскости вообще (нет ее и все тут!), как и через сведение русскости к собирательному лингво-культурному феномену-призраку; через отрицание корневого характера русскости, ее кровного происхождения и бытия («русских по крови нет и быть не может!»); через невнимание к русским, русскости, русскому началу, русскому миру, их незамечание; через выдавливание русских на периферию жизни или за пределы молодых «независимых национальных государств», либо вольно-принудительную их ассимиляцию с «титульными» этносами, естественно, по второсортному разряду; через ограничение, вытеснение и запрещение русского языка (и это на территории бывшего СССР, говорившего целиком по-русски!); через опорочивание, очернение, окарикатуривание русских и всего с ними связанного, умаление, если не полное отрицание, исторической роли русского народа даже в пределах собственно российского государства; через поощрение аморальности, житейской безответственности, маргинализма, алкоголизма, абортизации и т. п. вещей среди русского населения; через избавление масс русских людей от плодотворной собственности, от земли, жилья, работы, вообще от приемлемых на сегодня условий жизни.

Странно обо всем этом говорить, но это, увы, так — и это не только в новых «независимых государствах», но и в самой Российской Федерации тоже, хотя и не в столь явной, последовательной и жесткой форме как в якобы братском «ближнем зарубежье».

Да, Г.Х Попов вовсе не для красного словца бросил на весь мир страшные огненные слова — *«русский холокост»*, он знал, что говорил, как и мы хорошо осознаем, что видим вокруг. Но самое примечательное, что это не то что не первый «холокост» в русской истории, но фактически с некоторых пор попросту постоянный (то ослабевающийся, то усиливающийся) атрибут русской жизни. И ежели русские со своей русскостью еще в мире есть (хотя бы для себя есть), то не столько благодаря русской истории, сколько вопреки ей.

Кто только не отрицал, не поносил, не попирал, не переделывал, не уничтожал русских и русскость? Назовите мне лучше тех, кто был явно за русских и за русскость. Такие были и, слава богу, есть, но так ли их много? Даже Великая русская литература немало поиздевалась над русскими и русскостью, надо всем русским миром с его русским духом, а что говорить о каких-нибудь рюриковичах, византийцах, ордынцах, латинцах, тех же славных «запорожцах», как и всех мастей «европейцах» (от Петра I и далее), а также интернационалистах, марксистах, большевиках, а теперь вот глобалистах, либералистах, опять

же «новых европейцах», ну и, конечно же, ярых нерусских и антирусских националистах.

Взять ту же Российскую империю. Это что, и в самом деле была русская империя? Нет, вовсе нет! Петр I построил не русскую империю, а... *российскую*, а Русь Святую он как раз презрел, от нее и постарался радикально избавиться. А кем были собственно русские в российской империи? Да, они частично входили в состав господствовавшего феодального класса, того же служилого дворянства (по большей мере по происхождению чужеземного), но в основном-то коренные русские оказались в государственном и помещичьем, включая и церковное, рабстве. Нет, рабов на Руси не уничтожали, они были Империи нужны, работая в поте лица, служа беззаветно солдатами, активно плодясь, но... оставаясь рабами, причем гораздо большими рабами, чем иные «порабощенные-де» Империей нерусские народы. Наличие смешанного этнически, но в целом русскоязычного, свободного-де казачества дела тут не меняло, ибо казаки тоже были служивыми, да и не слишком охотно себя и русскими-то называли. А дворянство, говорившее по-французски (чтобы, видно, получше отделить себя от порабощенного им русского народа?) и жившее на европейский манер, русским-то считалось весьма условно (обратим внимание, что на Бородинском поле с двух сторон сошлись в битве... э-э... офицеры-«французы» — франко-европейские и «франко»-русские, — вот так!). Русский люд не так империю под себя устраивал, как был ее тягловым носителем, что не значит, что русские не признавали имперскую Россию *своей* страной и не чуяли бытовавшего в ней *русского мира*.

Русские по духу своему и образу бытия люди в основном *православные*, хотя не всякий русский собственно православный, как и не всякий православный собственно русский. Неверно увязывать накрепко русскость с ортодоксальным (греко-византийским) христианством. В мире хватает нерусских ортодоксальных христиан (греки, грузины, абиссинцы, румыны, сербы). Хотя русское православие заметно и христианизированно, но оно не есть чистый христианизм. Истоки русскости в глубокой, еще дохристианской, может, даже и доправославной, древности. Нынешний русский не против своей православности, но православности все-таки сложной («матрешечной»), в которой сочетаются какая-то проторусскость (хотя бы ведическая), собственно русскость (этничность), ортодоксальный христианизм (греко-византийство) и, наконец, все извне в веках заимствованное — что с Запада, что с Востока, но так же и с Юга, и с Севера. Русский — не только из белой расы, он не только арий, не только гипербореец, не только скиф, но и *европеец*, хотя и не западный (англосакс, германец),

а восточный (венед, славянин), однако с примесью северного европейства (Гиперборея), центрального (Карпаты, Пруссия, Померания) и южного (как раз Скифия).

Русские (включая проторусов) на земле вообще и на своей земле в частности издревле, когда-то они собственно русскими (русичами, россами) и не назывались, но в какой-то момент стали именоваться *русскими*, в чем выразились как определенная этническая собирательность (почему нет?), так и этическая исключительность (почему же тоже нет?).

В итоге явилось-таки *русское племя*, не только вобравшее в себя имевшийся в наличии подходящий людской материал, но и выделившее себя из древнего мира предков-русичей, побывав даже некоторое время *великороссами* (с последующим закреплением имени «русский» как раз за этими самыми великороссами).

И вот тут-то очень большой и очень больной вопрос: что же это такое русские со своей треклятой русскостью?

Если на обыденном уровне, то русские... качественно не определимы, строго никак не выражены, схематично не очерчены, системно не собраны. Русские, в общем-то... *никакие!* И при этом они... *русские* (не только не китайцы, не монголы, не арабы, не армяне, не англичане, не немцы, но даже и не поляки, не сербы, мало того... не украинцы!). Что можно сказать о русских, кроме того, что они есть, хотя их при этом как бы и нет; что их будто бы нет, но они, увы, есть? Вроде бы никакие они — эти русские, но при всем при этом очень жизнеспособные, подвижные, сметливые; будучи преданными своим лесам, водам и равнинам, они неплохо чувствуют себя в степях, горах и даже пустынях; жители глубокой суши, они очень неплохие мореплаватели; в основном крестьяне, они уже во втором поколении способные ученые, военачальники, деятели искусств, писатели и поэты, инженеры, космонавты. Миром окружающим и жизнью своей особенно они не дорожат, хотя к миру и жизни совсем и не равнодушны. Не слишком рациональны, но при этом и невероятно находчивы. Русские что-то вроде непрерывного пламени: неустойчивого, текучего, переменчивого, но непременно горящего! Горят русские и не сгорают, хотя и сгорают тоже, но, сгорая, они насовсем не исчезают, во что-то иное каким-то образом перевоплощаясь.

Русские — самые непосредственные *метафизики*. Метафизического начала в русских куда больше, чем физического. Они явно не от мира сего, точнее — больше от *иного мира*, чем мира сего. В этом мире они более мимолетные, может, и мнимолетные пришельцы, чем его прочные обыватели. Этот мир интересен русским, но не настолько, чтобы им вполне удовлетвориться. В этом мире русские не очень-то

обустройстваются. Они живут более для чего-то *другого*, не этого, не окружного. Их манит даль, высь, запределье. Это люди из *Ничто!* Идея русским дороже материи, никакая земная идея их не устраивает, а потому русским мила... э-э... какая-то очень уж идеальная идея, которой у людей нет, но ради которой только и стоит жить, точнее — не так жить, а как ждать, как раз того, о чем и помыслить-то нельзя. Трансценденция тут сплошная, прямо в душах русских и сидящая! А потому русскость — некое *неотмирное ничто*, которое в то же время и *неизвестное нечто*, удерживающее русского на земле, в этом мире, но при непереносимом условии временности своего земного, сеюмирного присутствия. Космос — другое дело, но космос как таковой тоже еще не все, ибо русский тянется за космос, к *иному миру*, отчего и православие свое лелеет, которое только верхней стороной ортодоксально-христианское, а нижней-то — волхво-ведическое!¹⁸

Восточная Европа — ареал русскости, это русское в основном пространство. Но это и зона непрерывной борьбы — за русскость и с русскостью. Крайне страдательная зона, но она и крайне в духовном плане насыщенная. Именно здесь вылупился и бытует собственно русский человек — человек-неотмирец, человек-иномирец, человек-ничто! Не сладко ему, ибо жмут его, ругают, отрицают, как и покоряют, господствуют над ним, эксплуатируют его, хотя и от него вовсе не всем и не всегда сладко бывает, ибо неподатлив он, неправилен, негативен, но при этом еще и вынослив, приспособителен, неуничтожим, мало того — коварен, втягивающ (как тряпина), разлагающ (как кислота). Легко растворяясь в чуждой среде, сам непринужденно растворяет в себе любой чуждый элемент. Не руссификация чуждого тут на переднем плане, а его обрусевание, превращение в *своего*. Цена своих, русский ценит и чужих, иной раз им и завидуя, но, познавая чужих, предпочитает более всего своих, совершенно с ними и не церемонясь. Страдая от русского мира — неустроенного, неопределенного, неблагополучного, тяжкого, гадкого, адского, русский человек еще больше страдает от любого нерусского мира, ибо он — русский — не от этих миров, а от своего — русского мира, совершенно и неотмирного!

Разрывающийся между миром земным и миром небесным, русский человек на практике противоречив, раздвоен, нецелостен. Менее всего ему присущи мера, середина, баланс. Русский не рожден для покоя, стабильности, благополучия. Если он и мирный обыватель, то совершенно неправильный, не только не умеющий красиво и стройно жить, но вовсе и не желающий уметь красиво и стройно жить, что не значит,

¹⁸ Можно сказать и иначе: у русского православия основа ортодоксально-христианская, а вот подоснова... волхво-ведическая.

что у русского нет устоев, обычаев, правил, как и чувства подлинной красоты. Глядя на русского со стороны, в особенности от лица «правильных» народов, ничего кроме нелепости, шаткости и дурости в русском человеке увидеть-де невозможно. Широкий, раскидистый, несобранный. Неуловимый, неопишущий, невнятный. Ни понять русского, ни оформить, ни как следует скомпоновать.

Ни на что дельное вроде бы неспособный, русский способен, однако, на все, но для него непременно как-то и чем-то заманчивое, привлекательное, воодушевительное. Медленно запрягает, но быстро едет! Внешне неприметный и чуть ли не никчемный, вдруг великий деятель, подвижник и герой. Противник методичности, но зато адепт скорого и бурного действия.

Русский мало кому нравится, хотя мало кто отказывается от возможности попользоваться русским миром, поехать на нем, урвать от него чего-нибудь для себя. Русский мир малопонятен для нерусского контекста, а попросту и страшен — своей неопределенностью, непредсказуемостью, поглотительной способностью. Не любят русских, но зато ими пользуются, не признают, но вынужденно считаются, ненавидят, но с ними любезничают. У русских почти нет этнодрузей и политических союзников, хотя русские признают весь мир, включая европейцев, китайцев, африканцев, даже и патагонцев, но признают так, что, немало восхитившись, предпочитают все-таки мир свой — русский, оставляя в покое любые иные этномиры.

Зачем же они на земле, эти русские? Ах, если б знать! Если б хоть устраивали себе рай на земле, покоряя и эксплуатируя другие народы; если б только и делали, что богу (богам) молились, погружаясь в нескончаемую нирвану; если б жили «по-человечески», блюдя себя и свои дома, а то ведь сколько от них всего странного, несуразного, неясного, опять же попросту и невозможного, но запросто вдруг случаящегося, при этом и совершенно необъяснимого, загадочного, волшебного?!

И откуда же такая неприязнь к русским, если не истая к ним ненависть? Из-за бытового разгильдяйства, неуместности, хамства? Да, не без этого, это все у русских есть, как и разное другое неприличное и отвратное, хотя и не у всех русских, да и не настолько великое, чтобы затмить душевную широту, поведенческую открытость, характерную непосредственность, а главное — простоту, аскетичность, неприязнательность, отзывчивость, доверчивость. Чем насолили русские практически всем «братским» и «небратским», но близким (соседским, общежитским) народам? Ладно бы еще прибалты, мнящие себя культурными европейцами в сравнении с «дикими русскими азиатами», отрицающие все русское в горделивой на Россию обиде, хотя кем бы они

сегодня были, не окажись своевременно в составе российского государства, не сохранившись в его лоне, не оставшись литовцами, латышами, эстонцами, а то ведь и грузины туда же, и казахи, и киргизы, и алтайцы... все вокруг недовольны, все вытесняют сейчас русских, обеспечивших многим из них европейскую и их же собственную культуру, давших им университеты, науку, консерватории, театры, заводы, фабрики, электричество, радио, железные дороги, автомобили, современные города, причем давших все это за счет сердцевины России, за счет самих себя, за счет собственного, вполне и бывшего возможным, процветания?

Но особенно поразительна ненависть к русским, расцветшая на современной Украине, в особенности к своим же русским, коренным, приговоренным к безоговорочной украинизации. Нет сомнения в близком родстве русских с украинцами (или великороссов с малороссами), но нет уже никакой уверенности в духовной «братскости» этих двух родственных славянских народов, когда один народ — украинский, оказавшийся вдруг на территории нынешней Украины «титულным», устраивает руками своего передового западнического националистического отряда вавилонскую казнь другому славянскому народу, оказавшемуся вдруг на своей исконной территории «нацменьшинством», еще и не имеющим права ни на какую автономию, хотя бы языковую. Это даже не иго, даже не нацизм с фашизмом, а самый обыкновенный геноцид — одного этноса относительно другого этноса, так сказать, геноцид «близкородственный».

Нам скажут, что украинцы в массе своей тут не при чем, что они ничего не имеют против русских и русскости, что это только экстремистская часть украинского народа настроена и действует против русского (вполне и коренного!) населения, что украинцев настраивают против русских из-за рубежа, но... почему же основная-то часть украинского народа молчит и бездействует, уж не по причине ли мягкого и незаметного сочувствия происходящим антирусским эксцессам, да и почему же украинцы так легко извне внушаемы и направляемы — против России, русских, русскости?

Да, все это самые обыкновенные проявления «русского холокоста» — холокоста именно над русскими, а не со стороны русских — по отношению какого-либо другого народа.

Нет, мы не собираемся возвеличивать русский народ в сравнении с другими народами, в том числе и исторически близким украинским, но мы не можем соглашаться и с унижением русского народа, допускаемым в среде других народов, пусть вроде бы и братских; русские, может, и хуже каких-то там правильных народов (хотелось бы их, правда,

определить и перечислить!), но не настолько же, чтобы подвергаться системному унижению, отрицанию и нескончаемой травле?!

Русский народ — сам по себе великий народ с великой историей и великой культурой, пусть и народ-«плохиш», и с «нехорошей»-де историей, и «дурной»-де культурой — и он не обязан ни перед кем отчитываться за себя, свою историю и свою культуру, извиняясь, заискивая и раболепствуя.

Русский народ, наряду с немногими и в самом деле великими народами — действительный вершитель всемирной, а не только своей, истории, как и, увы, вершитель истории многих других народов, причем со всех концов света (по итогам той же Второй мировой войны).

Но все это не значит, что русский человек выше, «круче», полноценнее какого-либо другого — ни в коем случае: чего нет, того уж нет!

И вот перед нами и историей удивительнейший факт — факт «русского холокоста», возбуждающий сегодня острейший **русский вопрос!**

Что это за вопрос?

Суть дела тут, разумеется, не в имеющем место неблагоприятствовании русскому этносу со стороны иных этносов, освободившихся от русского-де гнета, бывшего якобы в Российской империи и в СССР, хотя такое неблагоприятствование и показательно: отрицательное давление на русских есть, и истории современной приходится с этим считаться! Однако дело, в общем-то, не в русофобии как таковой, не в местечковых преследованиях русских, хотя это и отвратительно. Русский вопрос в... самих же прежде всего русских, точнее, в русском мире как таковом, полном, с одной стороны, собственной русофобии, а с другой — не очень-то осознающем необходимости ее скорейшего изживания, но не столько через прямой отпор русофобам, хотя он тоже необходим, сколько посредством всеобщего самопреображения.

Русским уже давно пора, во-первых, осознать себя именно *русскими*; во-вторых, понять, что они либо *вместе* и за себя, а потом уже с другими и за других, либо их — русских — скоро попросту не будет; в-третьих, припомнить свою исконную русскость, свою древность, свою историческую обоснованность; в-четвертых, изжить слишком долго культивировавшуюся в русском народе рабскость (из-за варяжства, византийства, ордынства, тевтонства, но, разумеется, и из-за своих — коренных — поработителей); в-пятых, обратить внимание на себя, свои идейно-духовные истоки, выработать (уточнить, развить) свое собственное мировоззрение, освободить свой менталитет от внешней концептуальной зависимости; в-шестых, надеясь на Бога и Промысел, самим не плошать, ища дорогу в *Иное* (более простое, содержательное и животворное); в-седьмых, противопоставить русофо-

бии не русофилию, а конструктивную сосредоточенность и поведенческую ответственность, одинаково страшные как для врагов, так и для «друзей»; в-восьмых, перестать себя окарикатуривать (развязным шутникам — отпор!); в-девятых, все лучшее, достойное, умное, мудрое — в пример!; в-десятых, учиться, трудиться, творить!

«Русский холокост» возбудил русский вопрос, а последний побуждает русский мир к сосредоточению, консолидации, преобразованию. Русофобия — неплохое лекарство, долженствующее достичь в итоге чисто русской цели — жить по-русски, преодолевая прелести Запада и не впадая в пределы Востока.

Не любят, презирают, ненавидят — значит не столько боятся, сколько завидуют, как и ценят, как раз за то неопределенное чего многим самим очень даже не хватает!

P.S. Почему я это все написал, как и постоянно обращаюсь к русской теме? По очень простой причине, точнее, по двум причинам: во-первых, потому, что я русский, рожден от русских родителей, вырос в русской семье и среди в основном русских людей, нахожусь в русском мире и живу по-русски, говорю на любимом русском языке, держу в себе русскую, пусть изрядно христианизированную и европеизированную, культуру, думаю по-русски, создаю русские тексты (я не китаец, не африканец, не еврей, не француз и не поляк, даже не украинец, хотя одна из моих бабушек этническая украинка; я всего лишь *русский человек* — по крови, по происхождению, по языку, сознанию, культуре и менталитету, что не значит, что я лучше или хуже любого другого человека — что из русских, что из не русских; я такой, какой есть!); во-вторых, потому, что русофобия и тот же «русский холокост» — не выдумки, а реальность, это — правда! И я не могу не быть против такой правды, но не как самой по себе правды, а как не устраивающего меня исторического факта, мне совсем не нужного и, не призывая ни в коей мере к русофильству, которого мне тоже совсем не нужно, я хочу только одного, — созидания, а может, и возрождения, полноценного русского мира, исключающего любые основания для русофобии и всякие поводы на возможность «русского холокоста».

Литература

1. Попов Г.Х. Русский холокост // Независимая газета. 2000. 26 апр. // http://www.ng.ru/ideas/2000-04-26/8_rushol.html.

А.А. ГРИЦЕНКО

Россия и Украина на острие европейской и евразийской экономической интеграции

Аннотация. В статье раскрываются методологические основания решения интеграционных проблем в треугольнике Европейский союз — Украина — (Россия — Таможенный союз). На основе применения логико-исторической методологии, агрегатного и полисистемного анализа показана необходимость формирования архитектуры разделенно-совместного социоэкономического пространства, в котором каждая страна смогла бы двигаться по оптимальной траектории к разделенно-совместным целям.

Ключевые слова: европейская интеграция, евразийская интеграция, Европейский союз, Таможенный союз, разделенно-совместное социоэкономическое пространство.

Abstract. The article deals with methodological foundations of integration problems solutions in the triangle of the European Union — Ukraine — (Russia — Customs Union). By applying logical-historical methodology, aggregate and polysystemic analysis it shows the need for the formation of the architectonics of dividedly joint socioeconomic space in which each country would be able to move along the optimal trajectory to dividedly joint goals.

Keywords: European integration, Eurasian integration, European Union, Customs Union, dividedly joint socioeconomic space.

Проблемы европейской и евразийской экономической интеграции необходимо рассматривать в *более широком логико-историческом контексте процессов глобализации и регионализации*, которые являются современными формами развития совместно-разделенного труда как исходного социально-экономического отношения, породившего в процессе исторического развития человека и общество [1, 51—53, 110—115]. Совместно-разделенный труд является той клеточкой, из которой исторически развились, с одной стороны, современное огромное разнообразие относительно обособленных видов труда, с другой — их многообразная связь и взаимозависимость. На современном этапе различие совместности и разделенности внутри процесса труда приобрело форму диалектической противоречивости глобализации и локализации экономических процессов.

Развитие разделения труда органически порождает стоимостные отношения и деньги как средство обеспечения связности относительно обособленных экономических процессов. Деньги выступают как пред-

ставители стоимости в обмене. А сама стоимость является пространственно локализованным временем воспроизводства блага [1, 97—98]. В современном мире стоимость и деньги могут перемещаться из одной точки экономического пространства, не локализуясь в промежуточных точках, подобно тому, как электроны в атомах переходят с орбиты на орбиту. Любые суммы денег посредством электронных переводов мгновенно могут оказаться в любой точке экономического пространства. Это создает безграничные возможности для мобильности капитала, которая опирается на глобализацию финансов, отделившихся от реальной экономики, ставших самостоятельной и основополагающей сферой движения ресурсов.

В процессе финансирования экономики происходит оборачивание основания: финансы родились из потребностей реального сектора и для его обслуживания, но потом приобрели основополагающее значение и стали определять движение всей экономики, превратившейся в результате этого в финансомику [2, 9]. Финансовый сектор обособился от реальной экономики, стал саморазвивающейся структурой, лишь в исходных пунктах связанной с реальным производством стоимости. Эта функциональная локализация виртуального движения стоимости преодолевает пространственную ограниченность предметно-вещественных форм воплощения стоимости и является адекватной общему процессу глобализации экономического пространства.

Однако этот процесс финансовой глобализации капитала, открывая последнему все новые возможности, наталкивается на ограничения пространственной локализации материальных и трудовых ресурсов и связанных с этим потребностей и спроса. Глобализация производства ведет к увеличению его масштабов не только путем концентрации, но и путем диверсификации и развития сетевых структур, что создает конкурентные преимущества глобализированному капиталу за счет более низких издержек производства, больших финансовых возможностей для обновления и совершенствования своих продуктов, рекламы и брендов. Глобализированный капитал, расширяя свое экономическое пространство, неизбежно вытесняет менее конкурентоспособных национальных и местных производителей, что приводит к росту безработицы и связанному с этим сокращению спроса. Страновая и местная локализация технико-производственных комплексов и рабочей силы не обладает такой эластичностью, как глобализированный капитал.

Таким образом, глобализированный капитал сам создает пределы своей экспансии и порождает острые противоречия и конфликты. Возникают глобальные диспропорции, проявляющиеся в нарушениях соотношений спроса и предложения, стоимости и денег, доходов и

финансовых обязательств. Не только отдельные производства, но целые города, страны и регионы становятся жертвами этих диспропорций, выпадая из звеньев финансовых глобализационно-локализационных процессов, попадая в финансовую зависимость, становясь безнадежными должниками и банкротами, имея при этом реальные ресурсы для развития производства.

В силу динамизма современного развития противоречие между стоимостно-финансовой формой глобализации производства, с одной стороны, и материально-вещественной и человеческой формой локализации производства — с другой, приобретает острые кризисные формы. Кризис становится дискретно-непрерывным, т. е. разные кризисы постоянно возникают и исчезают в различных локальных пространствах мирового хозяйства. Но периодически возникает ситуация распространения кризиса за рамки локальных пространств, соединения цепочки локальных кризисов и формирования глобального кризиса. Периодичность таких глобальных кризисов не будет определенной. Она будет зависеть от параметрически непрогнозируемых факторов.

Интеграционные процессы в экономике являются одной из форм разрешения противоречия между глобализацией и локализацией производства. Они связывают стоимостно-финансовую глобализацию с пространственно-страновой локализацией материальных ресурсов и рабочей силы. Интеграция связывает скорость глобализационных процессов с эластичностью локализованных факторов производства, предотвращая крупные разрывы, создавая компенсационные механизмы и обеспечивая движение к новым структурным пропорциям. Именно поэтому интеграция приобретает региональную форму.

Одним из важных условий региональной интеграции является *однородность развития* участвующих в ней стран. Иначе вместо интеграции получатся экспансия одних стран в экономическое пространство других и деградация более слабых стран. Из этого же вытекает и необходимость *консенсусного подхода* к разрешению всех противоречий. Для интеграции необходима разумная, взаимозаинтересованная, консенсусная экономическая политика. Следует также учесть, что «региональную интеграцию вообще сложно представить себе как чисто экономический процесс. В сравнении с процессами глобализации она всегда является категорией политико-экономической и социально-экономической, которую в принципе неправильно анализировать исключительно с помощью инструментария экономической науки» [3, 11].

Европейская интеграция имеет свои структурные, функциональные и иные особенности. *Европа — это не только географическое, но и социально-экономическое, институциональное, политическое и социо-*

культурное образование. При этом названные составляющие нельзя понимать только как слои отношений. Взаимопроникая, они образуют *рефлективную целостность*, каждый элемент которой отвечает все остальные и влияет на них. В результате, например, социально-экономическое развитие зависит не только от социально-экономических, но и от географических, институциональных, политических и социокультурных факторов, а социокультурный процесс, в свою очередь, испытывает на себе влияние географической среды, институтов и политики.

Такое взаимодействие элементов позволяет трактовать всю систему как развертывание одного из ее элементов. Причем это утверждение справедливо для каждого элемента. Отсюда вытекают два важных методологических вывода. Первый состоит в необходимости применения принципа *агрегирования*, второй — *полисистемного подхода*. Если один элемент реализуется во всех остальных, то последние становятся выразителями первого и образуют определенные сферы приближения к основополагающему элементу, являющемуся ядром системы. Это позволяет выделить агрегаты данного элемента. Нулевой агрегат (A0) образует сам элемент — ядро системы. Первый агрегат (A1) образует зона, непосредственно прилегающая к ядру и несущая его характеристики. Вторым агрегатом (A2) — отдаленная зона и т. д. И, наконец, периферия, в которой признаки представленности ядра настолько малы, что ими можно пренебречь. Типичным примером здесь могут служить денежные агрегаты: M0, M2, M3. Деньги, почти деньги и т. д. в зависимости от степени ликвидности.

Второй принцип — полисистемность анализа — учитывает то обстоятельство, что любая рефлективная система может быть представлена как система любого его элемента и проанализирована в этом аспекте. Это означает, что полную картину может дать только полисистемный анализ.

Европейская интеграция носит всеобъемлющий характер, касающийся экономической, политической, правовой, социальной и других сторон общественной жизни. Она имеет свою историю и включает многоуровневые и разнородные процессы. Европейский союз прошел несколько этапов расширения. Количество его членов с 1957 г. до 2014 г. возросло с 6 до 28. Возникли наднациональные институты. Кризис вызвал необходимость усиления наднационального регулирования. В последнее время активно формируется Европейская система финансового надзора, призванная консолидировать регулирование финансовых рынков.

Ядром ЕС являются интеграционные связи Германии и Франции. Хотя это ядро (нулевой агрегат — E0) не имеет формальных определе-

ний, без него Европейский союз не смог бы существовать, в то время как без небольших стран это было бы возможно. Страны, вошедшие в Европейский союз при его образовании, составляют первый агрегат (Е1); страны, присоединившиеся позже и более существенно отличающиеся степенью интегрированности, — второй агрегат (Е2), внутри которого существует более детальная дифференциация; страны, с которыми ЕС проводит политику соседства, — третий агрегат (Е3), остальные — периферия. Агрегаты отличаются по степени интегрированности, и их можно охарактеризовать вполне конкретными социально-экономическими и другими параметрами. Разумеется, есть переходные состояния и возможны другие подходы к агрегированию. Но методология остается той же. Именно методология агрегирования в единстве с полисистемным подходом обеспечивает адекватный подход к решению многообразных интеграционных проблем.

Теоретически и формально существуют критерии, которые должны быть выполнены странами для вступления в ЕС, что, по идее, должно обеспечивать гармонизацию развития. Однако эти критерии не всегда выдерживались. При приеме новых членов иногда играла роль политическая целесообразность, что неизбежно создавало риски нарушения пропорциональности в развитии производства, финансовой и социальной сфер. Противоречия между глобализацией и пространственно-страновой локализацией производства не всегда находили адекватную форму разрешения в интеграционных процессах. В результате это стало причиной кризисных явлений, наиболее яркий пример которых продемонстрировала Греция.

Таможенный союз имеет непродолжительную историю, однако в него входят страны бывшего СССР, экономические связи которых были и в определенной мере остаются достаточно тесными. Поэтому интеграционные возможности этих стран имеют хорошую перспективу. Ядром Таможенного союза являются Россия и Белоруссия (нулевой агрегат А0). Включение в этот союз Казахстана образует агрегат А1. Присоединение других стран (в настоящее время Киргизии, Таджикистана и Узбекистана) образует агрегат А2. Страны, которые тесно сотрудничают и готовятся к вступлению в Таможенный союз, входят в агрегат А3.

Таможенный союз «в процессе своего формирования использовал существующий мировой опыт создания интеграционных группировок, что позволило в достаточно короткие сроки сформировать не только институциональную структуру по управлению объединением, но и, что важнее, четко выстроенную договорно-правовую базу союза» [4, 26]. С 1 июня 2011 г. таможенный, транспортный, ветеринарный, карантинный, санитарный и фитосанитарный государственный контроль

стал осуществляться на внешней границе Таможенного союза, что «привело к появлению Единого экономического пространства — общего рынка, требующего согласованной макроэкономической политики, правил конкуренции, системы технического регулирования, транспорта, тарифов естественных монополий» [5, 15]. Создана Евразийская экономическая комиссия, являющаяся уже наднациональным органом. В 2015 г. планируется создание Евразийского экономического союза. Разрабатываются планы дальнейшего интенсивного развития интеграционных процессов, выходящих за рамки экономического союза.

Существует история развития экономических взаимоотношений ЕС и России, ЕС и Украины, Украины и России. Сейчас Украина и Россия оказались на острие европейской и евразийской интеграции. Более того, острый международный кризис, связанный с присоединением Крыма к России, формально начался с Майдана, собравшегося для протеста против неподписания Украиной соглашения об Ассоциации с ЕС. А неподписание было вызвано в значительной степени оценкой последствий зоны свободной торговли с ЕС и действий России по отношению к Украине в случае подписания соглашения. Конечно, этот протест перерос в выступление против существующей системы власти, и к нему присоединились разные силы, имеющие иные цели, отличающиеся от первоначальных. Но, в конечном счете, и отношение Украины к ЕС, и ее отношение к ТС, и проблема Крыма — это проблемы интеграции разных экономических, политических и социокультурных пространств и их конфигурации.

Взаимоотношения Европейского союза и Таможенного союза, России и Украины имеют сложный характер, что обусловлено как историей их развития, так и современной ситуацией. Существуют различные, в том числе диаметрально противоположные точки зрения на будущее этих отношений. В контексте европейского экономического пространства *основными линиями взаимоотношений являются: Украина — Россия — ТС, Украина — ЕС, ТС — Россия — ЕС*. В связи с тем, что Таможенный союз стал функционировать как единое экономическое пространство, эти отношения приобретают форму треугольника: ЕС—Украина—(Россия — ТС).

Украина, не являясь еще членом ни ЕС, ни ТС, находится в состоянии выбора. Этот выбор обусловлен целым рядом объективных и субъективных факторов и является глубоко противоречивым. Более промышленно развитый восток Украины имеет тесные кооперационные и торговые отношения с Россией и другими странами Таможенного союза. Восток Украины технологически и экономически комплементарен России и ТС. Создание зоны свободной торговли Украины с ЕС и реакция на это России и Таможенного союза, связанная с измене-

нием режима пропуска товаров на границе Украины с ТС, создают для промышленности востока Украины огромные риски и приводят к значительным потерям. Поэтому восток Украины объективно заинтересован в интеграции с ТС. Запад Украины не имеет развитой промышленности, часть его населения постоянно ездит на заработки в Европу, и зона свободной торговли с ЕС для него выгодна. Получается, что разные части Украины объективно имеют противоположные интеграционные векторы. И реализовать их невозможно, не расколов страну на части или не породив глубокий кризис и конфликт, что, собственно, и произошло.

Следует также учесть субъектную сторону проблемы. Она существенно усложняет структуру взаимоотношений. Например, по линии Украина — Россия есть отношение Украины к России, отношение России к Украине, не совпадающие друг с другом, и их взаимодействие. При этом каждое из отношений имеет *сложную структуру, включающую множество естественных, технико-технологических, социально-экономических, политических, культурных и иных взаимодействий*.

Кроме этого, существует *несовпадение субъективного восприятия каждой из сторон своих взаимоотношений*. Отношение Украины к России в восприятии Украины отличается от восприятия этого отношения Россией. Точно так же отношение России к Украине в восприятии России отличается от восприятия Украины. К этому добавляются *сложность и структурированность субъектов отношения*. До этого речь шла об Украине как едином субъекте, однако он внутри дифференцирован. Можно говорить об отношении народа и власти, бизнеса и государства, различных социальных слоев, групп населения, регионов и т. д. Например, в 2005—2009 гг. Украина в лице власти представляла свое отношение к России как цивилизованную, дружественную, но самостоятельную политику. Россия эту же политику воспринимала как недружественную, направленную на осложнение и дальнейшее ухудшение отношений. Соответственно различались представления России и Украины об отношении России к Украине. Власти России считали, что проводят дружественную, братскую, направленную на развитие всестороннего сотрудничества и помощь Украине политику, а власти Украины расценивали эту политику как экспансионистскую, направленную на подчинение Украины и превращение ее в своего сателлита. В настоящее время отношения России и Украины приобрели предельно конфликтный характер.

Все эти взаимоотношения могут быть проанализированы в *историческом и современном контекстах*. Существуют также *усредненные векторы групп взаимосвязей и интегрирующий вектор* всех этих отношений, характеризующийся определенной силой и направлением.

С точки зрения *методологии* можно выделить два принципиально различающихся подхода к взаимоотношениям России и Украины: *ментально-идеологический* и *эмпирико-прагматический*. Первый опирается на чувственное восприятие и идеологические стереотипы без специального научного анализа всей истории, современности и перспектив развития. Второй исходит из конкретного анализа состояния экономических отношений, математически фиксируемых тенденций их изменения и делает прагматические выводы.

С позиций *ментально-идеологического подхода* существующие взгляды на отношение Украины к России могут быть объединены в три группы: чем дальше от России, тем лучше для Украины (восприятие акцентируется на отрицательных фактах истории и современности взаимоотношений); Украина и Россия всегда были вместе и сейчас необходимо объединиться (восприятие акцентируется на положительных фактах истории и современности); Украина и Россия — дружественные самостоятельные суверенные государства, которые должны тесно взаимодействовать и углублять сотрудничество.

Взгляды на *отношение России к Украине* также могут быть сведены в три группы: Украина была частью России, затем СССР и, в конечном счете, должна снова войти в состав единого государства; Украина стала самостоятельным государством, и с этим нужно смириться; Украина — самостоятельное государство, но нужно искать пути и формы его интеграции в зону экономического влияния России и единое с ней экономическое пространство. Присоединение Крыма к России представляет частичную реализацию первого варианта. Характерно, что и основания присоединения в значительной степени носили ментально-идеологический характер (риторика: «возвращение крымчан домой — в Россию»), хотя, безусловно, военно-стратегический мотив был важен.

Эмпирико-прагматический подход претендует на научность, однако оперирует данными, характеризующими лишь отдельные фрагменты взаимоотношений России и Украины на определенных исторических этапах (преимущественно на нисходящей линии их интеграционных отношений). Поэтому его выводы имеют узко эмпирический характер, не учитывают весь контекст и логико-историческую доминанту развития.

Наиболее адекватный — научный — подход к анализу развития комплекса отношений ЕС — Украина — (Россия — ТС) обеспечивает *логико-историческая методология*. Она должна учитывать всю историю развития стран, тенденции изменения мировой геополитической конфигурации в единстве всех ее аспектов, современный потенциал Украины, ЕС, России и ТС в реализации наметившихся тенденций и на

этой основе находить траекторию их движения в будущий мир и стратегию структурных трансформаций. Ментально-идеологический и эмпирико-прагматический подходы в этой методологии играют роль отдельных срезов, которые принимаются во внимание, учитываются, но не становятся основанием для окончательных выводов.

Каждая страна, развивая сотрудничество, решает свои социально-экономические задачи. Украина рассматривает перспективу вхождения в ЕС. Россия как евразийская страна ищет свои формы взаимодействия с общеевропейским экономическим пространством. Поэтому *общее направление движения к Европе в каждой стране наполняется разным содержанием, соответствующим их состоянию, возможностям развития и соотношению экономических структур, участвующих в этом процессе.* Задача заключается в том, чтобы оптимизировать структуру и темпы интеграции в европейское пространство. Для ее решения логико-историческая методология может быть конкретизирована в структурном аспекте как *методология архитектоники разделенно-совместного социоэкономического пространства, ставящая целью отыскать такую структурную конфигурацию и такие способы ее построения, которые бы оптимизировали индивидуальные траектории развития видов деятельности, секторов экономик, социокультурных связей и стран в целом с точки зрения согласования реализации их общих и индивидуализированных интересов и обеспечения повышения уровня целостности системы.*

Несмотря на исторические коллизии, процесс интеграции объективно будет продвигаться в направлении создания единого экономического и социогуманитарного пространства от Атлантики до Тихого океана. Сейчас треугольник ЕС — Украина — (Россия — ТС) существует лишь формально. Реально линии ЕС — Украина, Украина — (Россия — ТС), ЕС — (Россия — ТС) не соединены. Каждая линия существует обособленно. Соединение линий сотрудничества в единый треугольник, например, путем создания трехсторонней комиссии, мог бы дать синергетический эффект. Понятно, что например, интеграция Украины в ЕС, а затем развитие интеграционных процессов между ЕС и ТС имеет иные решения и социально-экономические последствия для всех сторон, чем решение вопросов интеграции с самого начала на трехсторонней основе: ЕС — Украина — (Россия — ТС). Последний путь является экономически оптимальным, так как все элементы системы с самого начала движутся по кратчайшей траектории к конечному результату. Первый путь содержит зигзагообразные траектории некоторых элементов, и поэтому является более затратным. Но реально решения и траектории движения зависят не только от экономической рациональности, но и от других политических, военно-

стратегических, ментально-идеологических и иных факторов. В результате получается то, что получается, а не то, что было бы нужно.

Конечно, сейчас, когда противостояние России и Украины, которую поддерживают ЕС и США, носит острый характер, такая постановка проблемы кажется несвоевременной. Но в каждый данный момент необходимо думать не только о краткосрочной перспективе, но и об общей линии развития, тогда и решения будут сбалансированными. Как бы ни развивалась ситуация, ни Россия и Таможенный союз, ни ЕС, ни Украина никуда не денутся. Они вынуждены будут развивать интеграционные процессы. Сейчас уже существуют полученные с помощью модели общего равновесия CGE Globe v1 оценки возможных экономических последствий соглашения о свободной торговле между ЕС и ТС, предполагающего взаимное обнуление импортных тарифов на товары [6]. Такие оценки можно было бы сделать и с учетом Украины, а затем выстроить систему постепенного дифференцированного движения к нулевым импортным тарифам в треугольнике ЕС — Украина — ТС.

Такой подход создает возможности решения перспективных вопросов поэтапного создания единого, точнее, разделенно-совместного экономического пространства, в котором каждая страна смогла бы оптимальным образом реализовать свои интересы и свой суверенитет, при этом вопросы геополитической целесообразности перестали бы быть доминантными, уступив место взаимному экономическому и институциональному способствованию.

Литература

1. *Гриценко А.А.* Развитие форм обмена, стоимости и денег. К., 2005.
2. *Осипов Ю.М.* Кризис — время разочарований, прозрений и надежд (тезисные заметки) // *Философия хозяйства*. 2009. № 3.
3. *Сиденко В.Р.* Глобализация — европейская интеграция — экономическое развитие: украинская модель: В 2 т. Т. 2. Европейская интеграция и экономическое развитие. К., 2011.
4. *Гошин В.А.* Таможенное законодательство Таможенного союза: современное состояние и основные направления совершенствования // *Евразийская интеграция: экономика, право, политика*. 2013. № 13.
5. *Умаханов И.М.-С.* Евразийская интеграции как ответ на вызовы XXI века // *Евразийская интеграция: экономика, право, политика*. 2013. № 13.

б. Кнобель А., Чокаев Б. Возможные экономические последствия торгового соглашения между Таможенным и Европейским союзами // Вопросы экономики. 2014. № 2.

В.Г. БОДРОВ

**Интеграционные векторы экономического развития
в треугольнике ЕС — Украина — ЕврАзЭС: противоречия,
возможности, перспективы**

Аннотация. Рассматриваются векторы интеграции, а также и противоположные тенденции фрагментаризации в пространстве ЕС — Украина — ЕврАзЭС. Исследуются сложные проблемы интеграционного выбора для Украины, современные подходы к переводу процесса евроинтеграции в практическую плоскость.

Ключевые слова: евроинтеграция, Украина, ЕС.

Abstract. The article is devoted to integration vectors and opposite tendencies of a fragmentarization in European space. Complex problems of an integration choice for Ukraine, modern approaches to transfer of eurointegration process to the practical plane are investigated as well.

Keywords: eurointegration, Ukraine, EU.

Течение глобального финансово-экономического кризиса, напряженные поиски эффективных путей преодоления его последствий и развития нового мирохозяйственного устройства со всей силой актуализируют вопросы модернизации национальной экономики. Современное мировое хозяйство является переходным от своего уже привычного состояния совокупности национальных экономик и их взаимосвязей к некоему принципиально новому общепланетарному экономическому феномену. Одновременно происходят и противоположные тенденции фрагментаризации мирового экономического пространства, его распада на мощные конкурирующие между собой макрорегиональные экономические объединения.

Все больше направленность инвестиционных потоков, а с ними — ресурсов, технологий, готовой продукции, определяется регуляторами глобального характера, которые приводят к тектоническим сдвигам в межстрановой и межцивилизационной конкуренции. Соответственно глобальному движению капиталов дифференцируются темпы и качество экономического развития как отдельных стран, так и больших планетарных макрорегионов, границы которых в значительной степе-

ни совпадают с линиями разграничения мировых цивилизаций. По оценкам многих экспертов, в острой конкурентной борьбе за прорыв к мировому доходу перспективу имеют только страны или группировки стран с самодостаточным внутренним рынком — не меньше, чем в 200 млн потребителей, что позволяет свести к минимуму транзакции с другими экономическими мегаобъединениями. В современных условиях происходят интеграционное взаимодействие и синтез цивилизационной, социогуманитарной и финансово-экономической составляющих общественной динамики и кризисов как формы ее проявления. В результате, экономические процессы наполняются цивилизационным и социогуманитарным содержанием, и «...формируется экономика цивилизаций как единое и вместе с тем многообразно расчлененное и фрагментарное полисистемное образование, закономерности возникновения и развития которого только предстоит еще познать» [1, 358].

В таких обстоятельствах всесторонне обоснованный выбор интеграционного вектора развития может стать мощным ресурсом модернизации национального хозяйства, вывести его на качественно новый уровень инновационной и социальной конкурентоспособности. И наоборот, стратегическая ошибка политических элит в определении направления социохозяйственной интеграции может отбросить страну на обочину основных трендов общественного прогресса XXI в. Обычным становится то, что не внутренняя жизнь сама по себе, а ее симбиоз с мирохозяйственными регуляторами определяет подъем или упадок экономики, масштабы нищеты или благосостояния государства [2, 59].

Украина, украинская общественность, политические элиты длительное время колебались между выбором интеграции в Европейский союз и вхождением в Единое экономическое пространство/Евразийского экономического сообщества/Таможенный союз, не всегда осознавая стратегический, цивилизационный характер такого выбора и возможные его последствия. Это, в конечном счете, привело к острейшему гражданскому конфликту в ноябре 2013 — феврале 2014 г., поставившему украинское общество и государство на грань раскола и распада. Вследствие безответственности, алчности и продажности национальных политических и бизнес-элит, не обеспечивших за 23 года независимости внутреннюю интеграцию украинского общества, страна оказалась втянутой в геополитические и геоэкономические расклады ведущих мировых игроков, что таит в себе угрозу утраты субъектности международного права и уже привело к тяжелейшей территориальной потере полуострова Крым. Не последнюю роль в этом сыграла неправильная оценка или вообще игнорирование со стороны

государственного руководства Украины коренных, стратегических интересов социальноэкономического развития страны.

Чисто экономические расчеты оказались довольно противоречивыми и далеко неоднозначными. С одной стороны, для большинства экспертного сообщества за пределами грантовых неправительственных организаций было очевидно, что присоединение к ЕЭП/ЕврАзЭС и Таможенному союзу в краткосрочной перспективе может сформировать очевидные выгоды для Украины на сумму 6—10 млрд дол. за счет расширения торговли товарами и услугами, существенного уменьшения цен на базовые ресурсы, активизации научно-технического сотрудничества, повышения инвестиционной и инновационной активности в капиталоемких отраслях промышленности. С другой стороны, потенциальными минусами такого шага для Украины в средне- и долгосрочной перспективе могут стать: консервация существующей структуры отечественной экономики, ориентированной на низкотехнологический экспорт; частичная потеря контроля над отдельными секторами экономики; повышение конкуренции в отдельных секторах внутреннего рынка Украины, в результате которой украинские товары могут быть вытеснены российскими аналогами. К такому выводу пришли эксперты Института народнохозяйственного прогнозирования РАН и Института экономики и прогнозирования НАН Украины, проведя в 2011 г. соответствующее совместное исследование [3].

В то же время получение ассоциированного членства в ЕС и присоединения к зоне свободной торговли с ЕС в краткосрочной перспективе могут значительно усложнить ситуацию в ряде важных отраслей и секторов национальной экономики как на внутреннем, так и на внешних рынках и даже привести к полной деиндустриализации страны и упадку целых неконкурентоспособных производств (аграрный сектор, машиностроение, легкая промышленность). Зато в средне- и долгосрочной перспективе при проведении реструктуризации экономики с ориентацией на развитие высокотехнологических производств и экспорта с высокой добавленной стоимостью Украина имеет шанс приблизиться к значительно большим по объемам рынкам ЕС, инвестиционным ресурсам, инновационным технологиям и высоким стандартам качества жизни. Вследствие изменений в условиях торговли с ЕС, предусмотренных Соглашением об ассоциированном членстве, ожидается ускорение темпов роста экономики Украины, которое найдет свое выражение в приросте реального ВВП на 0,7—0,9% относительно базового уровня, за счет ускоренного роста экспорта товаров и услуг на 2—3% с тенденцией к дальнейшему росту [4, 26]. При этом остается вопрос о степени открытости для украинских товаропроизводителей уже давно поделенных европейских рынков в условиях продолжения

глубокой депрессии в Еврoзоне. Продолжаются долговой и бюджетный кризисы в большинстве стран Евросоюза. Явно затянулись и поиски оптимальной модели модернизации самого Европейского союза, экономические и политические перспективы которого на ближайшие 5—10 лет все еще находятся в зоне неопределенности.

Тем не менее понятно, что проблема интеграционного выбора для Украины является комплексной и многоаспектной, где экономика, хотя и важная, но одна из составляющих такого выбора, наряду с геополитическими, социальными, историческими, ресурсными, ментальными, цивилизационными и т. п. факторами. Хотелось бы думать, что новое руководство Украины, пришедшее к власти в результате гражданского конфликта конца 2013 и начала 2014 гг. будет исходить из комплексной оценки стратегического выбора интеграционного вектора развития. Учитывая указанное и сложные модернизационные процессы в ЕС относительно их влияния на отечественную экономику, важно подчеркнуть, что избранная Украиной стратегия евроинтеграции требует адекватной национальной социально-экономической политики, что имеет критическое значение для достижения страной целей устойчивого экономического развития. Главной задачей органов государственного управления является реализация стратегии социально-экономических реформ, направленных на «изменение экономических механизмов развития, системную модернизацию экономики, радикальное повышение технологического уровня отечественного производства, овладение современными факторами обеспечения конкурентоспособности национальной экономики» [5, 71]. Кризис в Евросоюзе предоставил Украине своеобразный шанс ускоренной и более качественной подготовки к глубокой интеграции в европейский общий рынок и общеевропейские институты.

Определяя основные параметры поиска современных подходов к переводу процесса евроинтеграции в практическую плоскость и учитывая негативный опыт некоторых стран—членов ЕС, внешнеэкономическая политика Украины должна быть сосредоточена, прежде всего, на обеспечении целей национального развития: модернизации экономики, преодолении тенденции деиндустриализации хозяйственного развития, повышении устойчивости финансовой и фискальной систем к внешним шокам и с этой целью — диверсификации торговых связей и более полного использования евроинтеграционных институтов и механизмов сотрудничества, помощи, имплементации правил и нормативов и т. п. Интеграция Украины во внутренний рынок ЕС путем создания зоны свободной торговли (ЗСТ) с ЕС рассматривается действующим руководством страны как стратегический ориентир внешней и внутренней экономической политики государства и механизм

обеспечения внутренних системных социально-экономических преобразований и расширения доступа к рынку ЕС, а также рынкам третьих стран. Кроме того, будущее позиционирование Украины в европейском пространстве во многом будет зависеть от ситуации в основных отраслях, которые являются определяющими и для национального развития, и для общеевропейского, — сельском хозяйстве и энергетической отрасли. Вместе с тем усиление конкурентных позиций Украины в процессе сближения с ЕС требует существенной активизации промышленной политики, направленной на проведение новой индустриализации (автоматизации, роботизации, компьютеризации и т. д. рабочих мест и производств), развитие реального сектора национальной экономики и внутреннего рынка.

Глубокая и всеобъемлющая ЗСТ имеет важную (по сравнению с соглашениями о ЗСТ в рамках СНГ) особенность, а именно, сильные регулирующие и институциональные составляющие. Если соглашение о создании ЗСТ в рамках СНГ не предусматривает регуляторных изменений в стране, то ЗСТ с ЕС должна привести к согласованию нормативной практики Украины с европейскими правилами и нормами в связанных с торговлей областях. Основные пункты Соглашения о ЗСТ предусматривают следующий режим торговли между ЕС и Украиной [5, 73]:

- беспошлинный экспорт в ЕС для промышленной продукции, начиная с даты вступления Соглашения в силу;
- значительные квоты на беспошлинный экспорт отдельных видов сельскохозяйственной продукции в Евросоюз, в том числе молочных продуктов, зерна и круп, сахара; отказ ЕС от экспортных сельскохозяйственных субсидий в торговле с Украиной;
- переходные периоды для либерализации импортных пошлин на Украине;
- беспошлинный импорт большинства сельскохозяйственной продукции ЕС на Украине; специальные режимы по импорту автомобилей, подержанной одежды на Украине;
- постепенная отмена экспортных пошлин на Украине с введением временной надбавки на экспорт семян подсолнечника, лома цветных металлов в рамках так называемых двусторонних мер защиты; дальнейшая либерализация торговли услугами.

Глубокая и всеобъемлющая ЗСТ также предусматривает существенную корректировку регуляторных практик Украины в сфере конкуренции, государственной помощи, государственных закупок санитарных и фитосанитарных мер, технического регулирования, защиты прав интеллектуальной собственности, обеспечения устойчивого развития (экологические вопросы, трудовые и социальные вопросы) и

т. д. Вместе с тем ЕС обязуется оказывать техническую помощь для обеспечения реализации необходимых изменений. Внедрение глубокой и всеобъемлющей ЗСТ с ЕС влечет за собой и важные преимущества, в том числе повышение благосостояния населения за счет расширения доступа к большему ассортименту продукции, ужесточения требований к безопасности продукции на внутреннем рынке и высоких доходов благодаря новым возможностям для бизнеса и улучшению распределения внутренних ресурсов.

Современный этап реализации стратегии евроинтеграции Украины (посредством заключения и последующей имплементации соглашений об ассоциации и зоне свободной торговли с ЕС) в перспективе до 2020 г. содержит как дополнительные возможности и стимулы к развитию, так и серьезные вызовы. «Нынешнее течение кризисных процессов в ЕС по сценарию резкого ухудшения финансово-экономической ситуации в странах еврозоны может повлечь цепную дестабилизирующую реакцию в других слабых экономиках мира и региона, к которым относится экономика Украины... глубоко интегрированная в торговые и финансовые взаимоотношения с европейскими странами» [6, 16]. Ряд потенциально «горячих точек» в Еврозоне, где Украина имеет свои экономические и финансовые интересы, обуславливает необходимость политики осторожного балансирования между перспективой дополнительных выгод и избегания нежелательных потерь. Насколько Украине удастся нейтрализовать имеющиеся риски, достичь поставленных целей и обеспечить при этом соблюдение общенациональных интересов, а не только потребностей отдельных экспортно ориентированных финансово-промышленных групп, будет зависеть от мобилизации нереализованного экономического потенциала Украины и кардинального улучшения качества государственного управления, повышения институциональной способности государства по управлению кризисными ситуациями, процессами модернизации национального хозяйства и их синхронизацией с реформированием самого Евросоюза. Такой подход создает определенное пространство для стратегического маневра в среднесрочной перспективе, что открывает (или сохраняет) перспективу углубленной экономической и политической интеграции с ЕС, поскольку должный уровень политического и экономического управления приобретает большое значение именно в условиях кризиса и выхода из него.

Сегодня образовался треугольник ЕС—Россия—Украина с достаточно сложным узлом взаимоотношений и противоречий. Однако при более глубоком рассмотрении противопоставление по граням такого треугольника представляется ложным, когда считается, что евроинтеграция Украины происходит за счет России, а евроинтеграция России

— за счет Украины. На самом деле, это совершенно ложная альтернатива, ибо, чем выше успехи евроинтеграции для каждой из этих стран, тем выше предпосылки для евроинтеграции стран-партнеров. Иначе говоря, если больше продвигается по евронаправлению Россия, то она по структурным связям, по своей кооперационной смычке с Украиной тоже так или иначе будет подталкивать Украину к ЕС. ЕС вовсе не альтернатива ни для Украины, ни для России, потому что у России такой же евровыбор, только дополненный огромным потенциалом азиатского пространства [7, 58]. Поэтому фундаментальное значение приобретает необходимость коренным образом менять точку зрения относительно реальных перспектив взаимоотношений в треугольнике ЕС—Украина—Россия (ЕврАзЭС). Следует перестать видеть ложную альтернативу там, где ее нет.

В этом смысле примечательным является высказывание польского экономиста Гжегожа В. Колодко: «Принципиальное влияние на картину мира в 21 веке окажет не столько результат непосредственного экономического соперничества между Азией и Евро-Америкой, сколько взаимопроникновение этих двух мегасистем ценностей, институтов и политики и их взаимообогащение. Продолжающаяся и усиливающаяся конфронтация является в большей мере шансом для светлого будущего, чем угрозой для него» [8, 455].

В связи с этим актуальным остается углубление исследований интеграционных процессов в мире в целом и в Европе и в Евразии в частности. Серьезного анализа требуют внутренние процессы в ЕС, ТС, в других интеграционных группировках, проблемы и противоречия, которые там возникают и, главное, как они решаются, как принимаются важнейшие экономико-политические решения. Чрезвычайно важно проследить динамику изменений в отношении ЕС и ТС к приему новых членов, в выдвигании новых требований и стандартов, в дифференцированном подходе к возможности вступления новых претендентов. Иначе, речь должна идти о приближении к ЕС либо к ТС не как о самоцели, громкой политической декларации, реализация которой позволит отвлекать внимание и ресурсы общества неизвестно куда и на что, а об использовании процесса сближения с отмеченными выше интеграционными образованиями для решения внутренних социально-экономических проблем, модернизации национального хозяйства, органично интегрированного в мировое [2, 66].

Более того, в случае успешного осуществления внутренних общественно-экономических преобразований Украина может выступить одним из модераторов глобальных интеграционных процессов от Атлантики до Урала и далее — к Азиатско-Тихоокеанскому региону посредством участия в ЗСТ вместе с ЕС и Россией. Возможно, это и бу-

дет наиболее успешный собственный национальный проект Украины, ее весомый вклад в развитие нового — более справедливого — мирохозяйственного устройства в сложных и противоречивых реалиях XXI в.

Подписание Украиной соглашения об ассоциированном членстве в ЕС или с ТС не приведет автоматически к положительным результатам, поскольку многое будет зависеть от того, как это соглашение будет реализовываться на практике. В связи с этим главной задачей органов государственного управления является реализация стратегии социально-экономических реформ, направленных на изменение экономических механизмов развития, системную модернизацию экономики, радикальное повышение технологического уровня отечественного производства, овладение современными факторами обеспечения конкурентоспособности национальной экономики. При достижении поставленных целей реформ даже при худшем сценарии развития событий (например, провал переговоров или срыв подписания соглашения с ЕС о ЗСТ, ухудшение отношений с ТС) проведение необходимых для Украины масштабных экономических реформ в контексте высоких евроинтеграционных требований, стандартов, норм, может способствовать переходу к новому качеству экономического роста, модернизации общественного развития.

В то же время вряд ли продуктивным будет антагонистическое противопоставление выбора — интеграция в ЕС или в ТС. Нужна модель дополняющего сотрудничества. Основная парадигма украинороссийского сотрудничества заключается в том, что такое сотрудничество является определяющим для жизнеспособности политических, экономических, военных структур украинского государства. Решение проблем, возникающих в российско-украинских отношениях, возможно (и наиболее эффективно) в рамках трехстороннего сотрудничества Украина — Россия — ЕС или Украина — ТС — ЕС. Политикам, бизнес-сообществу, экспертному сообществу следует проводить системную работу по выявлению отсутствия реальных противоречий между всеми заинтересованными сторонами относительно внешнеполитического выбора Украины.

Дополняющим, а при определенных обстоятельствах (в случае осложнений с прохождением соглашения об ассоциированном членстве, отсутствия перспективы получения полного членства ЕС, углубления кризиса еврозоны и т. д.) — основным на евроинтеграционном направлении — для Украины может быть ее взаимодействие с Россией, странами ТС, интеграция между ними. Не отталкивая друг друга локтями, а вместе пойти путем градуированной интеграции — не шоковой, не разовой по принципу «все или ничего». Вполне возможно и

жизненно необходимо эволюционно двигаться навстречу, прежде всего в базовых секторах экономики с перспективой развития собственных высокотехнологичных производств.

Чрезвычайно важно избежать излишней политизации вопроса о выборе интеграционного вектора развития, что вполне возможно, когда руководство страны, украинский бизнес и общество будут видеть прозрачные сопоставимые правила торгово-экономических отношений, будут знать, что и на каких условиях получают в обоих вариантах и какие на то будут представлены гарантии. Пока на Украине с государствами — членами ТС строится прозрачный конструктивный диалог на эту тему. В то же время, что касается ЕС, то до недавнего времени общество даже не видело предложенного текста соглашения о ЗСТ со всеми его приложениями. Все это не может не порождать различные подозрения о скрытом содержании такого соглашения, якобы направленном не столько на развитие Украины, сколько на противостояние с Россией.

При любых обстоятельствах, при принятии окончательных решений о присоединении (ассоциированном или полном) к ЕС или ТС высшему руководству государства, учитывая задекларированный цивилизационный характер интеграционного выбора, стоит определиться с мнением не только политических элит, но и всего украинского общества посредством механизмов общественных и парламентских слушаний, экспертных оценок и дискуссий, преодоления существующей явной односторонности, навешивания ярлыков, поисков врагов, идеализации в освещении этих вопросов в средствах массовой информации. Стремясь в Европу и постоянно провозглашая верность европейским ценностям, вполне корректным было бы и обращение к народному волеизъявлению посредством оправданных европейской практикой механизмов непосредственной демократии — проведения всеукраинского референдума.

Литература

1. Экономика цивилизаций в глобальном измерении / Под ред. А.А. Пороховского, В.Н. Тарасевича. М., 2011.
2. Европейский вектор економічного розвитку: Зб. наук. Праць / За ред. А.С. Задю, В.М. Тарасевича. Дніпропетровськ, 2005.
3. Оценка макроэкономического эффекта от включения Украины в Таможенный союз и Единое экономическое пространство в рамках ЕврАзЭС: Отчет (предварительная версия) Института народнохозяйственного прогнозирования РАН и Института экономики и прогнозирования НАН Украины об исследовательской работе, проведенной в

рамках договора с Евразийским банком развития / Еженедельник 2000 — Держава—Економика, 11.05.2011 // <http://2000.net.ua/2000/derzhava/ekonomika/73529>.

4. Державна програма активізації розвитку економіки України на 2013—2014 роки, схвалена Кабінетом міністрів України 27 лютого 2013 р. Постанова № 187 // <http://eimg.pravda.com.ua/files/a/4/a428a25.pdf>.

5. Ризики європейського інтеграційного проекту: виклики та можливості для України. Аналітична доповідь / І. В. Клименко, І. В. Ус. К., 2012.

6. Перспективи економіки України в умовах глобальної макроекономічної нестабільності. Аналітична доповідь / Я.А. Жаліло (кер. авт. кол-ву), Д.С. Покришка, Я.В. Белінська та ін. К., 2012.

7. Економіка. Суспільство. Влада. Актуальні проблеми державного управління в умовах економічних і суспільних трансформацій: Наук. зб. / Передм. і заг. ред. В.Г. Бодрова. К., 2012.

8. *Колодко Г.В.* Куда идет мир: политическая экономия будущего. М., 2014.

Г.И. МОЙСЕЙЧИК

Соединение финансов и интеллекта как платформа евразийской интеграции*

История есть прежде всего бытие... выдающихся мегапроектов и мега-свершений. Понятно, законно, привлекательно! И неважно, что все крупное и великое начиналось с чего-то малого, весьма и неопределенного, частенько утопического, но... проективная виртуальность превращалась в текущую реальность.

Ю.М. Осипов. Наедине с Софией

Аннотация. В статье рассматриваются концептуальные основания парадигмы финансовой интеграции Евразийского союза.

Ключевые слова: проективное определение, технология проекта, Евразийский мегапроект, финансово-технологический суверенитет.

* Тезисы доклада на форуме ЕЭК по теме: «Интеграция финансовых рынков стран ЕЭП: стратегия и тактика».

Abstract. The article discusses the conceptual basis of the paradigm of financial integration of the Eurasian Union.

Keywords: projective identification, the technology of the project, the Eurasian mega-project, financial and technological sovereignty.

Отправной точкой для осознания необходимости смены парадигмы сегодняшней научно-технической, финансовой и инновационной политики Евразийского союза должна стать теория стоимости, т. е. анализ тех принципиальных изменений, которые произошли в производстве, распределении, распространении, да и самой сущности стоимости.

Стоимость на микро-, макро- и мега- (глобальном или региональном) уровнях сегодня производится финансово-технологическими центрами.

Что такое современные транснациональные корпорации, финансово-промышленные группы, как не финансово-технологические центры микро- и макроуровня?

Что такое сегодня мировые финансовые центры? Это — по сути новые творческие, креативные субъекты создания стоимости, центры финансовых технологий, инвестиций в технологии глобального уровня, которые диктуют условия размещения производительных сил в значительной части мирового хозяйственного пространства, а также формируют магистральные стоимостные потоки в мире. Они определяют дальнейший профиль всей мирохозяйственной системы и все ключевые условия создания стоимости.

Стоимость сегодня не создается, а конструируется, конституируется, проектируется, вменяется [1, 142], причем в микро-, макро- и мегаобразе [2, 120]. Как справедливо полагает Ю.М. Осипов, «в хозяйственное пространство засылается поначалу виртуальная стоимость, имеет место некий общепространственный кредит (деньгами и их заменителями, банковскими ссудами, государственными выплатами и т. п.), а потом из этого пространства изымается реальная стоимость, соответственно, и реальный доход». В мире все более просматривается и ощущается наличие «глобального стоимостного центра», «манипулирующего виртуализированной стоимостью в целостном мировом хозяйственном пространстве, то есть контролирующего хозяйство-экономику, им управляющего». Сложилась и действует «виртуально-стоимостная система» глобальной власти над хозяйственной жизнью» [1, 142, 196, 201].

Смена парадигмы формирования стоимости на микро- и макроуровнях проявляется, на наш взгляд, в следующем.

Во-первых, именно интеллектуальная собственность на уровне предприятий (концентрированное ее выражение — бренд компании, формируемый портфелем патентов, ноу-хау, программного обеспечения), а также месторасположение предприятия в иерархии финансового рынка (финансово-инвестиционный рейтинг предприятия) являются теми определяющими структурными факторами, от которых зависит стоимость всех других факторов производства предприятия. Вне бренда и вне котировок финансовых рынков стоимость предприятия и соответственно стоимость, создаваемая предприятием, будут принципиально иными.

Стоимость в технологически развитых странах сегодня создается при помощи *системы структурных (коллективных) финансов*, которые объединяют в себе микро- и макроуровни экономики. Структурные финансы — это совместные финансы предприятий и институтов финансовой среды и инфраструктуры, в составе которых кредиты (в том числе синдицированные, внутренние и зарубежные), средства инвестиционных и инновационных фондов (отечественных, зарубежных), средства страховых и гарантийных фондов, инвестиционных компаний, в том числе рискового (венчурного) финансирования, а также компаний, отвечающих за безопасность продвижения финансов.

Во-вторых, интеллектуальная собственность приобретает системообразующее значение в совокупности факторов производства стоимости. В качестве аргумента можно привести мнение крупных зарубежных аналитиков и управляющих ведущих мировых корпораций М. Клоковски, Дж.Е. Малаковски, В. Гейза и др. В частности, по мнению Дж.Е. Малаковского, «сегодня интеллектуальная собственность, точно так же, как в эпоху индустриализма собственность на материальные активы, становится средством производства стоимости и источником финансирования инвестиций в инновации» [4, 3]. Корпорации по истечении небольшого срока использования новых технологий, не дожидаясь их морального устаревания, продают лицензии по использованию в менее технологически передовые регионы, менее технологически продвинутым субъектам хозяйствования транснациональной экономики, а полученные доходы направляют на финансирование все новых и новых научно-технических разработок и их коммерциализацию. Это обуславливает положительное сальдо технологического баланса (т. е. сальдо продаж и покупок технологий) в развитых странах, тогда как в странах Евразийского союза технологический баланс не только отрицательный, но и сама структура инвестиций в инновации больше соответствует индустриальному, чем

постиндустриальному профилю. Если в структуре технологических инноваций затраты на приобретение новых технологий и коммерциализацию собственных научно-технических и опытно-конструкторских разработок в развитых странах приблизилась к 80%, то в странах Евразийского союза они составляют менее 20%.

В итоге в балансе предприятий, в структуре инвестиций в развитых странах (Япония, США, Великобритания) нематериальные активы превысили материальные. Для сравнения: в странах Евразийского союза доля инвестиций в нематериальные активы в общем их объеме находилась в пределах 1—5%. В технологически развитых странах доля нематериальных активов в балансе предприятий на порядок выше, и составляет 30—35% против 0,3% в странах Евразийского союза [5].

Рост стоимости нематериальных активов существенно повысил удельный вес этой составляющей в капитальных активах. Если, к примеру, в США в 1985 г. интеллектуальные активы составляли в среднем около 40% в стоимости основных фондов, а в 2005 — уже 75% [6, 22], то в странах ЕЭП в настоящее время они составляют, максимум, 15% [7] (рис. 1).

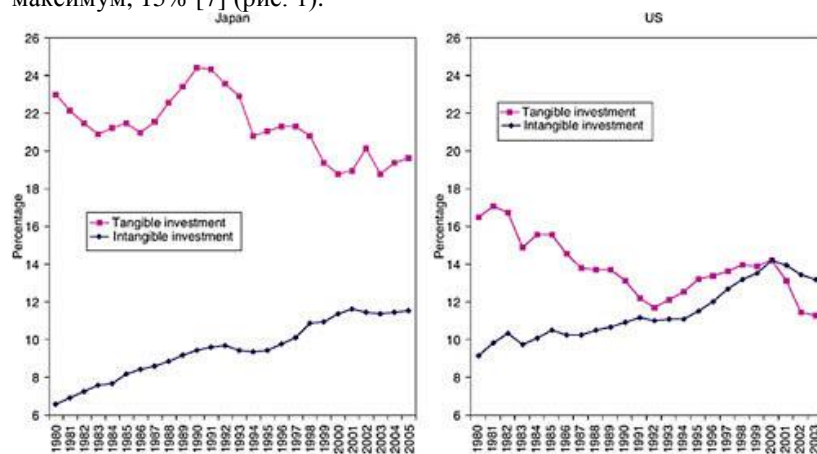

Рис. 1. Доля инвестиций в материальные и нематериальные активы в ВВП: Япония (слева), США (справа) [8, 35]

В-третьих, и это изменение поистине революционного значения, интеллектуальные активы в развитых странах стали приобретать характеристики полноценного финансового актива, использующегося для производства новых финансовых активов. Так, интеллектуальные активы стали объектом залога и активно проникают в схемы

секьюритизации. Понятие секьюритизации означает использование одного, менее ликвидного финансового актива для производства другого, более ликвидного. «Секьюритизация активов есть техника финансирования, при которой финансовые активы, которые являются менее ликвидными, объединяются (“пулируются”) и преобразуются в такие инструменты, которые могут быть предложены и проданы на рынках капиталов» [9, 13]. Иначе говоря, интеллектуальные активы стали неотъемлемым звеном структурных финансов.

Интеллектуальные активы являются компонентами структурных финансов прежде всего в моделях кредитования под залог прав интеллектуальной собственности (collateralization) и в моделях секьюритизации прав интеллектуальной собственности либо активов на базе прав интеллектуальной собственности. Обе эти модели являются частью более общей модели монетизации интеллектуальной собственности [10, 406—416].

Участниками структурных финансов становятся не только специальные финансовые организации (СФО) (Special Proposal Vehicles — SPV). При этом создаются и специальные финансовые организации, которые специализируются на агрегировании интеллектуальных активов либо производных активов, обеспеченных интеллектуальными активами (патентные агрегаторы, патентные холдинги, биржи патентов).

В этом отношении следует указать на очень важное, на наш взгляд, институциональное событие. В 2010—2013 гг. заработала первая в мире *Чикагская биржа прав интеллектуальной собственности* — Chicago-based Intellectual Property Exchange International, Inc. (IPXI). Учредителями IPXI являются финансовые группы американских и европейских инвесторов, такие как NASDAQ: CBOE (Chicago Board Options Exchange (Чикагская биржа опционов), компании «Форд Global Technologies», «JP Morgan Chase & Ко»; «Royal Philips Electronics», «Филипс» (Philips), «Сони» (Sony American Corporation), «Хьюлетт-Паккард» (Hewlett-Packard). В состав Попечительского совета биржи (Комитет биржи по опционам) входят такие участники, как группа интеллектуальной собственности и стандартов «Филипс» (Philips Intellectual Properties & Standards Philips), Голландская технологическая группа (Dutch technology group) и Университет Рутгерса (Rutgers University). В феврале 2013 г. биржа насчитывала 45 зарегистрированных участников.

IPXI является первой финансовой биржей в мире для лицензирования и торговли правами интеллектуальной собственности. Миссией IPXI являются оценка прав ИС по справедливой стоимости в стандартных условиях рынка, возможность оценки объемов рынка,

которые оказывают прямое влияние на рыночную цену, а также открытое распространение информации (баз данных) о предложении интеллектуальных собственников и потребностях инвесторов. Биржа позволяет связать воедино собственников ИС, инвесторов и трейдеров, создать центральный рынок для торгуемых активов ИС. Основной биржевой продукт — единица лицензионного права (Unit of Licensed Right — ULR).

По мнению Маршалла Фелпса, члена Совета директоров IPXI Holdings, LLC, который широко известен как пионер в области ИС лицензирования, в том числе реализации новаторских инициатив для двух крупнейших мировых компаний на рынке ИС — «Microsoft» и IBM — «новая модель, которая предлагает IPXI, является серьезным прорывом», поскольку обеспечивает создание институциональных основ и инфраструктуры мирового рынка прав ИС, дает новый мощный импульс для стимулирования инновационной деятельности и торговли технологиями на «справедливой, разумной и недискриминационной основе», активизирует первичный и вторичный рынок технологий [11].

Поэтому, как нам представляется, необходимо срочно «озаботиться» созданием подобного учреждения — электронной биржи прав ИС Евразийского союза. Это чрезвычайно оживило бы работу Евразийского патентного комитета и отечественных высокотехнологичных корпораций.

О росте значения интеллектуальных активов и масштабе «финансизации» интеллектуальных активов свидетельствуют следующие данные. Доля *кредитов под залог интеллектуальных активов* в общем объеме кредитов, имеющих залоговое обеспечение, в частности, в США выросла до 24% (!) в 2005 г. (против 11% в 1997 г.) [12, 1]. Следует подчеркнуть, что именно создание и активное использование механизмов кредитования под залог будущих прав интеллектуальной собственности позволили технологически развитым странам наращивать уровень финансирования НИОКР. Разрыв между технологически развитыми странами и странами Евразийского союза по данному показателю составляет 3—5 процентных пункта.

Таким образом, двигатель современной постиндустриальной экономики и первоисточник самовозрастания стоимости коренятся именно в сфере синтеза интеллектуальной собственности и производства финансовых активов на базе интеллектуальной собственности, т. е. в сфере *интеллектуально-финансовых активов* (термин наш. — Г.М.), которые по природе своей являются трансграничными, и формирования новых мега-хозяйственных субъектов в лице международных финансовых центров.

Итогом указанных выше процессов является формирование мировой технологической олигополии прежде всего глобальными финансовыми центрами и всей инфраструктурной транснациональной средой.

В структуре производства добавленной стоимости мирового сектора высоких технологий доля стран базирования мировых финансовых центров составляет около 95% (из них доля США составляет 37%, стран Юго-Восточной Азии — 36, и Евросоюза вместе с Великобританией — 21, доля России — 0,5% [13, 35].

В настоящее время в странах технологической метрополии на долю новых или усовершенствованных технологий, оборудования и других продуктов, содержащих новые знания или решения, приходится от 70 до 85% прироста валового внутреннего продукта. Они сосредотачивают у себя более 90% мирового научного потенциала и контролируют 80% глобального рынка высоких технологий, объем которого сегодня оценивается в 2,5 — 3 трлн дол., что превосходит рынок сырьевых и энергетических ресурсов. Ожидается, что к 2020 г. он достигнет 4 трлн дол. [14].

Поэтому отстоять сегодня *финансово-технологический суверенитет*¹⁹ республик Евразийского экономического союза, а это

¹⁹Главной задачей проекта по созданию Евразийского финансового центра, на наш взгляд, является обеспечение финансово-технологического суверенитета (термин наш. — Г.М.). Вопрос должен стоять именно так, поскольку технологии, интеллектуальная собственность в современной постиндустриальной экономике становятся приоритетным финансовым активом. Эта задача трудно разрешима на уровне отдельных национальных государств, поскольку система мировых финансовых центров работает на принципе иерархии и взаимодействия глобальных, региональных и оффшорных центров.

Финансово-технологический суверенитет в его проективном определении, как нам представляется, базируется на следующих принципах:

- на совместном воспроизводстве устойчивого, мобилизуемого усилиями стран-участниц или иных субъектов финансового центра *совместных финансово-интеллектуальных обеспечительных активов* (задача формирования только официального валютного резерва неоправданно сужает проблему статуса валюты) и возможностей гибкого управления им; именно рамочная поддержка финансовым центром условий и возможностей расширенного воспроизводства финансово-интеллектуальных активов является необходимым условием крепости национальной или региональной валюты, более того предлагает современные технические и технологические средства ее эмиссии, движения и использования в международных (транснациональных) транзакциях;
- на создании предпосылок более интенсивного сотрудничества и объединения всех факторов производства субъектов указанных центров (технологий, интеллектуальных ресурсов и труда, инвестиций) и формировании суверенного конкурентоспособного сектора высоких технологий, занимающего свою устойчивую нишу на мировом рынке технологий;

на сегодня самое мощное интеграционное образование на постсоветском пространстве, можно, лишь создав собственные финансово-технологические центры, сформировав единую финансово-технологическую платформу для создания *единой Евразийской системы инвестиций в интеллектуальную собственность и единой Евразийской системы структурных финансов*.

Надо сказать, что Китай четко отреагировал на это принципиальное, сущностное изменение мировой экономики, когда обнаружил «холистическую» парадигму стоимости, нацеленную на производство принципиально новых, не имеющих мировых аналогов технологий (емко эту смену характеризует объявленная смена клише: уже не «сделано в Китае», но «создано в Китае»), а также провозгласил курс на финансирование интеллектуальной собственности [15].

- на формировании системы структурных финансов, в котором системообразующее значение приобретают интеллектуальная собственность и финансовые активы на базе интеллектуальной собственности (интеллектуально-финансовые активы);

- на создании стабильной и свободно конвертируемой региональной валюты Евразийского союза — возможно, в лице российского рубля, возможно, в лице условной евразийской валюты на основе корзины валют (исторические примеры — евродоллар, азиатский доллар) (вопрос о форме не столь уж важен, важно, что это должно происходить на основе роста свободного использования во взаимных или многосторонних расчетах национальных валют стран-участниц и иных транзакциях в режиме реального времени: именно этот фактор — включения национальных валют в единую Евразийскую систему финансовых технологий, а через нее и в глобальную систему по производству финансово-интеллектуальных активов, что является первым основным условием производства иных активов, включая материальные, будет определять статус валют в глобальной финансовой системе).

При этом устойчивость валютной и финансовой систем стран обеспечивается реальными стоимостными объемами товаров и услуг при снятии ограничений на трансграничные перемещения активов и создания равных условий для ведения бизнеса для резидентов и нерезидентов страны, предоставления полноценного набора трансграничных финансовых услуг (банковских, биржевых, страховых, консультационных и информационных) при избежании высокорискового покрытия (вызываемого осуществлением финансовых транзакций прежде всего производными финансовыми активами (что регулируется Базель-3).

Элемент «создано» включает в себя обеспечиваемое при помощи финансово-технологических центров взимание технологической, финансовой ренты и ренты стандартизации (наш термин. — Г.М.).

Рента стандартизации возникает из монополизации интеллектуальных активов, т. е. из установления первенства в определении стандартов технологий вообще и финансовых технологий в частности. В системе мировых финансовых центров рента стандартизации взимается глобальными центрами через определение общих правил игры для всей иерархии финансовых центров, а также и действия вне правил, включая и несанкционированные поборы с оффшорных центров (что наблюдалось на примере Кипра).

Технологическая рента является разновидностью ренты стандартизации, и возникает вследствие установления монопольно высоких цен на новейшие технологии и продукты, не имеющие аналогов в мире, пользующиеся спросом на мировом рынке, подогреваемые и рекламой, предложение которых на начальном этапе цикла жизни ограничено.

Финансовая рента возникает в результате роста стоимости акций флагманских высокотехнологичных компаний на фондовом рынке. Так, рыночная стоимость акций 25% наиболее успешных технологически передовых корпораций США (таких, как «Microsoft», «Sumantec», «Ogacle», IBM и т. п.) (по мнению финансового аналитика П. Страссмана) уже к началу 2000-х превышала стоимость их по номиналу более чем в 6 раз «за счет включения стоимости знаний, накопленных компанией и интеллектуальной собственности»²⁰.

Отметим, что подобный результат является не только следствием роста стоимости акций, но применения финансовых технологий секьюритизации активов, прежде всего интеллектуальных активов.

Обладание возможностями извлечения ренты стандартизации, технологической и финансовой ренты становится источником финансирования новых разработок и инвестиций в новейшие технологии. Таким путем поддерживается технологическое первенство развитых стран и создаются новые мощные источники расширенного воспроизводства новой добавленной стоимости и новых инвестиций.

Таким образом, проблемы сохранения финансово-технологического суверенитета национальных экономик сегодня находятся в системе следующих координат — формирования региональной транснациональной организации хозяйства, института регио-

²⁰ См.: [15], а также Постановление Правительства Республики Казахстан от 23 декабря 2006 г. № 1243; Программу развития патентной системы Республики Казахстан на 2007—2011 гг.

нальных денег и региональной системы интеллектуальной собственности. Ясно, что указанным параметрам соответствует модель регионального финансового центра. Сказанное определяет значимость, актуальность и системный профиль модели Евразийского регионального финансового центра²¹.

Литература

1. *Осинов Ю.М.* Курс философии хозяйства, М., 2008.
2. *Осинов Ю.М.* Эпоха постмодерна. М., 2004.
3. The Formulations of Intellectual Property Reform // The University of Pennsylvania Law Review. Vol. 157. No 6. 2009. June // <http://www.jstor.org/stable/i40016726>.
4. The Next Big Thing in Monetizing IP: A Natural Progression to Exchange-Traded Units. By Ian D. McClure and James E. Malackowski. Published in *Landslide*. Vol. 3. 2011. May/June. No. 5.
5. <http://www.e-executive.ru/knowledge/announcement/1247008/> (дата доступа 23.03.2013).
6. *Vries de D.* Leveraging Patents Financially. A Company Perspective, Gabler Verlag. Wiesbaden, 2011.
7. <http://intel-assets.h1.ru/articles/article09.htm>.
8. *Intangible Assets: Measuring and Enhancing Their Contribution to Corporate Value and Economic Growth*. Wash., D.C., 2009.
9. *Secured Transactions Systems and Collateral Registries*. IFC, MIGA, World Bank. Wash., 2010.
10. *Alchemy and IPR — Monetization Intellectual Property rights/by Nithyanands K.V./ Journal of IP Rights*. 2012. Sept. Vol. 17.
11. <http://www.reuters.com/article/2013/03/27/il-ipxi-us-justice-idUSnPrCL84206+160+PRN20130327>.
12. *Loumioti M.* The Use of Intangible Assets as Loan Collateral // https://msbfile03.usc.edu/digitalmeasures/loumioti/intellcont/TheUseOfIntangiblesAsLoanCollateral_Final-1.pdf.
13. *Asia's Rising Science and Technology Strength: Comparative Indicators for Asia, the European Union, and the United States*. Special Report. Wash. 2007 / <http://www.nsf.gov/statistics/nsf07319/pdf/nsf07319.pdf>.
14. *Бойко А.Н., Власкин Г.А., Ленчук Е.Б. и др.* Опыт инновационного сотрудничества стран ЕС и СНГ (Аналитический доклад) // <http://www.cis.by/cis.minsk.by/main.aspx?uid=13594> (дата доступа 25.04.2010).

²¹ Продолжение следует.

15. *Шилова Е.В.* Оценка интеллектуальной собственности: Учеб. пособ. Иркутск, 2003.

16. IPR Needs a Holistic Approach // http://www.chinadaily.com.cn/-opinion/2010-10/21/content_11437858_2.htm/ (дата доступа 23.03.2013).

З.Э. СКРЫННИК, Е.С. ЗОТОВА

Украина в контекстах российского самоутверждения

Аннотация. Рассматривается проблематика поиска национальной идеи и цивилизованного выбора Украины в контексте российского самоутверждения и складывающейся в настоящее время политической ситуации на Украине.

Ключевые слова: самоутверждение России, цивилизационный выбор, гражданское общество.

Abstract. The article is devoted to the search perspectives of national idea and Ukraine's civilized choice in a context of the Russian self-affirmation and a political situation developing now in Ukraine.

Keywords: Russia's self-affirmation, civilization choice, civil society.

Тема «самоутверждение России» (см.: [1, 3]) в контексте имперского характера ее возрождения, возвращения к традиционным смысловым цивилизационным установкам «работает» и в форме дискурса о том, что «невзгоды и беды, обрушившиеся на народы и новые государства (бывшего СССР. — З.С., Е.З.), — это плата за отказ от имперской идеи, которая доминирует в мире, плата за нашу раздробленность» [2, 115]. Приверженность современным цивилизационным ценностям, в том числе и такой, как признание права соседних народов на самоопределение, обязывает соблюдать определенные рамки в этом дискурсе. В частности, отсюда происходят и концепт «неимперская имперскость», и тезис о том, что новая империя обустраивается в границах Российской Федерации. В то же время нынешние события, по сути, всемирного масштаба не оставляют сомнений, что вопросы российской имперскости неминуемо затрагивают проблему взаимоотношений России с Украиной, как и с другими странами бывшего СССР. Вопрос состоит в том, как самоутверждение России сказывается на реализации национальных интересов Украины как *инога*, самостоятельного государства — с собственной исторической судьбой и, соответственно, перспективой.

Отношение россиян к Украине и ее судьбе определяется распродраненной точкой зрения, согласно которой собственная историческая судьба Украины в значительной степени разворачивалась *внутри* Российской империи (в том числе и в СССР). Поэтому для русского человека и нет вовсе никакой *собственной* судьбы, а есть *общая* история, культура, экономика, которую разрезали «по живому», население, связанное родственными узами и насильственно разъединенное и т. п. Чтобы на этом фоне непредвзято усмотреть различия, нужно намного лучше знать историю Украины, ее культуру, общественно-философскую мысль, чем знает большинство тех, кто пишет на темы российско-украинской культурно-исторической общности. Ведь эти различия реально существуют, и они пролегают именно в плоскости национального самоутверждения, концентрируясь в ментальном феномене, который принято называть национальной идеей.

В украинском обществе тема национальной идеи значительно более проблематизирована, чем в «благополучных» странах, поскольку сложным и противоречивым является процесс обретения государственности и возрождения национального самосознания. Следует вместе с тем подчеркнуть, что сам феномен украинской национальной идеи — не продукт событий XX — XXI вв., а комплекс мировоззренческих идей, сформированный в начале XIX в. культурно-философским течением украинского романтизма. Кстати сказать, впервые выдвинут он был отнюдь не западными украинцами, а киевским тайным политическим обществом «Кирилло-Мефодиевское братство», программный документ которого «Книга бытия украинского народа (Закон Божий)» дошел до нас из архивов разгромившей его царской охраны.

Особенность созданной романтизмом национальной идеи Украины в том, что это идея нации-культуры, народа как духовного сообщества. В отличие от России, в ней контекст государственности не подменяет собой контекст нации в силу двух достаточно прозрачных причин. Во-первых, национальная идея Украины сформировалась в эпоху длительной и лишенной исторических альтернатив безгосударственности. Во-вторых, философским базисом украинской национальной идеи была иррационалистическая философия немецкого романтизма, в частности И. Гердера, в которой национальная идея явственно деэтицирована, смещена с принципа государственности в аксиологическую плоскость, в статус моральной гуманистически-мировоззренческой антитезы идеи державности. С этой точки зрения Гердер, как известно, нашел возможным даже возвестить Украине судьбу «новой Эллады» [3].

В России же на теоретически-мировоззренческом уровне не произошла в XIX — XX вв., как у других европейских народов, эмансипация народа от государства. Поэтому традиция рассматривать государство, державность как Богом данную судьбу, как воплощение «российского духа» находит свое логическое завершение в эсхатологической идее «Царства Божия». По справедливому замечанию Н. Бердяева, национальная великорусская идея — «это не гуманистическая идея в европейском смысле слова» [4, 115]. Скорее ее можно прочитывать как идею уникальности России, ее предназначения завершить собой всемирную историю, установить на земле Царство Божие в виде реально-го и нерушимого земного государства.

Если что-то и изменилось в данном контексте со времен монаха Филофея, так это внешние условия реализации эсхатологической миссии: в современном мире речь идет уже не столько о построении Царства Божия на земле, сколько о всемирном апокалипсисе. Соответственно миссия России, которую она способна реализовать в отличие от западного мира, — выстоять в мировой аутокатастрофе XXI-го либо последующих (но недалеких!) столетий, уцелеть, сохранить нерушимую бытийность в силу своей уникальной принадлежности к иному, вневременному, доренессансному миру.

Украина, включенная в Российское государство в течение трех с половиной столетий, не могла не воспринять российскую государственническую идеологию. Вероятно, решающую роль здесь сыграли даже не геополитические факторы, а экзистенциально-духовные: Киевская Русь в 988 г. приняла христианство в его восточном, византийском варианте, одним из основоположных принципов которого являлся цезарепапизм.

В последующие эпохи богатая на драматические коллизии история Украины ознаменовалась среди многих тектонических сдвигов расколом на две ветви христианства — православную и грекокатолическую, которая сформировала прозападную ориентацию значительной части сегодняшнего населения Украины. Через территорию Украины пролегла «великая историческая линия, которая существовала в течение столетий и отделяла западных христиан от мусульман и представителей православия» (С. Хантингтон) [5, 194].

Для народов Центральной и Восточной Европы значимость этого «водораздела» проявилась в постсоветское время: страны, находящиеся от этой линии на стороне протестантизма и католицизма, начали довольно быстро продвигаться в направлении развития демократии и рыночной экономики. По другую сторону этой черты Россия формирует под своим руководством блок с православным ядром и близле-

жащими относительно слабыми исламскими государствами в качестве буфера.

Украина как страна, по территории которой проходит цивилизационный разлом, оказалась, как и предсказывал Хантингтон в середине 1990-х гг., государством нестабильным, мало прогнозируемым и подверженным бесконечным шараханиям из стороны в сторону. Для стороннего наблюдателя эти «разброд и шатания» выглядят нелогичными и вызывают недоумение. Правда, недоумение различного рода: с западной стороны цивилизационной границы: «Почему бы этим несчастным не навести, наконец, порядок у себя в стране?»; с восточной стороны: «Когда, наконец, эти несчастные перестанут играть в самостийность и вернуться в свою (т. е. нашу) страну?». Ведь самоутверждение России в существенных для нее измерениях державности и имперскости не может не принимать в расчет украинский вопрос, а вопрос для россиян (NB! не смешивать: для россиян, но сегодня уже не для большинства украинцев) состоит в том, «почему мы оказались вдруг в разных государствах и когда это кончится».

Для самой Украины проблема состоит в том, что оба эти недоуменные вопроса с одинаковой настойчивостью порождает ее внутренняя ситуация. Причиной раскола населения на «схидняков» и «бандеривцев» — не только бессовестные и бесчестные политики, хотя и их никак не хотим лишить соответствующих лавров. Все же они лишь воспользовались ситуацией, которую создали история, география, геополитика, 40% мировых черноземов, грамотное и хозяйственное, но слишком покладистое население, традиционные эгоизм и междуусобная грызня национальных вождей. Глубинные же причины «раздвоенности» в том, что Украина столетиями была поделена и много раз переделена между различными государственными образованиями, а потому ментально конституировалась в разных, более того, противоположно направленных руслах.

Мировоззренческая экспансия российской ментальности особенно четко проявилась в XX в., когда государственническая идея в оформлении марксистско-ленинской идеологии мощно утверждала в сознании советских людей, с одной стороны, принцип государственного патернализма и, с другой, модель индивида-«колесика и винтика». Эти стереотипы не претерпели изменений в сознании значительной части граждан и сегодня, они определяют содержание альтернатив, которые являются предметом уже постсоветского выбора. С одной стороны, центробежная прозападная ориентация: рыночная экономика, опирающаяся на правовое государство и гражданское общество. На нее нацелены те слои населения, в мировоззрении которых доминируют интенции личной экономической и гражданской активности, причем

экономическая и гражданская активность взаимосвязаны. С другой стороны, квазирыночная олигархически-клановая система, которая подминает под себя и коррумпирует государственную власть во всех ее ветвях и ответвлениях. Она эксплуатирует клиенталистские ожидания людей, возвращенные дистрибутивно-патронатной политикой государства советских времен, и подпитывается ностальгией, в которой «светлое прошлое», «наш адрес Советский Союз» и «Россия» оказываются неразделимыми.

Безусловно, в любом обществе существует подобное расслоение граждан, а соотношение между отдельными слоями вычерчивает общий вектор экономического и политического движения. Особенность Украины в том, что в одной стране с единой (пусть и не вполне зрелой) государственной системой сложилась поляризация по геополитическому принципу и наметились два противоположно направленных вектора, которые не позволяют выстроить единую логику самоопределения украинского государства. Вот почему процесс, означенный как самоутверждение России, так глубоко затрагивает Украину: по мере консолидации российского общества и возрастания общемировой значимости России она становится более мощным центром притяжения — но в то же время и все более сильным полюсом центробежных сил, что почти автоматически приводит к дестабилизации внутривнутриполитической ситуации на Украине.

Существуют и набирают силу и другие тенденции внутри самой Украины, которые за время ее независимого развития весьма существенно изменили траекторию движения. Почти двадцать три года назад она появилась на карте мира как новое, мало кому понятное государство, с крайне фрагментированной экономикой, без собственных денег, с инфляцией в 1870% в 1993 и в 720% в 1994 г. Через немногим более десяти лет мировое сообщество уже признало Украину государством с рыночной экономикой. Но с каким сознанием? В значительной мере это было сознание *антирыночное*, и не только у тех, кто не способен конкурировать на рынке труда, произведенных продуктов, интеллектуальной собственности. Антирыночными являются и сознание, и поведение «дикого накопления капитала», поскольку современный рынок предусматривает законность и предпринимательскую порядочность. Исторически так сложилось, что Украина не имела опыта протестантизма, который в течение нескольких столетий учил европейцев и американцев, что зарабатывание денег — дело моральное, угодное Богу. Антирыночное сознание было серьезным препятствием для восприятия западных ценностных ориентаций и тем связующим звеном, которое подпитывало ориентации на российский особый путь в хозяйственном развитии.

Однако за двадцать два прошедших года позиции рыночного сознания на Украине существенно укрепились. Украина принадлежит к числу так называемых «стран позднего развития», которые проходят азы рыночного мышления значительно позже западных народов. Конечно, тот передел собственности, который произошел после обретения независимости, мало общего имел с экономическими рыночными реформами. Суть изменений состояла скорее в том, что с редистрибутивных механизмов советского времени были сняты суровые ограничения партийно-советской дисциплины и неожиданная свобода того процесса, который в народе получил название «дерибан», перевела его в режим вакханалии. Но за это же время около восьми миллионов украинцев прошли на Западе трудную школу остарбайтерства — эти люди не только направили в страну поток заработанных тяжелым трудом «живых» денег, но и стали своеобразными миссионерами рыночной идеи. Эти предпосылки, в конце концов, вылились в события последнего времени: в них достаточно выразительно прослеживается корреляция между рыночными ориентациями и ценностями гражданского общества, которые создают у людей не только потребность контролировать государственную власть, но и возможность реализовать такой контроль.

Возможно, точкой отсчета в формировании элементов гражданского общества на Украине были события революции 2004 г. Для тех сотен тысяч украинцев, которые стояли тогда на Майдане, это был первый в их жизни «праздник непослушания», когда люди, возвращенные в духе полного подчинения государству, получили шанс эмансипироваться от воли государственных чиновников. Получили — и упустили, не сумели хотя бы на время им воспользоваться. Лишь в последние месяцы 2013 — начале 2014 г. стало ясно, что истинная цена гражданского возрождения — не карнавальные по настроению манифестации, а большие реальные жертвы целой страны, в том числе и сотни человеческих жизней.

Однако уже в 2004 г. не только в полной мере проявилась геополитическая поляризация Украины, обозначилось соотношение между пророссийскими и прозападными устремлениями украинцев, выявилась их динамика, но и высветилась экзистенциальная суть цивилизационного выбора: это выбор между *украинской* и *неукраинской* Украиной. Тогда этот выбор предстал как ориентированный вовне, на тот или иной геополитический вектор, на помощь с той или иной стороны. Чего не было достигнуто — это мобилизации внутренних ресурсов: гражданственности, патриотизма, государственничества национальной элиты. И поэтому в конечном итоге осталась примитивная схема: «с Россией» либо «от России».

За «сменами декораций» и деклараций в украинском политикуме не стоит упускать из виду существенную особенность незрелой национальной элиты в хаотизированном социуме. На чью бы помощь она не рассчитывала, какому бы сюзеру не присягала на верность, главным приоритетом для нее всегда была собственная монополия на владение, управление, распоряжение внутри своей «вотчины». А потому она не стала надежным партнером ни для внешних союзников, ни для собственных граждан. Многократное повторение этой схемы в политических перипетиях последних лет создали в украинском обществе ситуацию безысходности и обреченной покорности судьбе.

На фоне этой обреченности совершенно неожиданными были события, начавшиеся в ноябре 2013 г. — неожиданными даже для наиболее квалифицированных и внимательных аналитиков. Они перевели ситуацию в плоскость, где стало реальностью, хотя и не всем еще заметно на фоне крайней радикализации огромных гражданских масс, нарождающееся единение «востока» и «запада». Нынешний протестный запрос к национальной элите состоит именно в том, отвечают ли ее действия коренным экономическим интересам *собственной* страны. Внешние ориентации на «восток» и «запад» отступают на задний план, и выявляется простая истина: общие интересы, которые объединяют страну — это интересы *национальные*, но не в смысле пресловутого «шаровара» или интерпретации исторических фактов, а в первую очередь в аспекте обеспечения жизнеспособности экономики — снова таки *национальной*, и — увы — пребывающей ныне на грани коллапса. Для общественного сознания более четко выявилась истинная плоскость противоречивости Украины *внутри себя*: существует серьезная дистанция между людьми, которые выполняют роль национальной элиты, и «простыми» людьми. Сегодняшнее состояние украинской национальной элиты обусловлено веками целенаправленного истребления «отборного меньшинства» (по выражению Х. Ортеги-и-Гассета). Денационализация, рекрутирование на роль элиты выходцев из касты «хороших слуг», а затем внезапный переход от тоталитаризма ко вседозволенности привели к власти в нынешней Украине не элиту в подлинном смысле этого понятия, а «апостолов черни». Потому вчерашняя украинская власть и оказалась, по выражению главы Правительства Российской Федерации Д. Медведева, «тряпкой, о которую вытирают ноги». К счастью, процессы общественного самоосознания сегодня происходят со все нарастающим ускорением, и есть надежда, что украинское общество успеет генерировать новое поколение национальных лидеров скорее, чем вчерашние таковые пустят под откос локомотив украинской истории.

С того исторического момента, который мы переживаем сейчас с таким напряжением и болью, самоутверждение России относительно Украины может идти двумя путями. Это либо ставка на национальную элиту вчерашнего дня, либо ориентация на формирующееся гражданское общество страны, серьезно озабоченное проблемами экономической и социальной модернизации. Первый вариант, реализующий модель «сюзерен — вассал», осложнена тем, что вассал не имеет уже и не будет иметь в дальнейшем весомого общественного мандата на выполнение своих обязательств. Во втором существует реальная возможность построения — да, новых, непривычных и с трудом воспринимаемых — партнерских отношений. То самоутверждение России в новых условиях, на которое надеется Украина, — это не построение новой системы доминирования и подчинения, а создание равноправных отношений, в которых восприятие Украины как исторической данности, свершившегося геополитического факта не осложняется ущемлением национальной гордости великороссов.

Литература

1. *Осипов Ю.М.* Вместо предисловия // Россия державная: В 2 ч. Ч. 1 / Под ред. Ю.М. Осипова, М.М. Гузева, Е.С. Зотовой. М.; Волгоград, 2006.
2. *Гузов М.М.* СНГ как новая империя // Имперские предчувствия России / Под ред. Ю.М. Осипова, О.В. Иншакова, М.М. Гузева, Е.С. Зотовой. М.; Волгоград, 2005.
3. Herders. Werke: In 5 Bd. Bd. 1. Berlin; Weimar, 1969.
4. *Бердяев Н.А.* Русская идея // О России и русской философской культуре: Философы русского послеоктябрьского зарубежья. М., 1990.
5. *Гантінгтон С.П.* Протистояння цивілізацій та зміна світового порядку. Львів, 2006.

А. ВЕРЖБИЦКИ

Цивилизационные основания и важнейшие проблемы евразийской интеграции государств Центральной Азии

Аннотация. Автор отмечает, что интеграционные процессы в современном мире находятся под влиянием цивилизационных парадигм. Цивилизационное сообщество не определяет, но способствует интеграции. В статье описываются цивилизационные факторы стран сооб-

щества Центральной Азии, интеграционные инициативы в этом регионе, проблемы и причины некоторых неудач.

Автор приходит к выводу, что интеграционные процессы в Центральной Азии не противоречат евразийскому сотрудничеству.

Выбор путей развития — на основе экономической прибыли или выгоды на основе традиционных ценностей — принадлежит каждой стране и ее народу.

Ключевые слова: интеграция, цивилизация, Центральная Азия, Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Туркмения, Узбекистан.

Abstract. The author of article points out and tries to argue that integration processes in contemporary world are under influence of civilizations paradigm. Civilization community doesn't determine but promotes of integration. In the article were described factors of civilizations community in Central Asia, integrational initiative in the region and reasons which disturbs in effective cooperation. The author comes to conclusion that they aren't alternatives for Central Asian and Eurasian cooperation. The choice what it is more important — civilizations community at the expense of economic profits or economic profits at the expense of traditional values — belongs to each country and his nation.

Keywords: integration, civilisation, Central Asia, states of Central Asia, Nursultan Nazarbayev, Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan, Turkmenistan, Uzbekistan.

На интеграционные процессы в мире воздействует цивилизационные парадигмы. На это указывает, в частности, американский политолог С. Хантингтон²². Существует много интерпретаций понятия «цивилизация». С. Хантингтон, считает, во-первых, что «цивилизация — это самая большая культурная единица», с самым высоким уровнем коллективной идентичности «мы», в отличие от «они», и, во-вторых, что важнейшей основой цивилизационной идентичности является религия [1, 44, 46].

Цивилизационное сообщество не детерминирует, но способствует стремлению стран к интеграции, создавая благоприятные условия. Однако здесь существуют и проблемы. Это доказывает опыт государств Центральной Азии, интеграция которых дополняет, но не заменяет евразийскую интеграцию. Мы имеем все основания утверждать, что государства региона — Казахстан, Киргизия, Узбекистан, Таджикистан и Туркмения — составляют цивилизационное сообщество.

²² «Национальные государства есть и будут самыми главными субъектами международных отношений, но их интересы, союзы и конфликты все больше будут определяться культурными и цивилизационными факторами» [1].

Цивилизационное сообщество Центральной Азии

Для определения цивилизационного сообщества Центральной Азии существуют две концепции: туркестанская и туранская. Первая основывается на туркестанской идентичности²³, которая складывалась в досоветское время на основании родства тюркоязычных народов региона (казахов, каракалпаков, киргизов, туркмен и узбеков), у которых был совместный этногенез²⁴. Возможно, если бы не национально-территориальное размежевание региона в СССР, то до сих пор существовала бы единая туркестанская нация со своим единым языком.

В этногенезе народов Центральной Азии присутствовали также не-тюркские компоненты, в том числе иранские. Поэтому туркестанская концепция может восприниматься как слишком узкая, ограниченная. Более привлекательной для не тюрков является туранская²⁵ концепция, которая охватывает также и центральноазиатские народы иранского происхождения (таджиков). Свообразными посредниками, объединяющими тюркский и иранский мир, были сарты — этносоциальная группа городского населения региона, которую российский востоковед В.В. Бартольд определил как отуреченные таджики [5, 277].

Фактором, объединяющим народы тюркского и иранского происхождения в регионе, является ислам — основа духовного родства народов региона, независимо от степени приверженности его нормам. Узбеки и таджики, ведущие оседлый образ жизни, более исламизированы, чем традиционно кочевые казахи, киргизы или туркмены. Это связано с тем, что на землях нынешнего Узбекистана и Таджикистана ислам появился уже в VII в., а исламизация кочевников завершилась в XVII—XVIII вв. Единство веры способствовало этноконфессиональной мобилизации народов региона и противостоянию российской, христианской империи — «мы» — «они». На основании ислама формировались традиции и культура региона.

²³ Туркестан — «страна тюрков» — термин персидского происхождения, существующий с момента появления тюрков в регионе. В 1867 г. царским указом было учреждено Туркестанское генерал-губернаторство (Туркестанский край, или Русский Туркестан) [2, 8—9; 3, 9].

²⁴ Подтверждением этого является присутствие многих родо-племенных этнонимов среди тюркских народов региона. Примерно этноним Кангли сохранился у казахского племени Среднего Жуза (этнотерриториального объединения) и у одного из узбекских родов. Представители племени с таким этнонимом участвовали также в этногенезе киргизов и каракалпаков, но у этих народов выше упомянутый этноним не сохранился [4, 106].

²⁵ Туран — «страна туров». Туры были родственными, хотя и враждебными иранцам племенами. В современном понимании мифический Туран — прародина тюрков включает также земли с нетюркским населением [2, 7].

С приходом ислама в Центральной Азии появилась арабская культура. Письменность в досоветское время была основана на арабском алфавите и связана с Кораном и богословием. Поэтому в языках народов региона много «арабизмов» [6, 284].

Противоречиво на сближение центральноазиатских народов влияла принадлежность одному государству — России, а потом СССР — и восприятие русского языка, элементов русской и советской культуры. Объединяющим фактором является приверженность политических элит элементам советской и традиционной — «степной», трайбалистской политической культуре. Политической сфере центральноазиатской цивилизации свойственны сочетание авторитарной и демократической модели развития, особенности правовой системы, государствообразующего процесса и национального строительства, этнократизм и трайбализм [7, 478—479]. Все эти факторы поощряли лидеров центральноазиатских государств, прежде всего президента Казахстана Н.А. Назарбаева к выдвижению интеграционных инициатив.

Интеграционные инициативы

Первые попытки институционализации центральноазиатской интеграции возникли в первой половине 1990-х гг. по инициативе двух самых крупных государств региона — Казахстана и Узбекистана. Дальнейшая борьба за лидерство в регионе между этими двумя государствами будет одним из барьеров развития и углубления региональной интеграции.

В 1992 г. центральноазиатские государства создали межгосударственную структуру — Центральноазиатское региональное сотрудничество (ЦАРС), целью которой являлось формирование общего экономического пространства и единого регионального рынка [8, 130]. В следующем году Казахстан и Узбекистан подписали соглашение о мерах по углублению экономической интеграции на 1994—2000 гг.

30 апреля 1994 г. между Казахстаном, Киргизией и Узбекистаном был подписан *Договор о создании Единого экономического пространства*. В нем предполагались установление свободного перемещения товаров, услуг, капиталов, рабочей силы и проведение согласованной бюджетной, налоговой, тарифной, таможенной и валютной политики [8, 131]. В рамках Единого экономического пространства были созданы Межгосударственный совет, а также Совет глав правительств, Совет министров иностранных дел, Совет министров обороны и Центральноазиатский банк сотрудничества и развития.

В 1998 г. к договору присоединился Таджикистан, и в том же году лидеры «четверки» решили создать Центральноазиатское экономиче-

ское сообщество (ЦАЭС)²⁶, которое просуществовало до 2001 г., когда было принято решение о преобразовании ЦАЭС в Организацию Центральноазиатского сотрудничества (ОЦАС). С целью координации сотрудничества был создан Комитет национальных координаторов в составе четырех человек — по одному от каждой страны. Координаторы обладали достаточно широкими полномочиями и непосредственно подчинялись главам государств. Создание ОЦАС расширяло сферы регионального сотрудничества и преобразовывало единое экономическое пространство в единое пространство безопасности, поскольку новая организация предусматривала развитие не только экономического, но также и политического, культурно-гуманитарного и других направлений сотрудничества [10, 174—175]. К сожалению, так же как и в СНГ, низким оставался уровень выполнения принятых решений, а сами документы имели лишь рекомендательный характер. Это касалось и одной из основ интеграции — зоны свободной торговли [8, 132—133].

Хотя результаты деятельности ОЦАС весьма скромны, важные решения для дальнейшей судьбы интеграционных процессов в Центральной Азии принесли 2004—2005 гг. На саммите в мае 2004 г. было принято решение об образовании общего рынка стран ОЦАС. Основными целями создания общего рынка являлись: 1) рациональное использование природных и трудовых ресурсов региона в интересах каждой из стран-участниц; 2) выработка единого подхода к созданию благоприятного инвестиционного климата; 3) повышение конкурентоспособности стран-участниц на мировых и региональных рынках. В 2004 г. к ОЦАС присоединилась Россия [11], а в 2005 г. Узбекистан объявил о вступлении в ЕврАзЭС²⁷, и тогда произошло слияние двух интеграционных организаций.

Попытки возрождения интеграционных инициатив в регионе продолжались и в дальнейшем. Ведущую позицию занимал в этом вопросе президент Казахстана Н.А. Назарбаев. В Послании народу Казахстана 18 февраля 2005 г. он предложил создать Союз Центральноазиатских государств, для которого прочной базой мог бы послужить договор о вечной дружбе между Казахстаном, Узбекистаном и Киргизией с возможным присоединением других стран региона. Назарбаев

²⁶ Как пишет казахстанский политолог С.К. Кушкумбаев, за период 1995—2001 гг. было подписано более 150 различных документов в разных сферах сотрудничества, но, насколько нам известно, степень их реализации оставляла желать лучшего [9, 43].

²⁷ В 2006 г. был подписан протокол о присоединении Узбекистана, а в 2008 г. Узбекистан приостановил участие в работе органов ЕврАзЭС.

указывал на цивилизационные и экономические предпосылки такого объединения: «Наша дальнейшая интеграция — это путь к стабильности, прогрессу региона, экономической и военно-политической независимости. Только в этом случае регион будут уважать в мире. Только так мы обеспечим безопасность, и будем эффективно бороться с терроризмом и экстремизмом. Такое объединение, наконец, отвечает интересам простых людей, живущих в нашем регионе... У нас общие экономические интересы, культурно-исторические корни, язык, религия, экологические проблемы, внешняя угроза. О таких предпосылках архитекторы строительства Европейского Союза могли только мечтать. Нам надо перейти к тесной экономической интеграции, двигаться к общему рынку и общей валюте» [12]. Казахстанский институт стратегических исследований разработал механизм создания Союза, который должен проходить в три этапа: 1) 2006—2008 — становление Союза, формирование нормативно-правовой базы и реализация режима свободной торговли; 2) 2009—2015 — создание Таможенного союза, формирование общего рынка товаров и услуг; 3) создание экономического пространства [8, 141—189]. Как и предыдущие, инициатива с 2005 г. осталась «бумажной» в силу ряда причин.

Причины невыполнения интеграционных проектов

Провал предпринимаемых до сих пор попыток интеграции государств Центральной Азии обусловлен многими причинами геополитического и геоэкономического характера. Первая из них — борьба за лидерство между двумя самыми крупными странами региона — Казахстаном и Узбекистаном. У Казахстана самая большая территория, занимающая 68% всей площади постсоветской Центральной Азии с 17-миллионным населением (25% всего населения региона). Но региональная мощь Казахстана определяется не только территорией, а, прежде всего экономическим потенциалом²⁸ и энергоресурсами²⁹. Вероятно, быстрый экономический рост и наличие больших свободных финансовых средств казахстанского бизнеса стали основными причинами интереса самого Казахстана в углублении сотрудничества и интеграции с другими странами региона [15, 76]. Невозможно не учесть также политического значения Казахстана в регионе — его международного престижа и признания, в чем заслуга действующего президента Н.А. Назарбаева.

²⁸ На Казахстан приходится половина регионального ВВП [13, 309].

²⁹ Запасы казахстанской нефти оцениваются на 30 млн баррелей (9 млрд т), что составляет 1,8% мировых запасов и газа на 1,3 трлн м³, что составляет 0,7% мировых запасов. Это очень серьезный потенциал [14].

Амбиции Узбекистана стать региональной державой основываются на его географическом (геополитическом) положении, демографическом потенциале и природных богатствах. Узбекистан — единственная страна в Центральной Азии, которая граничит со всеми другими странами региона. В любой другой стране региона присутствует достаточно многочисленное «узбекское меньшинство», что теоретически также может давать определенные геополитические выгоды, хотя до сих пор Узбекистан не пользовался этим инструментом. Реализуя концепцию «Великого Узбекистана», власти этого государства учитывали узбекское население в регионе, но в официальной пропаганде подчеркивалось, что эта концепция имеет территориальный характер, но не этнический. Отношение узбекистанских властей к «узбекскому меньшинству» изменилось в 2005 г. после событий в Киргизии. Власти Узбекистана воспринимают узбекское меньшинство, с одной стороны, как потенциал оппозиционного по отношению к режиму И. Каримова исламского фундаментализма, а с другой — как чрезмерно «демократизированное», что касается прежде всего киргизских узбеков.

В конце 2013 г. население Узбекистана достигло 30 млн человек, что составляет 44,3% населения региона. Это большой потенциал потребителей, однако в реальности — трудовых мигрантов, в том числе в Казахстан. Узбекистан обладает также достаточно большими запасами нефти и прежде всего природного газа³⁰.

В последнее время отношения между Казахстаном и Узбекистаном постепенно нормализуются. Во время ташкентского визита президента Казахстана в июне 2013 г. был подписан *Договор о стратегическом партнерстве между Республикой Казахстан и Республикой Узбекистан*. Однако уровень недоверия все еще остается, тем более что Узбекистан дистанцируется от интеграционных инициатив не только в регионе, но и в евразийской перспективе — присоединяясь и в то же время приостанавливая участие в них.

Второй причиной неудачи региональной интеграции является отсутствие в них Туркмении. В 1995 г. был принят *Конституционный закон о постоянном нейтралитете*, который определяет принципы внешней политики этого государства. Туркмения формально входит в СНГ, но активно не участвует в работе этой организации. Это связано с внутренней политикой — установлением крайне авторитарного или даже тоталитарного режима, который в последнее время либерализируется. Но имидж Туркмении как «закрытого государства» остается [16]. Значение же Туркмении заключается прежде всего в том, что это

³⁰ Запасы природного газа в Узбекистане составляют 0,6% мировых запасов (1,3 трлн м³) [14].

вторая по территории страна региона с большими запасами природного газа, составляющими почти десятую часть мировых запасов³¹.

Третья причина неудачи интеграции государств Центральной Азии — различия в экономическом потенциале. ВВП стран региона составляет 10% ВВП СНГ, но половина ресурсов приходится на Казахстан. В регионе можно также выделить две группы стран. К первой относятся Казахстан, Туркмения и Узбекистан, обладающие запасами энергоносителей, но с дефицитом водных ресурсов, поскольку значительную часть их территории занимают степи и пустыни. Вторая группа — Киргизия и Таджикистан, у которых практически нет природных богатств, в том числе энергоносителей, зато они обладают богатыми водными ресурсами. Неравномерное распределение экономического потенциала, с одной стороны, создает возможности сотрудничества, но с другой — чаще всего способствует конфликтам, в том числе в совместном использовании водных ресурсов.

Кроме того, тормозят региональную интеграцию необходимость борьбы с наркотрафиком и международным терроризмом и межэтнические конфликты (узбекско-киргизский конфликт 2010 г., киргизско-таджикский и т. д.).

Центральноазиатская интеграция не противоречит евразийской интеграции. Наоборот, она ее дополняет. На пути к сотрудничеству в рамках постсоветского пространства и движения в мировую экономику государства Центральной Азии сталкиваются с рядом проблем, которые легче решать совместными усилиями [18, 295]. Реально в евразийской интеграции участвует Казахстан. Хотя присоединиться Киргизия и Таджикистан. Будут ли принимать какие-то меры на пути к евразийской интеграции Туркмения и Узбекистан — пока не известно. Евразийский вектор интеграции также основывается на цивилизационной парадигме. Главным субъектом так понимаемой цивилизации являются Россия и Казахстан — страны, которые с географической точки зрения принадлежат Европе и Азии. Особая роль в этой инициативе принадлежит России.

С точки зрения эффективности интеграции цивилизационная парадигма не всегда совпадает с реальными экономическими выгодами. Каждая страна, ее народ, а скорее всего власть элиты должны решить, что для них важнее: 1) цивилизационная близость ценой возможных экономических проблем; 2) экономические выгоды ценой потери своих традиционных ценностей. Опыт центральноазиатской и евразийской интеграции показывает, что несмотря на многочисленные пре-

³¹ По данным статистического отчета ВР, запасы природного газа в Туркмении составляют 9,3% мировых запасов (17,5 трлн м³) [14].

пятствия и барьеры, для таких ориентиров сотрудничества в постсоветском пространстве нет альтернативы.

Литература

1. *Huntington S.P.* Zderzenie cywilizacji i nowy kształt ładu światowego. Warszawa, 2001.
2. *Джандосова З.А.* География Центральной Азии. СПб., 2005.
3. Центральная Азия в составе Российской империи. М., 2008.
4. *Wierzbicki A.* Etnopolityka w Azji Centralnej. Między wspólnotą etniczną a obywatelską. Warszawa, 2008.
5. *Бартольд В.В.* Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов. М., 2002.
6. *Кадыржанов Р.К., Нысанбаев А.Н.* Проблема создания Союза государств Центральной Азии (Problemy transformacji, integracji i bezpieczeństwa Azji Centralnej) // *Studia Politologiczne*. 2008. Vol. 12.
7. *Bodio T.* Wyjaśnienie cywilizacyjne w badaniach transformacji państw Azji Centralnej // *Przywództwo, elity i transformacje w krajach WNP* / T. Bodio (red.). Warszawa, 2010.
8. Евразийская стратегия суверенного Казахстана. Казахстанский институт стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан. Алматы, 2005.
9. *Кушкумбаев С.К.* Центральная Азия на путях интеграции: геополитика, этничность, безопасность. Алматы, 2002.
10. *Ушакова Н.А.* Организация Центральноазиатское сотрудничество // Россия и страны Центральной Азии. Взаимодействие на рубеже тысячелетий / Под ред. Л.З. Зевина. М., 2006.
11. Решение России о присоединении к ОЦАС обосновывал президент В.В. Путин // *Российская газета*. 2004. 19 окт.
12. Казахстан на пути ускоренной экономической, социальной и политической модернизации. Послание Президента Республики Казахстан Н. Назарбаева народу Казахстана, 18 февраля 2005 г. // www.akorda.kz (15.04.2014).
13. Экономика России и других постсоветских стран / Под ред. А.С. Булатова. М., 2005.
14. BP Statistical Review of World Energy June 2013 // bp.com/statisticalreview (19.04.2014).
15. *Кузьмина Е.* Геополитика Центральной Азии. М., 2007.
16. *Kiepenheuer-Drechsler B.* Trapped in permanent neutrality: looking behind the symbolic production of the Turkmen nation // *Central Asian Survey*. 2006. No. 25.

17. Казбеков Б.К. Интеграция Казахстана и Центральной Азии в мировую экономику. Алматы, 2002.

А.К. ПОПОВ, А.А. СОБОЛЕВСКАЯ

Имперские традиции России и евразийство

...Восточная Европа вкупе с частью Азии воспроизводит паневразийские тенденции, идя по следам Византийской империи...

Ю.М. Осипов

Аннотация. Рассматриваются две проблемы: во-первых, вопросы сути империи, Российской империи как наследницы Византийской и возможности восстановления христианской империи; во-вторых, евразийская государственность как альтернатива христианской империи.

Ключевые слова: империя, византийская империя, христианская империя, Тютчев, Евразия, евразийство, Флоровский.

Abstract. The article deals with tow main problems. First of them is the question about essence of Empire, Russian Empire as the successor of Byzantium and possibility to restore of Christian Empire. After that the article is discussing Euroaisia State as an alternative to Christian Empire.

Keywords: empire, Byzantium, Christian Empire, Tyutchev, Euroaisia, euroaisia conception, Florovsky.

В 1917 г. произошло крушение имперской России. В эмиграции оказались многие русские, среди которых были и те, кто приложил немало усилий для ее разрушения. Все направления эмиграции, еще не остыв от баталий Гражданской войны, включились в разработку проектов возрождения родины. И в самой постановке, и тем более в предлагаемых решениях мнения радикально разделились. Либералы предлагали возрождение России на уже доказавших свою негодность республиканско-демократических основаниях, контрреволюционеры-монархисты толковали о реставрации династии Романовых, наконец, третьи, недавно идейно оперившиеся евразийцы, считали, что нужно возродить Россию-Евразию.

Свою концепцию они опубликовали в Софии в 1921 г., выпустив сборник под названием «Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждения евразийцев». Книга, ознаменовавшая рождение евразийского направления русской общественной мысли, включала десять

статей, которые принадлежали четырем авторам: возглавившему движение экономисту, в прошлом ученику П.Б. Струве, П.Н. Савицкому, искусствоведу П.П. Сувчинскому, лингвисту и этнографу Н.С. Трубецкому и историку и философу, в будущем богослову, Г.В. Флоровскому. Идейным источником евразийства послужила книга Н.С. Трубецкого «Европа и человечество» (София, 1920). Впоследствии это движение разрослось, как разрослась и печатная литература, в которой излагались его идеи. Авторы сборника связывали не только тесные личные отношения, но и желание решительно высказаться по поводу переживаемого мирового кризиса. Они полагали, что война в Европе и революция в России — не просто катастрофа политического порядка, но свидетельство общего крушения европейской культуры: человечество переживает мировой катаклизм и глобальные перемены, и в этом вихре Запад клонится к упадку, между тем как Восток переживает подъем, что должно положить начало становлению новой эпохи в истории человечества.

Но что-то Флоровского не устраивало в той программе, которую разрабатывало это направление, и он обратился к имперской историософии Ф.И. Тютчева. И вот в конце 1924 г. в журнале «The Slavonic Review» появляется его статья «Исторические прозрения Тютчева» [1], в которой он показывает, что Тютчев был не только имперский поэт, но и пророк, понявший и выразивший смысл и ход современной ему истории, предсказавший будущее российской и западноевропейской цивилизаций в их грозном противостоянии. Эти пророчества исполнились почти с неотвратимостью на глазах Г.В. Флоровского.

При всей своей интеллектуальности поэт глубоко чувствовал и православие, и Россию, которую воспринимал как православную часть мира. Известно, что вскоре после своего приезда в Германию молодой дипломат в споре с Шеллингом, который был поглощен идеей примирения философии с христианством, возразил ему: «Вы пытаетесь совершить невозможное дело. Философия, которая отвергает сверхъестественное и стремится все доказать при помощи разума, неизбежно придет к материализму, а затем погрязнет в атеизме. Единственная философия, совместимая с христианством, целиком содержится в Катехизисе. Необходимо верить в то, во что верил святой Павел, а после него Паскаль, склонять колена перед *Безумием Креста* или же все отрицать» [3, 37]. Такую веру имел сам поэт.

Глубина мышления, широта души и христианского мировоззрения поэта не просто «перекидывали хрупкий мостик от его православного империализма к космической интуиции гения, одушевлявшей его чудную поэзию» [1, 232], но позволяли ему свободно и полнокровно жить

одновременно и в мире космической поэзии, и в мире христианской политики.

Смысл христианской империи. В середине XIX в. Ф.И. Тютчев пророчествовал о необходимом *восстановлении* законной *мировой империи* как *Вселенской монархии*. В отличие от большинства толкователей Тютчева, Г.В. Флоровский понимал, что тот различает *идею, принцип, идеал империи* и их конкретно-историческую реализацию, которая может лишь отчасти и даже отдаленно соответствовать своему идеалу, принципу и идее. Такое различие позволяет не путать одно с другим и не переносить, в частности, на саму идею империи те конкретно-исторические черты, которые она получила в том или ином воплощении. Принцип империи вечен — ее реализации, даже тысяче-летние, временны.

Следует отличать провозглашаемый Ф.И. Тютчевым принцип империи от его конкретно-политических проектов и предположений, которые могли лишь отчасти сбываться или вовсе не сбываться. Но он улавливал в духе времени направленность к этим принципам, формулируя задачи российской имперской политики, которая, разумеется, далеко не всегда им следовала.

«Что такое *Империя?*» — спрашивает Ф.И. Тютчев и отвечает: «Это делегация, права, ею даруемые. Их, эти права, утрачивают, когда делегация отменена, их утрачивают вместе с Империей. — Именно это и произошло с Римом. А поскольку имперский престол уже не находился в Италии, то для этого искусственного единства нет более места. Она вновь с полным правом обретает свою независимость и свои местные самоуправления» [2, 218]. Под «делегацией» Ф.И. Тютчев понимает *традицию*, традицию власти, от *delegare* — передавать имперское право, поручать власть. Из делегации власти возникает ее легитимность. Ф.И. Тютчев настаивал на том, что империя предполагает законность, она сама должна быть законна, а не узурпирована, например, революцией.

Раз возникнув, империя существовала всегда. При этом она представляет собой сложное единство власти, государства, Церкви и народа. Империя — принцип. Она неделима. Она только переходила из рук в руки. Всего Тютчев насчитывал пять империй: Ассирийская, Персидская, Македонская, Римская. С Константина начинается пятая империя, окончательная. Империя христианская. И далее он приходит к указанию связи власти и Православной церкви и ее *божественного источника*, «окончательного» характера христианской империи. «Нельзя отрицать Империю христианскую, не отрицая христианскую Церковь. И та и другая соотносятся между собой. В обоих случаях это означает отрицать *традицию*. Церковь, освящая Империю, приобщила

ее к себе, следовательно, сделала ее окончательной» [2, 224], так как Церковь, по обетованию Иисуса Христа, существует вечно. Таким образом, *установилось неслиянно нераздельное единство Церкви и империи*. Тютчевская «христианская империя», таким образом, это не империя вообще и не секулярное государство, которое он называет псевдоимперией.

Отмечая неизбежное столкновение империи с революцией, Тютчев отмечает, что традиция империи отрицается революционной школой на том же основании, что и традиция в Церкви. А между тем «идея Империи была душой всей истории Запада». Революция убила эту идею, с чего и началось разложение Запада. Империя, которая, в принципе, непреходяща, в действительности «могла по временам иметь слабости, приостановки, затмения», претерпевать попытки *узурпации власти*. Но эта узурпация по своему внутреннему закону крайне неустойчива, так как приводит к дальнейшей борьбе за власть между сообщниками. Так возникла длительная борьба между «схизматическим римским папством и узурпированной Западной империей», окончившаяся для одного Реформацией, т. е. отрицанием Церкви, а для другой — революцией, т. е. отрицанием империи. «Но Империя на Западе, — заключает Тютчев, — всегда являлась не чем иным, как узурпацией. Это добыча, которую папы поделили вместе с кесарями Германии (отсюда их распри). *Законная Империя осталась привязанной к наследию Константина* (курсив наш. — А.П., А.С.)» [2, 222].

Константин был первым римским императором, принявшим христианство и сделавшим его официальной религией. Основав в 324—330 гг. на берегах Босфора город Константинополь на месте греческой колонии Визант, он перенес туда свою столицу, которая была объявлена «Вторым Римом». Этот «Второй Рим» стал средоточием христианской державы в противовес «Древнему», в котором, хотя и воплотилось Слово, но был он центром языческой империи, гонительницей христиан. Тютчев видел в «языческой мысли» Древнего Рима неумирающую традицию: «Это Кесарь, вечно воюющий с Христом» [4, 439]. Впоследствии Достоевский в своей «Легенде о Великом Инквизиторе» продолжит идею войны против Христа в католичестве.

В конце IV в. Римская империя разделилась на Восточно-Римскую (Византийскую) со столицей в Константинополе и Западно-Римскую со столицей в Риме. В столице христианского мира Константинополе созывались вселенские соборы, а Константинопольский патриарх с VI в. стал именоваться Вселенским (всехристианским). Тогда же при императоре Юстиниане I был сформулирован тезис об идеальной монархической государственности как «симфонии» священства и царства, Церкви и императорской власти, обретающей источник и смысл

своей деятельности в служении Христу. Этот идеал являлся стержневым моментом в тютчевских представлениях о христианской империи.

В V в. Западно-Римская империя распалась, а Византийская просуществовала до XV в. «Наследием Константина» стала Россия, а Москва — «Третьим Римом». В 1472 г. московский великий князь Иван III, женившийся на племяннице последнего византийского императора Софье Палеолог, закрепил за собой роль наследника «вселенской» Византийской империи. Российским императором провозгласил себя Петр I в 1721 г., как бы сузив свои притязания. Только в качестве императора Востока, считал Тютчев, т. е. Византийской империи, ее наследства, царь является императором России. Так поэт-пророк приходит к своему обоснованию известного тезиса о том, что Москва — «Третий Рим», а четвертому не бывать.

Что же такое Россия, что она собой представляет? — спрашивает Тютчев — и отвечает: две вещи — Славянское племя и православную империю. «Империя едина: православная Церковь — ее душа, славянское племя — ее тело. Если бы Россия не пришла к Империи, то она зачахла бы. Империя Востока: это Россия в окончательном виде». Вопрос племенной, настаивает поэт, — лишь второстепенный, это даже не принцип, это — стихия. Принципом же является православная традиция [2, 222—223].

Подлинная христианская империя, наследницу которой поэт видел в России вместе с объединенным ею славянством, привлекала его тем, что само ее идеальное начало, хотя и искаженное в реальной действительности, предполагает следование Высшей воле, соотнесение всякой государственной деятельности с религиозно-этическим началом. Следование духовно-нравственному идеалу гораздо важнее для скрепляющего единства и истинного процветания державы, чем материальное могущество. Тютчев искал спасительный выход из западной духовно-исторической традиции, овладевшей Россией, в незамутненном католичеством источнике восточного христианства.

Смысл революции. Ф.И. Тютчев видел сопротивление законной христианской имперской власти, наблюдал революционные попытки свергнуть имперский порядок, узурпировать власть и на месте законного порядка установить свой. И он характеризует не только их революционный, чисто негативный, разрушительный, но и антихристианский характер. И, наоборот, из антихристианского характера революционного бунта следует и его антиимперский характер, не могущий, однако, породить устойчивый властный порядок. Все «отрицающее христианство зачастую очень могущественно в смысле разрушения, но всегда ничтожно в смысле созидания, потому что это бунт против Им-

перии», которая одна имеет конструктивный государственный характер и прочное основание.

Тютчев впервые в истории русской мысли раскрыл природу не только империи, но и революции, ее принцип. «Революция, если рассматривать ее с точки зрения самого существенного, самого элементарного принципа, — чистейший продукт, последнее слово, высшее выражение того, что вот уже три века принято называть цивилизацией Запада. Это современная мысль, во всей своей цельности, со времен разрыва ее с Церковью. Мысль эта такова: человек, в конечном счете, зависит от самого себя как в управлении своим разумом, так и в управлении своей волей. Всякая власть исходит от человека; все, провозглашающее себя выше человека, либо иллюзия, либо обман. Словом, это полный апофеоз человеческого я в самом буквальном смысле слова» [2, 206]. Не признавая иную власть, кроме своей, «человеческое я», сделало самое себя предметом идолопоклонства, обожествляя самое себя. Из революции вышли и все политические и правовые формы Запада. Самовластие человеческого я, возведенное в политическое и общественное право и стремящееся, в силу этого права, овладеть обществом, объясняет квазиимперские фигуры Наполеона I и его племянника Луи Бонапарта (Наполеона III).

Предчувствуя возможность смены форм революции, Ф.И. Тютчев заявлял, что «современная мысль в состоянии вести долгие словесные споры с Революцией из-за того или иного ее следствия, социализма, коммунизма, даже атеизма, но, чтоб уничтожить самый ее Принцип, нужно было бы, чтобы она отреклась от себя самой» [2, 206—207]. И принцип этот способен «повести Европу к состоянию варварства, не имеющему ничего себе подобного в истории мира и в котором найдут себе оправдание всяческие иные угнетения» [5]³². Задолго до Шпенглера Ф.И. Тютчев писал о неизбежном закате западно-европейской цивилизации. Его неизбежность следовала из того, что история Западной Европы — «это история узурпированной Империи» и ее разрушения революцией. Отсюда поэт-пророк заключал еще в 1848 г., что, возможно, «мы присутствуем при банкротстве целой цивилизации», т. е. западно-европейской цивилизации. Революция — это «неизлечимая роковая болезнь, пожирающая Запад», а отнюдь «не душа, порождающая движение».

И все-таки, как показали дальнейшие события, Ф.И. Тютчев потропился с конкретным прогнозом того, что революция на Красном Западе не может стать когда-нибудь правительством, так как она подтачивает и дезорганизует общество. Она таки стала правительством, и

³² Из письма к Пфефелю (фев. 1873).

не только на Западе, но и когда волна революции, распространившись за 70 лет на Восток, стала правительством в самой прежде бывшей имперской России и стала править как раз от своего имени.

Кто ошибался: Тютчев или Флоровский? Можно ли из исторического факта крушения Российской империи в 1917 г. сделать вывод, что Ф.И. Тютчев *принципиально* ошибся в своей оценке сущности и природы революции, в оценке сущности империи? Такой вопрос стоял перед Г.В. Флоровским. После тонкого анализа прозрений поэта и дипломата он делает в общем-то неожиданное и какое-то корявое для общего стиля своей статьи заключение, что Тютчев противоречит сам себе, пророчествуя о «конечном» пришествии «православного царства», которое выше «противоречий Креста». На самом деле своим анализом Г.В. Флоровский недвусмысленно и обоснованно показал, в том числе и самому себе, в чем заключается имперская традиция, ее неизбежность для православия и почему она прямо противоположна революции.

Во взглядах же Тютчева не было никакого противоречия. Он никогда не думал ни о глобальной православной империи, ни о конечном пришествии «православного царства». Нет, он думал всего лишь о создании *на путях веры* прочного православного славянского бастиона от разливающейся во всем мире революционной заразы, об имперской ограде Православной церкви, которая тоже охватывает далеко не всех людей планеты, о чем, кстати, не раз говорил и сам Флоровский. В этом не было никакого имперского утопизма и финализации. Это было вполне в пределах достижимого. Но не осуществилось, потому что действительно революционная зараза распространилась, и к Красному Западу присоединился Красный Восток, а также потому, что в самой России ослабла православная вера.

На наш взгляд, Тютчев оказался прав именно в своих принципиальных оценках. История подтвердила катастрофический, самопожирательный характер революции, не пощадившей ни один народ, который заразила в XIX и XX вв. Г.В. Флоровскому, испытавшему шок от падения российской империи, не хватило веры, именно веры, в тютчевский догмат об империи. Г.В. Флоровский придерживался либеральных политических убеждений своего окружения, от которых так и не избавился до конца жизни. А в 1920-х гг. он смотрел на события еще и в апокалиптическом ключе. Ему казалось, что и речи не может идти о восстановлении Российской империи. В своем письме от 3 декабря 1923 г. к Н. Трубецкому он признается: «Не о Руси старца Филофея надлежит ныне взыскующе мечтать, а о Руси преп. Сергия и святителя Филиппа. Просто потому, что “Третий Рим лежит во прахе, а уже четвертому не быть...” Я чувю, что *кончилось православное царство...*

Этим я не устраняю задачи религиозного подхода к Государству Российскому, — его прошлая гибель есть религиозная катастрофа, конечно. Но греховное упрощение заключается в подмене Царствия Божия и Небесного Иерусалима — Тр[етьим] Римом и Евразией. — Это гораздо более злая форма Третьего Искушения, нежели “ордена” (под которыми он подразумевал масонские ложи. — *А.П., А.С.*)» [6, 189—190]. Приведенное рассуждение в целом некорректно по той простой причине, что сам принцип православной империи вовсе не состоит в подмене Царствия Божьего «Третьим Римом», а напротив, в утверждении стремления к первому. И если определенные политики-монархисты излишне увлекались чисто политическими решениями, то это никак не могло отразиться на самом принципе.

Флоровский пишет о неприемлемости для себя не только «Третьего Рима», но и евразийства, в котором Царство Божие подменяется Евразией. Говоря о России как земном теле православия, он однозначно противопоставляет свою точку зрения идеям Н. Трубецкого. Тот утверждал, что возрождение России после Революции 1917 г. возможно только на двух взаимно исключающих принципах: «классовом, который дает диктатуру пролетариата и в настоящее время реализуется, или этническом, т. е. евразийском, принципе “хоровой”, многонародной евразийской нации» [7, 30—31]. Понятно, что в этой «идеократической» идее русским места нет: уж скорее казахам и татарам, несшим в себе столь любезный евразийцами «туранский элемент». Не зная глубоко русской истории, не веря в российскую империю, созданную потом и кровью русских людей, молитвами мирян и клириков, Н. Трубецкой предлагал вариант евразийства, ставший неким клише для последующих политиков и общественных деятелей.

Евразийский соблазн. И все-таки тютчевская историософия повлияла на идеи Флоровского, что видно из его статьи 1928 г. «Евразийский соблазн», подводящей черту под его увлечением. В основе евразийского учения лежали четыре идеи, которые в разной аранжировке и степени понимания проблем разрабатывались и разрабатываются его адептами. Это, во-первых, утверждение особых путей развития России как Евразии; во-вторых, идея культуры как органического и специфического единства (живого организма), превращающей человека в симфоническую личность; в-третьих, обоснование культурных идеалов на началах православной веры, понимаемой настолько широко, что исламизм и буддизм расцениваются как некое «потенциальное православие»; в-четвертых, учение об «идеократическом» государстве. Порвав с этим направлением, Флоровский дал этим четырем составляющим убедительную и принципиальную характеристику, основные моменты которой не потеряли актуальности до сих пор, по-

скольку мотивы евразийства в тех или иных вариациях живы по сю пору. Но свою критику он начинал с главного: с изложения сути идеократического государства, которое должно превратить Россию в Евразию. По существу, он присоединяется к Тютчеву в его оценке разрушительной роли революции и ее деятелей. По своему происхождению в своем большинстве евразийцы и были главными революционерами, свергнувшими царя и разрушившими империю. Даже главный разрушитель Милюков заинтересовался их идеями.

В евразийстве, пишет Флоровский, есть воля и вкус к совершившейся революции, и евразийцы приемлют ее как обновление застоявшейся жизни. Евразийцев зачаровали «новые русские люди», ражие, мускулистые молодцы в кожаных куртках, с душой авантюристов, с той бесшабашной удалью и вольностью, которые вызревали в оргии войны, мятежа и расправы. «Их загнипотизировал большевистский пафос “народоводительства”, волевой пафос коммунистической партии, пусть скудной и ложной в своей идеологии, но “властной до тираничности”» [8, 432]. По понятию евразийцев, считает Флоровский, коммунисты оказались «бессознательными орудиями вырождавшейся государственности». Они вынесли на себе, хотя помимо своего умысла и воли, «новый народ», новый правящий слой. В известном смысле, по их оценке, большевики как бы спасли Россию — от анархии, во всяком случае.

Почти те же идеи евразийцы разрабатывали относительно татаро-монгольского завоевания. «Великое счастье Руси, — писал П.Н. Савицкий, — что в момент, когда в силу внутреннего разложения она должна была пасть, она досталась татарам и никому другому» [9, 342]. «Татарщина», по Савицкому, будучи «наказанием Божиим», повлияла на быт, образ жизни, психологию народа, на его социальную организацию, принимавшую всяких богов и терпевшую любые культуры. Разделяя эту точку зрения, Трубецкой считает, что основателями русского государства были не киевские князья, а московские цари, ставшие «восприемниками» монгольских ханов. За рамками идеологии евразийства оставался главный фактор консолидации России при монголах: Русская церковь, сохранявшая единство на территории раздробленных и постоянно враждующих русских княжеств, которая смогла подготовить народ к борьбе с ордынским игмом. И была она наследницей Византии, а не созданием чингизидов.

Видимо, по аналогии с московскими князьями, ставшими «восприемниками» монгольских ханов евразийцы сознательно захотели быть наследниками большевизма. «Они хотят, — пишет Флоровский, — и призывают равняться по большевистскому примеру и типу, только переименовав “конструктивный принцип” с безбожного на религиозный.

Странным образом они не замечают и не понимают, насколько в формальном “типе” большевистского максимализма отражается и выражается его безбожная, бесчеловечная, бесовская сущность, — не чувствуют, что при “полярных” основаниях окажутся необходимыми инородные и инотипные “методы и силы”» [8, 242]. Как предсказывал Флоровский использование «инотипных» методов и силы, так и произошло. Собственно, не только предсказывал, а называл своими именами происходившее. И что самое печальное — все это повторилось при разрушении уже построенного невероятными усилиями и потерями русского народа СССР. Недаром во времена так называемой перестройки Горбачев провозглашал: «Революция продолжается!».

Евразийцы считали, что ради спасения революции «в ее социально-онтологических достижениях и итогах, для закрепления осуществившегося в ней великого народно-государственного сдвига, нужно заменить выдыхающуюся коммунистическую идеологию новой, органической системой идей, нужно найти и противопоставить ей новую “идею-правительницу”». Новая идея, считали евразийцы, должна заменить «государство, средоточие и вождя» до тех пор, пока все это не будет реально создано «идеями». И это возможно только через создание новой «партии» — правда, партии особого типа и строя. В этом типе и строе евразийцы старались учесть пример и урок большевизма. «“Ведущее” меньшинство органически и непреложно выражает подлинную, хотя и бессознательную, волю народа, воплощает и олицетворяет ее, отчеканивает ее в целостную идеологию. Выражая свое мирозерцание и осуществляя свою волю, правительство тем самым выражает и осуществляет народное мирозерцание и народную волю». При этом, «правлящий слой не такой же субъект, как субъекты хозяйства и духовной культуры; он как бы порождается ими для того, чтобы они чрез него над собою властвовали».

Не удивительно, что за «идеократией» евразийцев Флоровский разглядел надвигающуюся тиранию: «Всю жуткую и трагическую проблематику религиозно-культурного перерождения и преобразования евразийцы по старой интеллигентской манере свели на задачу создания нового направления, новой партии, единой и единственной, которая должна переслоить выброшенный революционными бурями “новый правящий слой”, с тиранической властью организовать его вокруг себя и стать его основой и направляющей силой <...> В сущности, евразийцы стремятся перевести опустошенных людей из одной одержимости в другую, в “подданство” другой, новой, евразийской идее» [8, 244—245].

Евразийская историософия строилась по «морфологическому» принципу. И в этом ее самый глубокий методологический порок. С

точки зрения этого принципа всякий действительный субъект исторического процесса есть некая «симфоническая личность», от рождения и даже от вечности одаренная особыми и определенными задатками и строем. Они «органически раскрываются в системе народно-культурного бытия» — всегда с непреодолимой неполнотой и несовершенством, не в одном, но во многих, чередующихся воплощениях, из которых каждое в своем месте и в свое время закономерно и необходимо, как закономерно и необходима и вся совокупность последовательных воплощений. Также и Россия есть особый и особенный, самостоятельный, живой организм, «своеобразная культуроличность» [8, 252].

Эти понятия, взятые из биологии, евразийцы позаимствовали у Н.Я. Данилевского и К.Н. Леонтьева. Их идеи заключаются в том, что постулируется множественность культурно-исторических типов, которые в своей жизни и развитии замкнуты друг для друга и ограничены в своих врожденных характерах, но сталкиваются в борьбе за существование. У каждого свои задачи, поставленные в «прирожденном типе», и сводятся к полноте и многоцветности проявления своего лица. У каждого свой роковой предел жизни. Смысл народно-исторического существования, по Леонтьеву, в полноте цветения, а затем — в вырождении и смерти. Запад уже умирает, о России его догадка неоднозначна. Критикуя Тютчева и Достоевского за их увлечение славянством, он пишет, что «нужна вера не в само это отрицательное племя, а в счастливое сочетание с ним всего того *получужого, преимущественно восточного* (а кое в чем и западного), *которое заметно в России, чем у других славян*. Нужны вера в дальнейшее и новое развитие Византийского (*Восточного*) христианства (православия), в плодотворность *туранской* примеси в нашу русскую кровь; отчасти и в православное *intus-susceptio* (внутреннее восприятие — *лат.*) властной и твердой немецкой крови *и т. д.*» [10, 323]. Совершенно непонятно, как связано развитие восточного христианства с плодотворным влиянием «туранской» крови.

Все эти старые домыслы лежали в основе теорий и старых евразийцев, и тех, кто наследует идеи Л.Н. Гумилева. Получается, по Гумилеву, что русские как потерявшие свою пассионарность в результате старения должны были уйти с исторической сцены, дав путь евразийскому типу, получив приток туранской крови, естественно, половым путем. Однако, судя по некоторым наблюдениям, обладающие этим элементом, казахи, например, не спешат на такой благодетельный акт, оставаясь, разумеется, толерантными по отношению к русским.

В отличие от Тютчева, для которого понятие «племя» было сродни стихии, и совсем не обязательно только кровнородственной, у

евразийцев все основные принципы связаны с идеей «крови» и «почвы». Флоровский подчеркивает, что в евразийской морфологии исторических типов теряется проблема христианской философии истории, а схемы и типы заслоняют конкретную и трагическую судьбу. И хотя проблема русского своеобразия была поставлена русской мыслью в виде антитезы России и Европы, во многом потому, что силою исторических превратностей «Россия была брошена в душные объятия Европы», смысл их встречи нельзя свести только на «тактическую» необходимость. «Поворот» к Европе был нужен и оправдывался «единством религиозного задания и происхождения». В этом понимании религиозной связанности России и Европы, как двух частей, как Востока и Запада, единого «христианского материка», была «вещая правда старшего славянофильства» [8, 255].

Но первым эту «вещую правду» выразил Тютчев, превосходивший широтой мировоззрения, образованностью, самостоятельностью взглядов всех славянофилов, которые прошли через увлечение немецким романтизмом, шеллингизмом и гегельянством и так до конца и не избавились от их ложного влияния в своих взглядах на империю, народ, православие. В своей статье 1849 г. «Папство и Римский вопрос» Тютчев отмечает, что, порвав с православной традицией вселенской церкви, уйдя в католичество, для которого папство «то же, что камень, замыкающий свод, — необходимое условие бытия», Рим вызвал как собственный упадок, так и упадок Запада в целом [2, 252]. В европейской печати на стороне Тютчева выступил А.С. Хомяков. Продолжив тему камня, замыкающего свод, он как бы предлагает Западу акт примирения: «Здание вашей веры разрушается и проваливается; мы вам приносим не новые материалы для его утверждения, мы возвращаем вам только замо́к, которым прежде держался весь свод, — взаимную любовь христиан и присвоенные ей Божественные щедроты» [11, 126]. Позже эту религиозную связь с Европой с трагической силой и яркостью выразил Достоевский. В признании такой связи не только не стирается, но четко проводится ясная грань между православной Россией и неправославной (по Тютчеву — революционной) Европой. И хотя «Россия не Европа», имя Христа соединяет Россию и Европу, как бы ни было оно искажено и даже поругано на Западе. «Россия, как живая приемница Византии, останется православным Востоком для неправославного, но христианского Запада внутри единого культурно-исторического цикла» [8, 256].

Евразийцы, пишет Флоровский, чувствуют и определяют себя как «осознателей русского культурного своеобразия». Своеобразие они открывают всюду, начиная от «месторазвития» и вплоть до религиозной области. Географическое единство и своеобразие «евразийской»

территории настолько поражают их, что в их представлениях подлинным субъектом исторического процесса и становления оказывается даже не народ, а территория. Поэтому история русского народа и растворяется для них в истории Евразии как своеобразной среды и «месторазвития».

Евразийцы не отрицают наличия и действительности «начал внеместных», но эти начала неизбежно преломляются через «месторазвития», облакаются в «местные одежды». Это относится даже к «религиозным началам», которые вводятся в состав культурно-типического своеобразия, в множественности «местных одежд». Но разве можно все исторические религии и религиозные формы рассматривать как равноправные «индивидуации» или воплощения общей религиозной стихии, одних и тех же «религиозных начал»? Для Флоровского, как и для нас, подобное восприятие веры, ставящее сына Бога Христа на одну доску с Буддой и Мухаммедом, не только неприемлемо, но просто кощунственно.

Итак, евразийство отвергает Европу, обратившись к идее кровного и духовного родства с Азией, говоря об этом с подъемом и даже упоением, и в этом подъеме тонут и русские, и православные черты. В советской современности, «из-под интернационалистической декорации», евразийцы увидели «стихийное национальное своеобразие и неевропейское, полуазиатское лицо России-Евразии», увидели и «Россию подлинную, историческую, древнюю, не выдуманную “славянскую” или “варяжско-славянскую”, а настоящую русско-туранскую Россию-Евразию, преемницу великого наследия Чингисхана» [8, 257].

Хотя евразийцы чувствуют *православную* стихию, понимают православие как подсознательный «центр тяготения» евразийского мира, но конкретно-практические задачи Евразии они определяют совсем не по этому «центру», не из живого *православно-культурного самосознания*, но из размышлений теософического, этнического, государственно-организационного порядка. Для них именно «монголы формировали историческую задачу Евразии, положив начало ее политическому единству и основам ее политического строя», и евразийцы даже как бы скорбят о «неосуществившейся исторической возможности» окончательной организации Евразии вокруг Сарая, о неоправданном «предложении» перехода сарайских ханов в православие. Не то не хватило у ханов «свободы самоопределения из себя», не то, вопреки евразийскому мечтанию, «потенциальное православие» татар оказалось мнимым.

Флоровский признает, что свою русскую Азию до сих пор мало изучали, плохо понимая русские задачи здесь. Свою русскую Азию, Азию в России, географическую и этническую, необходимо узнать и

понять ее государственный смысл и вес. Но это должно в последнем счете вести к оформлению и укреплению восточной границы России, потому что «азиатская (зауральская) Россия» не есть колониальный придаток, но живой член единого тела. Однако все это имеет государственный и экономический, но не религиозно-культурный смысл.

Объективно такое «обазиачивание» России всегда лило мельницу на интересы националистов и разрушителей империи. Еще в 1914 г. некто иной, как учитель Савицкого П.Б. Струве, в статье «Австро-германское “украинство” и русское общественное мнение» писал о вызревании в оторванной от общерусской культуры Галиции сепаратистских идей. «Эти идеи и требования служили радикальной “украинской” интеллигенции материалом для любезной противорусской агитации, направленной на отторжение от России целых громадных ее областей, как якобы не русских, но “украинских”, и на вытеснение России чуть ли не в Азию». Отвечая члену «украинской» фракции австрийского парламента Е. Левицкому, согласно проекту которого «Московитская Россия должна быть отодвинута от Черного моря», он писал, что всякий, знакомый с историей и действительностью России, знает, что Одесса, Херсон и Николаев, а также, конечно, Крым — суть создания Русского государства на почве, в вековой борьбе отвоєванной им у Турции, а потому никак не могут называться «украинскими», даже «если признать существование “украинской” национальности» [12, 237]. И все-таки украинский национализм победил, победил в результате все той же революции, напрямую связанной с Первой мировой войной и действием внешних сил. И не помог насаждаемый большевиками интернационализм: кое-кому, как и раньше, украинский национализм все-таки был нужен. И вот теперь выстрелил с новой силой.

Обобщая свою критику евразийства, Флоровский заключает, что весь смысл русского исторического бытия по евразийским канонам «сводится к “освоению месторазвития” и к его государственному оформлению: “монгольское наследство, евразийская государственность” заслоняет в евразийских схемах “византийское наследство, православную государственность”. И при этом евразийцы не чувствуют, что вовсе не один “строй идей” получила Россия от Византии, но богатство Церковной жизни. Это и дар, и задание, и призвание. Этим даром задается и определяется “историческая миссия” России, в перспективах культурного бытия, не евразийской “плотью” и не “врожденным лицом”» [8, 260].

Здесь Флоровский, в конце концов, вплотную подошел к идее наследования Россией даров Византийской империи. Не «кровь» и «месторазвития», таким образом, куют историю России, а имперские

культурные традиции. При этом очевидно, что русская культура выковывалась на основе православия, церковного делания и державного строительства. Годы революционных потрясений и марксистского безверия не выкорчевали эти корни русской культуры, и они пустили новые побеги, как тот дуб, мимо которого ехал Болконский у Толстого в «Войне и мире». Да и сам писатель, хотевший верить по-своему, все-таки творил в традициях русской культуры. «Самоопределение русского народа, — утверждает нынешний президент России В.В. Путин, — это полиэтническая цивилизация, скрепленная русским культурным ядром» [13]. И ядро это отливало на протяжении веков во взаимодействии Церкви и империи.

Вера в христианскую империю сегодня. В наше время лучший ответ неверующим в православную имперскую Россию дал митрополит Санкт-Петербургский Иоанн: «Россия есть государство народа русского, которому Господь вверил жертвенное исповедническое служение народа-богоносца, народа-хранителя и защитника святынь веры. Эти святыни есть религиозно-нравственные начала, позволяющие строить жизнь личную, семейную, общественную и государственную так, чтобы воспрепятствовать действию зла и дать наибольший простор силам добра. Именно таким было исторически сложившееся самовоззрение россиян. Это — основа основ русского самосознания в том виде, в котором сформировали его десять веков отечественной истории. Оно столетиями лежало в основании государственной политики Русской державы» [14, 32].

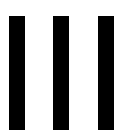
И ковала державные свойства русского народа на всем протяжении его тысячелетней истории не география России, не хор народов и народностей, ее населявших, а Церковь православная.

Сейчас кажется, что возрождение российской империи чистой воды утопия. Но мы знаем, что живая история и живое православное творчество идут непредсказуемыми путями. В свое время такой же утопией выглядело воззвание В. Солоухина к восстановлению храма Христа Спасителя в 1989 г. И вот он восстановлен. Конечно, первая задача значительно грандиознее и труднее, но все в Руце Божией.

Литература

1. Флоровский Г. Из прошлого русской мысли. М., 1998.
2. Литературное наследство. Федор Иванович Тютчев. Т. 97. Кн. 1. М., 1988.
3. Литературное наследство. Федор Иванович Тютчев. Т. 97. Кн. 2. М., 1989.
4. Тютчев Ф.И. Полн. собр. соч. и письма: В 6 т. Т. 3. М., 2003.

5. *Аксаков И.С.* Федор Иванович Тютчев. М., 1874.
6. *Соболев А.* К вопросу о внутренних трениях и противоречиях в евразийстве 1920-х годов // Россия XXI. 2002. № 5.
7. *Трубецкой Н.С.* Общеевразийский национализм // Евразийская хроника. Париж, 1927.
8. *Флоровский Г.В.* Евразийский соблазн // Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. М., 1993.
9. *Савицкий П.Н.* Степь и оседлость // На путях. Кн. 2. М.; Берлин, 1922.
10. *Леонтьев К.* Восток, Россия и Славянство. СПб., 1913.
11. *Хомяков А.С.* Соч.: В 2 т. Т. 1? Работы по богословию. М., 1994.
12. *Нация и империя в русской мысли XX века* // <http://pravaya.ru/idea/20/5867>.
13. *Путин В.В.* Россия: национальный вопрос // http://ng.ru/politics/2012-01-23/1_national.html.
14. *Иоанн Снычев, митрополит.* Одоление смуты. Слово к русскому народу. СПб., 1995.

**ЭКОНОМИЧЕСКАЯ
ТЕОРИЯ**

А.З. НОВАК, К. РЫЧЬ

Злотый или евро?

Аннотация. Обсуждаются проблемы — издержки и выгоды — вхождения Польши в еврозону, позиции экономистов по этому вопросу.

Ключевые слова: евро, злотый, Польша, еврозона, монетарная политика, экономическая интеграция.

Abstract. The article is devoted to the problems of costs and profits of entering of Poland into the Eurozone, economists' positions on this question.

Keywords: euro, zloty, Poland, the Eurozone, monetary policy, economic integration.

Последние события на Украине в очередной раз вызвали дискуссии о необходимости скорейшего присоединения Польши к еврозоне. Как считают некоторые польские экономисты, а также политики и представители бизнеса, нахождение вне еврозоны в то время как нарастающая турбулентность столь географически близка может вызвать многие осложнения, связанные, в частности, с действиями биржевых спекулянтов, ухудшением оценки положения в регионе и в результате — депрециацией злотого и т. п.

Оставляя пока в стороне тот факт, что в настоящее время ни еврозона, ни Польша не готовы к расширению, проблема присоединения Польши к еврозоне остается важной как познавательной, так и практически, ибо это касается также ответа на вопрос: какие деньги лучше служат экономике страны в период финансовых и политических турбулентностей и благоприятнее влияют на экономическую конъюнктуру — экзогенные, по отношению к экономике страны, или эндогенные? Хотя известно, что в данный момент и Польша не выполняет все требования, необходимые для вступления в еврозону, и Экономический и валютный союз (ЭВС) не готов на столь существенное расширение, поскольку озабочен проблемами фискального кризиса и структурных реформ, тем не менее надо возвращаться к вопросу анализа издержек и выгод от вступления Польши в еврозону, учитывая огромный опыт, накопленный во время последнего кризиса и нынешней де-конъюнктуры.

Дискуссии на тему вступления Польши в еврозону возникают циклически: так обстояли дела в начале последнего финансового кризиса

и так складываются сейчас вследствие общественно-политических событий на Украине.

В печати представлены разные мнения, из которых следуют по крайней мере, две позиции, касающиеся вступления Польши в еврозону. Первая: после проведения анализа всех издержек и выгод Польша должна как можно скорее вступить в ЭВС. Эта позиция довольно эмоциональна и вызвана политической напряженностью на Украине. Она четко выражена в статье профессора А. Войтыны, напечатанной в газете «Жечпосполита» (5 марта 2014 г.) под знаменательным заголовком «Украина и евро в Польше». Вторая позиция наводит на мысль, что пребывание вне еврозоны принесет Польше больше выгод, чем угроз, особенно в результате сохранения плавающего курса злотого, поэтому «стоит торопиться, но медленно». В случае неожиданного снижения экспорта депрециация польского злотого создает шанс не только сохранить его объем, но и увеличить производство и тем самым поднять уровень занятости (интервью с профессором М. Бэлькой, председателем Национального польского банка, «Рекордистский капитализм к переэкзаменовке», «Дзенник — Газета правна» от 14 февраля 2014).

Обе представленные позиции побуждают к тому, чтобы, с одной стороны, еще раз задуматься над последствиями введения евро, но с другой — осознать, что выгоды и невыгоды от введения евро надо рассматривать в короткий и в длинный периоды. Кажется, что основными проблемами являются ответы на вопросы: что лучше послужит конкурентоспособности польской экономики и что позволит избежать так называемой «ловушки среднего дохода»: пребывание в еврозоне или вне ее? Конечно, здесь простых ответов нет. Однако с большой долей вероятности можно сказать, что в короткий период пребывания вне еврозоны и сохранение плавающего валютного курса могут оказаться более благоприятными для сохранения и даже роста конкурентоспособности польской экономики. Ведь в случае какой-либо экономической турбулентности депрециация злотого снижает цены для иностранных покупателей и временно может даже снизить издержки производства в результате процессов перераспределения, но в более отдаленной перспективе, как указывает в упомянутом интервью профессор Бэлька, может привести к укреплению конкурентоспособности, опирающейся на низкие зарплаты и экстенсивные технологии производства.

Это определенная разновидность конкурентоспособности не является результатом ни инновационности, ни предпринимательства, а лишь эффектом от низкой стоимости рабочей силы. Также производи-

тели этих товаров не являются ценовыми лидерами на рынке, поэтому их доходы относятся скорее к средним, чем к высоким.

Как правило, положение складывается так, что страна, остающаяся вне зоны единой валюты, не является лидером в производстве и экспорте так называемых брендовых товаров. Она скорее субподрядчик такого типа товаров, т. е. производитель и экспортер их частей или комплектующих. Производителем полного продукта, как правило, является фирма (международный концерн) с местонахождением в стране единой валюты.

В данном положении такие фирмы некоторым образом зарабатывают вдвойне: первый раз, привлекая более дешевые факторы производства в кооперирующей стране — производителе комплектующих, второй — импортируя эти комплектующие и платя меньше в результате депрециации злотого. Ведя расчеты в злотых, они зарабатывают больше на каждой штуке товара, но в собственной валюте платят меньше, т. е. пользуются депрециационной премией. Это может привести к относительному обнищанию кооперирующей страны или консервации ее статус кво, определяемого потолком среднего дохода.

Итак, можно сказать, что хотя упомянутая в интервью профессора Бэльки депрециация 2008—2009 гг. с лихвой нивелировала, считая по стоимостным критериям в злотых, снижение экспорта, являющееся последствием кризиса 2007—2008 гг., однако рост доходов экспортеров не сказался на росте зарплаты, инвестиций и занятости. Достигнутая чрезвычайная прибыль — как от экспорта фирм-«матерей», так и от экспорта дочерних фирм во взаимных оборотах — оказалась результатом перераспределения национального дохода в пользу международных корпораций в ущерб отечественному доходу. Произошло дальнейшее упрочение мнения о Польше как дешевом субподрядчике, конкурирующем своей низкой стоимостью труда и иногда называемом Китаем Европы. Такое положение может привести к росту угрозы спекуляций, побуждаемых международными организациями. Поощряемые чрезвычайной прибылью от депрециации злотого, они могут занимать короткие позиции на польских активах, чтобы потом, когда успешно пройдут инспирированная ими утечка капитала и депрециация злотого, вновь купить эти активы по более низкой цене.

В результате такие действия в определенных ситуациях — особенно в стране с малой открытой экономикой — могут привести даже к фактической потере монетарного и валютного суверенитета. Иначе говоря, в крайнем случае государству остается пассивная роль по отношению к действиям так называемого «казино капитализма».

Следовательно, в более продолжительной перспективе для повышения конкурентоспособности данной страны, а также во избежание

осложнений, связанных со спекулятивными атаками на валюту страны с относительно малой рыночной экономикой, и для преодоления потолка среднего дохода благоприятным может оказаться вступление в зону единой валюты. Обладание единой валютой делает невозможным манипулирование валютными курсами ради краткосрочной выгоды и увеличивает шанс защиты рынка от разного вида валютных спекуляций. Гипотетически — поскольку Польше не довелось это испытать — можно предположить, что за короткий срок членство в еврозоне, особенно после 2008 г., создало бы шанс на меньший отток иностранного капитала, меньший рост издержек обслуживания задолженности — как публичной так и частной — особенно той, которая связанная с валютными кредитами. Одновременно можно было бы ожидать и отрицательных последствий, в том числе снижения темпов экономического роста по причине вероятного перегрева экономической конъюнктуры в результате низких процентных ставок — как это случилось в других, менее развитых странах еврозоны, или же в странах, применяющих режим валютной палаты.

Следует также помнить, что случаи Греции, Испании, Португалии и Ирландии показывают, что еврозона, опирающаяся лишь на единые деньги и совместную денежную политику, в основном направленную на достижение инфляционной цели, также может привести к разного рода проблемам, последствия которых могут оказаться тягостными для отдельных экономик.

Вступление в еврозону означает одновременно изменение характера денег из эндогенного в экзогенный, тем самым потерю самостоятельной монетарной политики, хотя ее самостоятельность уже ограничена, как в каждой малой открытой экономике. В случае Польши экзогенная валюта — это евро. Это качественное изменение, которое может оказать весьма существенное влияние на экономику и принципы функционирования каждого члена группировки.

Согласно предпосылкам доктрины оптимальной валютной зоны Р. Манделла, деньги в этой системе, по существу, не должны быть экзогенными, однако опыт еврозоны показывает, что они такими стали. Манделл предполагал, что в результате большой гибкости производительных факторов, т. е. свободного перемещения как труда, так и капитала, с одной стороны, и возможности перераспределения доходов для поддержки регионов, испытывающих неудачи, экономика всей оптимальной валютной сферы — с другой, будет функционировать в условиях, подобных экономике одной страны, по существу единые деньги будут носить эндогенный характер, создающий возможность проведения единой монетарной политики, благоприятной для всего региона. В действительности в Валютном союзе так не случилось —

по крайней мере не полностью. Проблема экзогенности евро возникла уже тогда, когда силы, образующие Экономический и валютный союз, приняли решение о создании оптимальной валютной сферы *ex ante* в надежде на то, что единые деньги ускорят процесс реальной конвергенции при расширении свободы воздействия рыночных механизмов, освобожденных от курсового риска и транзакционных издержек. Этого не произошло, что и обнаружили кризис 2008 г. и оставшиеся после него тяжелые проблемы взаимодействия и приспособления во многих странах Евросоюза.

В действительности в еврозоне в существенной мере мы имеем дело с экзогенными деньгами. Однако в настоящее время вмешательство ЕЦБ — фактически или только на словах (например, обещание скупки облигаций ЕЦБ) — приводит к тому, что деньги меняют характер, становясь побочно эндогенными, тем самым облегчая приспособленческие процессы — по крайней мере, некоторым странам. В итоге существующие до сих пор деньги в еврозоне оставались экзогенными по отношению ко всем странам еврозоны и не облегчали, а как раз наоборот, осложняли гармоничное развитие зоны, практически во всех аспектах реальной конвергенции.

На самом деле кажется, что при столь большом экономическом разнообразии стран — членов еврозоны единая валюта хотя бы частично должна носить эндогенный характер, что способствовало бы приспособлению их экономик к требованиям состояния конъюнктуры. Это важно тогда, когда валютное вмешательство опирается лишь на валюту и денежную политику, сосредоточенную исключительно на инфляционной цели. Впоследствии, в частности, из-за отсутствия эндогенного характера денег в еврозоне стали возникать так называемые «дружеские государства», отличительной чертой которых стало то, что у них расходы за продолжительный срок превышали доходы. Возникли отсутствие гармонии в развитии отдельных стран и осложнения в достижении, например, преимущества равновесия внешнего над внутренним и тем самым закрепление пассивной инвестиционной позиции.

Как следует даже из этого краткого анализа, в нынешней ситуации не со всех точек зрения вхождение Польши в еврозону может оцениваться однозначно позитивно. Тем не менее эффекты ее функционирования, а также опыт, приобретенный в результате мирового финансового кризиса, и к тому же отсутствие альтернативы показывают, что надо серьезно рассматривать относительно быстрое вступление в еврозону. Однако следует иметь в виду и то, что экзогенные деньги менее эффективны в демократическом обществе, чем в элитарном или авторитарном. Такой вывод можно сделать на основании опыта с деньгами из драгметалла и предыдущими валютными союзами. Они хорошо

функционируют в спокойные времена, но подводят в периоды шоков и кризисов, когда необходимость внешнего приспособления экономики доминирует над внутренним. Жертвами вынужденной экономии, необходимой для восстановления внешнего равновесия, становятся тогда расходы государства на социальные нужды, реальные расходы менее зажиточной части населения. Жесткая экономия вызывает социальную напряженность и недовольство электората. В таких обстоятельствах эндогенные деньги позволили бы мягче пройти сложный процесс приспособления, но это не означает, что с меньшими издержками. Издержки эти могут оказаться и большими, но они скрыты за финансовыми махинациями, непрозрачными процессами перераспределения доходов, инфляционными явлениями, происходящими в разное время, хотя в конечном итоге не менее ощутимыми для общества.

Вопрос в том, чтобы, сохраняя единую валюту, в процессе реформы придать ей некоторые атрибуты эндогенных денег. Здесь важны возможности реагирования ЕЦБ и банковской системы в период конъюнктурных угроз, в том числе для нужд части стран — участниц Евросоюза. Создаваемый Банковский союз может смягчить или даже преодолеть неблагоприятные черты экзогенных денег.

Другим ожидаемым изменением, способным смягчить процессы приспособления и реальной конвергенции стран Евросоюза, является восстановление секторной или же новой промышленной политики (мы писали об этом в газете «Жечпосполита» от 26 ноября 2013 г.).

Мы надеемся, что продвигаемая в Брюсселе концепция интеллектуальной специализации регионов и стран с вертикальной экономической политикой также облегчит процесс реальной интеграции. Польша должна внимательно следить за этими изменениями и поддерживать их по мере возможностей. У единой валюты, по нашему мнению, есть будущее. Итак, усиленной активности в создании обновленного Валютного союза — да, нервной спешке — нет.

С.В. БИРЮКОВ

Политэкономия ренты и Россия: к уточнению проблемы

Аннотация. В статье описывается концепция капитализма и ренты немецкого экономиста Хармута Эльзеханса. Автор анализирует влияние ренты на национальное и глобальное экономическое развитие. В статье также рассматривается проблема сырьевой зависимости экономики для современной России.

Ключевые слова: капитализм, рента, экономическое развитие, сырьевая зависимость, «голландская болезнь».

Abstract. The article describes the concept of Capitalism and Rent of German economist Harmut Elsenhans. The author analyzes the influence of Rent on the national and global economical development. In this article the importance of commodity dependence's problems for modern Russia is accentuated too.

Keywords: Capitalism, Rent, economical development, commodity dependence, Dutch disease.

Капитализм vs рента: прогноз Хармута Эльзенханса

Современное состояние и перспективы национальных экономик в контексте глобального экономического и политического развития являются предметом интереса для многих ученых и научных школ. Политэкономическая парадигма, отброшенная в свое время вместе с господствовавшей в СССР версией марксистского учения, сегодня становится все более востребованной — в частности, для изучения специфики институтов и практик, возникающих в рамках политических и экономических систем «переходного» типа в контексте переживаемых ими трансформаций. В то же время современные политическая экономия и политология все более очевидно нуждаются в «большой теории», которая смогла бы выявить ключевые тренды и перспективы развития мировой (глобальной) экономики и политики. Автором одной из версий подобной «большой теории» является Хармут Эльзенханс — видный немецкий экономист, профессор Лейпцигского университета, разработавший собственную системную методологию анализа проблем и противоречий мировой экономики и политики, в том числе методологию анализа современного состояния и перспектив доминирующего на сегодня в ней капиталистического уклада.

Создание подобной «большой теории» явилось трудом всей жизни для Эльзенханса. Итог его многолетних усилий — издание 2007 г. — носил название «История и экономика европейского завоевания мира», часть которого в 1976 г. была представлена в качестве докторской диссертации. Германоязычная версия его пятитомника вышла в свет под названием «Глобальный капитализм» [1].

В своей недавно опубликованной книге «Подъем и падение мировой капиталистической системы» [2] Эльзенханс предлагает и обосновывает собственную версию «большой теории», поочередно вступая в теоретическую полемику с И. Валлерстайном, М. Вебером и К. Марксом. Он пытается объяснить, как формировался капитализм, как он

распространялся по миру и какие факторы тормозили его продвижение.

Эльзенханс глубоко переосмысливает как марксистский, так и либеральный подходы к пониманию природы капитализма. Капитализм, согласно его убеждению, определяется не безграничным стремлением к прибавочной стоимости и к увеличению богатства. Это действительное устремление сдерживается давлением «нижних слоев», стремящихся к расширению своего участия в распределении продуктов труда, равно как и возникновением феномена «массового потребления». Эти ограниченные рамки для обогащения «сверху» отличают капитализм в структурном отношении от всех других классовых формаций. В равной степени обогащение здесь зависит от технических инноваций с целью удовлетворения растущего потребительского спроса, главным образом растущего массового спроса. Капитализм как спутник буржуазной революции последовательно разрушает все привилегии сословий, равно как и созданные государством монополии.

Буржуазная революция (независимо от происхождения ее лидеров) требует равенства прав и нуждается в правовом государстве. Она не обязана быть демократической. Место привилегий в новом обществе занимает договор о правовом равенстве. Без правовых и политических привилегий богатые могут увеличить свое богатство только тогда, когда продают свои товары на конкурентном рынке по цене, превосходящей затраты на их производство.

По убеждению Эльзенханса, у истоков капиталистического способа производства стоит расширение прав и возможностей *Труда*, которое на основе докапиталистических технических усовершенствований стало столь продуктивным, что предприниматели заранее могли рассчитывать (планировать) доходы своих работников, поставляя на рынок созданные машинным способом потребительские товары.

Расширение прав и возможностей Труда является, таким образом, основой для подъема капиталистического предпринимательства, пока прибыль, в отличие от ренты, напрямую зависит от объема сделанных ими инвестиций в производство. Рентье не могут сдерживать экспансию капиталистических предпринимателей, пока последние закладывают в структуру своих инвестиций будущие доходы работников. Ставка же рентье на существующий избыток ресурсов оказывается, как правило, непродуктивной.

При этом капитализм как децентрализованная система, координация которой осуществляется посредством рынка, постоянно находится под угрозой, вызванной избытком финансовых ресурсов. Капитализм, по Эльзенхансу, — это хрупкая общественная формация, децентрализованное управление которой предполагает комплексный запрос на про-

порциональность. Управляемый посредством выгоды, капитализм зависит от противодействия многих обогатившимся немногим, которые через нехватку финансовых ресурсов побуждаются к конкуренции и благодаря этому удерживаются от превращения в ренты: совокупная способность Труда остается сдерживающим фактором для капиталистических предпринимателей, стремящихся к максимизации финансовых доходов. Этот противовес является слабым во многих из обществ, в которых докапиталистические структуры доминируют и блокируют переход к капитализму.

Противостоит капитализму как победившему в мировом масштабе, но не сумевшему преобразовать «под себя» весь мир экономическому укладу, так называемая модель «рентной экономики». Рента, согласно Эльзенхансу, является противоположностью прибыли. Она возникает в докапиталистических обществах, в которых политика и экономика — равно как публичная и частная сферы — не отделены друг от друга, что распространяется и на сферу управления. Рента — доход, получаемый за счет экономических излишков (избытков), который имеет своими источниками различные несовершенства рыночных отношений, монополию или политическую власть.

Рента выступает как структурирующий фактор в некапиталистических обществах. В основанных на ренте системах источником доходов является политический контроль над обеспечивающими ренту ресурсами. К числу последних относятся земля, полезные ископаемые, такие как нефть и газ, международная торговля, которая стремится освободиться от таможенных пошлин, а равно и другие виды экономической активности, которые относятся к «теневой» части мировой экономики. Источником ренты также может быть помощь экономическому развитию.

Протекающий в докапиталистических обществах политический процесс, по мнению Эльзенханса, ведет к складыванию государственных классов, распоряжающихся основной частью ренты. С целью максимизировать размер ренты часть этих классов будет стремиться с целью усиления политического контроля инвестировать часть полученных за счет ренты средств в институты, поддерживающие и оберегающие их власть (армия, специальные службы).

Помимо этого, извлечение ренты частично выливается в элитное потребление господствующих слоев, используются для повышения имиджа государства. Следствием этого является высокая концентрация доходов в руках тех, кто обладает политической властью, в то время как широкие слои населения зачастую довольствуются ограниченными доходами в силу ограниченной «емкости» внутреннего рынка.

В то же время господствующая в рамках рентной системы государственная бюрократия (государственный класс) стремится поддержать трансформацию общества в направлении капитализма [3]. Однако программы индустриализации, инициируемые государственными классами, оказываются неэффективными из-за неучета их потенциальной рентабельности и отсутствия массового спроса на их продукции, а программы помощи бедным — малодейственными из-за системной коррупции. Поднимающиеся частный бизнес и средний класс не способны создать качественно новый экономический уклад, поскольку подвергаются мощному политическому давлению и «фискальным набегам» со стороны рантье из государственного класса, стремящегося превратить их в своих клиентов и нейтрализовать таким образом сопротивление со стороны автономных социальных классов. Все правительственные программы, нацеленные на «выравнивание» массового спроса, приводят в итоге к дополнительной концентрации экономических ресурсов в руках государственного класса [4, 33—56]. В итоге предпосылки для расширения прав и возможностей Труда и итогового перехода к капиталистическому способу производства не создаются ни «сверху», ни «снизу» [5, 26—31].

Что означает все сказанное выше с точки зрения теории мир-системного анализа (И. Валлерстайн)? Мировая система создала предпосылки для возникновения капитализма в Европе, но сама продолжала базироваться на ренте. И если капитализм не смог утвердиться в мировом масштабе, что, по мнению Эльзенханса, свидетельствует не о глобализации прибыли, а о глобализации ренты [6, 263—289]. Последнее, как считает исследователь, побуждает политические и экономические элиты государств с рентной моделью экономики стремиться к интеграции в мировую экономическую систему, сохраняя без изменений сложившиеся в их странах модели экономического уклада и рынка, а также политические системы. Последнее неизбежно ведет к обострению отношений между классом «рантье» (рентопотребителей) и большинством общества, нередко выливаясь в масштабные социальные потрясения.

В конечном итоге, современная мир-система способствует распространению влияния капитализма на докапиталистические структуры «незападных» обществ. При этом необходимые предпосылки для расширения прав и возможностей Труда (как предпосылки для капиталистического развития) в них не возникают. Непосредственные экономические, общественные и политические интересы акторов, действующих в рамках некапиталистических структур, последовательно способствуют маргинализации квалифицированного труда (с ослаблением

его совокупной конкурентоспособности) и дальнейшему рассмотрению экономических ресурсов как ренты.

Техническое развитие в упомянутых обществах ведет к повышению производительности, но не к повышению конечного продукта труда во всех экономических областях, и особенно в такой жизненно важной области, как сельское хозяйство. Техническое развитие способствует прогрессу человеческой цивилизации, но вовсе не обязательно создает такую основу для возникновения капитализма, как расширение прав и возможностей Труда.

Эльзенханс не является оптимистом и в отношении возможностей новых общественных движений, с которыми принято связывать формирование «глобального гражданского общества». Возникновение в них автономных классов, способствующих, по аналогии с рабочим движением XIX в., утверждению новых типов экономических отношений, маловероятно. Новые социальные движения в странах «третьего мира», ставящие под сомнение существующее соотношение сил, выступают, согласно Эльзенхансу, скорее как «протестный вентиль», нежели как сила, способная обеспечить расширение прав и возможностей труда, а также повышение уровня цивилизованности глобальной системы [5, 42—44].

Ключевой тезис Эльзенханса применительно к современности звучит достаточно провокационно и способен шокировать политических конформистов: капитализм в мировом масштабе является исключением, в то время как основанные на ренте политические системы являются правилом. Признавая доминирующие позиции капитализма в современном мире, исследователь отмечает, что последний не способен охватить весь мир и трансформировать его. В итоге, несмотря на то, что государственный суверенитет в современных условиях превращается в «пустое понятие», государственное вмешательство в экономику отдельных стран будет только возрастать, поскольку именно в этом многим сегодня видится единственный способ преодолеть «диспропорции» в сложившемся разделении труда. Последнее, согласно Эльзенхансу, сосредоточит в руках национальных правительств, не преуспевших в создании неокорпоративистских механизмов для стимулирования экономических трансформаций, дополнительные экономические ресурсы — что в итоге будет способствовать укреплению «рентных начал» экономики [7, 103—109].

Политэкономический анализ Эльзенханса также представляется весьма актуальным для анализа современных противоречий в развитии российской экономики и общества. Россия, несмотря на внушительный экономический рост 2000-х гг., так и не совершила перехода от «рентной» к «инвестиционной» модели хозяйствования. Как результат,

страна столкнулась с рядом проблем, вытекающих из логики «сырьевой модели», которая де-факто привела к торжеству «экономики рантье».

Случай России: от служилого класса — к классу рантье?

Для этого существовали определенные объективные предпосылки. Исторические, природно-климатические и геополитические особенности России способствовали утверждению в ней экономики рентного типа.

Россия на протяжении большей части своей истории, начиная, по крайней мере, со времен Ивана Грозного, строилась как *унитарное государство*. Как отмечают авторы Комментария к Конституции России 1993 г., «Россия создавалась и развивалась как централизованное унитарное государство. Чем более крепла царская власть, тем четче идеи единой и неделимой России принимали государственные формы» [8, 30].

Следствиями неблагоприятного внешнеполитического окружения России, состояния «перманентной военной угрозы» и необходимости мобилизации имеющихся ресурсов, стали:

- военно-мобилизационный характер Российского государства начиная с периода Московской Руси;
- его «тягловый» характер, предполагающий мобилизацию человеческих, хозяйственных и иных ресурсов, что ограничивало свободы населения;
- необходимость в интересах безопасности контролировать обширные территории, включающие инациональное население;
- неизбежность наличия в таком государстве высокоцентрализованной власти мобилизационного распределительного характера, что неизбежно делало его унитарным по своей природе.

Все это в совокупности означало предрасположенность России к созданию *государства мобилизационного, патерналистского и распределительного типа*, которая особенно ярко проявлялась в истории в период войн и кризисов, а в конечном итоге — к торжеству основанной на ренте модели воспроизводства и распределения ресурсов, т. е. модели редиистрибутивно-этатистского патернализма.

Данное государство генерировало для реализации своих целей особый служилый (государственный) класс, который выступал фактическим распорядителем (распределителем) его ресурсов — т. е. все той же ренты, производимой в наиболее рентабельных отраслях хозяйства. От того, направлял служилый класс эти ресурсы на развитие страны или же на удовлетворение собственных «корпоративных» интересов, — зависело итоговое состояние российского общества.

В свою очередь, периодическое ослабление или распад сословно-ресурсного государства вследствие системных кризисов и революций ставили в катастрофическое положение целые социальные группы и территории, провоцируя возврат к этатизму и к той или иной версии рентно-распределительной модели экономики. Реформы, контрреформы и даже революции приводили к сохранению или к возникновению новой версии государственного класса, контролирующего доходы (ренту) от преимущественно огосударственного национального хозяйства, что дополнялось механизмами «теневого хозяйства» и так называемого «бюрократического рынка» [9].

Следствие обозначенного выше СССР, согласно классике экономической антропологии Карлу Поланьи, являл собой пример колоссальной экономической системы перераспределительного типа, сочетавшейся с индустриальным экономическим укладом [10]. 1990-е гг. в России из-за противоречивого характера и непоследовательности экономических реформ обернулись масштабной деиндустриализацией страны [11]. Это вывело на первый план сырьевой сектор в качестве основы национальной экономики и создало предпосылки для закрепления «рентной модели» хозяйствования.

В то же время само существование столь крупного государства, столь масштабного экономического пространства, как Россия, очевидно невозможно на основе рентной экономики, не обеспечивающей интенсивного и качественного социально-экономического развития территорий. Очевидно, что с помощью сугубо административных методов (единая властная вертикаль) эту проблему не решить.

При этом дальнейшее социальная и политическая консолидация на базе рентной модели государства и экономики невозможна. Российский средний класс находится в конфликте с государством-рантье, последовательно отказывающимся от социальных обязательств. Результатом этого являются умножающиеся противоречия и конфликтные напряжения по линии «общество—государство». Ситуация усугубляется проявляющимися все более явно застойными и кризисными явлениями в российской экономике, которые связаны с исчерпанием эффектов «сырьевого роста». Эффект «сжатия» российской экономики вследствие прекращения устойчивого экономического роста, как представляется, может привести к росту напряжения и неуправляемости в социальной сфере — что в перспективе способно нарушить стабильное функционирование политической системы.

Единственный возможный конструктивный выход из складывающейся ситуации для России — достижение стратегического консенсуса между основными элитными группами и основными социальными стратами относительно эволюционной трансформации «рентной моде-

ли экономики» в модель, основанную на качественном экономическом росте, на активном инвестировании в высокотехнологичное производство с соответствующим повышением цены рабочей силы (и прежде всего квалифицированной). Только этот путь совместим с решением задач модернизации российского общества и экономики, построения современных и эффективных политической и экономической систем. И только он, как мы полагаем, будет способствовать эволюционному разрешению проблем, стоящих перед современным российским обществом.

По нашему глубокому убеждению, обреченность России на рентную модель воспроизводства и распределения ресурсов не является абсолютной. Для того, чтобы извлечение и распределение рентных ресурсов трансформировались в расширенное воспроизводство социального и человеческого капитала, необходимо создать инфраструктуру их воспроизводства. Основой последней призваны стать социальные сети горизонтального типа, в которых будут воспроизводиться и конвертироваться друг в друга различные виды капиталов (экономический, политический, социальный, символический). Для этого, в свою очередь, необходимо изменение общей стратегии и характера деятельности государственной власти в России, а также особенностей ее взаимодействия с обществом и экономическими акторами за счет решения следующих задач:

- последовательного разделения власти и собственности, правового контроля либо демонтажа монополий, создания условий для полноценной конкуренции хозяйствующих субъектов;
- разумной децентрализации власти и перераспределения полномочий, наполнения федеративных отношений реальным содержанием, что позволит регионам аккумулировать ресурсы для самостоятельного развития;
- системной борьбы с коррупцией как силами государства, так и путем вовлечения в этот процесс институтов гражданского общества;
- создания необходимых условий для структурной перестройки экономики на базе высоких технологий;
- дебиюкратизации и создания полноценных условий для развития малого и среднего бизнеса;
- последовательной модернизации системы образования, науки, культуры, здравоохранения и социального обеспечения, которые должны превратиться из потребителей «ресурсов» в производителей человеческого и социального капиталов;
- создания полноценной правовой, экономической и социальной базы для местного самоуправления, обеспечения его реальной автоно-

мии по отношению к государству и финансово-промышленным группам.

Готово ли Российское государство инициировать подобные изменения «сверху» — покажет уже ближайшее будущее. Однако «спрос» российского общества на них высок уже сегодня, и далее будет последовательно возрастать.

Литература

1. *Elsenhans H.* Abhängiger Kapitalismus oder bürokratische Entwicklungsgesellschaft. Versuch über den Staat in der Dritten Welt. Frankfurt am Main; N. Y., 1981.

2. *Elsenhans H.* The Political Economy of Good Governance // Journal of Developing Societies. 2001. Nr. 17. Nov., 2.

3. *Elsenhans H.* Globalisierung von Profit oder Globalisierung von Rente // Jahrbuch für Wirtschaftswissenschaften. Bd. 55. H. 3. 2004.

4. *Elsenhans H.* Staat-Wirtschaft-Macht und die Zukunft des internationalen Systems // Internationale Beziehungen in Debatte. Konzepte zum Verstehen / Krämer R. (Hrsg.). Potsdam, 2006.

5. *Elsenhans H.* Kapitalismus kontrovers. Zerklüftung im nicht so sehr kapitalistischen Weltsystem // WeltTrends Papiere 9. Universitätsverlag Potsdam, 2008.

6. *Elsenhans H.* The Rise and Demise of Capitalistic World System. Leipzig, 2011.

7. *Elsenhans H.* Kapitalismus global. Aufstieg — Grenzen — Risiken. Stuttgart; Berlin; Köln; Mainz, 2012.

8. *Polanyi K.P.* Primitive, Archaic and Modern Economics. N. Y., 1968.

9. Конституция Российской Федерации. Комментарий / Под ред. Б.Н. Топорнина, Ю.М. Батурина, Р.Г. Орехова. М., 1994.

10. *Кордонский С.Г.* Рынки власти. М., 2000.

11. *Неклесса А.И.* Постиндустриальный передел России // Русский журнал. 2003. 22 окт.

В.В. СМАГИНА

Принципы индикативного государственного планирования в условиях международной интеграции

Аннотация. В процессе интеграции государств в мировое хозяйство предполагается введение новых технологических решений, обес-

печивающих стабильное развитие экономики государств, и одним из важных решений может стать индикативное планирование, которое предполагает рациональное сочетание механизмов рыночной и централизованной экономики, обеспечивающейся эффективной системой государственного регулирования.

Роль государства в экономике должна оцениваться не по степени вмешательства в рыночный механизм, а по уровню обеспечения государством внутренних и внешних условий устойчивого функционирования национальной экономики.

Государство должно выступать ключевым фактором в создании экономической сферы, благоприятной для предпринимательской деятельности, определять, гарантировать «правила игры» для всех субъектов хозяйственной деятельности для основы стабильного развития экономики. Именно сейчас актуальность индикативного планирования для российской экономики приобретает архизначение.

Ключевые слова: индикативное планирование, государство, экономическая политика, международная экономическая интеграция.

Abstract. In the process of integration into the world economy is intended to introduce new technological solutions to ensure stable economic development of States, and one of the important decisions that could be indicative planning, which involves the rational combination of market mechanisms and centralized economy, provides an effective system of state regulation.

Role of government in the economy should be judged not by the degree of intervention in the market mechanism, and the level of the state to ensure internal and external conditions for sustainable functioning of the national economy.

The state should be a key factor in creating the economic sphere that is conducive to entrepreneurship, to determine guarantee «game rules» for all business entities for a base of stable economic development. Right now, the relevance of indicative planning for the Russian economy becomes arhiznachenie.

Keywords: indicative planning, government, economic policy, international economic integration.

Международная экономическая интеграция — процесс сближения, взаимоприспособления и сращивания национальных хозяйственных систем, обладающих способностью саморегулирования и саморазвития на основе согласованной межгосударственной экономики и политики [1, 273—374].

Здесь важно понимать, что в процессе интеграции государств в мировое хозяйство предполагается введение новых технологических ре-

шений, обеспечивающих стабильное развитие страны. И одним из важных решений, обеспечивающих стабильное развитие экономики государств, может стать индикативное планирование. Оно предполагает рациональное сочетание механизмов рыночной и централизованной экономики, обеспечивающейся эффективной системой государственного регулирования.

Анализ последних лет показывает, что отсутствие государственно-го управления в экономике во всех сферах общественного производства страны (в непосредственном производстве, обмене, распределении и потреблении) привело к возникновению множества нерешенных социально-экономических задач национального хозяйства. Экономическая роль государства должна оцениваться не по степени вмешательства в рыночный механизм, а по уровню обеспечения государством внутренних и внешних условий устойчивого функционирования национальной экономики.

Иначе говоря, государство выступает ключевым фактором в создании экономической сферы, благоприятной для предпринимательской деятельности. Государство, не вмешиваясь непосредственно в деятельность предприятий, должно управлять рынком и поддерживать его или сдерживать негативные тенденции через соответствующие институты, систему налогообложения, монетаристскую политику и т. п. Способность государства определять, гарантировать «правила игры» для всех субъектов хозяйственной деятельности является основой стабильного развития экономики. Поэтому, как никогда, именно сейчас актуальность индикативного планирования для российской экономики приобретает архизначение.

В 1944 г. известный немецкий экономист Карл Ландауэр дал определение планирования: «Планирование можно определить как руководство экономической деятельностью, осуществляемое организацией общества на основе схем, описывающих как на качественном, так и на количественном уровне производственные процессы, которые должны протекать в соответствующий период будущего. Для достижения основной цели планов эти процессы должны быть выбраны и определены таким образом, чтобы обеспечивалось полное использование имеющихся ресурсов и исключались противоречивые требования. Выполнение этих условий создает возможность поддержания устойчивых темпов роста» [2, 56]. Описанная система управления позднее была названа индикативным планированием.

Следует отметить, что научные основы индикативного планирования были разработаны еще в 1920-е гг. Н.Д. Кондратьевым, но в то время эти идеи не нашли практического применения.

О необходимости государственного регулирования российской экономики переходного периода на базе использования принципов и механизмов индикативного планирования говорится в работах и выступлениях В.Д. Белкина, В.Е. Дудкина, Е.А. Иванова, Ю.А. Петрова, В.М. Полтеровича, Н. Сильвестрова, В.П. Стороженко и других исследователей.

Несмотря на богатый практический опыт разработки индикативных планов за рубежом и в России, до сих пор не существует общепризнанного определения понятия «индикативное планирование». В отечественной экономической литературе встречается достаточно много различных определений термина «индикативное планирование». В учебнике «Национальная экономика» индикативное планирование рассматривается как «антипод директивного планирования, поскольку не носит обязательный для исполнения характер. В составе индикативного плана могут быть обязательные задания, но их число весьма ограничено. В целом же он носит направляющий, рекомендательный характер». На наш взгляд, данное определение является неполным. Скорее, это характеристика индикативного планирования.

Т.Г. Морозова, А.В. Пикулькина и другие исследователи считают, что «индикативное планирование представляет собой процесс формирования системы параметров (индикаторов), характеризующих состояние и развитие страны в целом, ее территориальных и отраслевых подсистем, предприятий и организаций в соответствии с процедурами, утвержденными законодательством Российской Федерации» [3].

В. Дудкин и Ю. Петров определяют индикативное планирование как «механизм координации интересов и деятельности государственных и негосударственных субъектов управления экономикой, сочетающий ее госрегулирование с рыночным и нерыночным регулированием, основанный на разработке системы показателей (индикаторов) социально-экономического развития и включающий определение его общенациональных приоритетов, целеполаганий, прогнозирование, бюджетирование, программирование, контракцию и другие процедуры согласования решений на макро-, мезо- и микроуровне, налоговые и иные меры государственной поддержки хозяйствующих субъектов, участвующих в реализации плана (под негосударственными носителями экономического управления понимаются институты местного самоуправления, управленческие органы корпораций, финансово-промышленных групп и других хозяйствующих единиц, саморегулируемые организации участников рынков и т. д.)» [4]. Данное определение, на наш взгляд, является наиболее емким.

Однако проведенные исследования литературных источников позволяют сделать вывод о том, что существующие определения индикатив-

тивного планирования нельзя считать достаточно полными, они отражают отдельные стороны рассматриваемого явления и потому требуют уточнения.

Как отмечает В.М. Полтерович, индикативное планирование позволяет «интегрировать различные фрагменты государственного регулирования экономики и создать непротиворечивую систему прогнозов, воздействий и стимулов, организовать диалог представителей различных социально-экономических и политических групп... В России было бы целесообразно использовать этот инструмент, опираясь на новые информационные и вычислительные возможности» [5].

При этом в России концепция индикативного планирования должна отличаться определенным своеобразием, отражающим особенности исторических, социально-экономических, культурных и других обстоятельств страны.

Для этого необходимо согласование условий представителей власти и общественных сил: правительства, бизнеса, профсоюзов, что будет способствовать повышению стабильности, укрепления взаимного доверия, достижения взаимопонимания и координации усилий.

Сегодня рядом ученых-экономистов выделены различные формы индикативного планирования: конъюнктурная, структурная и стратегическая [6, 51—54].

Конъюнктурная форма в условиях международной интеграции определяется совокупностью условий и факторов, обуславливающих процесс сближения, взаимоприспособления и сращивания национально-хозяйственной системы. Для реализации на практике данной формы индикативного планирования необходимым условием выступает относительно сбалансированное саморазвитие экономики и политики стран. Основная функция данной формы планирования заключается в улучшении экономической конъюнктуры путем саморегулирования и саморазвития макрорегуляторов.

Структурная форма индикативного планирования направлена на обеспечение реализации государственной структурной политики в отношении отдельных регионов, отраслей и секторов экономики путем тщательного согласования действий и интересов предприятий, с одной стороны, и государства — с другой. Это достигается путем взаимоприспособления макроэкономических интересов и внутрифирменных программ.

Стратегическая форма индикативного планирования в условиях международной интеграции отражает состояние и развитие производственных сил в хозяйственной системе. Она предполагает четкий выбор «точек роста» национальной экономики и новых технологических решений в реализации государственной экономической политики.

Стратегическое индикативное планирование впервые было использовано во Франции в 1989—1992 гг., где были предложены главные направления в развитии экономики страны: укрепление национальной валюты; обеспечение занятости; повышение качества образования; дополнительное финансирование научных исследований; социальная защита населения; обустройство территории страны; реформирование органов государственной власти.

Каждое направление индикативного плана получило статус целевой государственной программы, обеспеченной финансовыми преференциями. Поэтому стратегическая форма индикативного планирования в таком виде позволила привести к согласованию интересов субъектов всех уровней национальной экономики. Как отмечал В.Е. Рыбалкин, «особенностью данной формы индикативного планирования является значительное расширение временного горизонта и максимально четкое проявление этой формы как способа организации разработки и реализации долгосрочной общенациональной экономической политики» [1].

Индикативное планирование в условиях международной интеграции для России может стать базисным принципом обеспечения согласия в обществе. Правительство, определяя цель и ориентиры в развитии страны в рамках индикативного планирования, обеспечивает их посредством координации, путем принятия прямых решений и выдачи указаний. В результате согласования планов между правительством и субъектами всех уровней национальной экономики определяется оптимальная схема предполагаемого экономического роста. Функцией индикативного планирования в этих условиях является информационно-ориентирующая, которая мотивирует участников процесса к сближению и приспособлению.

Попытка использования индикативного планирования была и в России. Например, согласно Федеральному закону РФ «О государственном прогнозировании и программах социально-экономического развития Российской Федерации» от 20 июля 1995 г., правительство Российской Федерации одновременно с представлением проекта федерального бюджета должно особо представлять Государственной Думе намечаемые проектировки развития государственного сектора экономики [7].

Однако данная попытка применения индикативного плана к государственному сектору есть всего лишь аналог централизованного государственного плана, составлявшегося в советское время. Главная задача индикативного планирования — развивать предпринимательскую инициативу через мотивацию и договорные механизмы. Информационно-ориентирующая и мотивационная функции индикативного плана

— мощный ресурс управления экономическими агентами в рыночной системе координат [8].

Здесь есть и другая обязательная составляющая (напомним опыт Франции) — прямые вложения бюджетных ресурсов в реализацию социально-экономических задач страны.

По временной протяженности индикативные планы можно разделить на среднесрочные и краткосрочные. В условиях международной интеграции возникает потребность в прогнозах и планах большего горизонта. Поэтому необходимы для государства именно среднесрочные индикативные планы, включающие разработку федеральных целевых программ. Особенностью данного подхода является то, что все программы, планы должны формироваться и реализовываться на основе согласования с субъектами всех уровней экономики.

В России федеральные бюджеты, как и бюджеты субъектов федерации, разрабатывались на краткосрочный период (в режиме годового цикла). В этих условиях все программы и планы с государственным участием получали ресурсное обеспечение в привязке к технологиям принятия годовых бюджетов, что во многом обесценивало среднесрочные программы и планы [8]. Однако с 2008 г. вводится практика трехлетнего бюджетного планирования, как принято в большинстве стран мира.

В этой связи важно обратить внимание на органическую взаимосвязь разработки и реализации индикативных планов с механизмами формирования и реализации промышленной политики страны на современном этапе развития. Инновационно-промышленной политикой государство определяет условия международной экономической интеграции.

В рамках реализации инновационно-промышленной политики национальные проекты и программы должны соответствовать задачам научно-технологического уровня. Использование такого ресурса, как целевые программы, превращает их в мощный фактор повышения наукоемкости всего процесса социально-экономического развития России. А это формирует устойчивую базу структурных сдвигов, обеспечивающих нарастание в каждом цикле общественного воспроизводства доли добавленной стоимости в объеме совокупного продукта.

Данное направление в России реализуется с большими трудностями и противоречиями, испытывая противодействие со стороны большого числа политиков и некоторых научно-теоретических школ, которые весьма своеобразно трактуют принципы либерально-рыночного хозяйствования. Реальная общемировая практика игнорируется противниками индикативного планирования, и в отношении него создаются нередко красочные мифы, не имеющие ничего общего с действи-

тельностью. Представляется полезным остановиться на наиболее важных из них.

Литература

1. Международная экономическая интеграция // Международные экономические отношения / Под ред. В.Е. Рыбалкина. М., 2006.
2. Йохансен Л. Очерки макроэкономического планирования: В 2 т. Т. 2. М., 1982.
3. Морозова Т.Г., Пикулькин А.В. Прогнозирование и планирование в условиях рынка: учебн. пособие для вузов / Под ред. Т.Г. Морозовой, А.В. Пикулькина. М., 2003.
4. Дудкин В., Петров Ю. Индикативное планирование — механизм координации деятельности государственных и негосударственных субъектов управления экономикой // Российский экономический журнал. 1998. № 6.
5. Зайцев Н.Л. Краткий словарь экономиста. М., 2012.
6. Петров А.Н. и др. Индикативное планирование: теория и пути совершенствования: монография. СПб., 2000.
7. Федеральный закон РФ от 20 июля 1995 г. № 115-ФЗ «О государственном прогнозировании и программах социально-экономического развития Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 1995. № 30. Ст. 2871.
8. Кузык Б.Н., Кушлин В.И., Яковец Ю.В. Прогнозирование, стратегическое планирование и национальное программирование. М., 2011.

М.И. ВОЕЙКОВ

Запад, мещанство и политическая экономия в концепции А.И. Герцена

Аннотация. В статье рассматриваются различные исторические и теоретические аспекты развития социальной мысли России на примере творчества А. Герцена. Особое внимание уделяется обсуждению его концепции буржуазного развития и политической экономии. Отмечаются отрицательное отношение Герцена к этим формам и его стремление предложить для России социалистический выбор.

Ключевые слова: Запад и Россия, мелкая буржуазия и мещанство, политическая экономия, А. Герцен, социализм.

Abstract. This article discusses the various historical and theoretical aspects of the development of Russian social thought on the example of Herzen. Special attention is paid to the discussion of his concept of bourgeois development and political economy. Noted a negative attitude to these forms of Herzen and his aspiration to offer for Russian socialist choice.

Keywords: West and Russia, petty bourgeois, political economy, A. Herzen, socialism.

Два года назад случился юбилей А.И. Герцена: 200-летие со дня его рождения. Нельзя сказать, что это не было замечено. Было несколько научных конференций, несколько статей в журналах, вышло два—три сборника материалов. Но все как-то мало, тихо и скромно, почти незаметно. А ведь, как писал еще в начале XX в. С.Н. Булгаков, «А.И. Герцен принадлежит к числу наших национальных героев, от одного имени которых расширяется грудь и учащенно бьется сердце» [1, 538]. Но у правящего класса современной России ничего по этому вопросу не билось и не бьется. Выходит, что сегодня мы немного стали забывать своих национальных героев. Герцен сегодня не моден. А зря. Как раз прошедший юбилей дает повод еще раз перечитать его основные произведения, посмотреть на них новым, современным взглядом и обнаружить его поразительную актуальность.

Если еще 30 или 40 лет назад, казалось, что время Герцена безвозвратно ушло и тогдашнее советское общество решает совсем иные проблемы, то сегодня неожиданным образом мы стали современниками Герцена. Оказывается, он писал о нашем времени. Вот, например, такие его слова: «Мы живем на рубеже двух миров, оттого особая тягость, затруднительность жизни для мыслящих людей. Старые убеждения, все прошедшее миросозерцание потрясены, но они дороги сердцу. Новые убеждения, многообъемлющие и великие, не успели еще принести плода; первые листья, почки пророчат могучие цветы, но этих цветов нет, и они чужды сердцу. Множество людей осталось без прошедших убеждений и без настоящих» [2, т. 2, 7]. И хотя эти слова написаны в 1842 г., а такое впечатление, что написаны они только вчера. С 1991 г. прошло немногим более 20 лет, и действительно, старые советские убеждения потрясены, но «дороги сердцу». Новые либеральные убеждения «плода» никакого не принесли и чужды сердцу. А множество людей остались и вовсе без каких-либо убеждений. «Жизнь свелась на биржевую игру, — пишет Герцен, — все превратилось в меняльные лавочки и рынки — редакции журналов, избирательные собрания, камеры» [2, т. 4, 353]. Как это все похоже на нашу теперешнюю жизнь. Жизнь, которую правящий класс страны пытается скрыть

по западным лекалам. Но подходящи ли они для нас? У Герцена на этот счет имеется много умных мыслей. Итак, Герцен о Западе.

В «Былом и думах» у Герцена есть такие слова: «Мы до сих пор смотрим на европейцев и Европу в том роде, как провинциалы смотрят на столичных жителей, — с подобострастием и чувством собственной вины, принимая каждую разницу за недостаток, краснея своих особенностей, скрывая их, подчиняясь и подражая» [2, т. 3, 115]. Удивительно как свежо воспринимаются эти слова Герцена, сказанные давным-давно. Как будто они написаны не 150 лет назад, а вчера или даже сегодня утром. И все эти годы мы постоянно сравниваем себя с Европой, с Западом. И зачем мы это делаем? Но ведь делаем. Итак, проблема соотношения России и Запада. Почти вся литература, обсуждающая проблемы и пути развития России, ее судьбы и места в истории и т. д., посвящена этой теме. Собственно, эта тема есть центральная, ключевая проблема самосознания России, над которой уже два столетия бьются ее лучшие умы. От Герцена идут все основные ветвления этой проблемы, так и не решенной до сего дня.

Ключевая, исходная его позиция заключена в вопросе и ответе: «Принадлежат ли славяне к Европе? Нам кажется, что принадлежат». «Естественно возникает вопрос, — пишет Герцен, — должна ли Россия пройти через все фазы европейского развития или ей предстоит совсем иное, революционное развитие? Я решительно отрицаю необходимость подобных повторений» [3, 375]. Эта мечта, или идея, Герцена, как и многих европеизированных российских интеллектуалов («западников»), пронизывает все творчество Герцена и многих русских мыслителей. Вот, например, Бердяев пишет: «Тогда лишь Россия будет великой, когда она исполнит свое призвание посредника между Востоком и Западом, соединителя божественного с человеческой культурой» [4, 132]. У Бердяева какой-то герценовский перекосяк: чем менее развита и культурна страна — тем более она божественная и наоборот. Более того, вот это стремление в Европу, равнение на Европу, вот это тяготение к Западу до сего дня составляют основной вопрос и нерв всей российской общественной мысли. И сегодня мы не знаем в этом вопросе меры: то готовы перенимать все западные нелепости, то боимся хоть чуть-чуть приподняться над родной почвой. Правда, родная почва ближе и приятней, а главное, привычней.

Возьмем, например, современную палитру мнений по этому вопросу, высказанную наиболее уважаемыми и уважаемыми, т. е. без чрезмерных крайностей, современными российскими интеллектуалами. Читаем, например, в самом свежем сочинении одного из известнейших наших интеллектуалов, академика РАН Н.П. Шмелева: «По своей органике, по всем основным характеристикам — история, куль-

тура, духовные и нравственные традиции, способ жить, наконец, — Россия есть Европа и всегда была Европой. Но особой Европой» [5, 23]. А вот иное мнение не менее известного интеллектуала академика РАН Л.И. Абалкина. Он с большой симпатией, выписывая у Н.Я. Данилевского такие фразы, как «одна из форм европейничья состоит в рассмотрении на явления внутренней и внешней жизни России с европейской точки зрения и сквозь европейские очки», пишет, что «все это актуально и понятно сегодня. Мы не можем изменить своего отношения к Европе, к ее цивилизации без того, чтобы она отказалась от своего враждебного чувства к России» [6, 68—69]. Или вот что пишет нынешний директор Института экономики РАН член-корреспондент РАН Р.С. Гринберг: «Россия... не хочет, да и не может раствориться в Европе, интегрируясь в ее политическое и экономическое пространство... Разделительные линии между Россией и Европой становятся все более заметными [7, 297—298]. Приведем еще мнение профессора Ю.М. Осипова достаточно оригинальное, чтобы поверить в его правдоподобность: «Россия — не страна вовсе, а мир, причем мир не просто особенный, а альтернативный — что Востоку, что Западу, не говоря уже о Юге» [8, 17]. Как-то не похоже, что мы сильно продвинулись в этом вопросе со времен Герцена.

Известно, что Герцен был западником, он любил Запад, т. е. Европу. Есть, например, у него такие замечательные строки: «Европа нам нужна как идеал, как упрек, как благой пример; если она не такая, ее надобно выдумать». Поначалу Герцен воспринимал Европу с восторгом, потом восторг уменьшился, а затем вообще пропал. Но, тем не менее, он сумел выразить отношения к Западу, типичные для своей эпохи, но почему-то они очень типичны и для нашей. «Наши отношения к Западу, — пишет Герцен, — до сих пор были очень похожи на отношения деревенского мальчика к городской ярмарке. Глаза мальчика разбегаются, он всем удивлен, всему завидует, всего хочет — от сбитня и пряничной лошадки с золотым пятном на гриве до отвратительного немецкого картуза и подлой гармоники, заменившей балалайку. И что за веселье, что за толпа, что за пестрота! Качели вертятся, разносчики кричат, паяцы кричат, а выставок-то винных, кабаков... и мальчик почти с ненавистью вспоминает бедные избышки своей деревни, тишину ее лугов и скуку темного, шумящего бора» [3, 490—491]. Мы до сих пор смотрим на Европу как на кричащую и бречащую ярмарку и готовы перенимать внешние формы. И XX в., и наше время, по большому счету, мало что изменили. Или вот реплика Герцена как реакция на нынешние времена, когда отечественная социальная наука почти без сопротивления уступила «информационное пространство» западной литературе. Даже отечественную историю норо-

вят изучать по иностранным книгам или по русским компиляциям из них. Но пишет Герцен: «Русь русскую не уразумеешь из одних иностранных книг» [3, 470].

На русский народ, русскую общину и в целом на Россию Герцен возлагает мессианскую роль будущего справедливого устройства общества. «Действительно, до сих пор русский народ совершенно не занимался вопросом о правительстве; вера его была верой ребенка, покорность его — совершенно пассивной. Он сохранил лишь одну крепость, оставшуюся неприступной в веках, — свою земельную общину... Россия приходит к жизни как народ, последний в ряду других, еще полный юности и деятельности, в эпоху, когда другие народы мечтают о покое» [3, 258—259]. «Россия, — пишет Герцен в другом месте, — государство совершенно новое — неоконченное здание, где все еще пахнет свежей известью, где все работает и вырабатывается, где ничто еще не достигло цели, где все изменяется, — часто к худшему, но все-таки изменяется» [3, 164]. С того времени как написаны эти слова прошло более 160 лет, а почему-то звучат они очень современно. Совсем недавно примерно так же пишет Ю.М. Осипов: «Одна из загадок России в ее недостроенной, невыявленной и неустойчивой внутренней концепции» [8, 17].

Россия, по мнению не только Герцена, но и некоторых, а возможно, и многих, прежних и современных интеллектуалов, генетически повенчана с социализмом. Тот же Бердяев как-то написал: «Можно сказать, что социализм глубоко вкоренен в русской природе. Это выражалось уже в том, что русский народ не знал римских понятий о собственности» [9, 129]. Однако социализм не есть этнографическая категория. Эдак получается, что любая отсталая страна, где народ в массе не имеет понятия о римском праве, ближе к социализму, чем развитые европейские страны. Странная логика! Чтобы говорить о социализме, нужно пройти стадию буржуазного развития, или, как говорили сравнительно давно, «вывариться в котле капитализма». Что мы сегодня и делаем.

Проблема буржуазности, или мещанства, как ее называл Герцен, занимает, пожалуй, центральное место в его социальной системе. В отличие от советского периода, теперь она и у нас самое больное место. Быть или не быть мещанином? Ведь в современной буржуазной России нельзя осуждать буржуазию, если она не нарушает законов, т. е. ведет себя весьма прилично. И если раньше, презрительно употребляя слово «мещанин», мы так называли человека с мелкими интересами и узким кругозором, то сегодня мы должны уважать и его. Это тоже человек, хотя и мелкий. Видимо, именно Герцену надо отдать пальму первенства в том, что в русской литературе и общественном

сознании утвердилось негативное отношение к мещанству. Назвать человека мещанином — значит, охарактеризовать его негативно. А так ли это на самом деле? И что, вообще говоря, плохого в мещанстве или мелкой буржуазии? Ну и что, если у человека узкий кругозор и мелкие интересы? Если он никому никакого вреда не делает, то и пусть живет себе на радость! Неужели «помещичья ширь» и мотовство лучше? Не всем же быть героями, кто-то же должен ежедневно делать мелкую, рутинную и часто противную работу. Даже сам Герцен признает некоторые достоинства мещанства: «Жизнь среднего состояния полна мелких недостатков и мелких достоинств; она воздержана, часто скупа, бежит крайности, излишнего. Сад превращается в огород, крытая соломой изба — в небольшой уездный домик с разрисованными щитами на ставнях, но в котором всякий день пьют чай и всякий день едят мясо. *Это огромный шаг вперед*, но вовсе не артистический» [10, 353]. И ведь это очень хорошо.

Герцен совершенно не приемлет буржуазное общество Запада и естественным образом противопоставляет ему самобытную, т. е., по сути говоря, феодальную Россию. У него много едких страниц, посвященных мещанству Запада. «Да, любезный друг, пора прийти к покойному и смиренному сознанию, что *мещанство* окончательная форма западной цивилизации, ее совершеннолетие — *etat adulte*; им замыкается длинный ряд его сновидений, оканчивается эпопея роста, роман юности... Оно представляет людям скромный покой, менее тревожную жизнь и посильное довольство, не запертое ни для кого, хотя и недостаточное для большинства». И тут же: «Поймите, что нельзя проповедовать в одно и то же время христианскую нищету и политическую экономию, социальные теории и безусловное право собственности» [10, 394]. Эта мысль Герцена крайне интересна. «Кого мы боимся, — пишет Герцен в другом месте, — западных доктринеров, донашивающих старое платье с плеч политической экономии, правоведения и пр...» [3, 510]. К политической экономии Герцен относился весьма сдержанно, считая ее буржуазной наукой мещанского Запада, направленной на преумножение богатства и собственности. Вот его изречение: «Западное мирозерцание, с его гражданским идеалом и философией права, с его политической экономией и дуализмом в понятиях, принадлежит к известному порядку исторических явлений и вне их несостоятельно» [3, 474]. Этот «известный порядок» и есть буржуазное состояние общества, покоящегося на трех основаниях: гражданском идеале, правовом государстве и политической экономии. И в принципе, если бы осуществилась мечта Герцена о «русском социализме», там бы не оказалось места для политической экономии. Но Герцен глубок и умен, его трудно поймать на плоском противоречии.

При всем своем скептическом отношении к политической экономии, тем не менее он пишет, что социализм должен не уничтожить политическую экономию, «а превратить ее из эмпирического свода рассуждений и наблюдений, не смеющего касаться до святых твердынь существующего, в экономическую науку, посягающую на все» [3, 562].

Собственно, в советский период так и пытались сделать с политической экономией. Она считалась основой официального экономического мировоззрения. Хотя все канонические категории политической экономии (кредит, прибыль, процент, цена, рента и т. д.) в советской плановой системе имели иллюзорное значение, но старательно изучались и служили предметом нескончаемых дискуссий. В итоге получилась заметная дискредитация политической экономии как науки. И для этого были некоторые основания. Ведь как совместить экономические категории буржуазного общества, которые, собственно, и изучает политическая экономия, с социалистическими императивами? Трудно, если вообще невозможно. А превращать же политическую экономию в науку, «посягающую на все», — значит делать насилие над наукой и, стало быть, выхолащивать ее содержание. В самой этой попытке, как и в мысли Герцена, есть некая двойственность, недоговоренность. Политическая экономия призвана объяснить «святую твердыню» буржуазного общества: как создается прибавочный продукт и как он распределяется. В социалистическом обществе этой проблемы нет, значит, и политэкономии там объяснять нечего. По терминологии Герцена, политическая экономия есть наука мещанского общества.

Сегодня в западных странах, в основном в США, идет удивительный процесс, как бы по рекомендации Герцена, распространения экономической теории и политической экономии, в частности, «на все». Так появилась «новая политическая экономия», которая ценности мещанской, т. е. буржуазной жизни пытается навязать всем аспектам и проявлениям нормальной человеческой жизни. Обобщенно говоря, предназначение «новой политической экономии» ее адепты видят в распространении политэкономического (или даже экономического) метода исследования на области, которые ранее не являлись предметом политэкономии. По мнению Дж. Бьюкенена, в «новую политическую экономию» включаются: 1) теория общественного выбора; 2) экономическая теория прав собственности; 3) экономический анализ права; 4) политическая экономия государственного регулирования; 5) неинституциональная экономическая теория; 6) новая экономическая история. Приведем некоторые названия работ в этой области: политическая экономия пространства, политическая экономия выбора (общественного выбора), политическая экономия терроризма, политическая экономия голода, политическая экономия демократии и т. п.

Таких работ множество, не все они удачны, но характерная их особенность состоит в том, что авторы стремятся с помощью политэкономического метода исследовать ранее не свойственные ей проблемы.

Любопытно, что в СССР с конца 1920-х гг. стала развиваться концепция политической экономии «в широком смысле», как бы пригодная для пострыночного общества. Можно также заметить, что данная концепция онтологически весьма близка к «новой политической экономии». И еще более любопытно, что название «новая политическая экономия» употребила В.С. Мартыновская, автор главы об экономических взглядах Герцена в известном труде по истории экономической мысли России под редакцией А.И. Пашкова. Она пишет, что, по Герцену, «новая политическая экономия» должна, во-первых, «отказаться от простого описания сущего и стать наукой, посягающей на основы капитализма». И, во-вторых, «задача новой политической экономии заключается в разрешении проблемы материального благосостояния трудящихся, обосновании социализма» [11, 527]. Но проблема материального благосостояния, согласно Герцену, не есть проблема социализма.

В этой связи рассмотрим так называемый «экономический империализм», который означает распространение принципа экономической рациональности на процессы, явления и предметы, которые никак не относятся к экономике, распространение основных понятий современной экономической теории (редкость, издержки, предпочтения и др.) на любые формы человеческой жизни, а ее главные принципы (оптимизации и равновесия) на все социальные явления. Например, Г. Беккер пишет: «Исходным пунктом моего анализа является предположение, что при решении вопросов, заключать ли брак, иметь ли детей, развестись или нет, мужчины и женщины пытаются максимизировать полезность, сравнивая выгоды и издержки» [12, 697]. Конечно, при заключении или расторжении брака люди сравнивают «полезности», но не в голове, а в сердце. В данном вопросе полностью отсутствует равнодушный экономический подсчет затрат и результатов. Тут господствуют вдохновение и эмоции, а не холодный рассудок. Политической экономии в брачных отношениях делать нечего. В противном случае любое человеческое шевеление пальцем или поворот носа можно рассматривать как тщательно рассчитанное экономическое мероприятие, а все науки, касающиеся человеческой деятельности и даже физиологии, как разделы «единой экономической науки». Очевидно, что такой подход нобелевского лауреата является полнейшим абсурдом. Инструментарий экономической науки становится все более мощным и изощренным. Более того, этот экономический инструментарий начинают использовать в сферах, никакого отношения к эконо-

мике не имеющих. Иначе говоря, продолжается анализ внешних, поверхностных форм не только экономической жизни, но и других социальных явлений. Тот же Г. Беккер считает, что экономику следует понимать не как привязанную к определенному предмету изучения (в частности, деньгам или богатству), а как метод, применимый ко многим аспектам человеческого поведения. Таким образом, внешние формы принимаются за суть явлений. Анализ форм и их функциональных взаимосвязей на эмпирическом уровне предпринимается ради самой формы, даже забывается, что экономические явления непременно должны иметь и содержание. Фетишизм товарной формы получает полное господство. Это все и есть современная вульгаризация экономической теории. И она не может не привести к кризису такой науки.

Конечно, ничего плохого в эмпирических исследованиях нет, они нужны и полезны. Но печально становится, когда вся наука сводится к эмпиризму, когда коллекционирование и описание фактов и случаев выдаются за вершину объективного научного поиска. И ведь об этом тоже писал Герцен: «Западный мир, и это совершенно естественно, считал и считает свою науку абсолютной, свой путь — единым ведущим к спасению. Но так как магнитная стрелка его сильно отклонилась от прямого направления в продолжении долгого исторического плаванья, то он наконец хватился об утес и, боясь потонуть, бросился на мель. Теперь все усилия, весь труд употребляется, чтоб неподвижному сидению на мели придать вид прогрессивного движения» [3, 477]. Как все это метко сказано применительно к современной западной экономической науке. И мы сегодня просто подражаем Западу.

Герцен, обрисовывая западного человека как мещанина, пишет: «Оконченная, замкнутая личность западного человека, удивляющая нас сначала своей специальностью, вслед за тем удивляет односторонностью. Он всегда доволен собой, его *suffisance* [самонадеянность] нас оскорбляет. Он никогда не забывает личных видов, положение его вообще стесненное и нравы приложены к жалкой среде». Герцен уверен и надеется, что мещанство — чисто западная черта, и что «мещанство несовместимо с нашим характером — и слава богу!.. Развитые личности у нас редко встречаются, но они пышно, разметисто развиты, без шпалер и заборов. Совсем не так на Западе» [2, т. 4, 103]. Более того, даже русское пьянство он готов взять под защиту: «Русская слабость пить с горя — совсем не так дурна, как говорят. Тяжелый сон лучше тяжелой бессонницы, и головная боль утром с похмелья лучше мертвящей печали натошак» [2, т. 4, 483]. Конечно, некоторые мужчины, возможно, с пониманием прочтут эту фразу, но, откровенно говоря, ничего хорошего в этом российском обычае нет. Да и что, собственно, Герцен хотел тут сказать? А то, что лучше напиться, чем голодным

ложиться спать. Иными словами, в России пьют от избытка дури, а на мещанском Западе часто голодают. Но это взгляд барина на жизнь, а не социального философа.

И еще о мещанстве: «*Мещанство*, последнее слово цивилизации, основанной на безусловном самодержавии собственности, — демократизация аристократии, аристократизация демократии... Снизу все тянется в мещанство, сверху все само падает в него по невозможности удержаться». И дальше: «С мещанством стирается красота природы, но растет ее благосостояние». Но ведь с общечеловеческой точки зрения рост благосостояния и благополучия важнее всех красот природы и артистичности аристократии. Более того, Герцен усиливает ложную дихотомию, говоря: «Весь характер мещанства, с своим добром и злом, противен, тесен для искусства; искусство в нем вянет, как зеленый лист в хлоре...» [10, 353]. Возможно, для времен Герцена эта мысль имела, так сказать, эмпирическое подтверждение, но сегодня принять этот тезис нельзя. Буржуазность отвергла феодальное искусство и феодальную культуру, но дала простор искусству буржуазному. Например, оперное искусство появилось и расцвело только в буржуазном обществе. Кстати, известный труд Антуана де Монкретьена «Трактат по политической экономии», где впервые использован термин «политическая экономия», появился в 1615 г., а опера Клаудио Монтеверди «Орфей», с которой, по мнению специалистов, и начинается история подлинной оперы, была поставлена в 1607 г. По историческим меркам совпадение почти полное и далеко не случайное. И вообще, противопоставлять искусство и экономическую рациональность можно, но не нужно.

Еще на одной прозорливой мысли Герцена следует остановиться. Говоря о западноевропейском мещанстве, он пишет: «Из протестантизма они сделали свою религию, — религию, примиряющую совесть христианина с занятием ростовщика, — религию до того мещанскую, что народ, ливший кровь за нее, ее оставил» [2, т. 4, 356]. И это написано в октябре 1855 г. Напомним, что М. Вебер впервые опубликовал свою «Протестантскую этику и дух капитализма» в 1905 г., т. е. на 50 лет позже. И в этом вопросе Герцен оказался первооткрывателем и в одной фразе предвосхитил содержание знаменитой книги М. Вебера.

Но Герцен не был бы Герценом, т. е. глубоким мыслителем и великим диалектиком, прошедшим школу гегельянства, если бы не видел силу мещанства, так сказать, объективной необходимости буржуазной стадии развития. В «Письме из Неаполя» (1863) он пишет: «Глядя на то, как здесь, при отсутствии сильной буржуазии, столичная чернь остается лаццарони, поневоле приходит в голову, что народ, по тяжелому закону *selection* только и поднимается через буржуазию к более

развитой жизни». И дальше: «Может, буржуазия вообще — предел исторического развития; к ней возвращается забежавшее, в нее поднимается отставшее, в ней народы успокаиваются от метания во все стороны, от национального роста, от героических подвигов и юношеских идеалов, в ее уютных антресолях людям привольно жить» [13, 1424]. Таким образом, Герцен понимает, что буржуазная стадия развития неизбежна и даже людям там будет жить хорошо. Но это не касается России. Для России Герцен никак не может принять необходимости буржуазного развития. «Нам нечего заимствовать у мещанской Европы, — пишет Герцен. — Мы — не мещане, мы — мужики». Но мужик — это предтеча буржуа, его мечта стать мещанином, а не социалистом. Мечта русского крестьянина — стать зажиточным крестьянином, разбогатеть. И в этом ничего плохого нет. Сам же Герцен почти гениально пишет, что «все государственные и политические вопросы, все фантастические и героические интересы по мере совершеннолетия народа стремятся перейти в вопросы народного благосостояния» [3, 559]. Но вопрос материального благосостояния — это и есть главный вопрос буржуазного развития. «Экономическое торжество социализма, — как-то заметил С.Н. Булгаков, — явилось бы вместе с тем самым полным расцветом духовного мещанства» [1, 567]. Было бы просто замечательно, если бы все русские крестьяне к началу XX в. стали бы мещанами, т. е. жили благополучно и обеспеченно. Вообще, что такое мещанство? Отвечая на этот вопрос, С.Н. Булгаков пишет, что в каждом человеке есть два начала. Одно влечет его к работе духовной «во имя идеала», другое — делает существование человека «плотским, скудным и низменным». «Это второе начало и есть истинное мещанство; мещанин сидит в каждом человеке» [1, 568]. Ну и пусть каждый человек хорошо живет. А заживет ли он богатой духовной жизнью — это уже следующий этап развития и другой вопрос. Таким образом, мещанство — это буржуазный этап развития, который дает возможность обогащаться, но всех поголовно еще не делает богатыми. Но это объективно неизбежный этап. И здесь как раз и нужна политическая экономия как наука, объясняющая этот этап.

Вместе с тем Герцен, в силу чего — непонятно, путал исторические стадии развития с психологией отдельных народов, т. е. путал социологию с антропологией. Вот он пишет: «Некоторым народам мещанское устройство противно, а другие в нем как рыба в воде. Испанцы, поляки, отчасти итальянцы и русские имеют в себе очень мало мещанских элементов; общественное устройство, в котором им было бы привольно, выше того, которое может им дать мещанство. Но из этого никак не следует, что они достигнут этого высшего состояния или что они не свернут на буржуазную дорогу». И дальше такая красивая фра-

за: «Возможностей много впереди: народы буржуазные могут взять совсем иной полет, народы самые поэтические — сделаться лавочниками» [2, т. 2, 320]. Однако все народы с теми или иными различиями проходят одни и те же ступени развития. У всех мало-мальски заметных европейских народов сначала были поэты, потом стали лавочники. У нас тоже в середине прошлого века были прекрасные поэты, сегодня — одни лавочники.

Вся эта пелена мещанства, полагает Герцен, не подойдет русскому народу. Он особенный, да и зачем повторять пройденный другими путь. «Почему же народ, самобытно развившийся, при совершенно других условиях, чем западные государства, с иными началами в быте, должен пережить европейские зады, и *это — зная очень хорошо, к чему они ведут?*». Рядом с Европой «другой мир — Русь». «В основе его — коммунистический народ, еще дремлющий, покрытый поверхностной пленкой образованных людей, дошедших до состояния Онегина, до отчаяния, до эмиграции, до вашей, до моей судьбы. Для нас это горько. Мы жертвы того, что не вовремя родились» [2, т. 5, 369]. Вместе с тем в русском народе, в России Герцен находит пробуждающиеся силы обновления, воплощения достижений западной социальной мысли, которые не могут осуществиться практически в европейских странах по причине их мещанства и усталости. «Россия приходит к жизни как народ, последний в ряду других, еще полный юности и деятельности, в эпоху, когда другие народы мечтают о покое; он появляется, гордый своей силой, в эпоху, когда другие народы чувствуют себя усталыми и на закате» [3, 258—259].

Таким образом, по Герцену, социализм касается и «до вопросов политической экономии. Он встречается с рациональным бытом эпохи гарантий и мещанского экономического устройства, как с своей непосредственностью, точно так, как политическая экономия относилась к теократически-феодальному государству» [2, т. 4, 407]. Вот ключевое место по этому вопросу: «Социализм — осуществление идеала национальной экономии. Политическая экономия является вопросом, социализм его разрешением. Политическая экономия — это наблюдение, описание, статистика, история производства и оборота, обращение богатств. Социализм — это философия, организация и наука. Политическая экономия дает материалы и документы, она производит следствие — социализм выносит приговор. Политическая экономия констатирует естественную данность богатства и нищеты — социализм разрушает их не как исторический факт, а как неизбежную данность, уничтожает все границы и преграды, препятствующие обращению, сообщает собственности текучесть, т. е. одним словом уничтожает богатство и нищету. Уже в самом этом антагонизме можно усмотреть,

что социализм находится в тесной связи с национальной экономией. Это анализ и синтез одной и той же мысли» [14, 78].

И тут напрашивается вопрос: что же такое социализм? Вообще-то, если исходить из текстов Герцена, взятых в целом, из его общей социальной концепции, а не брать отдельные, пусть и красивые, фразы, то социализм есть наука о лучшем устройстве общества.

Литература

1. *Булгаков С.Н.* Душевная драма Герцена // Булгаков С.Н. От марксизма к идеализму. Статьи и рецензии. 1895—1903. М., 2006.
2. *Герцен А.И.* Избр. произв.: В 5 т. М., 2009.
3. *Герцен А.И.* О социализме. Избранное. М., 1974.
4. *Бердяев Н.А.* Духовный кризис интеллигенции. М., 1998.
5. *Шмелев Н.П.* Здравый смысл и будущее России: да или нет? // Мир перемен. 2012. № 4.
6. *Абалкин Л.И.* Проблемы современной России. М., 2011.
7. *Гринберг Р.С.* Свобода и справедливость. Российские соблазны ложного выбора. М., 2012.
8. *Осипов Ю.М.* Национальная элита — судьба России. Тезисы // Философия хозяйства. 2008. № 5.
9. *Бердяев Н.А.* Русская идея // О России и русской философской культуре. М., 1990.
10. *Герцен А.И.* Концы и начала // Герцен А.И. Соч.: В 2 т. Т. 2. М., 1986.
11. История русской экономической мысли. Т. 1. Ч. 2. М., 1958.
12. *Беккер Г.С.* Экономический взгляд на жизнь // Мировая экономическая мысль. Т. 5. Кн. 1. М., 2004.
13. Колокол. Факсимильное издание. Вып. VI. М., 1963.
14. *Реуэль А.Л.* Русская экономическая мысль 60—70-х годов XIX века и марксизм. М., 1956.

А.А. АКИНИН, А.А. ШЕВЕЛЕВ

Дилеммы развития России в контексте институциональной экономической теории

Аннотация. В статье рассматриваются дилеммы развития экономики, власти и культуры в современной России, системные проблемы и противоречия российского социума в контексте последних разработок новой институциональной экономической теории, посвященных роли насилия (механизмов господства-подчинения) в экономическом развитии. Особое внимание уделяется феномену «хрупкости» системы власти в аспекте особенностей современного политического дизайна и провалов экономической политики российского государства, препятствующих переходу на модель долгосрочного устойчивого развития экономики с институциональными конкурентными преимуществами. Обосновывается необходимость становления этоса новой нации в контексте дискуссии о путях формирования национальной идентичности в России.

Ключевые слова: патологии экономической системы, провалы государства, хрупкость системы власти, культурная память, этос национальной общности.

Abstract. The article deals with the dilemma of economic development, government and culture in modern Russia, systemic problems and contradictions of Russian society in the context of recent developments of new institutional economics on the role of violence (the mechanisms of domination) in economic development. Particular attention is paid to the phenomenon of «fragility» of the system of power in the political aspect of the characteristics of modern design and failures of economic policy of the Russian state to shift to a model of long-term sustainable development of the economy and the institutional environment. The necessity of the formation of a new ethos of the nation in the context of the debate on how the formation of a national identity in Russia.

Keywords: pathology of the economic system, the failures of the state, the fragility of the system of power, cultural memory, the ethos of the national community.

Введение

Новая институциональная экономическая теория предстает сегодня как комплексное научное направление, интегрирующее, в частности, философские, экономические, социологические, правовые и экологические подходы к исследованию институциональной среды и поведения экономических агентов. Меж- и трансдисциплинарный характер

исследовательских программ, реализуемых с использованием институционального инструментария, на наш взгляд, соответствует новому образу науки и одновременно современной научной картине мира, которые принято называть постнеклассическими, и отражает растущую сложность и неоднозначность, многовариантность и альтернативность социальной реальности, ее системных взаимодействий и путей развития. Ключевое значение в этой связи имеют взаимодействия экономической и политико-административной систем, власти и рынка как между собой, так и со сферой «жизненного мира», обеспечивающего воспроизводство культуры, социальную интеграцию и социализацию. Характерен сдвиг интереса ученых в последние годы к исследованию отмеченных проблем, выразившийся в опубликовании значительных работ Д. Асемоглу, С. Боулза, Дж.М. Бьюкенена, Дж. Бренна, Д. Норта, Д. Уоллиса, Б. Вайнгаста, М. Олсона, Д. Тросби, Ю. Хабермаса, А. Олейника и др. Ради справедливости следует отметить, что в России институциональная экономическая теория стала создаваться еще в XIX в. в виде «сближения политической экономии с гражданским правом, формирования нового научного направления, юридического экономизма» [1, 51].

Настоящая статья посвящена осмыслению некоторых важных аспектов участия и системной роли власти в развитии современной России, критическому анализу как ее негативных эксцессов, так и пока еще неиспользуемого позитивного потенциала. В настоящее время очевидны структурные перекосы экономической системы, дисфункциональность институциональной среды и власти в целом, несформированность культурно и социально обусловленных поведенческих стереотипов, побуждающих акторов на общенациональное действие, девальвация идеологий и моральных авторитетов. Формулировки дилемм в статье преследуют во многом провокативную цель — заострить внимание и стимулировать интерес к неоднозначности ситуаций, сложившихся в сферах экономики, политики и культуры современной России. В форме дилемм фокусируются различия в оценках этих ситуаций, равно как противоположные признаки рассматриваемых предметов. Обращается внимание на то обстоятельство, что официальные оценки зачастую камуфлируют истинное положение дел: акцентируют внимание на «временных трудностях», за которыми на деле скрываются социальные патологии (структурные аномалии), игнорируют долгосрочные факторы неустойчивости («хрупкости») системы власти, представляемой в оценках экспертов и политиков стабильной и устойчивой, недооценивают негативные последствия «провалов», связанных с обеспечением передачи культурной традиции, социальной интеграции и социализации в российском обществе. Думается, что обращение

к исследованию причин возникновения и форм проявления социальных патологий, ситуации «хрупкости» системы власти, а также культурных основ российского «жизненного мира», использование в анализе трансдисциплинарных институциональных подходов актуальны как в теоретическо-методологическом, так и практическом отношениях.

Временные трудности или патологии экономической системы?

Институциональная экономическая теория никогда не игнорировала поведенческую проблематику исследований. Достаточно вспомнить перечень социально обусловленных «инстинктов» Т. Веблена, недвусмысленные указания на этот счет Дж.Р. Коммонса. Последний утверждал: «Поскольку институциональная экономика является поведенческой, а рассматриваемое поведение является ничем иным, как поведением индивидов в процессе участия в транзакциях, институциональная экономика должна заниматься анализом экономического поведения индивидов» [2, 74]. По мысли ученого, институты — это не неподвижный «каркас» экономической системы, а изменчивые действующие правила разного рода коллективных действий по контролю, освобождению и расширению индивидуальных действий. Исследования современного институционалиста С. Боулза свидетельствуют о том, что не только институциональная среда, но и распределение власти, социальный капитал, закономерности кооперативного поведения оказывают существенное влияние на структуру предпочтений и поведенческие характеристики экономических агентов. По этой причине институциональная теория проникает в проблематику микроаналитических исследований, способствуя переосмыслению их предпосылок, обогащая поведенческим и социальным реализмом [3]. По справедливому суждению Д. Раскова, американский ученый «вскрывает внутреннюю логику дисбалансов и патологической социальной неэффективности системы, которую принято называть капитализмом» [4, 125].

К сожалению, поворот в направлении большего реализма и междисциплинарности в теоретических исследованиях, стремящихся не просто сформулировать те или иные абстрактные (вырванные из социокультурного и политического контекстов) закономерности, а осмыслить мотивы и тенденции группового (коллективного) поведения, с трудом дается современной науке. Опыт российских реформ наглядно демонстрирует, какие негативные последствия могут породить упрощенные (зачастую идиллические) представления о «свободной рыночной экономике», конструируемая на их основе неолиберальная политика. Между тем капитализм как система отношений (в том числе рыночных) не является автоматически действующим механизмом дости-

жения экономической эффективности ни с точки зрения распределения прав собственности, ни в аспекте обеспечения условий для роста общественного благосостояния. Капиталистическая система по своей природе несовершенна (страдает патологиями), как несовершенны конвенции и контракты, связывающие ее агентов. Распределение прав собственности может значительно отступать от легитимных стандартов социально справедливого порядка, а результаты функционирования системы в целом отклоняться от цели повышения общественного благосостояния. Взаимодействие формальных институтов и неформальных норм поведения то и дело демонстрирует провалы согласованных коллективных действий. В теоретико-методологическом плане все это означает: поворот к реализму в научных исследованиях предполагает отказ от постоянного (и часто неосознаваемого учеными) превращения идеализированных образов экономической реальности в нормативные модели и стандарты, якобы отражающие саму «природу» объекта, в которой изначально не заложены дисбалансы и патологии, противоречия и антагонизмы (этакая «экономика нирваны»).

Констатация того, что экономический строй России обременен патологиями, характерными как для сформировавшейся институциональной среды, так и для экономических отношений³³, необходимое условие такого поворота в исследовании и российских реалий. Патологии последних связаны, в первую очередь, не просто с «недостроенностью рыночной экономики», как полагают либералы, а со встроенностью всех видов трансакций (в том числе рыночных) в специфическую систему властных отношений. «Разрозненные попытки “гуманизации” отношения власти к бизнесу... разбиваются о вполне сложившуюся целостную систему чиновничьего капитализма, в которой отношения правоохранителей к предпринимателю как всемогущего конкурента к конкуренту беспомощному не встречаются sporadически, как эксцесс исполнителя, а являются важным несущим элементом всего порядка вещей», — констатирует А. Привалов [6, 12].

³³ Применение многозначных метафор в науке плодотворно, поскольку позволяет избежать однозначности и прямолинейности в оценках тех или иных явлений, открывает простор для их различных интерпретаций. Патологии социально-экономической системы можно рассматривать в качестве комплексов явлений, препятствующих ее динамичному (а то и просто «нормальному») функционированию и развитию, нарушающих процессы воспроизводства системы. Механизмы возникновения социальных патологий позднего капитализма исследовал, в частности, Ю. Хабермас [5, 148—174].

В концептуальной монографии А. Олейника дается подробная характеристика двух подходов к объяснению господства на рынке — неолиберального и критического [7]. *Неолиберальный подход* связан с неоклассической экономической теорией: модель рационального выбора, который обусловлен интересами, равновесные схемы взаимодействия, устойчивость предпочтений, рынок совершенной конкуренции (рассматриваемый как стандарт, а все другие структуры — как девиантные случаи). Имеет место обезличенный, деперсонифицированный обмен с целью взаимного выигрыша. Рыночная власть сводится к способности устанавливать цену на уровне выше предельных издержек. *Критический подход* (Мишель Фуко, Пьер Бурдьё) предполагает детерминистскую установку: именно институциональная среда, а не интересы, предопределяет выбор. Констатируется повсеместный характер власти и господства. Рынок также не имеет иммунитета против власти и господства. Одна сторона может выиграть только за счет другой, как в «играх с нулевой суммой». Автор отмечает, что попытки найти общий знаменатель между двумя подходами представлен в трудах социоэкономистов (Сэмюэл Боулз, Герберт Гинтис), которые показали, что власть возникает на всех неравновесных рынках, в рамках которых формируются своеобразные диспозиции или позиции силы в полях асимметричных взаимодействий. Подобное понимание диспозиций на рынках принципиально отличается от представлений неоклассиков о свободном, добровольном и взаимовыгодном обмене, ведущем к оптимальному результату (распределению ресурсов).

Суммируя высказанные А. Олейником в его незаурядной книге (на наш взгляд, одного из лучших институциональных исследований России начала XXI в.) положения о власти, уместно дать ее общее определение: власть — это форма отношений и институциональный механизм доминирования (господства) одного агента и одновременно асимметричной зависимости другого внутри поля социальных взаимодействий, возникающие на основе реализации структурных дисбалансов, изменяющих и формирующих структуру выбора подчиненной доминирующей силе агента, побуждающих его к минимизации упущенных возможностей (когда агент вынужден отказаться от максимизации удовлетворения своих интересов в пользу некоего «удовлетворительного» для себя результата) [7, 170—180].

Власть — неотъемлемое атрибутивное свойство всех социальных отношений (в сферах экономики, политики, культуры, на микроуровне повседневной жизни). Характерная для России сращенность (синкретизм) экономической и политической форм (подсистем) власти не позволяет утвердиться эффективным механизмам их взаимодействия, обеспечивающим выявление и динамичный баланс различных интере-

сов. Интересы социума как единого целого (носителя спокойного демократического начала в общественных переменах) замещаются узкогрупповыми (классовыми), потребность воспроизводства общественных благ — перераспределением национального богатства в пользу власть имущих (посредством экстрактивных институтов). Поэтому институциональный анализ не может обойти вниманием один из ключевых процессов 1990-х и 2000-х гг. — обуржуазивание российской госэлиты, создание крупных личных состояний с помощью властного ресурса (в той или иной форме). Буржуазия (в широком смысле этого понятия) выступает как класс, использующий механизмы капиталистической системы в целях своего регулярного обогащения. Обуржуазивание бюрократии неразрывно связано с частичным замещением ее общественных функций (как персонификации общественного сектора) скрытой, полутеневой и всегда неформальной деятельностью, направленной на поиск и присвоение административно-политической ренты. Паразитирование на рыночных и нерыночных формах экономических отношений многообразно по своим проявлениям, имея в качестве своих результатов, в частности, огромные разрывы в уровнях и качестве потребления разных социальных групп, а также ценовую эксплуатацию конечных потребителей, благосостояние которых в системе коррупционных «накруток» существенным образом снижается [8]. Отметим, что, по оценке Института социологии РАН, треть россиян можно отнести к бедным (включая нищих). Этот показатель превышает данные официальной статистики, относящей к бедным только тех, кто имеет доход ниже прожиточного минимума (на исследуемый период 6 705 р.). Особенность российской бедности — ее хронический, застойный характер, существование без перспектив на улучшение [9, 196—201; 10, 157—161]. Доходы каждого пятого работающего бедняка не превышают 7 тыс. р. (труд за «миску лапши», если воспользоваться китайской аналогией) [11, 10]. По данным Росстата, в 2012 г. у 25,2% россиян среднедушевые доходы были меньше 10 тыс. р., у 40,6% — менее 14 тыс. р., примерно 70% населения имели доходы ниже среднедушевых по стране в целом, лишь у 14,5% доходы превысили 35 тыс. р. [12]. Российская дифференциация доходов сравнялась с аналогичным показателем в США (коэффициент Джини составил в 2012 г. 0,422), однако при существенно больших различиях в уровнях потребления между богатыми и бедными. Кроме того, размер зарплат малообеспеченных в России находится под давлением заниженной оплаты труда мигрантов, на них же ложится непропорционально большая часть инфляционного налога (по сравнению с наиболее обеспеченными гражданами).

«Ранний капитализм» и «архаичное буржуазное государство» с корпоративно-бюрократической номенклатурой во главе, которые возникли на российской почве, страдают патологией экспроприаторства и перераспределительства, жадной неконтролируемого обогащения, непреодолимой атрофией базовой функции продуктивного капитализма и предпринимательства — производительного накопления капитала. «Номенклатурные приватизаторы с самого начала повели себя не по примеру “аскетов накопления”, методически накапливающих по крохам добываемую прибыль для ее последующего инвестирования в экономику роста. Они, напротив, повели себя как безответственная богема, даром получившая не ею созданное богатство и намеренная использовать его ради неслыханно разнузданного гедонизма» [13, 167]. И в настоящее время безуспешны попытки запустить по насущным нуждам страны мотор инвестиций частного предпринимательства. Одновременно выросли аппетиты госбуржуазии и приближенного к ней бизнеса, реализующих «высокооткатные» мегапроекты (на фоне стагнирующей экономики). Не уменьшается вывоз капитала из страны, лишаящий ее столь необходимого инвестиционного ресурса. Явная патология системы — хроническое недофинансирование социальной сферы, причем не только из-за низкой доли госинвестиций в ВВП (на образование, здравоохранение), но и вошедшего в привычку «нормотворческого» рвения чиновников, когда дополнительные выделенные ресурсы не доходят до конечных получателей (медучреждений), вынужденных переоформлять бессрочные (по закону!) лицензии. 329 тыс. дошкольников (2013) стояли в очередях на поступление в детские сады. При этом пропагандируется необходимость масштабной («замещающей») трудовой миграции, еще более увеличивающей давление на социальную сферу и бюджеты. Парадокс в том, что российские налогоплательщики из своего кармана вынуждены оплачивать перепрофилирование, а по сути дела, частичное изъятие из их пользования социальной сферы, когда, например, некоторые роддома превращаются в центры обслуживания иностранных граждан [14, 16].

Структурные перекосы экономической системы, неспособность мобилизовать скудеющие ресурсы и продуктивный бизнес для реализации целей развития обусловлены не только системой распределения национального дохода и богатства, но и поведенческими характеристиками властвующей элиты в России. «Стратегия табуирования желаний, впоследствии получившая современное название “отложенного счастья”, лежала и в основе экономически рационального поведения. Процесс накопления связан с табуированием потребительских желаний, чему протестантская аскеза особенно способствовала» [13, 169]. Явное отсутствие воли к самоограничению у власть имущих, прояв-

ляющееся в опережающем росте заработной платы чиновников по сравнению со всеми другими группами населения, в значительном увеличении выплат топ-менеджменту госкомпаний, особенно по линейке «золотых парашютов», впечатляющем накоплении потребительского богатства узким слоем избранных и в то же самое время продолжающийся рост имущественного неравенства, несформированность кредитных механизмов стимулирования внутреннего импортозамещающего спроса и склонности к инвестициям (при разрыве между сбережениями и инвестициями, составившем без малого 7% ВВП), низкий уровень взаимного доверия между бизнес-сообществом и властью — все это звенья одной цепи, симптомы комплексной патологии «самоедской» социально-экономической системы. Ее базовые характеристики — превращение власти в доминирующую разновидность бизнеса, превалирование интереса использования ресурсов страны для личного обогащения и потребления, а не расширенного воспроизводства национальной экономики, придания нового качества экономическому росту³⁴. В результате 71% всех личных активов россиян принадлежит 1% населения (оценка Global Wealth Report 2012; Credit Suisse Research). Можно усомниться в том, что «секрет путинской России состоит как раз в резком расширении “социального пространства”, на котором гражданам позволено индивидуально решать системные противоречия» [15, 590]. Последние разрешаемы лишь посредством сложного процесса организации коллективных действий, синергии гражданских инициатив, предпринимательской активности и государственного участия. Однако результаты опросов в рамках Global Entrepreneurship Monitor (GEM) свидетельствуют, что «Россия стабильно занимает одно из последних мест в мире практически по всем параметрам предпринимательской активности и заметных улучшений пока добиться не удалось» [16, 20].

Устойчивость или хрупкость системы власти?

Источником развития социополитической системы выступают имманентные ей противоречия. Однако в качестве динамичного фактора развития они проявляют себя только в том случае, когда стороны противоречий сформировались в качестве значимых социальных группировок, обладающих организационным, идеологическим и властным ресурсом, противостояние сторон в достаточной степени обострилось,

³⁴ «К концу 2000-х годов сформировался главный базовый принцип новой российской реальности: свободная конвертация власти в деньги и собственность и обратно. Элита стала консолидированной и единой. Это элита власти, воспринимающей свою деятельность не как служение обществу, а как вид бизнеса» [15, 593].

ожидания последствий возможного открытого конфликта определились. При наличии в современной России персонифицированной системы власти (а это не столько класс профессиональных политиков, сколько класс правящей напрямую крупной буржуазии), которая в рамках социального порядка ограниченного доступа через ключевой институт автократии (авторитарного правителя) обеспечивает сохранение целостности системы (буржуазное классовое государство) и ее эволюцию (закрепление в лучшем случае результатов буржуазно-демократической революции), постановка цели отделения «власти от собственности» даже многими экспертами признается политически несвоевременной и экономически неоправданной.

В то же самое время результатом сложившейся в России системы власти является во многом патовая (хотя и отрицаемая в официальных религиях) ситуация, характеристиками которой являются:

- неспособность создать и комплексно задействовать в первую очередь внутренние драйверы развития системы при явном историческом цейтноте и императиве перехода к новому технологическому укладу в условиях кризиса мировой экономики;
- несформированность буржуазии как класса «для себя» и доминирование неэффективной госбуржуазии, ориентированной на сохранение статус-кво в системе власти-собственности, не желающей отказываться от привилегии получения ренты в обмен на лояльность, поступаться статусом бенефициара административно-коррупционной системы;
- отсутствие условий и стимулов для ротации элиты как по причине неконкурентности экономической и политической систем, так и незавершенности процесса структурирования общества не как суммы индивидов, классов, сословий и даже этносов, а как нации, способной в экономической жизни и других сферах социального бытия утверждать примат общего над отдельным, выявлять внутри себя предпочтения и ожидания здоровых социальных сил, заинтересованных в переменах и способных принять в них участие;
- как итог, «зависшее» состояние между декоративной демократической системой и умеренным авторитаризмом, страдающим дефицитом творческого целеполагания и политической воли к социально-экономическому развитию страны, неспособностью правящего класса к практической реализации собственных программных заявлений и обещаний, нерешительностью в поисках новой социальной опоры, сводящихся по сути к имитаторским попыткам обеспечить «народную поддержку» персоны правителя [8]. На практике не происходит движения в направлении создания более работоспособной и гибкой, чем сейчас, современной партийной системы (при одновременном услож-

нении гражданского общества, превращении в значимую силу («свободной общественности»). По сути дела, совершается попытка построения модели корпоративистского государства без опоры на нацию. Однако ситуативное управление в принципе не способно заменить утраченную оптику стратегического видения, равно как деривативы общественных движений бессильны компенсировать отсутствие полноценных институтов сложного гражданского общества и отструктурированной политической системы.

В связи с вышеизложенным актуальна концепция социального порядка открытого доступа, в котором Д. Норт, Д. Уоллис, Б. Вайнгаст усматривают: конкурентные экономическую и политическую системы; ренту инноватора в противовес монопольной (административной, политической) ренте; универсальные, а не эксклюзивные права собственности, обеспеченные легальной защитой; свободный (открытый) доступ к формам организации (самоорганизации) общественной самодеятельности. Последний аспект имеет ключевое значение. Консолидация общественно-политических сил, минимизация рисков, связанных с активизацией гражданских инициатив и солидаристских движений, а также управляемое разворачивание демократических начал политического процесса не могут достигаться с помощью административных ограничений и силового произвола, демонтажа конкурентных механизмов в политической сфере. Тем более что налицо признаки нового (пока еще формирующегося) тренда: «В российских регионах проходит начальный этап становления новой политической модели, более конкурентной и живой. Политические партии и их выдвиженцы учатся оперировать реальными проблемами избирателей; опираясь на протест, пытаются искать эффективные пути их решения» [18, 15]. В этой связи неуместны апелляции к идее самоценности государственной стабильности, очень часто маскирующие корыстные интересы элитных групп и оправдывающие механизмы воспроизводства эффекта «колеи» в историческом развитии.

Нельзя не согласиться с утверждением, что современная Россия, представляющая собой яркий пример естественного государства, или социального порядка ограниченного доступа, перешла, в его типологии, в последние годы из разряда зрелых к базисному, или простому (иначе говоря, произошла инволюция). «Это произошло вследствие построения более жесткой вертикали власти, установления контроля над средствами массовой информации, ослабления институтов гражданского общества... Вся система становится гораздо более хрупкой и подверженной внешним шокам и саморазрушению. Для самой элиты и групп элит — в данном случае тех, кто пользуется рентой, — нет гарантии, что институт личной власти останется надолго и обладает по-

стоянством, что может таить в себе серьезные опасности в ближайшем будущем. ... Долгосрочная перспектива внутри страны по многим обстоятельствам не создает достоверных обязательств» [18, 28—29]. Негативные ожидания проявляются, в частности, в бегстве капитала из страны, только незаконный вывоз которого за последние пять лет сопоставим с потенциальной возможностью утроения расходов государства на здравоохранение, образование и науку³⁵. К очередному глобальному кризису (или к резкому обострению нынешнего «вяло текущего» — по данному вопросу мнения экспертов расходятся) Россия предсказуемо подойдет с ослабленной финансовой системой, недоинвестированной экономикой с низкой нормой накопления, избыточными и нереализуемыми социальными обязательствами, секвестированием бюджетных расходов, еще более низким уровнем доверия к власти.

Рост социального неравенства, произошедший в США за последние десятилетия и названный П. Кругманом «Великим расслоением», хотя и явился во многом результатом политики дерегулирования и разрастания финансово-спекулятивного сектора, имел в своей основе динамичную экономику с мощным потенциалом. Аналогичный процесс, набравший силу в условиях деградирующей экономики, не может быть оправдан ничем. Поучительно высказывание Д. Асемоглу о том, что стремление к наживе «может выступать двигателем инноваций и экономического роста. Однако, не будучи обуздано соответствующими институциональными регуляторами, стремление к наживе вырождается в рентоориентированное поведение, коррупцию и преступность» [20, 11]. Именно это и случилось в современной России как следствие господствующей социальной структуры и соответствующих ей «извлекающих» (экстрактивных) институтов, созданных для перераспределения доходов и богатства в пользу одной части общества за счет другой.

Накопление конфликтного и, возможно, разрушительного потенциала нерешаемых проблем и социальной нестабильности, отсутствие базы (совокупности задействованных факторов) устойчивого развития и, как результат, ситуация «хрупкости» (уязвимости) системы власти, вполне реальная даже при наличии обманчивой и преходящей стабильности последней, стали возможными в результате эмпирически

³⁵ Как со знанием дела свидетельствует М. Прохоров, «когда говоришь с бизнесменами, выясняется, что большинство из них думает, кому бы свой бизнес продать, а деньги в Россию не вкладывать. Все прекрасно понимают, что затраты внутри страны растут быстрее, чем прибыль. Маржа стремительно снижается во всех видах бизнеса» [19].

очевидных «провалов» экономической политики российского государства. Перечислим важнейшие из них:

- непонимание и отрицание правящей бюрократией роли протекционизма («воспитательного протекционизма» по Ф. Листу), необходимого на начальном этапе пока лишь декларируемой реиндустриализации, явная недооценка определяющего значения суверенной экономической политики и внутренних источников расширенного воспроизводства, обеспечивающего их стратегического планирования, игнорирование идеи самодостаточности экономического развития, ориентированного на национальный рынок, внутренние платежеспособный спрос и долгосрочный кредит (применительно к условиям страны-континента или мира-экономики)³⁶, плохо просчитанный баланс выгод и издержек при вступлении страны в ВТО и, как логичный результат, неспособность в условиях обострившейся международной конкуренции поддержать отечественную промышленность, многие отрасли которой снижают выпуск, обеспечить масштабный приток прямых иностранных инвестиций (доля которых неуклонно уменьшается, составляя за последние два года 5—6% от их общего объема), рост импорта и ухудшение внешнеторгового баланса;

- отстранение Банка России от ответственности за темпы экономического роста страны, его отказ от защиты и обеспечения устойчивости национальной валюты, преобладание «коротких» и дорогих кредитов в экономике, неработающий механизм рефинансирования комбанков (на июнь 2013 г. совокупный внешний долг составил 625 млрд дол., из которых лишь 10% приходится на Правительство, продолжается рост внешнего долга частного сектора, которому невыгодно занимать внутри страны, перешедшей на «аутсорсинг финансовой системы»);

- непроясненность (непроработанность) приоритетов бюджетного планирования, отсутствие целостного «бюджета развития», увязанного с долгосрочным планом социально-экономического развития, архаичная по современным меркам структура бюджетных расходов, обуславливающая недофинансирование сфер образования, здраво-

³⁶ Самодостаточность экономического развития, не имеющая ничего общего с изолированностью национальной экономики, — это фактически реализуемая способность страны обеспечивать себя комплексом факторов и результатов производства, необходимых для стабильного роста валового национального продукта (и благосостояния всех слоев общества) и, как результат, устойчивого развития. Она предполагает суверенную экономическую политику, ориентированную на использование внутренних источников накопления капитала и расширенного воспроизводства [21, 16; 22].

охранения и науки (см. Бюджетное послание президента РФ о бюджетной политике в 2014—2016 гг.);

- неудовлетворительное по своим результатам антимонопольное регулирование, неспособность ФАС России переломить ситуацию в сфере своей ответственности, связанную с засильем монополизма в экономике (несмотря на существенное ужесточение наказаний за нарушения антимонопольного законодательства, в соответствии с которым создание картелей, неоднократное злоупотребление доминирующим положением на рынке предполагает уголовную ответственность), сочетание же монополизма с ограничительной монетарной политикой неизбежно результируется в стагнации;

- волюнтаристское реформирование сферы фундаментальной науки, принятие в форсированном режиме закона о реформе РАН, который никак не ориентирован на улучшение условий научной деятельности, не способствует увеличению финансирования фундаментальных и связанных с ними прикладных исследований, а лишь усложняет его процедуру, устанавливая вертикаль чиновничьего руководства путем учреждения прямого управленческого контроля над имущественным комплексом и распределением финансовых ресурсов в научной сфере со стороны централизованного бюрократического ведомства (Агентства научных организаций), конструирования внутренне противоречивой и потенциально конфликтной системы управления, упраздняющей самоуправление академических институтов);

- своего рода «негативный отбор» в кадровой политике на высшем уровне управленческого истеблишмента, назначение на ключевые должности в правительстве сторонников неолиберальной доктрины, плохо понимающих (или превратно толкующих) более реалистичные теоретические концепты, упорно отказывающихся учитывать в конструируемой экономической политике специфику объекта управления (национального хозяйства), невозможность добиться консенсуса по базовым вопросам экономического развития (причины низких темпов экономического роста, приоритеты госполитики, спектр активируемых инструментов регулирования), нежелание предъявлять спрос на квалифицированное стратегическое планирование;

- излишне либеральное валютное регулирование, упрощающее отток капитала из страны, который достигает 70 млрд дол. (со значительной нелегальной составляющей) в год, хотя оправданным было бы восстановление валютного контроля, «предусматривающее введение разрешительного порядка осуществления операций капитального характера при сохранении свободной конвертируемости рубля по текущим операциям» [23, 230];

- утрата многих критически важных отраслей, способных производить высокую добавленную стоимость (станкостроение, производство тракторов, отрасль химических волокон, гражданское судостроение, металлургическое машиностроение), превращение России в крупнейший мировой рынок сбыта — шестое место в мире, 2,8 трлн дол. (половина российского импорта — это продукция машиностроения, такую же долю доходов бюджета формирует экспорт углеводородного сырья), не остановленная структурная деградация экономики [24].

«Это при проведении неолиберальной экономической политики той или иной жесткости можно было обходиться общим представлением о низовых экономических процессах. Политика же стимулирования роста гораздо более требовательна к нюансам, в частности к пониманию интересов и возможностей различных отраслей и даже конкретных компаний-лидеров. Ведь, как показывает опыт той же американской экономики, облик тех или иных отраслей очень часто определяется наличием или отсутствием в них компаний, которые играют стержневую роль» [25]. Однако по-прежнему не происходит целенаправленного и активного движения в направлении формирования системной промышленной политики (как составной части национальной стратегии социально-экономического развития), призванной обеспечить благоприятные условия для становления национальных компаний-лидеров, способных выступить в роли «локомотивов» российской экономики, владеющих компетенциями мирового уровня и конкурентоспособными на мировых рынках технологиями и оборудованием, производящими высокую добавленную стоимость. Сохраняется слабость финансовой системы, ее резервных и демпферных возможностей при возникновении рецессии, дезактивированы механизмы обратной связи во взаимодействиях государства, бизнеса и общества. Таким образом, в полной мере не задействованы факторы долгосрочной устойчивости национальной экономики и системы власти в России, источники их эволюционного развития. В этой связи, как отмечает В. Рязанов, предстоит не только перестроить экономическое устройство, восстановить значимость реальной экономики и ее атрибутов, но и «выработать более гибкие методы регулирования, позволяющие обеспечить эффективное сочетание государственного и рыночного регулирования, плана и рынка, общественных и частных интересов, одновременно усилив внимание к мониторингу, надзору и контролю в хозяйственной сфере в интересах как усиления антибюрократической защиты, так и активизации борьбы с монополизмом» [26, 502].

Обретение долгосрочной устойчивости национальной экономикой и системой власти в России предполагает их качественную трансфор-

мацию, овладение правящей элитой стратегической инициативой, включение в сферу действенного государственного регулирования ключевых факторов развития, формирование с этой целью адекватных институциональных механизмов воспроизводства человеческого, интеллектуального и физического капитала, радикальное повышение «эффективности правительства» и «качества регулирования» (по терминологии Мирового банка). Российская власть, правда, с переменным успехом, но все же усваивает древний китайский принцип стратегического руководства — «соответствовать переменам, оседлав время» [27, 185]. Иными словами, быть в резонансе с миром, точно соответствовать обстоятельствам времени, не плестись в хвосте событий, а предвосхищать их, в том числе, попытаться поймать «китайский ветер» в «паруса» нашей экономики [28].

Но до тех пор, пока наверху руководствуются вариантом так называемой идеологии «консервативной модернизации», предполагающим по сути отказ от «иллюзий быстрого развития» и фактически нацеленным на деморализацию активных слоев общества, это гарантирует перманентное отставание от лидирующих стран. Стратегия опережающего развития, способная «переломить» логику экспортно-сырьевой модели перераспределительной (кассовой) экономики, не востребована правящей элитой.

Стирание или регенерация культурной памяти?

В отличие от сложнейших исследований, по пути которых продвигается современная нейробиология, пытаюсь понять механизм кодирования долговременной памяти человека, способы закрепления и воспроизводства культурной памяти социальной общности могут быть осмыслены с гораздо меньшими усилиями. К примеру, достаточно очевидно, что ключевое значение в этом процессе имеет духовное производство и, в первую очередь, такая его подсистема, как образование. Именно с деструктивных изменений в сфере образования, официально презентуемых в качестве неизбежных реформ, зачастую слабо коррелирующих с задачей и качеством подготовки специалистов под долгосрочные цели развития национальной экономики и некоммерческого сектора, начинаются деградация исторически обусловленной культурной памяти национальной общности, процесс «испарения» самой культурной нации. Драматические проявления этой тенденции, наблюдаемые в современной России, выступают результатом как во многом спонтанных, так и вполне целенаправленных действий, связанных с конкретными направлениями реализации государственной политики. Примечателен обоснованный вывод о том, что «университет мирового уровня, если остальные институты в стране отстают от него,

становится шлюзом для ускоренной откочки перспективной молодежи из страны. ...Нет, если наша цель вместо нефти поставлять на международный рынок наших лучших студентов — тогда, конечно, нужно срочно копировать опыт Запада» [29, 64, 65]. Одновременно отмечается востребованность выпускников ведущих российских университетов со стороны транснациональных корпораций (умеющих адекватно оценивать качество специалистов).

Культурное поле России последовательно вырождается в игровые взаимодействия имитаций и симуляций, иначе говоря, происходит утрата подлинности и самооценности культуры, той последней инстанции, которая способна выполнить миссию объединяющего и связующего (на уровне глубинных ментальных моделей) звена для разобщенных по частным интересам акторов социальной системы. Произошедшая социокультурная дезинтеграция выразилась в «размывании» этоса нации или, как его определял Г. Шмоллер, общего духовно-нравственного сознания, кристаллизованного в обычае и праве. На протяжении ряда лет продуцировались паттерны манипуляций, переставало быть культурной нормой элементарное уважение к собственной национальной истории, архаикой и экзотикой становилась любовь к Родине. Все это происходило на фоне деградации национального культурного капитала. По утверждению В. Путина, «отсутствие национальной идеи, основанной на национальной идентичности, было выгодно той квазиколониальной части элиты, которая предпочитала воровать и выводить капиталы и не связывала свое будущее со страной, где эти капиталы зарабатывались» [30]. Необходимо признать, что отмеченная тенденция не канула в Лету и продолжает действовать до сих пор.

Не только экономическое, но и культурное поле в России «пронизаны» отношениями власти (господства-подчинения), асимметричными взаимодействиями доминирующих субъектов и подчиненных агентов, что не исключает, а очень часто предполагает использование рынка и манипулирование им, совершаемые на основе своеобразного сочетания интересов. Выигрыш получают все стороны, однако те, над кем доминируют, вынуждены соглашаться на минимизацию упущенных возможностей, а не максимизировать выгоду [7]. В качестве максимизатора-бенефициара выступает господствующий (доминирующий) субъект, представляющий собой симбиоз паразитарной гобуржуазии и лояльного ей, но нелегитимного в глазах общества крупного бизнеса. Сохранение статус-кво, использование политической системы с целью присвоения ренты, исполнение роли «охранника на входе», ограничивающего доступ к ценным политическим и экономическим ресурсам, а также значимым (приносящим крупные выгоды) трансак-

циям (управленческим, рыночным и перераспределительным), — характерные черты этого симбиотического образования. Использование культурного капитала нации как экономического актива (коммерциализация, приватизация, коррупция), товаризация духовного производства стали реальностью в сложившейся системе властно-рыночных отношений. «Разнообразные поводы для недовольства и протеста возникают там, где односторонняя рационализация, ориентированная на критерии экономической и административной рациональности, проникает в те жизненные сферы, которые центрированы на задачах передачи культурной традиции, социальной интеграции и воспитания, а потому опираются на другие критерии рациональности, а именно, на критерии коммуникативной рациональности», — утверждает крупнейший мыслитель современности Ю. Хабермас [5, 16]. В соответствии с концепцией автора «Теории коммуникативного действия» (1981), получившей мировое признание и, что особенно важно, оказавшейся релевантной современному состоянию и неоднозначным тенденциям развития российского социума, генезис многих социальных патологий современных обществ связан с вторжением или интервенцией экономической системы (денег) и административной системы (власти бюрократии) в «жизненный мир», в рамках которого интеракции опосредуются коммуникативной рациональностью, ориентированной на взаимопонимание и обеспечивающей триединый процесс передачи культурной традиции, социальной интеграции (посредством нормативно установленного институционального порядка) и социализации подрастающего поколения [31].

В вышеизложенном контексте актуальной (и перспективной) общественно-государственной задачей становятся реанимация и последующая регенерация культурно-исторической памяти, разумеется, обогащенной знаниями и ценностями текущего века. Это и будет реальным шагом на пути формирования новой нации в России, сопричастности к судьбе Родины. Национальное самосознание (оно же культура) формируется не столько «университетами мирового уровня», сколько творческим воспроизводством культурной памяти и ее трансляцией из поколения в поколение посредством обычных семей и школ, не твиттер-коммуникациями, а вдумчивым постижением русской истории и гуманитарной культуры, воссозданием «символических границ, регулирующих передвижения образцов культуры» (А. Олейник). Однобокая ставка на импорт институтов и культурных образцов, космополитизм «граждан мира», денационализация элиты, выпадение действующей власти из национальных и вообще любых культурных координат не способствуют решению обозначенной задачи. Несравненно более плодотворен творческий и исторически изменчивый синтез разнород-

ных начал организации общественной жизни, противоречивое сочетание традиции и иных национально окрашенных ценностей (не исключая либеральных — в классическом их понимании).

Актуальной задачей является формирование этоса новой нации в России, обращенного не в прошлое, а в будущее, способного обеспечить творческий синтез культурно-исторической традиции и инноваторского потенциала новейших субкультур, эмоционально вовлечь в свое поле молодежь, укоренив в их сознании элементы нерыночных, социетальных мотиваций и установок, характерных для *homo institutus* [32, 65—71], связать в единую общность — на более глубинном уровне, нежели рынок и даже государство — сообщество атомизированных индивидов. Сетевой социум привнесет в обозначенный процесс свою детерминацию: «Человек от понимания общества как системы коллективной защиты своей личности должен перейти к осознанию себя как части большого организма, целью которого является единое существование в форме коллективного мышления» [33, 285]. Древний принцип «единое во многом» получит новое (еще до конца не осмысленное) воплощение в качественной трансформации социума, культуры и нации [34]. То, что ученые называют цивилизационной матрицей России, — это поверхностное изображение голограммы ее культуры, способной восстанавливать свою целостность по сохранившимся частям, регенерируя и одновременно творчески видоизменяя базовые смыслы и значения. Символическая матрица культурной практики — неформализуемая реальность, связывающая воедино субъективное и объективное, сознательное и бессознательное, свободу и нормативность действия [27, 212].

Заключение

Междисциплинарный подход и инструментарий институциональной экономической теории позволяют распознать сложные комплексы противоречий и проблем социально-экономического развития, провести их системную диагностику, спроектировать приемлемые (релевантные условиям места и времени, уникальным качествам страновых ситуаций) способы институциональных изменений.

Природа власти, поведенческие характеристики господствующей экономической и правящей политической элиты в России объясняют многие причины возникновения структурных проблем и патологий социально-экономической системы. Произошел процесс спонтанного обуржуазивания госэлиты, в структуре которой отсутствует стратегически ориентированная, консолидированная и влиятельная «коалиция развития». Структурные перекосы характеризуют сложившуюся систему властно-рыночных отношений, для которой характерна подчи-

ненность бизнес-сообщества административно-коррупционной вертикали. Доминирует рентоориентированное поведение экономической и политико-административной элитных групп, которые фактически сращены друг с другом, органически не приемлют добросовестную конкуренцию (в которой предсказуемо потерпят фиаско), но вполне успешно создают разного рода экономические, административные и политические монополии, перераспределяя доходы и богатство в свою пользу. Негативные эффекты порождает и вторжение ложно понятых критериев экономической и бюрократической рациональности в сферы, обеспечивающие передачу культурной традиции в места ее активного потребления, социальную интеграцию расползающихся общностей и социализацию (включенность в общественную жизнь) пассивных индивидов. Без активно работающих передаточных механизмов культурных кодов в этих сферах невозможно восстановить культуру стратегического планирования.

Важно констатировать, что не существует иного приемлемого пути, кроме формирования полноценных демократических институтов (пусть и с неизбежной российской спецификой), конкурентных политической и экономической систем, изменения превалирующей модели власти. Без фундаментальной трансформации социального порядка, который сложился в России, невозможны ни устойчивое развитие, ни поддержание долгосрочной социальной стабильности. Переход в режим социального порядка открытого доступа (должен сочетать в себе противоположности конкурентной экономической системы и государства нового типа, создавать в долгосрочном плане внутри страны широкий спектр достоверных обязательств) будет, если он, конечно, состоится, обеспечивать рамки и стимулы для устойчивого развития в интересах большинства. Также необходимо формирование качественно иного — воодушевляющего и мобилизующего — политико-идеологического и морального климата в стране, происходящее на путях становления навыков общения, объединяющего национального этоса, а не политического подавления и манипулирования.

Литература

1. *Соколов Б.И., Соколова С.В.* Борис Владимирович Никольский // Реформы и право. 2009. № 1.
2. *Коммонс Дж.Р.* Институциональная экономика // Terra Economicus. 2012. Т. 10. № 3.
3. *Bowles S.* Microeconomics. Behavior, Institutions, and Evolution. N. Y.: Sage; Princeton, Oxford: Princeton University Press, 2004.

4. *Расков Д.* Станет ли микроэкономика институциональной? // Вопросы экономики. 2011. № 8.
5. *Хабермас Ю.* Политические работы. М., 2005.
6. *Привалов А.* О печальных итогах амнистии // Эксперт. 2013. № 28.
7. *Олейник А.* Власть и рынок: система социально-экономического господства в России «нулевых» годов. М., 2011.
8. *Акинин А., Шевелев А.* К вопросу о природе государства и правящего класса в современной России: ответ «Эксперту» // Философия хозяйства. 2012. № 6.
9. *Соколов Б.И.* Экономика: Учеб. пособие. М., 2006.
10. *Соколов Б.И., Соколова С.В.* Экономика: Учебник для гуманитариев. СПб., 2002.
11. *Гудкова В.* Бедная Россия // Аргументы и факты. 2013. № 27.
12. http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistic/s/publications/catalog/doc_1140086922125.
13. *Панарин А.* Искушение глобализмом. М., 2003.
14. Аргументы и факты. 2013. № 27.
15. *Иноземцев В.* Потерянное десятилетие. М., 2013.
16. Ведомости. 2013. 27 авг.
17. Перемены кажущиеся и реальные // Эксперт. 2013. № 28.
18. *Расков Д.* Институциональные исследования как будущее социальных наук // Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М., 2011.
19. <http://www.vedomosti.ru/library/library-persons/news/13809321/bolshinstvo-sejchas-dumaet-komu-by-svoj-biznes-prodat>.
20. *Асемоглу Д.* Кризис 2008 года: структурные уроки для экономики // Terra Economicus. 2009. Т. 7. № 2.
21. *Акинин А., Шевелев А.* Фундаментальная трансформация экономической теории и перспективы модернизации в России // Вест. С.-Петербург. ун-та. Сер. 5. Экономика. 2010. Вып. 4.
22. *Акинин А., Шевелев А.* Самодостаточность развития национальной экономики в контексте процессов глобализации // Неумная Россия / Под ред. Ю.М. Осипова, М.М. Гузева, Е.С. Зотовой. В 2 т. Т. 1. М.; Волгоград, 2003.
23. *Глазьев С.Ю.* Стратегия опережающего развития России в условиях глобального кризиса. М., 2010.
24. <http://expert.ru/expert/2013/24/po-brazilskoj-sisteme/>.
25. <http://expert.ru/expert/2013/26/diskussii-kak-otvlekayuschij-manevr/>.

26. Институциональный анализ и экономика России / Под ред. В.Т. Рязанова. М., 2013.
27. *Малявин В.* Китай управляемый. Старый добрый менеджмент. М., 2007.
28. *Путин В.В.* Россия и меняющийся мир // Московские новости. 2012. 27 фев. // <http://www.mn.ru/politics/20120227/312306749.html>.
29. *Гришанков Д.* Вождь лилипутов // Эксперт. 2013. № 25.
30. <http://kremlin.ru/news/19243>.
31. *Фурс В.* Философия незавершенного модерна Юргена Хабермаса. Мн., 2000.
32. *Клейнер Г.Б.* Эволюция институциональных систем. М, 2004.
33. Рождение коллективного разума: О новых законах сетевого социума и сетевой экономики и об их влиянии на поведение человека. Великая трансформация третьего тысячелетия / Под ред. Б.Б. Славина. М., 2013.
34. *Соколов Б.И.* Формы богатства в обществе // Вест. С.-Петербур. ун-та. Сер. 5. Экономика. 1994. № 1.

А.А. ЗАЛЕТНЫЙ

**От «человека финансового» к «человеку творческому»:
многообразии измерений и подходов**

Аннотация. Предмет настоящей статьи — формулирование пути преодоления имеющей место финансовализации российской экономики, восстановления индустриального и творческого ее секторов; оценка существующих на сей счет предложений. Особо подчеркивается, что необходимость преодоления финансовализации не означает необходимости полного отказа от организационного инструментария финансовой сферы, наработанного за последние два десятка лет.

Ключевые слова: финансовализация, дефинансализация, регулятор, центральный банк государства, индустрия, творчество (созидание), «человек финансовый», «человек творческий».

Abstract. The subject of the present article is to formulate a path of overcoming of existing financialization of Russian economy, of restoring of its industrial and 'creative' sectors; to examine existing proposals on it. It is specially put into spotlight that the necessity of overcoming of financialization does not mean the necessity of entire abandoning of financial area's organizational instruments which have been created within two last decades.

Keywords: financialization, definancialization, a regulator, a central bank of the state, industry, creation, «homo finansus», «homo creator».

Характеризуя положение в мировой и российской экономике последних десятилетий, термин «финансиализация» — или подобные ему по смыслу термины — не употребляет разве что ленивый. Не имея возможности в рамках настоящей статьи рассматривать весь корпус дефиниций понятия «финансиализация», существующий в современной исследовательской литературе, дадим обобщенную, но претендующую на репрезентативность нижеследующую дефиницию.

Финансиализация есть такой комплекс процессов в экономике, при котором финансовый сектор разрастается избыточно, а в ряде случаев и неконтролируемо со стороны государственных органов-регуляторов³⁷ сверх потребностей по обслуживанию реального, в том числе производственного, сектора.

Соответственно *дефинансиализация*, необходимость которой «назрела и перезрела», есть *не просто* процесс, обратный финансиализации; *не просто* процесс *преодоления* финансиализации. Если мы ограничимся таким узким пониманием, то под понятие «дефинансиализации» формально подпадет и демонетизация экономики России, искусственно проводившаяся по требованиям Международного валютного фонда в начале 1990-х гг., приведшая к массовому использованию бартера и денежных суррогатов, а в экономико-социальном плане — к невыплатам заработных плат, пенсий и вытекающим отсюда социальным взрывам и коллапсам. *Дефинансиализацию* в современном экономическом контексте следовало бы определить как *иссечение избыточных функций финансового сектора в экономике*. При этом избыточными, исходя из сказанного выше, следует признать те функции финансового сектора, которые *лежат сверх потребностей по обслуживанию реального, в том числе производственного, сектора, т. е. превышают эти потребности*³⁸.

³⁷ В современной России к числу регуляторов относится в первую очередь «мегарегулятор» финансового сектора, которым с осени 2013 г. стал Центральный банк Российской Федерации.

³⁸ Обращает на себя внимание, что в современном российском финансовом дискурсе вопрос о независимости Центрального банка в определении денежно-кредитной политики рассматривается почти исключительно в контексте по сути административной независимости от иных органов государственной власти, в частности — от парламента (Государственной Думы), но практически никогда — в контексте необходимости конструктивного взаимодействия с парламентом и правительством в ракурсе обеспечения направленности соответствующей политики Центрального банка на создание коммерческим банкам

Избыточные в вышеуказанных смыслах функции финансового сектора — как в контексте финансиализации, так и в контексте дефинансиализации — можно назвать также *спекулятивными* функциями. И здесь мы также будем вполне традиционны.

Термин «иссечение» в контексте дефинансиализации может подразумевать комплекс мероприятий самого широкого плана. Объединим их в несколько сегментов — которые, безусловно, будут друг с другом содержательно пересекаться, но каждый из которых будет иметь своеобразную *смысловую доминанту*. Именно смысловая доминанта соответствующего сегмента и будет критерием того, как мы его назовем.

1. *Экономический* сегмент — сегмент, направленный на обеспечение, используя более широкоплановый термин С.С. Губанова [2, 24], «нулевой рентабельности» финансового сектора. В нем следовало бы предусмотреть, в частности, налогообложение (доселе отсутствующее) банковских операций, имеющих признаки спекулятивности (с четкой и подробной юридико-институциональной спецификацией таких признаков).

2. *Административный* сегмент — сегмент, направленный на перманентный контроль за деятельностью банков и иных финансовых учреждений³⁹ с целью обеспечения их подлинно инвестиционной деятельности по снабжению финансовыми ресурсами предприятий промышленности, а в ряде случаев — и «креатосферы» (о ней — ниже) — и, соответственно, пресечению деятельности спекулятивной.

3. *Гуманитарный (человеческий)* сегмент. Очертить его границы с двумя вышеупомянутыми сегментами было бы особенно трудной задачей, ибо — никто с этим спорить не будет — человек находится в центре экономической деятельности, к какому бы из рассматриваемых нами сегментов эта деятельность ни принадлежала. Наиболее удачным способом отграничения этого сегмента от остальных сегментов был бы

льготных (даже, не побоимся этого слова, привилегированных) условий для кредитования реального сектора экономики и иных форм инвестирования в него. Без каких-либо коннотаций подметим, что типичным примером выражения такого дискурса нам представляется статья К. Сониной [1, 8]. Далее мы обратимся к историческому опыту советско-албанских отношений, когда чаяния Албании иметь собственную, в частности, тяжелую промышленность вопреки позиции СССР на этот счет влекли существенное сокращение сумм межгосударственных кредитов СССР Албании на развитие ее промышленности.

³⁹ Вплоть до использования средств круглосуточного видеонаблюдения, результаты которого передавались бы мегарегулятору (Банку России) в режиме реального времени и обязательно архивировались на относительно длительный (не менее чем пятнадцатилетний) период времени.

следующий: охарактеризовать данный сегмент как *иссечение спекулятивных функций финансового сектора экономики через выращивание новых человеческих качеств* членов социума⁴⁰ *взамен существующих*. И трансформацию (или элиминацию) социального типа *homo finansus* («хомо финансус», «человек финансовый») до такой степени, что на смену ему придет социальный тип *homo creator* («хомо креатор», «человек творческий», «человек созидающий» и т. д.).

Остановимся на этом «гуманитарном» («человеческом») сегменте более подробно.

Как мы видим, преодоление финансиализации включает в себя коррекцию устоявшихся деформаций поведения «*homo economicus*», «человека экономического». В особенности — деформаций, существующих в доминирующей в экономике и социуме РФ в целом на протяжении уже, как минимум, двух десятков лет в финансовой сфере.

Такие деформации обусловлены возможностью получения сверхдоходов в финансово-банковской сфере исключительно путем спекуляций с соответствующими финансовыми инструментами — без реального оперирования производственными кластерами и даже единичными предприятиями. Эти деформации имеются как на уровне отдельного человека, так и на уровнях: трудового коллектива, отрасли народного хозяйства, общества в целом. Не ставя задачи более или менее подробно описывать те или иные из названных деформаций (несколько детальнее о них см.: [3]), их претендующим на репрезентативность обобщением могло бы быть следующее: *стремление* к получению *скорейшего* наиболее *высокого* личного (либо корпоративного, а в ряде случаев — и компрадорско-государственного) дохода любой ценой. Притом речь идет о получении такого дохода *именно в финансовой сфере* как обеспечивающей вышеуказанную возможность получения сверхдоходов.

При том что существует множество вариантов определения понятия «*homo finansus*» — «человека финансового», примем только что приведенное обобщение, на наш взгляд⁴¹, претендующее на достаточную репрезентативность, за «рабочее» определение этого понятия.

⁴⁰ Так как финансовый сектор экономики (что не новость, но особенно очевидно именно в наши дни) не только затрагивает, но и изменяет жизнь по сути каждого члена общества. Порой определяя (в особенности — в отношении молодого поколения) его мировоззрение. Так и формируется «хомо финансус», речь о котором идет, в частности, и в настоящей статье тоже.

⁴¹ Учитывая более чем десятилетний опыт работы автора этих строк в банках и иных финансовых организациях на различных позициях (уровнях) — от первичных до высших.

Не забудем и о такой атрибутивной черте «*homo finansus*» — «человека финансового», как то, что Ю.М. Осипов — в значительно более широком контексте — охарактеризовал как «непотребное потребление» [4, 20]. Конечно, на разных уровнях социально-экономической иерархии даже внутри самого финансового сектора такое «потребительство» приобретает различные внешние формы — например, в случае «высококвалифицированного специалиста» это может быть приобретение квартиры площадью, например, двести-триста квадратных метров на одного человека в «спальном» районе столицы, в случае же руководителя это уже особняк или «таунхаус» в элитном поселке в пятидесятикилометровом радиусе от столицы (а то и в ее черте, учитывая расширение Москвы 2012 г.) и автомобиль-внедорожник, бессмысленный в городских условиях.

Важно не абстрагироваться от того, что в последних случаях речь идет не только, а порой и не столько, об удовлетворении «базовых» потребностей человека, а о обеспечении соответствия последнего имеющемуся у него «социальному статусу». *И своими действиями по приобретению предметов потребления в вышеуказанных случаях человек — «хomo finansus» — не только поддерживает, но и формирует подобный статус.* Пусть это и лежит в какой-то мере за пределами основного предмета нашей статьи, но на почве общности подобного статуса формируются внутрикорпоративные «лобби», занимающиеся не созидательным, а оппортунистическим поведением. Воистину такое потребление *непотребно* [4, 20], а к характеристике подобных «лобби», уже в сравнительно-историческом контексте, мы еще вернемся в настоящей статье.

Итак, необходима конструктивная трансформация «*homo finansus*» — «человека финансового» — в «человека производящего» и — в конечном счете — в «человека творческого»⁴².

И возможна она не иначе как путем институционализации новых приоритетов, а именно — в частности, приоритета производственного и творческого сектора экономики *над посредническим сектором вообще (в том числе, но не исключительно, финансово-банковским)*, устранения или существенного затруднения возможности получения обозначенных выше сверхдоходов в финансовом секторе.

⁴² Характеризуя модель «человека творческого» — «*homo creator*», «*homo creativus*» и т. п., М.Ю. Павлов пишет, что в его («*homo creator*» и т. д.) целевой функции «к традиционным целям — благосостоянию, полезности, удовлетворению потребностей — добавляются специфические черты творческой, познающей и действующей личности: самореализация, стремление к совершенству, радость творчества, достижение большего контроля над внешними обстоятельствами» [5, 68].

По существенным вопросам институционализации таких приоритетов в российской исследовательской литературе существует (и это хорошо) дискуссия. Одни авторы (например, С.С. Губанов) ставят во главу угла необходимость «новой индустриализации» — «реиндустриализации» [2]. Другие авторы (например, А.В. Бузгалин, А.И. Колганов), не отрицая насущной необходимости восстановления и дальнейшего развития промышленности как неотъемлемого условия дальнейшего экономического развития, уделяют особое внимание созданию и — при необходимости — воссозданию «креатосферы», человеческого потенциала экономического развития. На наш взгляд, заслуживает внимания недавняя работа А.В. Бузгалина и А.И. Колганова [6], содержащая диалектический синтез положений о необходимости индустриализации и о потребности в росте «креатосферы».

Обратимся — по принятой пока классификации — к новейшей, пусть и не самой недавней, истории. Во второй половине 1950-х — начале 1960-х гг., по воспоминаниям Энвера Ходжи, руководство СССР во главе с Н.С. Хрущевым предлагало ему культивировать в Албании только те сельскохозяйственные культуры, для которых климатические условия там наиболее благоприятны: в частности, цитрусовые [7, 65, 86, 106, 107, 399, 435], при этом даже не выращивать хлеб и положиться на поставки его из СССР [7, 86, 435]; о развитии промышленности, особенно тяжелой, при этом Албании предлагалось практически забыть [7, 85, 88]; особо отмечалась нецелесообразность, по мнению тогдашнего руководства СССР, развития в Албании нефтяной промышленности (в том числе добычи нефти) по причине, по мнению тех же руководителей СССР, плохого качества албанской нефти и высокой стоимости ее переработки [7, 84]. Не забывая, что Албания того периода крайне нуждалась в финансовых ресурсах для всех отраслей народного хозяйства и практически единственным (за редкими исключениями) реальным источником финансовых ресурсов для нее был СССР, вспомним, что несогласие Албании с позицией СССР о нежелательности, по мнению последнего, создания ею собственной индустрии влекло затруднения в получении Албанией соответствующих кредитов — *заметим, кредитов на развитие реального сектора экономики* [7, 70]. Притом в качестве предлога (фактически — *casus belli*) для создания затруднений с получением кредита нередко использовалось софистически преподносившееся руководством СССР хрущевского периода якобы нецелевое использование кредитов, ранее предоставленных Албании [7, 92]! Возвращаясь в наши дни, когда видишь, как представители (или представительницы) вышеописанных внутрикорпоративных (часто — финансово-банковских: ведь финансовую специализацию еще только предстоит преодолеть!) «лобби» с легкостью

получают кредиты на приобретение предметов статусного потребления, а затем полностью возвращают эти кредиты — и возвращают темпами, в разы превосходящими рассчитанные даже по официальным высоким зарплатам свои финансовые возможности, перед глазами предстает образ Энвера Ходжи на трибуне знаменитого — к сожалению, в наши дни порой незаслуженно забываемого — Московского совещания представителей 81 коммунистической и рабочей партии в ноябре 1960 г., где он говорил об обращенных к нему словах сателлитов тогдашних руководителей СССР о нецелесообразности рассмотрения вопросов о, как мы сейчас бы сказали, *инвестиционном* кредитовании Албании вообще, а вместо этого — о желательности народнохозяйственного планирования Албании силами не самой Албании, а силами других государств, пусть и входивших в «Восточный блок».

*Анти-инвестиционная политика СССР в отношении Албании на рубеже 1950-х — 1960-х гг.; псевдо-инвестиционная политика современных коммерческих банков в отношении ипотечного и автокредитования заемщиков—членов «лобби» (которую мы рассмотрели в продиктованных задачах настоящей статьи пределах); квази-инвестиционная политика ряда современных центральных банков в вопросах кредитования коммерческих банков без осуществления надлежащего контроля за инвестированием коммерческими банками, в свою очередь, полученных от центральных банков средств в реальный сектор экономики, а не в финансовые спекуляции (некоторые предложения о пресечении так называемого «инвестирования» в спекуляции мы также сформулировали в настоящей статье) — по существу звенья одной цепи. Подобно тому, как пресловутая одномоментная «либерализация цен» в России 2 января 1992 г. стала, по меткому выражению К.А. Хубиева, «отменой торговли в государственных магазинах по государственно приемлемым ценам и распространением механизма торговли колхозных рынков на всю страну» [8, 17] — не более того, без изобретения каких-либо новых экономических артефактов, — подобно этому все три (названных в этом абзаце и охарактеризованных выше в статье) формы *лжеинвестирования* (*анти-*, *псевдо-* и *квази-*) представляют собой не просто *удушение производственного* — и вообще реального — *сектора экономики*, но и *трансграничный экспорт (и соответственно импорт)* этого удушения. Масштабы различны (соответственно — межгосударственный / региональный, корпоративный, национальный / страновой), суть едина. *Итак, трансграничное удушение реального сектора экономики в интересах сектора финансового.* Чем не еще одно определение *финансиализации*? Думаем, ответить на этот вопрос можно и нужно положительно. *Но лучшим от-**

ветом-действием, возвращаясь к высказанным в начале статьи посылам, будет *дефинансиализация*.

В заключение выскажем кажущуюся в настоящем дискурсе парадоксальной, но насущную мысль. Необходимость преодоления финансиализации *не означает* необходимости *отказа* от всего многогранного организационно-технического инструментария финансовой сферы, наработанного за последние десятки лет. Она означает лишь необходимость помещения этого инструментария на подобающее ему *посредническое* место в экономике и социуме в целом.

Литература

1. *Sonin K.* Central Bank's War for Independence // The Moscow Times. 2014. Febr. 20.
2. *Губанов С.С.* Неоиндустриализация плюс вертикальная интеграция (о формуле развития России) // Экономист. 2008. № 9.
3. *Залетный А.А.* Специфика внутреннего и внешнего взаимодействия российских бизнес-структур // Проблемы современной экономики. 2013. № 3.
4. *Осипов Ю.М.* Евразийская (постсоветская) международная интеграция как насущная актуальность // Философия хозяйства. 2014. № 1.
5. *Павлов М.Ю.* Человек и его креативный потенциал: формирование и условия реализации // Экономика знаний и инноваций: перспективы России / Под ред. А.В. Бузгалина. М., 2007.
6. *Колганов А.И., Бузгалин А.В.* Реиндустриализация как ностальгия? Теоретический дискурс // СОЦИС (Социологические исследования). 2014. № 1 (357).
7. *Ходжа Э.* Хрущевцы. Тирана, 1980.
8. *Хубиев К.А.* Большой трансформационный цикл: «реформы» или развал? // Политэкономика провала: Природа и последствия рыночных «реформ» в России / Под ред. А.И. Колганова. М., 2013.

Г.В. АСТРАТОВА, И.В. АГАФОНОВА, Е.В. БАЖЕНОВА

Маркетинговые аспекты изменения управленческой парадигмы в сфере ЖКХ

Аннотация. Жилищно-коммунальное хозяйство представляет собой наиболее сложную и разветвленную отрасль городского хозяйства, определяющую качество жизни, культуру быта и образ жизни жителей

мегаполиса XXI в. Несмотря на то, что реформирование сферы ЖКХ в России происходит в логике мировой практики, в настоящий момент оно испытывает ряд трудностей, преодоление которых возможно только с концептуальным изменением философии хозяйствования, в частности, с переходом в плоскость маркетингового мышления. Статья посвящена вопросам оптимизации путей совершенствования деятельности хозяйствующих субъектов рынка услуг ЖКХ.

Ключевые слова: жилищно-коммунальные услуги, управляющие компании, конкурентные преимущества, маркетинговые исследования поведения консумента, маркетинг взаимодействия.

Abstract. Housing and communal services represents the most complex and ramified branch of the city economy, defining the quality of life, household culture and way of life of inhabitants of a megacity XXI century. Despite the fact that the reform of this sector in Russia is in the logic of world practice, it currently faces a number of difficulties to overcome possible only with the conceptual change in the philosophy of management, in particular with the transition into the plane of marketing thinking. The article is devoted to the issues of optimization of ways of improving activity of economic entities of the market of housing and communal services.

Keywords: housing and communal services, management companies, competitive advantages, market research of consumer behavior, marketing of interaction.

Одной из крупнейших отраслей российской экономики в целом и самым крупным сектором в непроизводственной сфере является жилищно-коммунальное хозяйство. Основной целью его функционирования является удовлетворение потребностей населения и предприятий в услугах, ежедневно и ежечасно обеспечивающих нормальные условия жизнедеятельности и, в конечном счете, национальную безопасность страны. Как структурный элемент экономики, ЖКХ формирует к настоящему времени 7,2% ВВП, а оборот отрасли ЖКХ составляет более 3 трлн р. в год [1].

Жилищно-коммунальное хозяйство представляет собой наиболее сложную и разветвленную отрасль городского хозяйства, важнейшую часть территориальной инфраструктуры, определяющую качество жизни, культуру быта и образ жизни человека, а также социально-экономический потенциал и инвестиционную привлекательность территорий.

В связи с изменением экономических ориентиров и роли государства в условиях перехода к рыночной модели еще в начале 1990-х гг. была очевидной необходимость реформирования ЖКХ. Однако ситуация в реальном секторе экономики только усугубила кризисное состо-

яние ЖКХ, более того, превратила его в источник социально-экономической напряженности.

Жилищные условия и нормативы качества коммунальных услуг в России на сегодняшний день не соответствуют уровню европейских стандартов. «Средняя обеспеченность жилой площадью населения у нас в 3—3,5 раза ниже, чем в Европе. Более полутора миллионов человек проживают в ветхих или аварийных домах. Количество ветхого жилищного фонда за последние 10 лет возросло почти в два раза. Ветхий и аварийный жилищный фонд составляет около 50 млн кв. м общей площади, или 2%, в нем проживают 2,3 млн человек. При ежегодной нормативной потребности в капитальном ремонте жилищного фонда — 4—5% фактически ремонтируется 0,3%» [2, 549].

Чтобы определить логику институциональной реструктуризации и смены управленческой парадигмы в ЖКХ, необходимо было выделить основные факторы торможения реформы. Помимо субъективных причин (например, отсутствие заинтересованности и низкая компетентность персонала на местах, отсутствие механизмов и опыта перехода к новым формам хозяйствования), отметим основные причины объективного характера.

Во-первых, низкие доходы подавляющей массы населения и, как следствие, невозможность перейти к 100%-ной оплате стоимости услуг ЖКХ гражданами. Во-вторых, отсутствие конкуренции и договорных отношений между всеми субъектами ЖКХ, традиционно к ним относят производителя и потребителя жилищно-коммунальных услуг, а также управляющие компании. В-третьих, абсолютная зависимость ЖКХ от политики ресурсных монополистов (РАО ЕЭС России, Газпром и пр.). Наконец, суровый климат и удаленность многих регионов от источников сырья ввиду географической протяженности России. В последнее десятилетие все вышеуказанные факторы сделали реформирование ЖКХ и изменение нормативно-правовой базы экономических отношений в коммунальной сфере не просто остроактуальными, а жизненно насущными.

Дальнейшее развитие ЖКХ должно основываться на использовании экономических рычагов и стимулов при максимально полном учете интересов потребителей, особенностей данной сферы деятельности. Эти подходы должны обеспечивать модернизацию данной сферы деятельности, повышать надежность и качество предоставляемых услуг. Необходимо, чтобы механизм управления жилищной сферой носил не административно-ведомственный, а индикативный (направляющий) характер [3].

К сожалению, новые формы и виды экономической деятельности, реализуемые в рамках новой концепции ЖКХ, до сих пор не получили

единой оценки и не нашли должного отражения в теории и практике отраслевого хозяйствования. В частности, на текущий момент среди экономистов, юристов, социологов, культурологов и маркетологов даже нет единства мнений относительно категориального аппарата сферы ЖКХ. Резюмируя проведенные нами маркетинговые исследования, предлагаем следующую трактовку понятия ЖКУ: жилищно-коммунальные услуги — это вид экономически полезной деятельности по производству, восстановлению и поддержанию надлежащего технического, санитарно-гигиенического и «интеллектуального» состояния объектов жилищно-коммунального назначения, создающей ценность и обеспечивающей преимущества для потребителей в месте их проживания в текущий момент, в результате направленных на получателя услуги или его имущество совокупности следующего перечня осязаемых и неосязаемых действий:

- создание и ремонт зданий, сооружений, оборудования, коммуникаций;
- производство и подача потребителям электрической и тепловой энергии, газа;
- очистка сточных вод, подготовка и подача потребителям питьевой воды;
- вывоз мусора, бытовых и пищевых отходов;
- уборка придомовой территории и т. п.

Таким образом, главными отличительными характеристиками жилищно-коммунальных услуг являются их высокая социальная значимость, принадлежность к группе жизнеобеспечения человека и невозможность заменить какими-либо аналогами.

Общеизвестно, что в настоящее время доля сферы услуг в совокупном доходе региона или государства в целом является показателем степени развитости рыночной экономики. Согласно статистике по г. Екатеринбургу, в сфере ЖКХ трудится не менее 5% всех работающих жителей города и около 15% всех занятых в непродуцированной сфере, и эта доля ежегодно возрастает.

Поскольку продвижение услуг кардинально отличается от товарного маркетинга, с необходимостью возникает принципиально новая философия бизнеса, новая система подхода к продажам, получившая название *маркетинг взаимодействия*. Взаимовыгодные и долговременные отношения между всеми участниками маркетинговой цепи становятся более значимым ресурсом, чем материальные или финансовые ресурсы. Потребитель услуг как ключевая фигура концепции, в конечном счете, получает качественное обслуживание и индивидуальный подход.

Заметим, что, несмотря на принципиальную смену моделей потребления в российском обществе, недостаточно изученным остается поведение потребителей жилищно-коммунальных услуг. На текущий момент индивидуальный потребитель имеет возможности выбора места и условий проживания — от аренды комнаты/квартиры в многоквартирном доме до индивидуального жилищного строительства за городом и получения в собственность отдельного дома.

Сегодня, когда начинается важный этап реформы ЖКХ — монополизация сферы управления жилищным фондом, на рынок выходят частные управляющие компании, которые начинают конкурировать между собой. Этот опыт пока не стал массовым, но активно развивается. Соответственно от управляющих компаний, работающих на рынке услуг ЖКХ, требуется активное участие в поиске конкурентных преимуществ и методов управления лояльностью потребителей, что невозможно без проведения маркетинговых исследований и внедрения их результатов в практику. Особенно это актуально для крупных городов и мегаполисов. Как следствие, возрастает значение комплексного использования методов экономического и диалектического анализа, а также прикладных инструментов социологии, психологии и потребительского маркетинга, позволяющих понять глубинные мотивы поведения потребителя и системы ценностей, определяющих его выбор.

Анализ доступной нам литературы по исследованию потребностей, поведения и интересов консумента жилищно-коммунальных услуг показывает, что в настоящее время идет процесс накопления и систематизации эмпирических данных. Вне зависимости от характера дискуссии по поводу направлений оптимального развития отрасли, укажем приоритетные задачи жилищно-коммунального сектора, учитывая опыт зарубежных стран:

- развитие современных форм местного самоуправления;
- обеспечение стабильности деятельности хозяйствующих субъектов ЖКХ;
- гарантирование стабильно высокого качества услуг, оказываемых предприятиями ЖКХ;
- сохранение контролирующей роли государства в данной отрасли.

Нами проведено исследование поведения потребителя услуг ЖКХ мегаполиса (на примере г. Екатеринбурга), в результате которого выявлен и описан психологический портрет потребителя услуг ЖКХ, состоящий из шести иррациональных факторов, т. е. независимых ценностей (система ценностей Шета—Ньюмана—Гросса—

Астратовой), вносящих дифференцированный вклад в рыночный выбор потребителя.

Предложенная нами методика исследования поведения потребителя на рынке услуг ЖКХ, реализуемых управляющими компаниями ЖКХ мегаполиса, может быть применена для исследования, сегментирования и анализа деятельности хозяйствующих субъектов рынка услуг ЖКХ и в других муниципальных образованиях, регионах и в целом по России.

Нами предложены следующие направления совершенствования работы управляющей компании с целевой аудиторией потребителей услуг ЖКХ мегаполиса. На наш взгляд, необходимо *в части общего управления*:

- уточнить стратегию развития и миссию управляющих компаний;
- провести SWOT-анализ сильных и слабых сторон, возможностей и перспектив развития как рынка ЖКХ в целом, так и деятельности управляющих компаний;

В части маркетинга следует провести дополнительные маркетинговые исследования по следующим направлениям:

- ценности покупателя и тарифная политика управляющих компаний;
- разработка комплекса продвижения и оценка его эффективности для целевой группы покупателей;
- разработка стратегии диверсификации услуг на рынке ЖКХ.

В заключение заметим, что развитие сферы ЖКХ в России происходит в логике мировой практики. Значение данного сектора для жизнедеятельности мегаполиса сложно переоценить, поскольку эта отрасль представляет собой самый сложный комплекс объектов жизнеобеспечения, инженерной инфраструктуры, предприятий и организаций, представляющих услуги тепло-, электро-, газо- и водоснабжения, канализации, санитарной очистки и сервиса, органов управления жилищно-коммунальным хозяйством. Только переход ЖКХ в плоскость маркетингового мышления может обеспечить успешное развитие сектора по заданному вектору. Необходимость нового подхода к принятию управленческих решений обусловлена, прежде всего, лавинообразным ростом конкуренции между основными игроками на рынке товаров и услуг.

Как показывает практика, если организация не будет беспокоиться о более полном удовлетворении потребностей своей целевой аудитории, тем самым не прикладывая усилий по удержанию потребителей и не создавая повторный спрос, то не может быть и речи об эффективности ее функционирования.

Литература

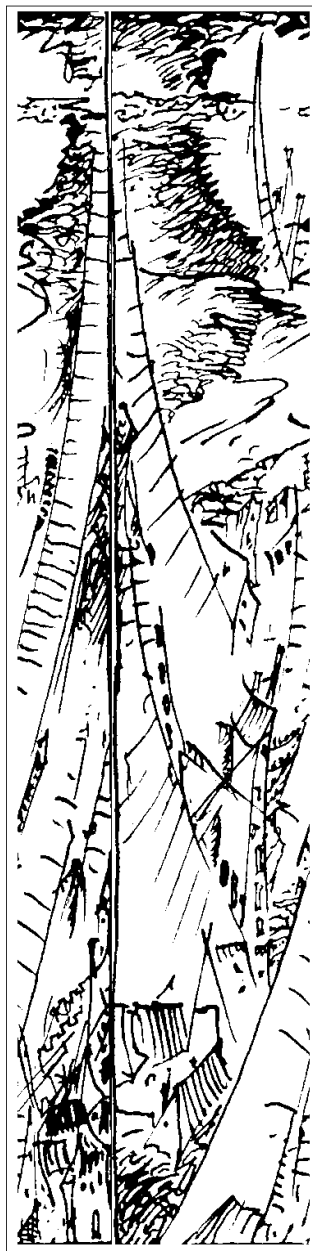
1. О мерах по повышению качества предоставления жилищно-коммунальных услуг // Доклад Рабочей группы Государственного Совета Российской Федерации. Москва, март 2013 г. // <http://gkhrazvitie.ru>.

2. Клочкова А.П., Пилявский В.П., Расковалов В.Л. Проблемы реформирования ЖКХ: инновационные решения // Проблемы развития инновационно-креативной экономики — 2009. Сб. научных статей по итогам Международной научной конференции. СПб., 19—20 мая 2009 г. / Под ред. Н.А. Горелова, О.Н. Мельникова. М., 2009.

3. Ряховская А.Н. Особенности ЖКХ и их влияние на процессы финансирования // Эффективное антикризисное управление // <http://www.e-c-m.ru/magazine>.

IV

АКТУАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

Ф.И. ГИРЕНОК

Самарин: русские и окраины России

Аннотация. В статье анализируются причины отсутствия воли к власти у русских. Волю к власти Самарин обнаруживает на окраинах России и в европейских странах. Одну из таких причин Самарин видит в неразвитости русского национального сознания.

Ключевые слова: русские, Самарин, национальное сознание, власть.

Abstract. In article the reasons of absence of will to the power at Russians are analyzed. To the power Samarин finds will on suburbs of Russia and in the European countries. One of such reasons Samarин sees in backwardness of the Russian national consciousness.

Keywords: Russians, Samarин, national consciousness, power.

Равным — равное, неравным — неравное. Эта мера, говорю я вслед за Платоном, ведет к справедливости. Если же неравным давать равное, то эта политика может породить чувство несправедливости у одних и чувство вседозволенности у других. Чувство несправедливости у русских стало формироваться еще в XIX в., об этом рассказывает Ю.Ф. Самарин в «Письмах из Риги».

Система неравномерного властвования

Россия — империя, т. е. в качестве империи она должна была быть системой равномерного властвования. Мера власти для русских и мера власти для немцев должны быть одной и той же и в Риге, и во Владивостоке. Но когда Самарин в составе ревизирующей комиссии приехал в Прибалтику, в остзейский край, он понял, что положение русских в Прибалтике не равно положению немцев. Русские, присоединив к России Прибалтику, стали иметь в ней один объем прав, а немцы — другой, больший. И эта неравномерность с тех пор непрерывно воспроизводится в России. В этой связи возникает фантазия, высказанная Достоевским в «Дневнике писателя»: ну что, если бы нас, русских, было бы 3 млн, а их, нерусских, 80 млн. Во что бы обратились тогда русские? Дали бы они нам сравняться с собой в правах?

Окраины притесняют русских

Деконструкция взглядов началась с ремонта комнаты, в которой жил Самарин. Оказалось, что отремонтировать ее можно, но русским эту работу поручать было нельзя. Они не были приписаны к цеху. Са-

марин обратился к знакомому купцу за разъяснениями. И тот ему объяснил. Дурак, мол, ты. Какая империя? Здесь же русские живут как люди второго сорта. Здесь правят бал немцы. Они граждане города. А русские — обыватели. Гражданином города может стать, во-первых, законнорожденный, во-вторых, немец, в-третьих, лютеранин, в-четвертых, сдавший немцу экзамен по торговле или ремеслу. Немцы завладели магистратом, т. е. всеми должностями городского управления. Они начальники. Русские подчиненные. Магистрат — как Академия наук. Братство немцев предлагает ему кандидатов, а он выбирает в свой состав. Захочет — выберет, не захочет — не выберет. Русских не хотели.

Граждане, в свою очередь, могли быть членами большой гильдии и малой гильдии. Купеческой и ремесленной. Русские в Прибалтике жили почти полтора столетия. И немногим удалось стать членами большой гильдии, которая, в свою очередь, делилась на три группы: простых членов, братьев и старшин. Так вот русское купечество могло состоять в простых членах. Но его никогда не принимали в братство. «Небольшое число граждан, — говорит Самарин, — немцев по национальности, составило братство, которое, ссылаясь на старинные привилегии, завладело всеми должностями городского управления, несмотря на то, что оно составляет только пятидесятую или даже сотую часть всего числа русских обывателей» [1, 621]. Все русское купечество составляло только один голос, равняющийся голосу одного гражданина, состоящего в братстве. «Мещане же и ремесленники греко-российского исповедания, — по замечанию Самарина, — не причисляются даже к малой гильдии и не принимаются в цехи» [1, 621].

Русские платили подати, исправляли городские повинности, а доходами города распоряжались немцы, магистрат. Вот обеднеет какой-нибудь член братства, а его для поправления своего состояния отправляют к городским бенефициям, или доходным местам. Русский не может быть биржевым маклером, а член братства может. Или вот браковщик. Выгодная должность, хлебная. Но православного к ней и близко не подпустят. Он не член братства. Вздумает православный судиться, а в суде немцы. И тяжбу ведут они только на немецком языке и по иностранным законам. Если даже русский судится с русским, то дело все равно ведется на немецком языке.

Чтобы стать мастером, т. е. получить право открыть мастерскую, принимать заказы и работать на свой счет, нужно было обучиться ремеслу у местного мастера. А то, что ты получил образование в Петербурге, в расчет не принимается. Затем нужно было прослужить два-три года подмастерьем. После этого уехать на несколько лет на свободные заработки. Вернуться, сдать экзамен немцу, угостить всех мастеров,

внести денежную сумму в городской фонд, и после этого ты мастер. Русские могли быть только учениками и подмастерьями.

Однажды русским печникам все это надоело. И они взялись за дело, т. е. стали класть печи, несмотря на то, что они не были приняты в цех печников. Вышел скандал. Мастера цеха попросили власти запретить православным дальнейшее отправление ремесла. Магистрат запретил. Русские направили жалобу губернатору. Тот вмешался. Кончилось дело тем, что 12 православных приняли в цех печников с условием, что каждый из них будет иметь не больше двух учеников и будет работать под надзором у немца, а также 5 копеек с каждого заработанного рубля они должны будут отдавать немецким мастерам цеха. Стоит немец, трубкой попыхивает, плеткой помахивает, а русские работают. И немцу за то, что он над ними стоит, они еще и 5% барыша платят.

Как-то русские мещане потребовали свободы в отпадении торговых промыслов. Тогда суд их лавки и вовсе закрыл.

Конечно, прибалтийский дворянин пользовался своим сословным правом по всей России. А русский дворянин должен был вступить в рыцарство, и только после этого он мог пользоваться своими правами в Прибалтике. Самарин рассказывает, как остзейские дворяне русскую землю покупали. Они собрали деньги и решили купить земли, примыкающие к остзейским землям, но так, чтобы эти земли вошли в состав Прибалтики. Задумали. Сделали. Ничто им не мешает. Да на беду в том районе было поместье какого-то русского дворянина. И тогда остзейские дворяне направили в Петербург ходатайство, в котором испрашивалось разрешение включить в остзейский край и земли русского дворянина с условием, что этот дворянин будет в Прибалтике мещанином.

Самарин стал выяснять причины бедственного положения православных в Прибалтике. И три года выяснял, а потом написал семь писем к своим московским друзьям, в которых рассказал об увиденном в Риге. Он писал: «систематическое угнетение русских немцами, ежедневное оскорбление русской народности — вот что теперь волнует мою кровь». Не мы их, а немцы нас победили. «И после мы повторяем в своих учебниках: остзейский край завоеван, остзейский край присоединен к России. Мне кажется, — писал Самарин, — Россия присоединена к остзейскому краю и постепенно завоевывается остзейцами» [1, 95].

Затем Самарин продолжил свое исследование и написал книгу «Окраины России». Эта книга была издана за границей. В России она была запрещена цензурой. И это негативное отношение власти к самой возможности формирования русского самосознания ставит вопрос об

ущербности всех типов русской власти: царской, советской и, конечно, демократической.

Причины бедственного положения русских

У немцев был Фихте. У русских — Самарин. Но если «Речи к немецкой нации» Фихте создали национальное сознание немцев, то «Письма из Риги» не стали речью к русской нации. Они привели к движению два десятка человек в Москве и Петербурге — и стали причиной беседы царя Николая I с Самариным. На этом все и закончилось. «Письма из Риги» существуют как факт литературы, а не политики. Почему? Потому что у русских проблемы с волей к власти, по причине которой русские в остзейском крае не выступили с протестом, не организовали партию, не блокировали магистрат, не отказались от гражданского повиновения, а пресса не подняла шум. Герцен не забил в набат. Засулич не бросила бомбу в губернатора остзейского края. Правительство не собралось на экстренное заседание, царь не подал в отставку. Эта причина — смирение соборного человека.

Вот Самарин. Его письма — это не крик дословного, а обстоятельное научное исследование, ориентированное на поиски истины: «здесь сознаешь себя как русского и, как русский, оскорбляешься» [1, 95]. Самая резкая фраза в его письмах звучит так: «Или мы будем господами у них, или они будут господами у нас» [1, 106]. Если мы не будем русскими, нас сделают немцами. В России немцы должны обрусеть. Но энергия этого возгласа растворяется в громадных просторах России и в анонимной объективности. Она не действует. Ее не слышно.

Чтобы не стать немцем, Самарин отрастил себе бороду и тем самым выразил протест против порабощения имперского народа окраинными племенами. Конечно, это мужественный шаг. Ведь Самарин — камер-юнкер двора его Императорского Величества. А по указу царя дворянам запретили носить бороду, считая это подражанием Западу и неуважением к русской одежде. Бородатый дворянин должен был явиться в полицию и дать подписку о сбритии бороды. Самарин носил бороду до смерти.

Соборность

«Письма из Риги» подчеркивают особенность русского человека. Русские — люди имперские и одновременно соборные. Что значит соборные? Это значит, что мы исходим в своих действиях из доверия к людям. Мы не сомневаемся, мы знаем, что мир изначально добр. Мы не полагаем, что тот, кого мы впервые встретили, изначально зол и от него нужно ждать самого плохого. Мы свободу связываем с бытом. У нас, с одной стороны, быт, а с другой — метафизика. А как только со-

борный человек выталкивается из традиционной социальной ячейки, он теряется. Его бытовая метафизика терпит крах.

В Прибалтике он столкнулся с правилами эгоистического существования и растерялся. На первый план выступило смирение как условие его существования. Условием существования личности является свобода, а соборного человека — смирение. Но из смирения не рождается воля к власти. В нем образуется бунт, т. е. нечто неожиданное для самого бунтующего. Русские в Прибалтике смиренно просили одинаковых прав для себя и для немцев. Немцы требовали привилегий. Напор корпоративно организованной протестантской личности размывал соборную структуру русского православного человека, важнейшими элементами которой были: смирение, совесть, община, круговая порука, соборное сознание, традиция.

Для того чтобы выжить, русский принужден был делать замены: его совесть менялась на честь, круговая порука на личную ответственность, смирение — на свободу, соборное сознание — на сознание индивида. Вот этот факт Самарин и обозначил как факт превращения русского в немца. Русский мог оставаться русским только под защитой князя, царя. Империя была его панцирем, броней, защищающей от внешних воздействий. То есть русская империя была способом существования неорганизованных множеств соборного человека, его ответом на вызов корпоративно организованных личностей. Но защищенный извне, всемирно отзывчивый человек был не защищен от внутренних воздействий свободно ориентированных личностей. И в том и в другом случае он полагался на власть, на опору, которая держала его панцирь и обязана была следить за тем, чтобы под эту броню не попали существа, ломающие соборный механизм, отравляющие коммуникативные практики русского человека. А они попали. И Самарин об этом написал. Конечно, нашему народу было бы наплевать на власть, если бы он составлял себе форму быта, не зависимую от власти. Но у соборного человека она зависима. И поэтому между народом и властью существует неписанный уговор. Власть держит панцирь. Народ терпит власть. Этот уговор делает жизнь русского человека абсолютно незащищенной в случае измены власти.

Верховная власть должна заступаться за народ. А у нас она этого не сделала в Прибалтике, в Польше, на Кавказе, на Украине, и вот теперь она этого не делает даже в Москве. Русские стали жертвами политики, в том числе и политики нового правящего класса России. В 1991 г. русские составляли 90% населения России. В 2013 г. нас стало около 80%. И все мы это почувствовали. А если учесть потоки внутренней миграции, да еще 12 млн внешних мигрантов, то нетрудно предсказать все последующие события.

Власть должна была вынудить играть на русском политическом поле по русским правилам, т. е. должна была подтвердить внутреннее право русского народа на формы жизни, которые он избрал. Ограничение власти монарха воспринималось Самариным как ограничение возможностей заступника, а также как расширение возможностей покушения на соборную жизнь со стороны начал, враждебных соборности. Поэтому Самарин был против конституции, против парламентской республики в России, против федерализма. Почему?

Неделимость власти

Потому что власть неделима. Когда она делима, она делает вид, что слушает народ, хотя предпочитает делать свои дела. Когда она неделима, она обращена к идее блага народа. Одно из этих благ для русского человека — государство.

Помимо этого есть еще одна причина. Есть народы, которые надеются на одни свои человеческие силы при достижении поставленных целей. К таким народам относятся европейцы. У них человеческие учреждения заменяют Бога. Русский народ не верит только в свои силы. Он еще уповает на Бога. Самодержавие, империя были способом существования человека, уповающего на синергию своих сил и силы Бога. Но имперская организация власти стала давать сбой на окраинах России. Она изменила земскому принципу в политике и стала ориентироваться на этнический, на национальный признак существования людей. И это происходило при нулевом национальном сознании русского человека. То есть некоторые окраинные народы стали получать этнические привилегии. В то время как в России традиционно на каждое сословие возлагались обязанности перед государством. Тяготы доставались русским, привилегии инородцам. А это создавало возможности существования в России так называемых псевдонаций. Или народов-призраков. Что, в свою очередь, уже в XIX в. поставило русскую империю перед выбором: или полная денационализация империи, или Россия — для русских. Всякие промежуточные варианты будут губительны потому, что они при отсутствии национального сознания русских создадут нерусские квазинации. Федерация в России — это способ формирования и существования нерусских псевдонаций, которые под видом национальной демократии децентрируют политическую власть, и она перестает служить защищающим панцирем для русского народа. И он должен будет либо умереть, либо стать материалом для какого-то иного народа. Уже неправославного.

Федерализм

Федерализм — один из самых неплодотворных путей развития русского государства, ибо он, как говорит Самарин, обособляет граждан и

земли, раздваивает и уничтожает русское государство. Федерализм превращает Россию в гостиницу, в которой русские не находят для себя места. Они лишаются соборного имперского сознания и погибают, ибо национальное сознание у них не сформировано. В федерации центр нигде, а окраины везде. На смену соборному имперскому человеку приходит обособленная национальная личность.

Самарин обращает внимание на то, что немцы, господствуя в Прибалтике, управляли ею через немцев, шведы — через шведов. А русские привлекают для управления и немцев, и шведов, и сами управляемые народы. Русская власть не привлекает к управлению окраинами только русских, боясь обидеть чувства окраинных племен. Поэтому федерализм в России стал легальным способом формирования нерусских (антирусских) национальных элит. В остзейском крае получили власть остзейские дворяне. А это неправильно, т. е. несправедливо, потому что аппарат управления был присвоен определенным этносом. Русские в этом крае стали подданными не царя, а местных корпораций. И самое главное. Возникает иллюзия существования неких наций там, где их нет. «Неужели всякий обрубок, — говорит Самарин, — без корня и верха, вправе присваивать себе значение нации? Мы доживем, наконец, до того, что немецкий клуб в Москве заговорит о своей народности» [1, 31].

Поскольку русские, создав государство, не стали нацией, постольку возникло противоречие, которое разрешилось в идеи империи. В империи должен быть один центр власти, одни законы и никаких социальных или национальных привилегий. В основе имперского быта России лежит неразделенность власти, неразделенность русского человека и земли.

Литература

1. Самарин Ю.Ф. Соч. Т. 7. М., 1889.

А.В. КУЗНЕЦОВ

Экзистенциальная дилемма «финансового человека»

Аннотация. В условиях размывания нравственных устоев деньги перестают выполнять свои социальные функции и превращаются в инструмент порабощения человека. Использование инноваций как средства извлечения монопольных сверхприбылей тормозит научно-

технический прогресс. В статье обоснована необходимость сознательного отказа интеллектуальных элит от обслуживания запросов финансовой экономики и направления всех своих усилий на формирование физически здорового, морально устойчивого и всесторонне развитого общества.

Ключевые слова: философы, финансисты, деньги, инновации, финансомика, наука, прогресс, монополии, сверхприбыли, счастье, нравственность, духовность.

Abstract. In the context of the erosion of moral principles, money ceases to fulfill their social function and become a tool of enslavement of man. Use of innovations as a means of extracting super-profits by monopolies hinders scientific progress. The paper substantiates the need for the intellectual elites to consciously reject servicing requests of financial economy and to direct all their efforts to building physically healthy, mentally stable and comprehensively developed society.

Keywords: philosophers, financiers, money, innovations, finansomika, science, progress, monopoly, super-profits, happiness, morality, spirituality.

С тех пор, как человечество освоило технологии печатанья книг и денег, в мире ведется непрерывная борьба между двумя мировоззренческими течениями, представленными, с одной стороны, философами и просветителями, а с другой — финансистами и счетоводами.

Первые, *философы*, всяческим образом стремятся расширить пределы ограниченного земного пространства до бесконечных размеров Вселенной, сконцентрировать энергию человека на познании своего внутреннего духовного мира, побороть порочную тягу к бесконечной модернизации бытоустройства, вывести человека на орбиту развития ноосферной, космической цивилизации.

Напротив, *финансисты*, всеми силами пытаются заземлить человека, направить его усилия всецело в русло производства материальных благ и получения от жизни исключительно плотских удовольствий. Внимание последовательно концентрируется на внешних формах проявления жизни, *мерилом счастья* в которой выступают *деньги* и их производные. Человека убеждают в исчерпаемости природных ресурсов планеты, и тем самым обосновывается тезис о необходимости ведения конкурентной борьбы за право доступа к ограниченным ресурсам. Цементируется вера в то, что единственным беспристрастным арбитром в этой борьбе выступает рынок, который присуждает победу наиболее приспособленным к выживанию видам. Итак, в мировоззрении финансистов «непостижимость мироздания» сводится в одномерную плоскость товарно-денежного обмена.

Несмотря на все очевидные признаки «победы» финансистов, нельзя беспелляционно утверждать, что исход этой борьбы уже определен. В условиях повсеместного размывания границ нравственно допустимого поведения и возрастания политической, экономической и социокультурной энтропии деньги становятся все менее надежным якорем и ориентиром рациональной человеческой деятельности. Это объясняется многими причинами.

Во-первых, деньги утратили связь с производством и реальными активами, они перестали выступать в качестве всеобщего эквивалента стоимости (ценности). Это произошло, среди прочего, вследствие лишения центральных банков монополии и контроля в сфере денежного производства. В глобальном масштабе деньги были вытеснены разнообразными денежными суррогатами (финансовыми инновациями, созданием которых занимается наднациональная финансовая капиталократия), что существенно исказило традиционные функции денег.

Во-вторых, безопасное накопление денег становится все более затруднительным, поскольку банковская система все чаще проявляет себя как ненадежное место их хранения. Иллюстратором этого являются не только перманентные банковские кризисы, ставшие «нормальным» явлением развития современного инновационного общества (такие, например, как крах банков вследствие ипотечного кризиса в США или «кипрская история»), но также входящее в моду замораживание финансовых активов по политическим причинам.

В-третьих, деньги утрачивают свою покупательную способность по мере денатурализации рыночной продукции. Поскольку (согласно «теории» финансистов) рост запросов потребительского общества прямо пропорционален темпам истощения ресурсной базы, любая рыночная продукция и формы ее воспроизводства — будь-то гомогенизированные продукты питания, одежда на синтетической основе, загрязненная экология или стрессовые условия работы — являются злокачественными и не могут за деньги предоставить человеку его естественную природную среду обитания, не представляющую опасности здоровью.

В-четвертых, мультипликация финансового благосостояния не является гарантом безопасности жизни и долголетия. К примеру, миллиардные финансовые активы Стива Джобса, Бориса Березовского, Муаммара Каддафи не смогли предотвратить их преждевременного, а в последних двух случаях — насильственного ухода в мир иной.

В-пятых, деньги не могут заменить таких жизненных потребностей человека, как любовь, дружба, сострадание, поскольку последние являются проявлением духовных способностей человека и не могут быть получены путем рыночного обмена.

В-шестых, в силу постоянного повышения «нормативной планки» миссия *достижения финансового благополучия* для подавляющего населения Земли является невыполнимой, а с точки зрения поиска смысла жизни — и вовсе нерациональной затратой времени, поскольку в категориях последнего деньги играют второстепенную роль.

В-седьмых, денежная экономика понижает качество социальных услуг, поскольку целый ряд сфер человеческой деятельности не может быть коммерциализирован без искажения их исконных задач (медицина перестает лечить, искусство — возвышать, образование — учить, милиция — защищать).

В-восьмых, деньги, преследуя цель повышения экономической эффективности, ведут к механизации всех сфер социального взаимодействия, лишая социум творческого начала.

В-девятых, в системе нравственных ценностей деньги являются носителями Зла, поскольку выступают основным инструментом порабощения и развращения души человека. Именно на денежную тематику завязано большинство преступлений человечества — от предательства Иудой Христа первосвященникам за тридцать сребреников до колонизации континентов и истребления целых народов.

По мнению украинского философа В.В. Ильина, в рамках «финансовой цивилизации» деньги «превратились в универсальный способ решения всех проблем. И здесь нет никакой тенденциозности, поскольку экономические революции эпохи Модерна закономерно трансформировались в *финансизм*, и любая благотворительность, нравственная деятельность, гуманистическая настроенность сегодня не могут существовать вне силы денежной поддержки» [1, 6].

Финансизм, однако, подразумевает, что движущей силой деятельности социума является прибыль. Как точно определила докторант Массачусетского университета И.В. Левина, «процессы, протекающие на финансовых рынках, порождают новый тип человека — Homo Finansus... стремление к извлечению прибыли и жажда наживы настолько высоки для Homo Finansus, что в той мере, в какой финансовые рынки способны обеспечить возможности извлечения прибыли, Homo Finansus жертвует всеми соображениями, касательно процесса производства, ради роста капитала» [2, 231].

Следовательно, с учетом «пределов роста», а также «ограниченности ресурсов», главным залогом получения прибыли является неограниченная мультипликация денег. Именно поэтому страны с капиталистической моделью выглядят «богаче» стран, функционирующих на социалистических принципах, в которых государство целенаправленно ограничивает мультипликацию денег путем сдерживания развития финансового сектора.

Поскольку ресурсы ограничены, а норма прибыли — бесконечна, то на определенном этапе возникает необходимость инновационного развития.

По сути, инновация — это не что иное, как подмена более ценного ресурса менее ценным (наилучшим иллюстратором данной трансформации является эволюция денежного обращения). Для этого превращения необходимо развитие естественных и технических наук. Подчеркнем, что именно стремление к извлечению прибыли и жажда наживы выступают мотором инновационного «прогресса». При этом социальные и гуманитарные науки служат главным образом для обработки общественного сознания с целью получения одобрения и поддержки со стороны общества развития естественных и технических наук как ключевых генераторов инновационного процесса.

Поскольку деньги занимают центральное место в иерархии ценностей «финансовой цивилизации», то приоритет среди гуманитарных наук получили науки экономические. Именно экономические науки позволяют обосновать, что целью развития общества является богатство, причем не духовное и даже не материальное, а сугубо денежное (финансовое). Отсюда такое обожествление Дж.М. Кейнса, М. Фридмана и других теоретиков денежной экономики, трансформировавшейся в XXI в. в *финансомику* — этот термин был введен в оборот основателем современной школы философии хозяйства Ю.М. Осиповым [3].

Инновационная промышленность финансомики не ставит устранение причин и дальнейшей эскалации кризисов, сотрясающих планету (политических, экономических, финансовых, демографических, продовольственных, экологических, энергетических и пр.), своей первоочередной задачей. Так, согласно исследованиям руководителя Центра проблем военно-промышленной политики Института США и Канады РАН Е. А. Роговского, инновационный бизнес в США ориентирован исключительно на получение сверхприбылей [4, 359].

Современное информационное общество представляется Е.А. Роговским как общество тотального взаимного мониторинга кредитозависимых индивидов. «В таком обществе отношение к партнеру по бизнесу напоминает отношение к врагу, которого надо победить (или, по крайней мере, надежно от него защититься). Экономические и политические реалии США показывают, что для достижения успеха в рамках такого “экономического сотрудничества” с потенциальным противником применяются жестокие, практически военные методы ведения борьбы (включая разведку уязвимых мест, дискредитацию системы принятия решений, ложные маневры и др.)» [4, 360].

В процессе приоритетной ориентации социально-экономических систем на получение сверхприбылей не только не разрешаются злободневные проблемы человечества, но и происходит последовательное нивелирование таких понятий, как уважение прав, достоинства, свободы, частной жизни человека. С целью обеспечения информационных преимуществ одних участников рынка над другими в США разрабатывается и применяется целый набор технологий сбора информации, подрывающих традиционные представления о конфиденциальности частной жизни. К таким технологиям Е.А. Роговский относит: «глобальный экономический мониторинг, использование специальных информационных технологий, обеспечивающих круглосуточное наблюдение за людьми, объектами, и учет факторов, определяющих конкурентные позиции других компаний; получение авторских и иных персональных и/или корпоративных имущественных прав путем перехвата коммерческих секретов, промышленного шпионажа, несанкционированного доступа к электронным базам данных (добывание инсайдерской и хакерской информации); фальсификации финансовых документов (денег — банкнот, кредитных карт), торговых страховых и прочих ценных бумаг (в том числе электронных), недобросовестная реклама, а также другие средства, предназначенные для сознательного введения участников рынка в заблуждение» [4, 360—361].

Также одним из важнейших условий для получения сверхприбылей на инновационном рынке выступает контроль над средствами массовой информации. В данной связи профессор МГИМО В.Ю. Катасонов заметил: «СМИ и другие институты “информационной инфраструктуры” фондового рынка уже давно находятся под полным контролем финансовой олигархии. Ведущие банки Уолл-стрит “Джи-Пи Морган Чейз”, “Ситибанк”, “Бэнк оф Америка” являются держателями контрольных пакетов акций американских телевизионных компаний ABC, CBS, NBC, CNN. Около десятка банков и финансовых компаний контролируют 59 журналов, включая “Тайм” и “Ньюсуик”, 58 газет, включая “Нью-Йорк таймс”, “Вашингтон пост”, “Уолл-стрит джорнал» [5, 63]. В свою очередь в Британии под контролем банкирской династии Ротшильдов находятся такие авторитетные информационные издания, как «Экономист», «Дейли телеграф», радиовещательная компания Би-би-си [6, 1015].

Следовательно, «финансовую цивилизацию» можно охарактеризовать как процесс сворачивания всех жизнеутверждающих сфер деятельности человека путем установления тотального контроля над его «экономическим» сознанием, создания иллюзии финансового благополучия в условиях консервации научно-технического прогресса, саботажа разрешения злободневных проблем развития человечества ра-

ди монопольного получения сверхприбылей на рынках инновационной продукции.

Очевидно, история повторяется. Ведь еще В.И. Ленин предупреждал, что капиталистические монополии являются причиной научно-технического застоя: «монополия... порождает неизбежно стремление к застою и загниванию. Поскольку устанавливаются, хотя бы на время, монопольные цены, постольку исчезают до известной степени побудительные причины к техническому, а следовательно, и ко всякому другому прогрессу, движению вперед; постольку является далее *экономическая* возможность искусственно задерживать технический прогресс» [7, 379].

Российский писатель-футуролог М. Калашников обращает внимание на то, что «главной особенностью сегодняшнего научно-технического прогресса на Западе является прекращение “революций” со второй половины столетия. С тех пор человечество только совершенствует уже открытое, делая его все компактнее, технологичнее, экономичнее» [8, 63]. По его мнению, «гибель Советского Союза стала торжеством адаптационного прогресса западного типа (“медленным шагом, робким зигзагом”) над русским прорывным прогрессом (“от сохи и лопатей — к звездам”). «Если бы западники не сломали СССР, то в первой четверти XXI столетия погибли бы сами, — считает М. Калашников, — в 1980-е годы русские подошли к такому технологическому скачку, что дальше Запад просто рассыпался бы» [8, 65].

Похожие оценки высказывают и российские ученые А.А. Соболевская и А.К. Попов. Характеризуя застой американской технической мысли, они, в частности, отмечают: «О том, что НТП переживает кризис, подтверждают сравнительные исследования Р. Гордона из Кембриджа. Он показал, что большинство технических изобретений согласно рейтингу “Величайшие технические достижения XX в.” Национальной академии инженерного искусства были сделаны до 1950 г. Только три из двадцати наиболее важных изобретений относятся к периоду после Второй мировой войны — это полупроводники (№ 5), компьютер (№ 8), интернет (№ 13)» [9, 33].

Итак, система ценностей «финансовой цивилизации» изначально ставит в основу развития общества экономический и финансовый детерминизм, который априори исключает некоммерческое развитие духовного и творческого потенциала человечества. В этой ценностной матрице деньги и инновации исполняют роль суррогатов счастья и прогресса. Они обращают в мертвую материю все новое и жизнеутверждающее, все, что могло бы служить человеку, расширять пределы его жизненного пространства.

Финансомика поставила интеллектуальные и творческие профессии в услужение финансистам и счетоводам. Альянс финансистов и интеллектуалов в целях обработки общественного сознания при помощи системы образования, науки, рекламы и средств массовой информации погрузил человечество в состояния блаженного неведения и «возвышающего обмана» и, имел своими последствиями:

- приведение, в большинстве своем, к управлению обществом наиболее бездарных, серых, закомплексованных и безвольных руководителей;
- стирание грани между творческим (созидательным) и потребительским (стяжательским) образом жизни;
- возвышение убожества и пошлости;
- торможение научно-технического прогресса.

В результате целенаправленного ослабления государственного и церковного контроля над моралью выбор между «жизнью» и «смертью» отныне зависит от самостоятельного решения каждого отдельного человека [10]. Под «жизнью» подразумевается отстаивание своего божественного призвания «человека-микрокосма», служение возвышенному и вечному; под «смертью» — окончательное превращение человечества в «овощную оранжерею», «учетную единицу» приходно-расходной бухгалтерии глобальной финансовой капиталократии.

Указанный выбор в первую очередь должно сделать образованное меньшинство — «либералы» и «консерваторы», «коммунисты» и «капиталисты» — путем отказа от целенаправленного отупления и оглупления масс и извлечения из этого низких своекорыстных выгод. «Интеллектуальным элитам» необходимо преодолеть искушения «золотого тельца» и, засучив рукава, вернуться к исполнению своего прямого долга — просвещать, образовывать, направлять общество на путь его всестороннего духовного развития в соответствии с высоконравственными императивами.

Литература

1. *Льїн В.В.* Фінансова цивілізація. К., 2007.
2. *Левина И.Г.* Природа финансового сектора и спекулятивных пузырей в современной экономике // Экономическая теория в XXI веке / Под ред. Ю.М. Осипова, Е.С. Зотовой. М., 2007.
3. *Осипов Ю.М.* Экономическая теория на пороге XXI века / Под ред. Ю.М. Осипова, Е.С. Зотовой. М., 2002.
4. *Роговский Е.А.* США: информационное общество (экономика и политика). М., 2008.

5. *Катасонов В.Ю.* Мировая кабала: ограбление по-еврейски. М., 2012.
6. *Катасонов В.Ю.* Капитализм. История и идеология «денежной цивилизации». М., 2013.
7. *Ленин В.И.* Империализм, как высшая стадия капитализма / Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 27.
8. *Калашиников М.* Третий проект. Спецназ Всевышнего: книга-расследование. М., 2006.
9. *Соболевская А.А., Попов А.К.* Постиндустриальная революция в сфере труда. М., 2009.
10. *Кузнецов А.В.* Свобода творчества против свободы потребительства: выбор за человеком // *Философия хозяйства.* 2013. № 5.

Н.Н. РОСТОВА

Символ как освящение реальности

Аннотация. В статье анализируется русская традиция в осмыслении феномена сакрального. По мнению автора, в ней разрешаются теоретические проблемы, характерные для европейской традиции. Введение понятий «символ», «София», «культ», в основе своей структурных, позволяет ответить на вопрос о начале антропологической структуры, ибо эти понятия вращаются вокруг фигуры Бога. Единственный, абсолютный, трансцендентный центр задает тотальную структуру, которая формирует единое антропологическое пространство, чуждое оппозиции «сакральное — профанное».

Ключевые слова: культ, символ, сакральное, Бог, антропология, сознание, София.

Abstract. In article the Russian tradition in judgment of a phenomenon sacral is analyzed. According to the author, in her theoretical problems, characteristic for the European tradition are resolved. Introduction of the concepts «symbol», «Sofia», «cult», at the heart of the structural, allows to answer a question of the beginning of anthropological structure because these concepts rotate round a figure of God. The only, absolute, transcendental center sets total structure which forms the uniform anthropological space alien to opposition «the sacral — profanny».

Keywords: cult, symbol, sacral, God, anthropology, consciousness, Sofia.

Европейская традиция в осмыслении феномена сакрального ставит несколько ключевых теоретических проблем. Если сакральное понимается как неструктурируемое антропологическое пространство, к чему наиболее склонны западные исследователи (Фрейд, Батай, Пеньо, Кайуа, Тернер, Дуглас, Жирар и др.), тогда возникает проблема сочетания хаоса антиструктуры и понятий сознания и социальности. Если сакральное понимается как структура (Дюркгейм, Леви-Строс, Элиаде, Хайдеггер и др.), тогда возникает вопрос о том, что лежит в основании этой структуры, о том, что делает ее возможной. Кроме того, европейская традиция берет за аксиому оппозицию «сакральное — профанное», следствием которой будет антропологическая модель человека фрагментарного, ибо сакральное и профанное воспринимаются как две принципиально не сводимые друг к другу области, а в конечном счете — как личное пространство, что характерно, например, для Кайуа. Русская традиция в осмыслении сакрального разрешает подобные противоречия, ибо строится на иных теоретических основаниях. Введение понятий «символ», «София», «культ», в основе своей структурных, позволяет ответить на вопрос о начале структуры, ибо эти понятия вращаются вокруг фигуры Бога. Единственный, абсолютный, трансцендентный центр задает тотальную структуру, которая формирует единое антропологическое пространство, чуждое оппозиции «сакральное — профанное».

Божественное как антропологическая структура

Во вступительной речи перед защитой своей книги «О духовной истине» на степень магистра П. Флоренский говорил: «Религия есть, — или по крайней мере притязает быть художницей спасения, и дело ее — спасать. От чего же спасает религия? — Она спасает нас от нас, — спасает наш внутренний мир от таящегося в нем хаоса... Она улаживает душу» [1, 818]. Религия спасает нас от нас. От таящегося в нас хаоса. Эти слова Флоренского наилучшим образом выражают отношение русской философии к феноменам религии. Религия — это то, что противостоит хаосу. Религия — это то, смысл существования чего заключается в де-хаотизации человеческого существа, в его улаживании. Религия — это то, при помощи чего создается фундамент порядка, на котором выстраиваются антропологический и, как следствие, социальный миры. Бог в русской традиции выступает той трансцендентной опорой порядка, которая делает возможным человеческое сознание. Ф. Достоевский, например, будет противопоставлять «роковой бурде» усиленно сознающего человека из подполья, бытийствующего до Бога, христианское сознание Лизы. С. Франк будет говорить о неминуем для учреждения сознания самоограничении, т. е. нахождении основания в

Боге. В теориях В. Соловьева и П. Флоренского этот структурный подход наиболее очевиден.

Соловьев: святые и война

В «Трех разговорах» В. Соловьев рассуждает о священности войны. Ужаснули бы толерантную современность произнесенные им в этой работе слова о дипломатии и мече, будь они сказаны сегодня: «Безусловно неправо, — говорит Соловьев, — только само начало зла и лжи, а не такие способы борьбы с ним, как меч воина или перо дипломата: эти орудия должны оцениваться по своей действительной целесообразности в данных условиях, и каждый раз то из них лучше, которого приложение уместнее, то есть успешнее, служит добру. И св. Алексей, митрополит, когда мирно председательствовал за русских князей в Орде, и Сергей преподобный, когда благословил оружие Дмитрия Донского против той же Орды, были одинаково служителями одного и того же добра — многочастного и многообразного» [2]. Война необходима, война нужна. Почему? Потому что она есть созидательница условий абсолютной истины, т. е. порядка.

Один из участников диалога говорит: «великое историческое значение войны как главного условия при создании государства — вне вопроса» [2]. Как создается государство? Чем оно рождается? Ограничениями. Чтобы острову выжить в океане, необходимо удерживание собственных границ, которые бы не позволили ему затонуть и слиться с безразличием целого. Ограничений требует самосохранение. Первые святые Руси — это, в первую очередь, князья, т. е. военные. Не только русский народ, но и другие христианские народы отметили святостью военное дело. Откуда эти воинственность святости и святость воинственности? Почему, спрашивается, связаны святость и воинственность? Потому что это понятия близкие и в данном случае почти тавтологичные. Всякое ограничение и самоограничение есть меч, разделяющий пространство на «да» и «нет». Ограничение — акт воинственный. Границы, учреждающие из хаоса государственные порядок и отличность, должны быть незыблемыми, святыми. Святость границ — это их безусловность. Святость как основа разделения — это и есть граница, след абсолютного, не-преступаемого. В святых объективируется рожденный порядок. Они есть наглядность и не-преступность этого порядка. Воинственность святости означает ее чуткость к релятивизму. Святость сопряжена с единственностью истины, которую она призвана блюсти во всей чистоте, ибо это залог того содержания, которое дает ее форма.

Значит ли это, что святая воинственность и воинственность святости — явления преходящие, необходимые как первичное, но не посто-

янное условие человека и государства, как полагает один из участников разговора?

Ответ Соловьева на это вопрос еще более определенный, нежели его позиция в предисловии. Ответ Соловьева — это ответ Христа, который говорит, что принес не мир, но меч. По одну сторону находятся Бог и война, по другую — мир и культура. Культура предлагает царство Антихриста. Синкретичный мир истин, вбирающий в себя все истины, и оттого всем приятный, всех примиряющий. Христос предлагает мир не истин, но истины, т. е. мир разделения между добром и злом, а потому в основе его лежит меч, война. Истина и Бог — это то, что по своему существу сопряжено с воинственностью, т. е. непроступностью своего порядка.

Флоренский: хаос и символ

Центральная тема философии П. Флоренского — это хаос. Хаос и символ у него — одна и та же тема, взятая с различных сторон, как вопрос и ответ. Человек — это не то, что есть, но то, что самоутреждением должно быть получено из хаоса субъективности. Результат самоутреждения — это восхождение к божественному порядку, норме, здоровью. Самособрание возможно благодаря культу и имеющему основание в культе самоограничению. Культ — это пространство рождения человека, учреждения его сознания. Культ дает единство антиномичности человека, имя, в основе своей сакральное, собирает душу [3], понятия — мышление, святые — время, святые — пространство, праведность — рассеянную греховность, мужское начало — женское [4].

Вяжущие синтезы культа. Человек, согласно Флоренскому, существо антиномическое. Он одновременно временен и вечен, конечен и бесконечен, реален и идеален. Его разум творит вещи и смыслы, он сам есть тело и одновременно идеальное. Однако, как возможна эта антиномия, как удержать ее? Как возможна встреча того, что несовместимо и не имеет точек соприкосновения? Не может быть так, чтобы вещи и смыслы не встречались, ибо это означало бы для человека онтологическое безумие, геену, ад. Творчество духа человека распалось бы на две взаимоисключающие деятельности — производство смыслов и производство вещей. Значит, заключает Флоренский, должно быть нечто третье, в котором было бы дано очевидное единство смысла и реальности. Это третье, согласно Флоренскому, есть культ. Именно в нем человек впервые собирает себя, именно здесь становится возможно самосознание, и более того — здесь впервые человек делается человеком. Эта антиномическая деятельность не просто желанна, а необходима «как условие всей жизни».

Другими словами, первое действие человека носит не приспособительный характер, а мистериальный. Для того чтобы появились культура и хозяйство, необходимо событие, в котором человек впервые собирает себя, осмысливает свое тело. Тела без смыслов и смыслы без тел, т. е. то, что позже назовут объективной и субъективной реальностью, появляются вторым шагом, которому предшествует культовое действие. Культура — это пространство, в котором единство вещей и смыслов нарушается, здесь вещи становятся лишь полезными, а смыслы лишь убедительными, подобными Истине. Но утилитарность — не то же, что реальность, а убедительность — не то же, что истинность. В культуре человек теряет условие своего единства. Здесь душа рассыпается «в сумму помыслов и приражений, т. е. состояний, навеваемых случайными ветрами извне» [5, 57], — скажет Флоренский. Так Флоренский выстраивает свой концепт человека литургического.

Соединение тела и смысла образует символ, который, удерживаемый культом, дает человеку ориентир в мире, выстраивает антропологическую реальность. Вне культа символы деградируют, превращаясь в знаки. Некоторые символы, утратив свою природу, трансgressируют в культуру. Например, «Троица» Рублева в храме — это символ, наполненный для верующего живым содержанием, та же икона в Третьяковской галерее — это культурный знак, предмет эстетического созерцания.

Покуда есть символы, т. е. данности соединения несоединимого, есть человек. Символы в отличие от знаков — это то, что нуждается в доопределении, в непрестанном длении их интенсивности, в личном соучастии в них. Культ построен так, что дает форму этого дления. Эта форма тотальна, т. е. претендует на полноту антропологической реальности, а не ее часть, ибо создает эту реальность в ее полноте. Смысл культа — дать эту тотальность. Иначе, вне его синтезов, мы будем иметь дело с раздробленностью, себе-не-данностью человека. Флоренский приводит пример. Почему, например, в христианском культе мы встречаемся с семью таинствами? Почему не с одним? Не с десятью? Потому, что таинствами охватываются все существенные стороны человеческого бытия — питание (Евхаристия), очищение и омовение (Крещение), лечение (Елеосвящение), размножение (Венчание), жилище, одевание и в целом защита (Миропомазание), слово (Исповедь), власть (Священство). Флоренский пишет: «Всякая земная власть возможна как имеющая в том, малом и, быть может, невидном роднике своем, свое питание; как и роскошные одежды опираются на незримую одежду благовония святого мира, как питание — на еле заметное вкушение от Святых Даров, омовение — на троекратное погружение в святом крещении, брачное сочетание — на таинственное единение

двух существ в таинстве венчания, врачевание — на молитвенное врачевание святого елеосвящения, и все слова и речи — на глубинное слово тайной исповеди...» [5, 177]. Таинства как средоточие культа — это безусловные точки опоры человеческого бытия. Что значит безусловные точки опоры? Это значит, что в этих, возводящих к трансцендентному, точках впервые даются символические единства, вяжутся синтезы, собирающие, осмысливающие человеческую раздробленность. В этих синтезах впервые дается условие сознания как данного себе единства, полноты и порядка. Потому эти точки не локальны. Они как просвет среди хаоса и разлада. Через них освящается вся реальность. Дело не в том, что в определенный момент, в момент, например, Евхаристии, осмысливается питание, дело в том, что в Евхаристии дается вечный смысл питания, которое перестает быть животной функцией, оторванной от смысла, и становится феноменом антропологического. Культ освящает реальность, всю и сполна. От кульминации таинства до последней частности человеческого существования, спускаясь до микроскопического уровня повседневности. Как скажет Флоренский, от Евхаристии до пожирания пирожка за газетою. Поедание пирожка от этого в мире наличном не перестает быть поеданием пирожка, внешним образом его не отличишь от обычного «пожирания», но отныне оно освящено культом, отныне оно вплетено в систему символов, встроено в форму, т. е. дает основу для сознания.

Пространство и время. Культ как чистый ритм. Можно было бы сказать, что у культа есть пространственное и временное измерения. Однако это было бы не точно. Ибо культ — это то, что, согласно Флоренскому, создает пространство и время. «Время и пространство — говорит Флоренский, — в реальности культа, но не наоборот. Мир — в культе, но не культ в мире» [5, 120]. Пространство и время — производные культа. Без них наличествуют безразличность, потоки аморфного, уносящие с собой антропологическую стихию, не давая ей оформиться в сознание. Без расчленения нет сознания. Границы же дает культ. Святыне дают время, святыни — пространство.

Что такое праздник? Праздник — значит, незанятый, пустой, свободный. Праздники — это время, не занятое повседневным, особое время, трансцендентное, святое. Пауза в потоке жизни. Праздники разрывают монотонность потока, позволяют почувствовать время. И тем самым делают его, давая ритмические расчленения. «Праздник, — пишет Флоренский, — дал ритм жизни, а ритм дал сознание» [5, 457]. Различия, данные праздником, возможны благодаря святым. Святой окрашивает своей индивидуальностью время, позволяя внутри потока образоваться качественно отличным сферам. Святой дает трансцендентную опору вне времени, позволяя человеку подняться над унося-

щим его потоком состояний и осознать текучесть времени. Месяцеслов — это наглядный пример совокупности таких опор, данных в памяти святых. Месяцеслов — это, скажет Флоренский, «подвижный образ вечности», ему мы обязаны временем. И сознанием.

Не только праздники, но и вся структура культа действует по тому же принципу. Принципу ритмичности, качественных разделений. Например, служба. Флоренский даже говорит о том, что для жизни в культе не так существенно понимать содержание учения, как быть чутким к его ритму. «Вся служба, — скажет он, — и в мельчайших своих движениях, и в циклах дня, недели, года и т. д. бьется ритмически. Можно сказать: что же такое культ? — Чистый ритм» [5, 442]. Культовые тексты ритмичны: «Читая правило ко святому причащению, — говорит Флоренский, — или какие-либо другие каноны, слышишь внутренним ухом топот пляшущих ног» [5, 442]. Ритм культа — выражение его слоистости, системы границ.

Своей «скорлупковатостью» культ создает не только время, но и пространство, качественно отделяя святынями одну протяженность от другой. Так, храм, сам по себе изысканный, т. е. качественно отличный от всего остального окружения, построен по принципу качественных изоляций — притвор и храм, далее амфон и солея, далее иконостас и алтарь, далее в алтаре — престол, на престоле — антиминос с илитонном, на антиминосе — чаша и дискос, содержащие Святые Дары. Ковер перед святым престолом, епископская кафедра, кусок атласа, постилаемый при венчании, и т. п. — это не знаки почета и не сомнительная роскошь, но то, что служит разделению пространства, выделению путем ограничения в нем качественно отличных сфер. Это самоограничение внутри аморфного, имеющее силу трансцендентного, дает возможность появиться пространству и, как следствие, сознанию.

Межи мысли. Чтобы мысль стала возможна, ей нужна форма. Логика самоограничения работает у Флоренского и в сфере мышления. Подобно тому, как пространство и время создаются внутренними различиями и ритмом, мысль создается терминами, которые Флоренский понимает как символы.

Термины, скажет Флоренский, это межи мысли. Слово «термин», происходя от «termes», имеет религиозный источник. Некогда собственность была делом религиозным, т. е. определялась культом. На границах воздвигали термы — камни, которым воздавались возлияния. Позже терм стал рассматриваться как Бог. Эти границы, внешне ничтожные, были непреступаемыми. Существует римское сказание, согласно которому Юпитер не смог занять капитолийский холм под храм себе, потому что там стоял Бог Терм. Аналогичным образом, говорит Флоренский, и сфера мышления образуется межами, отделяющими

одну природу вещи от природы другой, т. е. терминами. Флоренский пишет: «Итак, в приложении к философской и научной речи понятно словоупотребление: термин, terminus, Угој. Это какие-то границы, какие-то межи мысли. В неопределенной возможности, мысли предлагающей, — двигаться всячески, в безбрежности моря мысли, в текучести потока ее, ею же ставятся себе твердые грани, неподвижные межевые камни, и притом ставятся как нечто клятвенно признанное нерушимым, как ею же установленные, т. е. символически, посредством некоторого сверхлогического акта, волею сверх-личную, хотя и проявляющуюся чрез личность, воздвигнутые в духе конкретные безусловности: и тогда возникает сознание. Нет ничего легче, как нарушить эти границы и сместить межевые камни. Физически это — легчайше. Но для посвященного, они табу для нашей мысли, ибо ею же в этом значении и установлены, и мысль знает в них хранителя ее естественного достояния и страшится нарушать их, как залогов и условия собственного сознания. Чем определеннее, чем тверже — мыслию же поставленная препона мысли, тем ярче и тем синтетичнее сознание» [6, 217—218]. Термины — залог сознания. Терминами оно учреждается, ибо «безбрежной кипучести» мысли начинает противостоять неподвижность. Трансцендентной силой этих символов оно удерживается.

Джоконда. Хаотическое состояние человека — это состояние греха. «Грех — говорит Флоренский, — момент разлада, распада и развала духовной жизни. Душа теряет свое субстанциональное единство, теряет сознание своей творческой природы, теряется в хаотическом вихре своих же состояний, переставая быть субстанцией их. Я захлебывается в “потопе мысленном” страстей» [1, 174]. Вот, например, Джоконда. В чем загадочность ее улыбки? В том, скажет Флоренский, что она ничего положительно не выражает. Это улыбка греха, внутреннего смятения и растерянности. От хаоса греха спасает праведность, целомудрие. Цело-мудрие дает культ. «Это упорядочение человеческого существа культом мы связываем с термином благодать», — говорит Флоренский [5, 155]. И далее: «культом жизнь благодатствуется — т. е. движения ее дотоле порывистые, страстные, негармоничные — приходят в единство, своим многообразием не отрицая, но утверждая единство личности. Отдельные состояния и влечения теперь уже не хозяева, диктаторски овладевающие личностью... Личности не хочется, но она хочет. Она стала харитною» [5, 155]. Культ выводит человека из хаотического состояния претерпевания и позволяет оформиться антропологическому порядку. В христианской религиозной традиции это понимается как достижение изначального должного состояния. В философском смысле это означает обретение антропологического статуса.

Такое понимание культа и святости приводит к представлению о тотальном освящении реальности и антропологической модели человека тотального, то есть данного себе во всей полноте.

Освящение реальности

В русской традиции два понятия определяют модель тотального существования человека — символ и София. Наиболее радикальная теория символа принадлежит П. Флоренскому. Именно в его философии со всей определенностью обнаруживается специфика символа и его кардинальное отличие от знака. Стратегия сближения символа и символизируемого присуща в целом русской философии. И С. Булгакову, и А. Мейеру, и А. Лосеву, и символистам, в особенности Вяч. Иванову. Однако лишь Флоренский со всей определенностью высказывает идею их нетождественного тождества [7].

Символы — не знаки, не наглядная данность произвольной связи, но трансцендентные скрепы существования. Они обнаруживают не частичное, временное и условное объединение и порядок, но полное, всеобъемлющее, восходящее к вечности. Символ никогда не одинок, символ — это всегда система символов. И суть этой системы заключается в ее всеохватываемости. Нет ничего чуждого символу. Он все должен вобрать в себя и все упорядочить. Всему найти свое место. Символ пронизывает все бытие. В нем обнаруживается освященность реальности. А потому для символического сознания нет ничего неважного. Как жесткая тотальная система, находящее свое основание в символизируемом, символическая реальность чутка к каждой попытке поколебать ее основы. Не понятное светскому человеку сопротивление старообрядцев внести некоторые изменения в культ, становится прозрачным в свете символического сознания. Сложение перстов — не частность, не условность, но живой символ, в котором являет себя символизируемое. Нельзя изменить один символ, не затронув другой и в конечном итоге само основание системы символов.

Символическое сознание — это тотальное сознание, для которого нет частных, нет внеположенной системе. Система выстраивается символизируемым, т. е. абсолютным, трансцендентным центром, данным в тайне. Бог — основа символической системы. Безусловная точка отсчета, задающая порядок и структуру.

Это тотальное освящение реальности, опора на трансцендентный центр, данный в таинственности, и структурность религиозного обнаруживается и в софийном сознании. София, по мысли С. Булгакова, есть залог космоса в хаосе. Мир пластичен. София как душа и сущность мира, как предвечное человечество призвана к превращению внутри самой себя, к собиранию себя из распада на небесную и исто-

рическую Софию, к превращению хаоса и разлада эмпирического мира и человечества в гармонию. София как посредница между человеком и Богом бытийствует по принципу соединения несоединимого, т. е. по принципу Христа. Она, скажет Булгаков, причастная действию Логоса, передает божественные силы посюстороннему миру, освящая его, позволяя ему обнаружить в себе единство и жизнь [8, 157—158, 163—166]. Те же идеи о соединении божественного и тварного начал в Софии, о Софии как мировой душе, о Софии как единящем начале тварного мира характерны и для В. Соловьева.

Русские идеи всеединства, цельного знания, соборности содержат ту же логику тотального синтеза, дающего гармоничное единство противоположностей, противоречащего идее непроницаемости миров, которой придерживается европейская традиция. Непроницаемости миров и невозможности тотального существования, обнаруживаемых в европейской структуре «сакральное — профанное», противостоит русский символический подход освящения реальности. Пространству личного — тотальность бытия. Ацентричности структуры и хаоса — единственность и абсолютность трансцендентного центра, делающего возможным структуру.

Литература

1. *Флоренский П.А.* Столп и утверждение истины. Т. 1. М., 1990.
2. *Соловьев В.С.* Три разговора // http://az.lib.ru/s/solowxew_wladimir_sergeewich/text_1900_tri_razgovora.shtml.
3. *Ростова Н.Н.* Антропологическое измерение имени в философии П. Флоренского // *Философия и культура*. 2010. № 4.
4. *Ростова Н.Н.* Проект философской антропологии Павла Флоренского (в свете концепции «русского космизма» и уранической философии Жюль Делёза) // *Философия и культура*. 2010. № 8.
5. *Флоренский П.А.* Собр. соч. Философия культа (Опыт православной антропологии). М., 2004.
6. *Флоренский П.А.* У водоразделов мысли // *Христианство и культура*. М.; Харьков, 2001.
7. *Ростова Н.Н.* Символ в философии Павла Флоренского // *Философия и культура*. 2011. № 2.
8. *Булгаков С.Н.* Соч.: В 2 т. Т. 1. Философия хозяйства. Трагедия философии. М., 1993.

Г.С. ПЕТРЕНКО

Символическая природа денег в финансовом универсуме

Аннотация. В статье рассматривается проблема денег в контексте выявления из символической сущности. Автор утверждает, что социум, пронизанный культурой, являющейся производством символов, формирует собственные механизмы социального взаимодействия в зависимости от собственного символического измерения. Склонность к символической универсальности всегда была присуща торгово-денежным отношениям. Вместе с тем потребности и требования рынка обусловили становления знаково-символического характера денег. Подчеркивается, что символ обладает качеством одновременно объединить и разделять, что и демонстрируют деньги как в истории экономики и культуры, так и сегодня.

Ключевые слова: деньги, символ, знак, философия хозяйства, экономика, культура, мышление.

Abstract. The paper reveals the problem of money in the context of identifying their symbolic essence. The author argues that society, imbued with symbolicproducing culture, forms its own mechanisms of social interaction depending on their own symbolic dimension. Penchant for symbolic universality has always been characterized by trade and monetary relations. However, the needs and demands of the market led to the formation of signs and symbolic nature of money. The money in the history of the economy and culture, as well as today demonstrate that the symbol has the quality at the same time to unite and to divide.

Keywords: money, symbol, sign, philosophy, economics, culture, thinking.

Знаковая сущность денег («знак значения» — Ю. Осипов) коррелируется с их символическим смыслом. Символизм обусловлен «коммуникативным поворотом» в постсовременной философии, что нашло свои четкие научные формы в теории «коммуникативного действия» Ю. Хабермаса. Анализ социальной природы денег с точки зрения «теории коммуникации» должен учитывать «символический постулат», означающий включение в процесс коммуникации передачу и принятие символов. Отметим, что реальным содержанием товарно-денежных отношений являются отношения между людьми. Символическая форма денег обезличила эти отношения, однако не отменила их, но сделала более масштабными, по сути универсальными, поскольку при посредничестве денег в коммуникации между собой вступают

практически все субъекты, использующие деньги данной валютной системы, без временных и пространственных ограничений.

В результате каждый человек «помещает» себя как объект внутри своей символической среды. А это и есть картина мира, являющаяся скорее продуктом коммуникации, чем непосредственного опыта. Реальным субстратом такой символически «сконструированной» среды является сеть контактов, она составляет основу субкультуры данной группы или общественного образования. «В обществе с рыночной экономикой, — отмечает З.Э. Скрынник, — товарно-денежные связи являются “сетью контактов”, которая становится основой символически сконструированного мира, единственной из возможных и действительных, но такой, что пронизывает собой все остальные и даже претендует на роль своеобразной “матрицы” для них» [1, 73].

Обращение к понятию «символического» в философии требует, в первую очередь, выяснения онтологической природы данного понятия. Символ — это та «вещь», которая делает бытие, его смысл, возможным. С точки зрения А.Ф. Лосева, символ вещи является ее обобщением, законом, упорядоченностью, мировоззренчески-образным оформлением, ее «внутренне-внешним» знаком. Символ также является принципом бесконечного становления, отражением вещи, он выступает как «субстанциональное тождество бесконечного ряда вещей, охваченного одной моделью» [2, 272]. А.Ф. Лосев определяет символ вещи, исходя из его структуры, как «встреча» «означающего» и «означиваемого»: «Символ является полным взаимопроникновением идейной образности вещи с самой вещью. В символе мы обязательно находим тождество, взаимопроникновение определяемой вещи и означающую ее образность» [2, 268].

Несколько иное понимание «символа» мы находим у Ж. Делеза, у которого мир «интродуцированных» и «проектируемых» частичных «внутренних объектов» является миром «симулякров», или «копий». Согласно Ж. Делезу, «вещь — это симулякр, симулякр — это символ, символ — это знак, знак — это выявление различия» [3, 90]. Симулякр отрицает тождество и сходство во имя «различия».

Отметим, что ряд авторов в процессе проблемы исследований социальной природы денег отождествляют их с «симулякром». Иными словами, деньги понимаются как «симулякр», который подменяет собой реальное содержание вещей, их смыслы и значения. Так, с точки зрения Э. Тоффлера, деньги — как «убийцы вещи» — осуществляют переход индивида в самодостаточное измерение «искусственной» реальности. Она, выступая новой системой «создания материальных ценностей, полностью зависит от мгновенной связи и распространения данных, идей, символов и символизма. Это, как мы понимаем, эконо-

мика суперсимволов в прямом смысле слова» [4, 44—45]. Отделение денежных потоков от их материального воплощения порождает «суперсимволическую форму», в рамках которой «богатство — это богатство символов. И, как это ни странно, власть тоже базируется на символах» [4, 96], — указывает Э. Тоффлер. Развитие современных рынков, особенно финансовых, сопровождается виртуализацией этих процессов. Они являются пространством, в котором то, что продается, и то, что покупается, постепенно перестают быть конкретными товарами и все больше становятся «ярлыками», «знаками», демонстрируют тенденцию экономики переместиться в сферу воображаемого, освобождаясь от любых «реалистичных ограничений» (Д. Ваттимо).

Известно, что склонность к символической универсальности всегда была присуща торгово-денежным отношениям. Для обеспечения неограниченной свободы собственного обращения деньги должны превращать мир в однородное пространство отражаемого (воспроизводимого). Только тогда исчезают любые препятствия для их свободного обращения в какой угодно точке мира, когда разнообразие качеств можно редуцировать к абстрактно-универсальному денежному эталону. Эти качества являются той силой, которая позволяет торговцу проникать в любые культуры и чувствовать себя в их рамках как «дома». Вместе с тем не стоит забывать данную Г. Зиммелем характеристику денег как «родину безродных» [5].

Необходимо учитывать, что ситуация «символизма» «отрывает» индивида от реальности, поскольку круговорот самодостаточных финансов не требует ничего, кроме денег. Абсолютизация последних завершает процесс потери «ощущения реальности». Продуктивная деятельность как раскрытие полноты сущности идеи вещи оказывается невозможной в пространстве «виртуальной реальности». Единственное, что напоминает ее, является деятельностью по комбинированию «знаков» и «символов». Однако нужно понимать, что подобная активность направлена не столько в будущее, сколько в прошлое. Она является репродуктивной по своей природе, она не создает, а использует идеи классического наследия. Поэтому эти комбинации не расширяют способы жизни человека, но обменивают ее на денежные знаки в символическом «мире денег». В эпоху становления индустриального производства мир все еще имел собственное содержание. Но постепенно он превращается в «ресурс», хранилище необходимых материалов, а затем их сменили «товары» и их символы и знаки — деньги.

Отметим, что только с позиций нового мышления в его новой, более глубокой корреляции с реальностью можно открыть путь к пониманию той специфической формы «оденуженного бытия», которое открывается в символе. Благодаря ей возникает возможность понима-

ния смысла происходящего в социальной, экономической, культурной, политической жизни. Без философского анализа и перехода от «внутренней» формы бытия, обоснованной в мышлении, к языку как выявлению того и другого, как к манифестации бытия через начало мышления, проблема «символа» не может быть решена. Ведь деньги в «однеженном мире» — не только средство, не содержание, даже цифровое, а лишь «внешняя форма — виртуальная цифра, ничем не обоснованная и не подкрепленная, кроме организованной самими деньгами онтологической пустоты» [6, 8].

Учитывая данный контекст, можно представить экспликацию понятия «символа» в контексте «однеженного бытия». Прежде всего это вещь, структура которой является через смысл (то, что символизируется), чувственно-предметное проявление (символизирующее), мышление (символизатор). Учтем, что символ — это феномен иррациональный, по своему таинственный. В этом контексте таким же иррациональным феноменом выступают деньги, поскольку в «искусстве, религии, морали деньги предстают как некая грозная, всемогущая и безучастная сила, которая зависит только от самой себя, содержит у себя на службе магию, каббалу и, пожалуй, не ведает слов “невозможно”, “нельзя”. Это какое-то неизвестное божество, которое не совсем подвластно Богу и князю inferнальному, несущее в себе соблазнительно созидательную и разрушительную силу» [7, 11]. Конституирование и определение «символа» по отношению к другим понятиям социокультурной и экономической реальности начинается в точке «ничто» и заканчивается в точке «символ».

Если исходить из такой логики, то социальный мир в данном аспекте состоит из символов, выступающих «той сферой смыслов, рефлексия над которой порождают символы мышления, возводящие душу и разум к символам сознания» [8, 28]. При этом «символ» не является «знаком». Символ мышления — это вещь, понятая как воплощение отношения между «идеальным» и «чувственным» мирами. Если «знак» указывает на предмет, то «символ» — на сознание. Знак есть эпистемологический феномен, символ — онтологический [8, 28]. Для нормального функционирования знаков требуется «активность» символов как одно из множества проявлений духовно-культурной и социальной жизни. Безусловно, не меньшее значение для проявлений денежных знаков имеет экономическая сфера. Инвестированные в хозяйство деньги, принимая образ авансированного капитала, приносят в конечном итоге доход, выраженный в деньгах. Деньги и их функционирование становятся интегральной составной частью также и прогрессирующего экономического мышления. Обе внутренние формы, и экономики, и мышления, вступают между собой в связи, в единстве,

обуславливая принципиальную непрерывность все новых сфер социальности. Следовательно, и социокультурный мир в целом в его символических формах. Выделяя роль и значение знаково-символических форм в становлении «символических отношений», «символического мира», «символического пространства» отметим, что проблема конгруэнтности символических систем играет важную роль в социальной системе.

Возможность возникновения и развития «философии денег» позволила определить место и для понимания их «внутренней формы». Она установила правомерность претензий этой формы на определенного рода универсальность, одновременно обеспечила также ее своеобразие. Так возникает дилемма между применением принципа универсального логического единства, с одной стороны, и принципом индивидуализации в ее конкретно-опытных формах деятельности — с другой. Необходимость решения этой методологической дилеммы оставляет лишь один выход: если бы удалось указать такой момент, который обнаружил бы себя в любой из основных форм мышления или сознания и вместе с тем в одной из них не повторялся бы в сходстве и тождестве с другими. Если бы этот момент был найден, то он выполнил бы роль «медиума», через который проходит любое оформление, осуществляемое в каждом отдельном случае с многообразием основных направлений развития экономического мышления. Вместе с тем в нем сохраняются своеобразный смысл и специфический характер каждого из этих направлений.

Безусловно, проблему «медиума» решает понятие «символа», или «образа, который кажется» (Г. Герц). В научном познании обязательно должны присутствовать «наглядные гипотезы», «модели», «образы, которые кажутся» (являются), с помощью которых «схватывается» закономерная упорядоченность мира, чувственно воспринимаемая. В частности, мира экономического («мира денег»). Однако в данных, которые наиболее чувственно воспринимаются «в лоб», непосредственно ничего «не соответствует» заданному «образу», или «модели». В процессе своего развития научное познание осуществлялось с уточнением системы его «знаков», выступающих своеобразными «символами». Следовательно, в таком «контексте» знак выступает хотя и своеобразным, но символом, как и деньги.

Современные исследования «знака» и «символа» показывают, что в историческом времени существуют два языка: один — «язык-символ» в качестве последней и высшей инстанции, представляя собой полноту парадигмальных онтогносеологических возможностей, и второй — «язык-знак», стимулирующий реальность «языка-символа» и претендующий на статус универсального языка. «Язык-символ» и «язык-

знак» дают онтологическую меру того, что определяет всю нашу цивилизацию и реальность нашего мира в целом. Причем онтологии «языка-символа» и «языка-знака» являются диаметрально противоположными по отношению друг к другу. В результате возникает ситуация, когда деньги как «символически-знаковая» система выделяют социальные отношения с их непосредственным контекстом. Тем самым деньги (денежная система) «освобождают» социум и индивида «путем предоставления гарантий ожидания, дистанцированного в пространстве и времени» [9, 144]. Как известно, в смысложизненных планах ожидание денег (прибыли) часто ассоциируются с благом.

Если говорить о культуре, то условность символа стала реальным открытием «самосознания культуры» (К. Свасьян). Это означает, что «символ» в культуре проявляется как «мост» между вещами (миром) и психическими состояниями сознания. Выявление связи между ними приводит к появлению «знаков» как «психических вещей» (М. Мамардашвили), обладающих реальными свойствами. Их появление означает, что культура не желает подчиняться сознательному усилию: объекты культуры отделяются от «сознательной структуры» и перестают быть ее состояниями, формами, феноменами.

В этом контексте основное отличие «символа денег» от «знака денег» заключается в том, что в первом воплощается определенное пограничное знание о том или ином предмете (деньгах) как «псевдообъектное» знание, во втором же осуществляется только бесконечное стремление к этой «границе» в логике: из знаковой системы человеку никогда не удастся изымать себя самого, поскольку она пользуется ее символами и знаками. Поэтому знание о самом человеке есть не что иное, как его понимание. Тогда как знание, выделяясь из знаковой системы, остается только знанием. Поэтому все шаги, которые сознание «делает» в культуре, в знаково-символических системах, в условиях отражения, является уже не феноменологическим, а семиотическим интересом, поскольку в «знаках» не присутствует сознание, и речь может идти даже не о самих «знаках», а только о предметах, обозначаемых ими, в «знаках знаков» [10, 250]. Они, в свою очередь, становятся символами, как, например, деньги являются символом современной «финансовой цивилизации».

Отметим, что потребности рынка обусловили становление знаково-го характера денег. Это значение актуализировалось в способности уже «натуральных денег» выполнять базовые денежные функции — средства измерения стоимости и средства обращения. Тем самым «в системе общественной коммуникации, — указывает З.Э. Скрынник, — сформировалась новая подсистема, код, который в символической форме представил в смысловом поле динамики продуктов челове-

ской деятельности социальную значимость каждого представленного на рынке товара» [1, 36]. В результате создания специального символа, которым стали деньги, и целой символической системы, которая обслуживала (и обслуживает) товарообменную деятельность, открылись новые возможности в рациональной форме выражать отношения в процессе человеческой деятельности, достигать точности в социоэкономических расчетах.

Таким образом, «символ» трансформируется в процессе рефлексии, в которой «знание» вытесняет «понимание» как «знание о «сути сознания»». Вместо этого появляется знание об истории сознания, мышления, социальности и т. п. Но поскольку мышление и сознание как формы не могут быть материальными объектами, то символ как значение обозначает реальное положение вещей. Собственно, это и есть деньги, которые на основе сигнификации вещей превращают их в «определенные объекты экономической реальности» [1, 69]. Трансформировавшись в «денежный знак», символ реализует «социоэкономический смысл» как его понимание: связь «осознающего с «осознаваемым» проявляется как связь «знака» и «значения», и тогда «социоэкономический смысл предстает как бесконечно «возобновляемая предметность, понимание денег расширяется посредством их символического понимания. Например, деньги, осуществляясь в социуме в любом виде — как деньги реальные, виртуальные, кредитные и т. д., становятся одним из социальных и культурных смыслов и начинают функционировать самостоятельно, независимо от «сознательного опыта и чистого Я». В качестве социокультурного явления эти трансформированные деньги впитывают в себя другие смыслы, которые не имеют с ними ничего общего, за их счет продолжают существование в социальности и своими силами продолжают их существование. Это и называется «пониманием денег с помощью денег», где способами понимания денег как символа может выступать мышление. Как уже указывалось, мышление в процессе означивания создает систему «знаков» и «символов».

Объективность «символа» — это один из моментов его интерпретации, которая осуществляется вовсе не его средствами. Значения, которые получает «символ» денег как вид человеческой деятельности, как универсальный инструмент социоэкономической деятельности, как имя собственное и пр. осуществляется только при наличии внешнего наблюдателя, т. е. социального субъекта. Следовательно, «символическая ситуация» является одной из возможных ситуаций, в которых действует человек в «однеженном обществе». Таким образом, символичность не является универсальной в процессе познания и может в ряде случаев рассматриваться «не как натуральный объект, а как

структурная единица интерпретации объекта, структура сознательного акта». Иными словами, критерий самостоятельности социокультурной реальности денег по отношению к сознательному акту как «нереальности» проявляется в наличии субъективной ситуации, т. е. позиции социального наблюдателя. Универсальные качества денег как символа в то же время могут и должны быть использованы более продуктивным образом, с целью гармонизации человеческих отношений на всех интерактивных уровнях глобальной финансовой экономики.

Литература

1. *Скринник З.Е.* Гроші у вимірах комунікативних практик: соціокультурний аспект: Монографія. Львів, 2006.
2. *Лосев А.Ф.* Философия. Мифология. Культура. М., 1991.
3. *Делёз Ж.* Различие и повторение. СПб., 1998.
4. *Тоффлер Э.* Третья волна. М., 1999.
5. *Зимель Г.* Філософія грошей. К., 2010.
6. *Осипов Ю.М.* Деньги через призму философии хозяйства // Россия как цивилизация денег / Под ред. Ю.М. Осипова, М.М. Гузева, Е.С. Зотовой. М.; Волгоград, 2008.
7. *Шулевский Н.Б.* Деньги — Логос — Инкогнито мира // Россия как цивилизация денег/ Под ред. Ю.М. Осипова, М.М. Гузева, Е.С. Зотовой. М.; Волгоград, 2008.
8. *Савычева С.П.* Проблемы смысла в философии. Томск, 2000.
9. *Гидденс Э.* Последствия современности. М., 2011.
10. *Савельева М.Ю.* Введение в метатеорию сознания. К., 2002.

О.В. ДОБРОЧЕЕВ

Гуманитарные приложения гипотезы очень больших систем

Аннотация. В статье описывается универсальная модель динамики нового класса очень больших природных и социальных систем, отличительным признаком которых является естественная способность к самоорганизации. Описываются условия возникновения таких систем и закономерности их развития, необходимые для экономического анализа.

Ключевые слова: экономические, социальные, экологические, физические и биологические системы, самоорганизация, турбулентность, универсальные закономерности, прогноз.

Abstract. The article describes a universal model of the dynamics of a new class of very large natural and social systems, the hallmark of which is a natural ability for self-organization. Describes the conditions for the existence of such systems and regularities of their development, necessary for economic analysis.

Keywords: economic, social, environmental, physical and biological systems, self-organization, turbulence, universal patterns, forecast.

Системный анализ, созданный в свое время математиками для решения комплексных народнохозяйственных задач, занял сегодня прочные позиции в арсенале гуманитариев. Однако естественнонаучная мысль на этом не остановилась. Появились представления об иерархии систем, начиная с простых, механических, и заканчивая ноосферой Вернадского.

А несколько лет назад возникла гипотеза о новом классе систем, находящихся между механическими и биологическими системами, отличительным признаком которых является способность образовывать в процессе развития временно устойчивые (диссипативные) структуры. Иначе — еще не живые организмы, но уже и не хаотично движущиеся среды. В физических системах это ячейки Бенара, гидродинамические волны или вихри Кармана, в литосфере и атмосфере Земли — острова и материки, циклоны и торнадо, в обществе — села, города и государства. Такие системы, в отличие от более широкого класса больших систем, введенных более 100 лет назад Пуанкаре, были названы нами очень большими системами, или большими средами [1].

Классификация природных систем

В результате, сегодняшняя классификация макрофизических систем состоит в следующем. Ее начинают механические системы, описываемые детерминистическими законами, например, так как Солнечная система описывается законами Кеплера. Продолжают большие, или термодинамические, системы, которые описываются уравнениями Больцмана и могут содержать, как воздух, порядка 10^{19} молекул в кубическом сантиметре. Завершают классификацию очень большие системы, или большие среды, размеры которых на много порядков величины превышают размеры больших систем. Как, например, облако превышает размеры пробирки с воздухом. Для социальных образований различие между очень большими и большими системами характеризуется не столь значительным различием в количестве элементов. Например, очень большая система университета может состоять всего из нескольких факультетов и нескольких десятков кафедр, каждая из

которых, в свою очередь, может состоять из небольшого числа сотрудников.

Первыми на существование не столько класса очень больших систем, сколько соответствующих им явлений самоорганизации, обратили внимание в синергетике. Однако в рамках этой науки не удалось ни построить замкнутое описание этого класса явлений, ни строго очерить границы применимости модели.

Подвижки же в направлении единой теории очень больших систем, как мы уже отметили, начались в конце XIX в., когда Пуанкаре обратил внимание на то, что поведение более чем двух частиц нельзя описать детерминистическими уравнениями из-за высоковероятных резонансных взаимодействий между частицами. Последние «хаотизируют» движение и таким образом делают его непредсказуемым в рамках законов классической механики. Вторым шагом в этом направлении стали исследования Чижевского, заметившего синхронный механизм колебаний природных (солнечная активность) и социальных систем. Кондратьев, практически одновременно с Чижевским, обнаружил в экономике длинные циклы деловой активности, изменявшие свой характер во времени таким же асимметричным образом, как и волны солнечной и социальной активности масс. В них наблюдались быстрый рост в первой трети цикла и медленное затухание в оставшихся 2/3 цикла. Следующий шаг, заложивший основы единой теории движения очень больших систем различной природы, совершил Колмогоров, показавший своими уравнениями турбулентности, что амплитуда колебаний энергии частиц в сплошных средах зависит не столько от их физических свойств, сколько от размеров волны. Качественно это можно интерпретировать таким образом, как будто частицы больших сред «чувствуют» друг друга на больших расстояниях (в пределах длинных волн) и демонстрируют вследствие этого коллективное поведение, проявляя таким образом склонность к самоорганизации.

Затем Гумилев обнаружил в истории человечества сверхдлинные волны жизни этносов, приблизительно 1100—1200-летней продолжительности, характер пассионарности в которых изменялся так же, как и циклическая солнечная и социальная активность, — по Чижевскому, или деловая активность — по Кондратьеву. Иначе, в них имели место быстрый рост активности и ее медленное затухание в дальнейшем.

На следующем этапе, в конце 1980-х гг., на основе численного анализа широкого круга эмпирических данных по неравновесной (анизотропной) гидродинамической турбулентности нам удалось найти универсальное аналитическое описание ансамбля турбулентных волн большой среды.

Последний шаг в направлении единой теории очень больших систем был сделан на рубеже веков, когда идеи неравновесной турбулентности были использованы, в частности, П. Алексеевым, А. Агеевым, Ю. Батуриным, Ю. Зубковым, А. Соловьяновым, А. Клепачом, Ю. Ковалем, Б. Кузыком, М. Пивоваровой и М. Шнепс-Шнеппе для прогнозирования политических, энергетических, социальных и экономических процессов.

Особенности очень больших систем (больших сред)

В результате этой серии исследований удалось понять, что частицы больших сред самой различной природы (физической, политической, энергетической, социальной и экономической) ведут себя практически одинаково. Во-первых, они имеют общесистемные, а не специальные причины возникновения (*возникают как бы из ничего*). Во-вторых, свое состояние они изменяют не детерминированно, как механические системы, на что обращал внимание еще Пуанкаре, и не случайно, как это было предложено Больцманом в термодинамике, а волнообразно и турбулентно одновременно.

На сегодняшний день известен ряд закономерностей этой своеобразной турбулентности, масштабы флуктуаций которой простираются от микроколебаний воды в ручье до взрывов сверхновых Вселенных. (Первое изложение этой гипотезы можно найти в нашей статье [2].

В рамках исследования обратим внимание на три отличительных особенности или три первых принципа поведения очень больших систем.

I. Волнообразный характер зависимости энергии широкого спектра колебаний большой среды (E) от размеров флуктуаций (I/L)

$$E = E_0 (1 - I/L)^2 (I/L)^{2/3}.$$

В графической форме это распределение энергии показано на рис. 1.

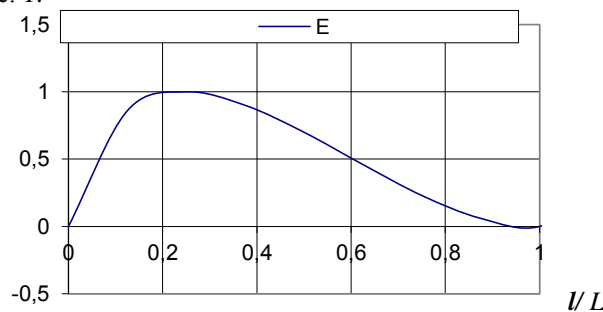

Рис. 1. График распределения энергии по длине флуктуаций

II. Пропорциональность амплитуды (E_0) и периода колебаний (T) длине волны (L), которая, согласно гипотезе Колмогорова, характеризуется степенью $2/3$.

III. Самопроизвольное возникновение в природных и социальных средах серии устойчивых диссипативных образований (социальных атомов), внутреннее состояние которых изменяется со временем волнообразно. Размеры всех природных и социальных образований на Земле оказываются при этом кратны радиусу планеты, а периоды их наиболее крупных колебаний — 140-летним глобальным волнам, а также их гармоникам и обертонам в 9, 11.6, 17.5, 35 70 и 560, 1120 лет.

Это обстоятельство — существование одинаковых частот колебаний природных и социальных систем — позволят объяснить эффект нелинейного усиления их флуктуаций (так называемый синергетический эффект) резонансными взаимодействиями разных по качеству, но одинаковых по частоте волн.

Для понимания феномена больших сред немаловажное значение имеет критерий перехода от них к большим системам и наоборот. Иначе говоря, условие *возникновения в среде без непосредственного действия каких-либо внешних сил* устойчивых структур (социальных атомов). В гидродинамике этот критерий называется числом Рейнольдса, который он ввел более ста лет назад. В последние десятилетия, однако, были обнаружены ограничения применимости этого критерия. Поэтому лет тридцать назад вместо него были предложены два подобных друг другу критерия, один — Н. Яненко, другой — В. Мотулеви-чем и нами. Последний, численно равный отношению длины флуктуаций к размеру макросистемы, называется критерием дестабилизации $De = V/L$.

В результате было эмпирически установлено, что течение становится турбулентным, если этот критерий удовлетворяет условию $De = V/L < 0,2$, т. е. когда размеры самопроизвольно возникающих структур не менее чем в 5 раз меньше размеров всей системы в целом.

Это условие и позволяет сформулировать критерий очень больших систем, т. е. систем, в которых самопроизвольно возникают «социальные атомы». Большие системы переходят в очень большие при условии, когда их размеры более чем в 5 раз превышают размеры возникающих диссипативных структур $Ll > 5$.

При этом переход в состояние очень больших систем может инициироваться самыми разными причинами и протекать различными способами. Можно, например, увеличивать размеры большой системы, пока в ней не возникнут диссипативные структуры, или нагревать среду, как воду в чайнике, пока она не закипит, или увеличивать число

сотрудников фирмы, пока в ее среде не начнут образоваться неформальные структуры, и т. д. и т. п.

Формула красоты

Рассмотрим серию феноменов больших сред, которые позволяют полнее раскрыть качественное содержание первых принципов гипотезы I—III.

Физическая среда. Начнем с очень больших систем физической природы. В частности, с феномена морских волн. Идеальным образом такой волны считается картина японского художника XIX в. К. Хокусай (рис. 2).

Рис. 2. Рисунок морской волны художника К. Хокусай

Сопоставляя его картину с графическим образом энергии турбулентной волны, развернутой соответствующим образом (рис. 3), мы видим высокую качественную схожесть между ними. В частности, и там, и там мы наблюдаем короткую фазу распада волны (на рис. 2 она показана в первой половине картины) и длинной фазы ее формирования (на рис. 2 она в самом начале и конце).

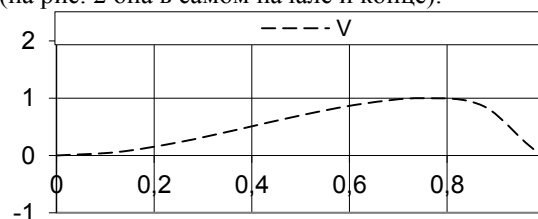

Рис. 3. Теоретический график распределения энергии по длине волны

Эти две фазы волны описываются двумя разными механизмами движения большой среды.

1. Начало волны — самопроизвольным ростом наиболее крупных флуктуаций вплоть до устойчивых в данных условиях размеров своеобразных «социальных атомов» воды, согласно нашей модели.

2. Фаза окончания — неустойчивым (диссипативным) распадом самых крупных флуктуаций на все более мелкие частицы вплоть до молекул, как это предполагал в свое время Колмогоров и как это хорошо показывает рис. 2.

В совокупности эти два механизма обеспечивают рост со временем потенциальной энергии большой среды (и соответственно высоту волны, показанной на рис. 2) согласно уравнению.

Таким образом, на полотне художника К. Хокусай мы видим, что динамическая конкуренция порядка и хаоса, описываемая формулой турбулентной волны, формирует удивительно красивую картину. Эта формула, однако, как мы покажем далее, описывает не только красоту морской природы, но и многие другие атмосферные и социальные явления, феномены космоса, фауны и флоры — возможно, потому, что физические механизмы естественного роста флуктуаций большой среды до пределов устойчивости и последующего турбулентного распада являются частным проявлением извечной борьбы порядка и беспорядка, добра и зла, стихий, которые только в совокупности способны создавать все великолепие окружающего нас мира.

Это хорошо видно на рис. 2, 4, 5, на которых показаны феномены очень больших систем атмосферы и космоса в сопоставлении с их теоретическими моделями.

Рис. 4. Облака в сопоставлении с моделью турбулентной энергии больших систем

На рис. 4 мы видим, например, что гипотеза очень больших систем удовлетворительно описывает распределение энергии турбулентности по длине облака.

К очень большим, безусловно, относятся и все космические системы. Например, галактики. Одна из них в сопоставлении с волновой картиной распределения турбулентной энергии показана на рис. 5.

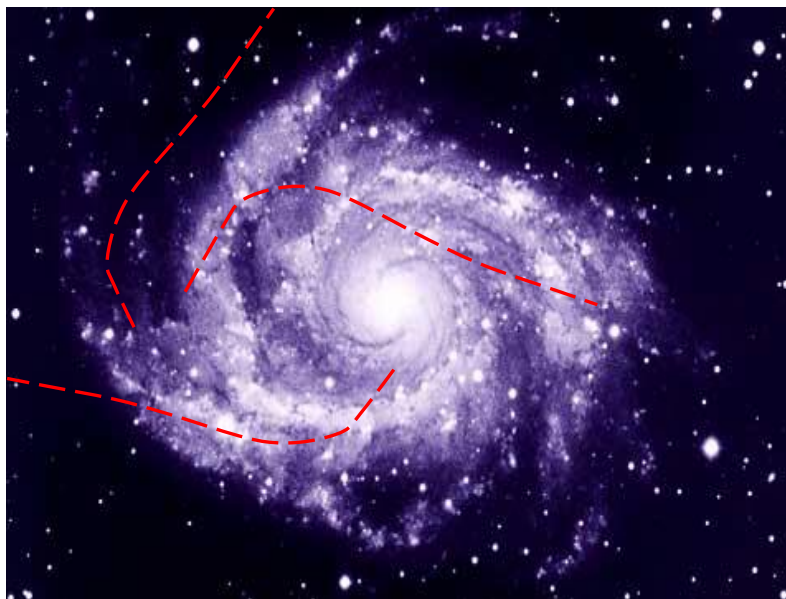

Рис. 5. Фотография галактики 1355607039_6777 в сопоставлении с расчетными волнами распределения в ней энергии турбулентности

И здесь мы видим определенное согласие в распределении плотности вещества галактики и энергии турбулентного движения ее вещества.

Волнообразный характер существования больших сред проявляется не только в их форме, но и в динамике развития. Это можно видеть на рис. 6, на котором показана солнечная активность за последние десятилетия в сопоставлении с моделью турбулентной волны.

Поскольку, согласно исследованиям Чижевского, социальная активность масс колеблется подобно солнечной, можно считать, что турбулентная волна на этом рисунке удовлетворительно описывает и динамику социальных движений.

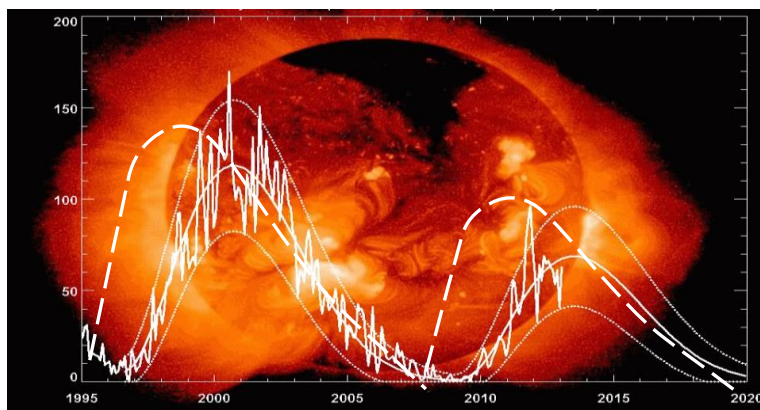

Рис. 6. Солнечная активность (сплошная линия) последних десятилетий в сопоставлении с 11—12-летними волнами энергии турбулентных колебаний большой среды (штриховые линии)

Социальная среда. Как показали исследования Кондратьева, подобно солнечной и социальной активности масс, но только на протяжении 45—60 лет, а не 11—12 лет, изменяется и деловая активность общества (рис. 7).

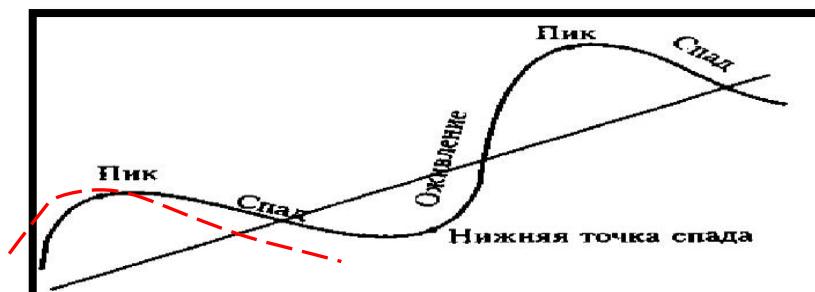

Рис. 7. Основные фазы деловой активности длинной волны Кондратьева в сопоставлении с волной энергии турбулентных колебаний большой среды (штриховая линия)

Она быстро поднимается в первой четверти цикла и медленно падает в оставшихся 3/4 цикла. Подобно ведет себя, по нашим наблюдениям, и активность игроков на финансовых рынках, которая опосредованно выражается в динамике курса национальной валюты. Об этом

свидетельствует сопоставление валютного курса рубля на рис. 8 с теоретической волной деловой активности России.

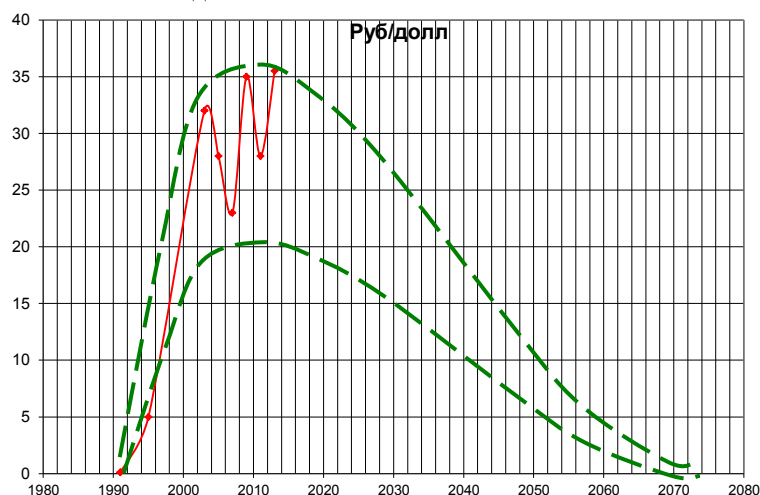

Рис. 8. Динамика валютного курса рубля с 1991 г. в сравнении с турбулентной волной деловой активности в России (решение 2007 г.)

Жизнь общества, как хорошо известно, определяется не только активностью деловой среды, но еще и хозяйственной производительностью. Поэтому экономическую динамику следует измерять, как минимум, двумя параметрами: деловой активностью и производственной (см.: [3]).

Качественный характер поведения этих различных индикаторов экономики, как можно видеть на рис. 7 и рис. 9—10, удовлетворительно описывается уравнениями турбулентной динамики.

Так, рис. 9—10 показывают, что теоретическая модель турбулентной волны удовлетворительно описывает прирост ВВП в совершенно разных по своему экономическому, социальному и политическому положению странах: США и Украине.

Такого рода волновой анализ экономической динамики разновеликих государств позволяет объяснить тесное сотрудничество в последнее время США и Украины схожим характером их кризисного состояния.

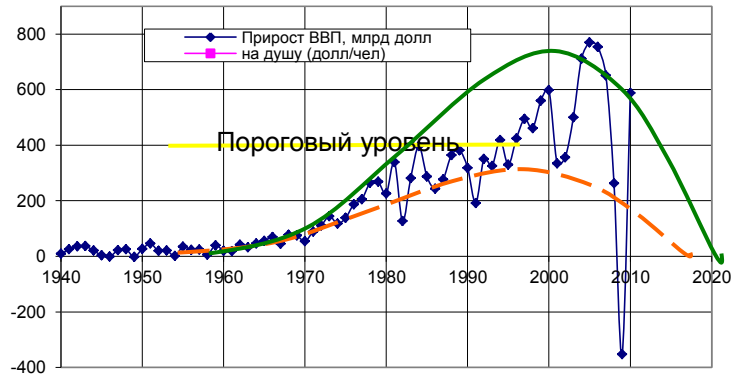

Рис. 9. Прирост ВВП США с 1950-х гг., в млрд дол. в сравнении с турбулентной моделью

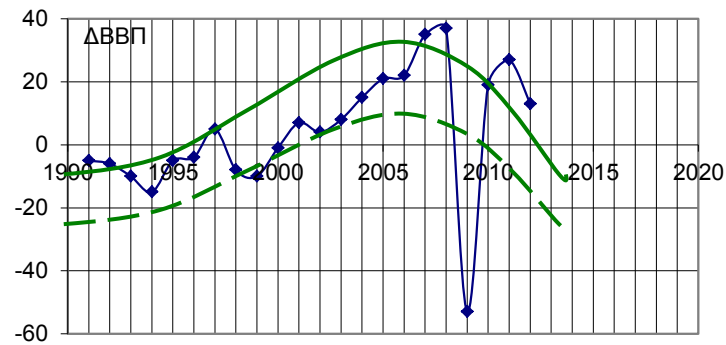

Рис. 10. Прирост ВВП Украины, в млрд дол. с 1991 г. в сравнении с турбулентной моделью

Как хорошо известно со времен Гумилева, волнообразный характер социальной динамики наблюдается и в сверхдлинных 1100—1200-летних волнах пассионарности этносов. Результаты его исследований в сопоставлении с турбулентной волной показаны на рис. 11.

Рис. 11. Сопоставление графика изменения пассионарности этнической системы Гумилева (сплошная линия) с волной энергии турбулентных колебаний большой среды (штриховая линия)

Сравнивая, далее, энергию турбулентной волны с волнами пассионарности Гумилева, социальной активности масс Чижевского и деловой активности Кондратьева (как это показано на рис. 6, 7, 11), мы обнаруживаем их высокую качественную схожесть, несмотря даже на большую (достигающую 100 крат) разницу в периодах колебаний. Это позволяет высказать предположение, что турбулентную энергию очень больших систем в зависимости от контекста задачи можно соотносить либо с частотой событий по Чижевскому, либо с числом независимых энергетических состояний системы (ее энтропией), либо с пассионарностью Гумилева и т. д.

Рисунок 11, кроме того, показывает, что турбулентная модель не только удовлетворительно описывает характер волны пассионарности, но и ее длительность, поскольку она точно складывается из двух недавно обнаруженных в истории 560-летних волн становления на Земле новых мировоззренческих концепций (табл. 1).

Таблица 1

Расчетные периоды по 560 лет	Периоды истории	Исторические события
1084—1119 гг. до н. э.	XII в. до н. э.	Эпоха Моисея
524 — 559 гг. до н. э.	544—623 гг. до н. э.	Время жизни Будды (Гаутамы)
1—36 гг.	4 г. до н. э. — 30 гг. н. э.	Приблизительное время жизни Христа
561—596 гг.	570—632 гг.	Эпоха пророка Мухаммеда
1121—1156 гг.	1155 — 1227 гг.	Эпоха Чингисхана
1431—1466 гг.		Раннее Возрождение
1681—1716 гг.	1672—1727 гг.	Становление классической физики
1991—2026 гг.		Появление в наше время новых принципов науки
2241—2276 гг.		Постнаука, или время Богов (?)

Природная среда. Рассматривая, далее, графическую информацию по долговременной динамике климатических изменений в большой природной системе Земли (рис. 11, 12), мы обнаруживаем приблизительно такие же несимметричные по форме и подобные по продолжительности 560-летние волны, их 140-летние гармоники и 1120 и 2800-летние обертоны.

Так, на первом из этой серии рисунков⁴³ в интервале 1100 — (1600) 1700 гг. мы видим картину приблизительно 560-летней турбулентной волны температурных колебаний и трех более коротких колебаний приблизительно 150-летней продолжительности в 1550—1700 и 1700—1850—2000 гг.

Описывая эти многолетние вариации температуры турбулентными волнами, учтем, в соответствии с нашей гипотезой, что в гидросфере и атмосфере Земли одновременно со 140-летними волнами существует множество их гармоник, 35, 70, 280, 560 и 1120 -летней продолжительности, только часть из которых может проявиться в наблюдательных данных. Результаты расчетов этих проявленных в истории волн и представлены на рис. 12. На нем видно, что гипотеза больших сред и в

⁴³ Рисунки к статье были собраны и отредактированы студенткой Финансового университета Владой Белковской.

данном случае вполне позволяет удовлетворительно описывать качественный характер наблюдавшихся на Земле долговременных климатических изменений.

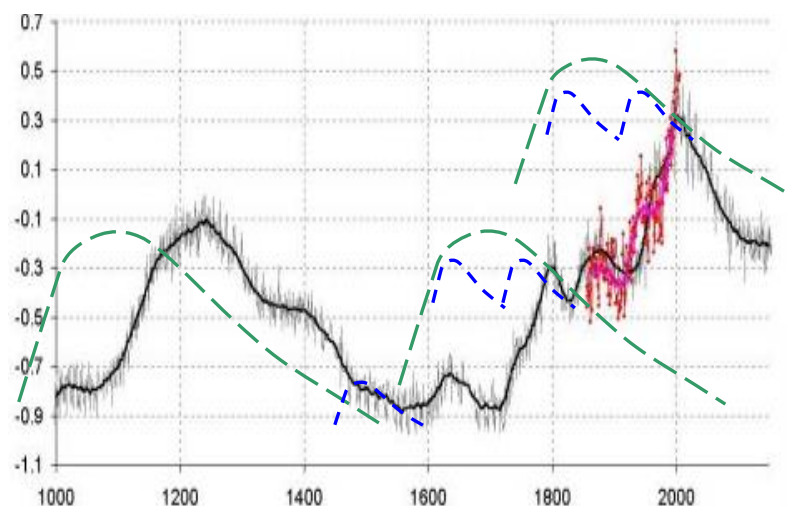

Рис. 12. Вариации температуры на Земле, по данным University of East Anglia, UEA, отдел климатических исследований [4] в сопоставлении с турбулентными волнами активности природной среды 560 и 140-летней продолжительности (штриховые линии)

Результаты модельных расчетов свидетельствуют, что наша планета сегодня находится на пике потепления, который, по разным оценкам, может продлиться от нескольких лет до нескольких десятилетий. Это, однако, совсем не означает, что климат все это время будет стабильным. Совсем наоборот, согласно модели больших сред, экстремальный характер средней температуры должен сопровождаться высокими амплитудами ее колебаний по пространству и времени, что мы и наблюдаем последние десятилетия.

Хорошо видимую на рис. 12 приблизительно 560-летнюю периодичность климатических изменений можно обнаружить и в более длинных рядах наблюдений, показанных на рис. 13. На нем, однако, помимо этого содержится еще и дополнительная информация о двух сверхдлинных климатических изменениях, приблизительно 2,7-тысячелетней продолжительности (-3300 — -700 лет и -700 — 2000 гг.). Практически одинаковая длина этих волн позволяет предпо-

ложить, что сегодня по окончании второй из них начинается третья волна. Это обстоятельство позволяет объяснить высокую неопределенность всех существующих прогнозных оценок климата, которые не способны учесть самые длинные волны изменения состояния природной среды.

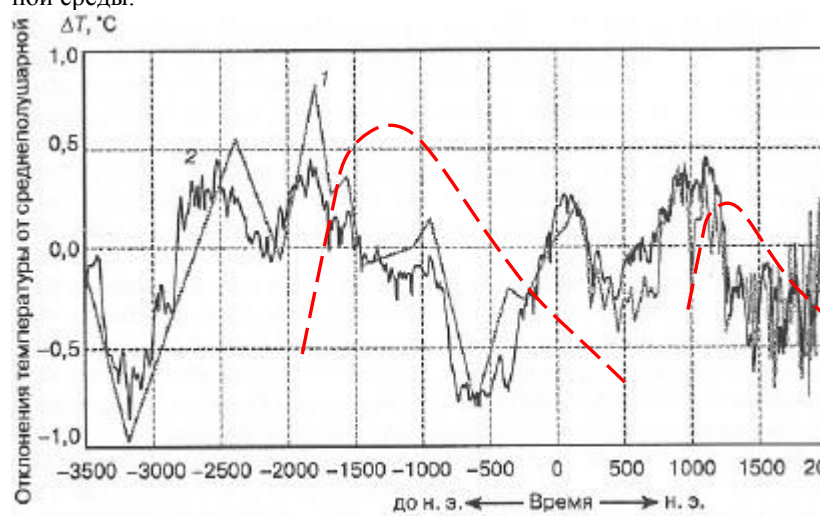

Рис. 13. Волны климатических изменений, по данным А. Никонова [5], сопоставление с 2800-летними и 1120-летними обертонами 140-летней глобальной волны

О возможных последствиях климатических изменений можно судить, сопоставляя динамику температуры с близкими по времени историческими событиями. Так, например, в Древнем мире, как показывает приведенная ниже табл. 2 из книги А. Никонова, резкие перепады температур сопровождалась крупными геополитическими изменениями, в среднем приблизительно каждые 150 лет (семь событий за 1100 лет).

Хронологическое сопоставление массовых миграций и сильных извержений вулканов во II — I тысячелетии до н. э., социальные сдвиги, согласованные по времени с экстремальными значениями температуры, продолжились и в современную эпоху, что можно заметить в табл. 1.

С этой точки зрения табл. 1 можно использовать для долгосрочного прогноза климата. В соответствии с ней мы можем заключить, что

наиболее крупные социальные потрясения, обычно сопряженные экологическими катаклизмами, ожидают человечество в середине XXIII в.

Таблица 2

Год до н. э.	Событие	Дата извержения вулкана
1700	Вторжение гиггосов в Египет	1965+-74
1550	Вторжение ариев в Северную Индию	1623+-73
1450	Вторжение дорийцев на Крит; гибель минойской культуры	1454+-69
1200	Исход евреев из Египта; вторжение народов моря в Египет; распад хеттского государства	1192+-64
1100	Начало расселения финикийцев по Средиземноморью	1084+-62
750	Начало расселения греческих колонистов по Средиземноморью	737+-55
700	Начало движения скифов из Центральной Азии в Европу	737+-55
612	Вторжение мидийцев, скифов, киммерийцев, крушение Ассирии	582+-52

Источник: [5].

Биологическая среда. Большие среды, будучи промежуточными между механическими и биологическими системами, должны проявлять в них те или иные свои свойства и качества. Это, в частности, можно видеть на рис. 14 и 15, на которых показано сопоставление формы дельфина и тюльпана с волновой картиной распределения энергии турбулентности.

Рис. 14. Сравнение формы тела дельфина с теоретической кривой распределения энергии турбулентности по его длине

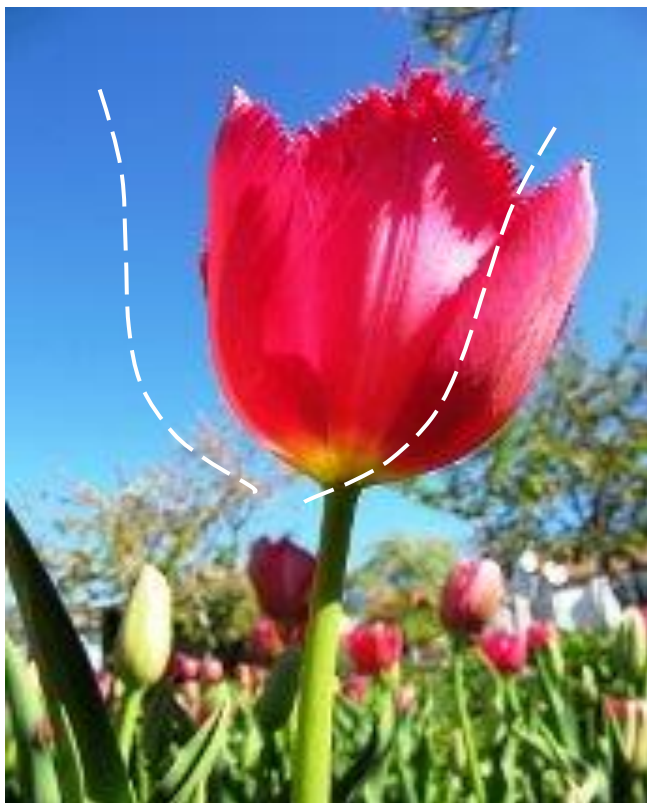

Рис. 15. Сравнение формы цветка тюльпана с теоретической кривой распределения энергии турбулентности по его длине

Заключение

В результате мы приходим к выводу, что очень большие системы являются весьма распространенным на Земле и в космосе явлением. К ним относятся: атмосфера, гидросфера, литосфера, галактики и, в определенной степени, биологические и социальные системы и подсистемы. Динамическое состояние очень больших систем характеризуется постоянной конкуренцией процессов устойчивого роста их флуктуаций и турбулентного распада.

Будучи своеобразным природным явлением, большие системы в равной мере склонны как к распаду (тепловой смерти), так и переходу в качественно иное состояние, называемое жизнью.

Живым же системам свойствен гомеостаз, т. е. способность длительное время сохранять динамическое равновесие своих разновели-

ких и разнокачественных подсистем и непрерывно (а не аperiodично, как очень большие системы) воспроизводить себе подобных, т. е. живых существ.

У Вселенной, в рамках этой модели, тепловая смерть, как это следует из представлений Больцмана, не единственная перспектива. На определенном этапе своего роста она вполне может породить жизнь и человека, что мы и наблюдаем на планете Земля.

Литература

1. *Доброчеев О.В.* Турбулентность, жизнь, разум // *Философия хозяйства*. 2012. № 2.
2. *Доброчеева О.В.* Физические закономерности общественного развития от тысячелетних цивилизаций до сегодняшних дней // *Общественные науки и современность*. 1996. № 6.
3. Сильной может быть только умная экономика // *Философия хозяйства*. 2011. № 4.
4. <http://www.cru.uea.ac.uk>.
5. *А. Никонов.* История отможенных. М., 2007.

М.А. АЛЬПИДОВСКАЯ

Материальные и духовные ценности. Прерогатива выбора современного общества

Аннотация. Современная система мироздания основана на первичности материальных ценностей, которые не несут в себе созидательного элемента. Как следствие, сама система становится неустойчивой. Человеческое общество — основной базис современного мира. Для существования условий, в которых данный базис способен выполнять продуктивные функции, необходимо учитывать потребности каждого человека в отдельности как важного элемента глобального общественного механизма. Необходимые инструменты для изучения данного вопроса предлагаются разными социальными науками, такими как экономика, история, философия, антропология и психология. Основной задачей, поставленной перед человеком как перед основным механизмом вселенского процесса усложнения мироздания, является определение максимально верного пути движения, который направлен на познание глобальной истины.

Ключевые слова: система ценностей, потребность, социум.

Abstract. The modern system of the Universe is based on the primacy of material values which do not carry a constructive element. Consequently the system becomes unstable. Human society is the main basis of the modern world. We should consider the needs of each person for productive existence of the system. Different social subjects, such as economics, history, philosophy, anthropology and psychology, suggest necessary tools for this issue. Determination of the right way of the perception of the global truth is the main humanity task.

Keyword: the system of values, human needs, society.

Экономика является совокупностью общественных наук, иными словами — наук социальных. Социальными называют те науки, которые направлены на изучение аспектов человеческого бытия в разрезе его общественной деятельности. В отличие от искусства социальные науки для исследования человечества используют научный метод, определяющий понятие «когнитивность». Когнитивность в широком смысле означает акт познания и само познание. Именно когнитивный механизм позволяет формировать мировоззрение, которое, в свою очередь, придает человеческой деятельности осмысленный, организованный характер. Одна из важных задач как каждого человека в отдельности, так и человечества в целом состоит в том, чтобы расширить границы знания о мире. Совокупность способов расширения этих границ суть процесс познания. Экономическая наука является неотъемлемым элементом этого глобального процесса. Но сама по себе в отрыве от остальных социальных наук, таких как психология, антропология, философия, история, не дает полного представления о том, какой вектор направления движения человечества является верным.

Еще Аристотель заметил, что только тогда можно понять сущность вещей, когда знаешь их происхождение и развитие. История и философия, особенно в своем разделе онтологии, дают нам представление о происхождении и развитии всего сущего. Экономика как совокупность производственных и товарообменных отношений выявляет потребности социума, из которых как раз складываются эти отношения. Психология, в свою очередь, объясняет природу потребностей человека. При этом неразрывными должны быть поиски ответов на поставленные вопросы в области социальной психологии и психологии личностной, так как потребности социума являются следствием социальных потребностей человека как ячейки общества. Именно поэтому большое значение имеет выявление истинных потребностей человека с целью формирования задач и определения целей социума.

Большим подспорьем существования любой выстраиваемой социальной концепции является создание системы ценностей, которая является ориентиром в принятии решений. Отсюда вытекает еще один не

менее значимый для человека вопрос о том, какая система ценностей приемлема для жизни, а какая является деструктивной силой, т. е. силой, разрушающей саму основу бытия. Системы ценностей возникают одновременно с возникновением человеческого общества. В.К. Никольский, один из первых отечественных исследователей истории первобытного общества, опираясь на труды В.И. Ленина и американского этнографа Л. Моргана, в своей статье «Первобытно-коммунистическая формация» связывает возникновение понятия «человеческое общество» с возникновением первобытной коммуны. Льюис Морган, живший еще в XIX в., в свое время определил родовое общество как первую форму существования человеческого общества. Если отбросить различия детерминаций данного понятия, то можно выявить одну особенность, которую отмечают все перечисленные ученые. Эта особенность заключается в том, что возникновение человеческого общества напрямую вытекает из факта обуздания зоологического индивидуализма. Существует весьма занимательная переписка В.И. Ленина с А.М. Горьким, где они вступают в полемику по этому вопросу. А.М. Горький говорит о существовании некоторого комплекса идей, будящих и организующих социальные чувства, имеющих целью связать личность с обществом и, как раз-таки, обуздать зоологический индивидуализм. В противовес этому В.И. Ленин делает вывод о том, что зоологический индивидуализм обузда не идея бога, а первобытное стадо, точнее, первобытная коммуна.

В любом случае это становится возможным только благодаря наличию разума у человека. Разум, способный контролировать зоологический индивидуализм, в момент формирования человеческого общества, а значит, и человека как социальную единицу провоцирует человека на познание окружающего мира. Познание является следствием существования разума, но, возможно, есть и обратная связь, и разум есть производная всего сущего во Вселенной. Это самый главный философский вопрос, ответ на который, возможно, дал бы человеку понимание единственно важной истины — смысла жизни. Но есть и другие немаловажные промежуточные вопросы, на которые человечество до сих пор не нашло ответа. Один из них возник еще в момент формирования человеческого общества, в эпоху верхнего палеолита, и звучит он так: «Откуда мы? Кто мы? Куда мы идем?». Ответы на эти вопросы как раз и ищут социальные науки и искусство. Существует одноименное живописное полотно Поля Гогена, экспонируемое в Музее изящных искусств в Бостоне, на котором художник при помощи образов пытается дать ответы на поставленные вопросы. Считается, что полотно следует читать справа налево, а в конце работы зрителю предстает белая птица как символ бесполезности слов.

Очевидно, мы не знаем точных ответов на поставленные вопросы, отсюда и плюрализм мнений. Но человечество уже накопило немало знаний и имеет представление об окружающем мире и его истории. Согласно теории Эйнштейна и теории большого взрыва, господствующей у современных физиков, Вселенная постоянно расширяется и усложняется. Существуют альтернативные теории, например, «бесконечно пульсирующей Вселенной». Но ни одна теория не отрицает тот факт, что Вселенная постоянно усложняется. Этот процесс существует автономно и не зависит от нас. Человечество как часть Вселенной также подвергается воздействию этого процесса. Возможно, если бы люди оставались на одной и той же, более примитивной ступени развития, были бы более счастливы в своей гармоничной связи с природой, так как все их потребности легко бы удовлетворялись. Но вселенский механизм усложнения приводит человеческое общество к возникновению цивилизаций с их навязанными суррогатами счастья и искусственно созданными потребностями. Современное либеральное общество потребителей хорошо демонстрирует сей факт. Но главной потребностью человека остается сама жизнь. Еще одна потребность, заложенная в каждом из нас, — это потребность экспансии, как территориальной, так и экспансии во времени, иначе, передачи информации. Инстинктивно мы выполняем заложенную в нас функцию сохранения разума и использования его во благо развития Вселенной. На человеке как на единственно известном нам носителе разума лежит сверхзадача — сохранить этот самый разум как некий центральный элемент системы мироздания. Очевидным является тот факт, что жизнь человека как биологического вида на планете Земля в итоге конечна. Как именно мы в итоге сумеем трансформироваться для сохранения функции разума — на данный момент науке не известно. Но существующая неочевидная социальная потребность созидания дает шанс человечеству избежать плачевного итога и все же выполнить свою миссию носителя разума. Только процесс созидания приближает нас к положительно вероятному исходу и способствует глобальному вселенскому усложнению и одновременно доказывает существование этого процесса. И, именно ощущая себя созидательным элементом большого механизма, человек способен испытывать гармонию счастья. В этом и есть единственно верный вектор направления движения человечества, вектор, направленный на продление жизни. Подобные философские мысли можно встретить в трудах таких ученых, как В.И. Вернадский и К.Э. Циолковский. Последний отмечает, что распространение жизни есть благо, и тем большее, чем совершеннее, т. е. разумнее, эта жизнь, ибо «разум есть то, что ведет к вечному благосостоянию каждого атома».

Но факт того, что цивилизации периодически погибают, заставляет задуматься о том, что, возможно, в какой-то момент вектор направления движения меняется. Часто это связано с изменением системы ценностей. Современные ценности, пропагандируемые западным либеральным обществом, по большей степени материальные, точнее, несут в себе смысл восхваления идей гедонизма, получения бесконечного счастья без какой либо отдачи. Это ценности, направленные на удовлетворение навязанных чрезмерных примитивных индивидуальных потребностей, что непременно ведет к архаизации. Но в человеке уже запущен механизм социализации. А люди, живущие на территории России и воспитанные в традициях уважения общественных ценностей, особенно остро способны ощутить диссонанс, в который вводит весь диалектический процесс развития мира, сам факт существования современной системы либерального атомарного общества.

Но, прежде чем критиковать систему и искать способы построения новой, более совершенной социальной конструкции и формации, экономистам, политэкономам, политикам и социологам стоит обратить внимание на природу возникающих потребностей не только социума, но и каждого человека в отдельности. Именно потребности, классификаций которых на свете великое множество, являются причиной любого человеческого решения и действия. И на вопрос о причинах их возникновения более точно отвечает наука психология. Достаточно тонким психологом выступает Л.Н. Толстой, который в своем произведении «Воскресенье» предлагает читателю задуматься о судьбе каждого из каторжников, приводит доводы в пользу несовершенства и ненужности существующей системы тюремного наказания. В этих рассуждениях писатель опережает свое время более чем на сто лет, ведь современный человек до сих пор не способен предложить более совершенную систему регуляции нарушения существующих общественных законодательных норм. И тот факт, что мы недостаточно любим друг друга, уже полностью вошел в жизнь современного человека. Любовь есть проводник между людьми, который способствует процессу созидания. Ее отсутствие говорит о закрытости каждого члена общества и о процессе распада самого общества. Из этого вытекают недоверие каждого члена общества по отношению к остальным и возникновение ощущения ненужности. Вследствие чего срабатывает защитный механизм организма, и формируется некая субличность каждого индивида, которая не испытывает болевых ощущений касательно своей ненужности, так как это уже некая другая личность. Возникшая субличность существует, выполняя функцию анестетика, снимая неприятные ощущения, вызванные возникшей фрустрацией личности, которая, в свою очередь, чаще всего вызвана ощущением ненужности. Чтобы существовать, эта субличность требует удовлетворения своих псевдопо-

требностей. Чаще всего это связано как раз-таки с материальным миром, с тем, что легко может дать ощущение реальной жизни человеку. Человек становится заложником своих ощущений и эмоций, его легко сделать массовым потребителем и внушить ему любую идею. Такой человек больше не умеет построить среднесрочный план, ведь его задача теперь только удовлетворить псевдопотребности субличности, чтобы анестезия снова подействовала, — отсюда возникает общество безразличных друг другу граждан. На вопрос о том, что нужно именно личности, человек ответить не может, так как он не знает ответа на второй вопрос, обозначенный Гогеном в названии своей картины: «Кто мы?», а точнее, «Кто я?».

Это проблема достаточно глубока, только общими усилиями мы можем найти ответ на этот вопрос. Из этой проблемы вытекает необходимость понимания человеком своего предназначения не только в планетарном масштабе, но и в масштабе социума, в том числе маленького социума — семьи. Современный мир диктует человеку идеологию свободы и равенства, что само по себе бессмысленно. Равенство абсурдно уже потому, что у каждого человека существует потребность в различии, а свобода — потому, что существует масса социальных потребностей, которые возможно удовлетворить, только находясь в зависимости друг от друга. Стремление к свободе и независимости в конечном итоге говорит о глобальном недоверии людей, о глобальной непережитой боли от постоянного ощущения ненужности. Но заложенная в каждом из нас потребность в любви, в первую очередь родительской, так или иначе, дает о себе знать. Каждый из нас инстинктивно стремится к любви, но зачастую не к ее распространению, а к получению вследствие того, что предшествующие поколения не смогли передать конструктивный опыт любви. Особенно это ощущается в обществе так называемой «безотцовщины», возникшей в послевоенный период. Поиск первопричины, возможно, и полезен в данном случае для понимания процесса, но не является решением возникшей родовой проблемы общества людей.

Однако решение проблемы существует всегда, главное — определить направление, т. е. цель, в соответствии которой будет выстроен ряд задач. На данном этапе развития человечества такая цель существует. Она заключается в некотором процессе созидания и усложнения системы мироздания для поддержания условий существования разума. Главным созидательным элементом социальных процессов является мужчина. Это вытекает из его природы. Как минимум, организм мужской особи не обременен функцией рождения потомства. Но это вовсе не означает, что роль мужчины является главенствующей в созидательном процессе и что женщина не выполняет никакой социальной роли, кроме как рождение потомства. Мужчины и женщины

наделены абсолютно разным функционалом, но при этом только правильное взаимодействие этих двух элементов позволяет созидательному механизму работать. Индийский духовный лидер Чандра Мохан Джеин формулирует следующую мысль: «Любовь это вся жизнь женщины. Для мужчины это не так. Для мужчины любовь — одна из многих вещей. Он хотел бы писать стихи не потому, что он любит; он бы хотел писать картины не потому, что он любит — это занятие имеет для него свою собственную ценность, ничем не связанную с любовью. А устав от картин, музыки, он хотел бы упасть глубоко в любовь и забыться; это — его отдых. Увидьте разницу: любовь мужчины — это место его отдыха. Когда он устает от мира, от тысячи и одного дела, он хочет упасть в энергию женщины, в ее тепло, и раствориться. Он любит, только если получает отдых, и тогда он снова может рисовать, писать стихи, сочинять музыку или танцевать. Для него любовь — это необходимая основа, чтобы делать другие вещи. Для женщины — все наоборот: она будет делать другие вещи, потому что она любит. Если она не любит, она перестает делать что-либо вообще». Именно в этом и есть истина. Любовь — это подарок Вселенной человечеству. Открыв в себе источник любви, женщина должна поделиться ею с окружающим миром. Это не ее частная собственность, а собственность общественная, и принадлежит ей лишь на правах одного из элементов этого общества. Из непонимания основной женской функции вытекает вопрос отношения человека к собственности, а как следствие — вопрос порабощения людей вещами. Основная женская функция заключается в том, чтобы быть проводником любви как некоего связующего вещества. Иными словами, женщина есть вечно пополняемый Грааль.

Современная мораль диктует нам совершенно другие правила поведения, подчиняющиеся идеологии доллара как идеологии, удовлетворяющей потребности большинства. Но действительно ли эти потребности настоящие? Этот вопрос стоит задать каждому из нас. И необходимо еще немало потрудиться, чтобы найти в себе силы ответить на этот вопрос. Способ воспроизводства этой силы изнутри, а не из внешней среды — впустить в себя любовь.

В конце хотелось бы привести изречение Джордано Бруно: «Мне говорят, что я своими утверждениями хочу перевернуть мир вверх дном. Но разве было бы плохо перевернуть перевернутый мир?».

Литература

1. Вернадский В.И. Химическое строение Биосферы Земли и ее окружения. М., 2001.
2. Ленин В.И. и Горький А.М. Письма, воспоминания, документы. М., 1961.

3. *Морган Л.Г.* Древнее общество, или Исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации. Л., 1933.

4. *Циолковский К.Э.* Человек и космос: Из филос. наследия // Человек. 1991. № 6.

Ю.М. БЕСПАЛОВА, В.А. КОНДАКОВ

Честность как социально-экономическая категория

Аннотация. В статье предпринимается попытка воспроизводства идей российских экономистов о значении честности в экономической жизни общества; показывается роль честности в хозяйственной культуре российского общества и деятельности экономически активной части населения нашей страны.

Ключевые слова: хозяйственная деятельность, предпринимательство, честность, доверие, нравственность, anomia.

Abstract. In article taken attempt reproduction of ideas Russian economists about the value of honesty in the economic life of society. Shows the role of honesty in the economic culture of Russian society and in the activities of economically active part of population in our country.

Keywords: economic activity, business, honesty, trust, moral, anomie.

Честность — понятие этики, нравственное качество личности, отражающее важнейшие требования морали: правдивость, принципиальность, соответствие слова и дела, верность принятым обязательствам, убежденность в правоте своего дела, искренность перед другими и самим собой относительно мотивов, которыми человек руководствуется, признание и соблюдение прав других людей. Противоположны честности обман, ложь, лицемерие, воровство, вероломство и др. [1, 397—398].

В толковом словаре С.И. Ожегова слово «честный» означает: 1) проникнутый искренностью и прямоотой, добросовестный; 2) заслуживающий уважения, безупречный.

Указание на необходимость честности как важнейшей нравственной заповеди Бога можно найти в Библии и в Священном Писании: «Вот, Ты возлюбил истину в сердце и внутрь меня явил мне мудрость» (Пс. 50:8); «Что молот и меч и острая стрела, то человек, произносящий ложное свидетельство против ближнего своего» (Прит. 25:18); «Мерзость пред Господом — неодинаковые гири, и неверные весы — не добро» (Прит. 20:23); «Ибо в учении нашем нет ни заблуждения, ни

нечистых побуждений, ни лукавства» (1 Фес. 2:3) «Не кради»; «Не произноси ложного свидетельства на ближнего твоего» (Исх. 20:15—16); «Приятны царю уста правдивые, и говорящего истину он любит» (Прит. 16:13); «Нечестивый уловляется грехами уст своих; но праведник выйдет из беды. От плода уст своих человек насыщается добром, и воздаяние человеку — по делам рук его» (Прит. 12:13—14); «Сладок для человека хлеб, приобретенный неправдою; но после рот его наполнится дресвою» (Прит. 20:17); «Приобретение сокровища лживым языком — мимолетное дуновение ищущих смерти» (Прит. 21:6); «Неверные весы — мерзость пред Господом, но правильный вес угоден Ему» (Прит. 11:1); «Соблюдение правды и правосудия более угодно Господу, нежели жертва» (Прит. 21:3) [2].

Может ли честность, являющаяся важнейшей нравственной категорией, рассматриваться также и в качестве категории социально-экономической? На этот вопрос мы находим ответ в трудах выдающихся отечественных экономистов, оказавших огромное влияние на формирование традиций российской и мировой экономической науки, в том числе и в русле изучения нравственных аспектов хозяйственной деятельности. Именно дореволюционные ученые-экономисты (А. Шторх, А. Бутовский, И. Янжул и др.) ввели в экономическую науку понятие *нравственный капитал*, неразрывно связанное с честностью. В их представлении философия хозяйства, политическая экономия, а также экономика как практическое воплощение данных наук могут развиваться только совместно и в связи с наукой о нравственности. С. Булгаков отмечал неотделимость анализа экономических проблем от нравственных аспектов. Политическую экономию он определял как прикладную этику, а именно как этику экономической жизни. Д. Пихно считал мораль предметом политической экономии. А. Бутовский определял духовно-нравственные способности личности (нравственный капитал) как основу производства. И. Янжул называл честность фактором производства.

Русский экономист академик Янжул в очерке «Экономическое значение честности (забытый фактор производства)», опубликованном в Москве, в 1912 г., отмечал, что честность является жизненно необходимой добродетелью для нормального развития экономики и общества. Известный русский ученый писал: «В интересах чисто материального благосостояния народов необходимо возможно широкое развитие нравственности и специально — честности во всеобъемлющем значении этого слова. И тот народ, который честен, тем самым силен не только нравственно, но и экономически; именно забота об экономической силе нашей родины и заставляет меня в настоящем очерке обратить внимание на этот долго забытый, но, тем не менее, существенный фактор в народном хозяйстве» [3]. Он говорил также, что «...ни

одна из добродетелей, создающих наибольшие богатства в стране, не имеет такого крупного значения, как честность. Без доверия, которое на ней покоится, не может развиваться ни промышленность, ни торговля...» [3]. Таким образом, по мнению И. Янжула, «...лишь одновременное воздействие развития образования и улучшения нравственности и специально честности может значительно поднять и поставить всю настоящую культуру на твердые основания и сделать ее прочной и долговечной. В этом заключается цель и назначение будущей науки хозяйства в истинном смысле этого слова» [3].

Янжул рассматривал честность в четырех аспектах:

- честность как исполнение обещания;
- честность как уважение чужой собственности;
- честность как уважение к чужим правам;
- честность как уважение к существующим законам и нравственным правилам.

Говоря о Швейцарии, русский экономист отмечал, что хорошо чувствовать себя в той стране, где честность как стихия образует родную нравственную атмосферу. И с горечью говорил, что в современной ему России ложь и обман играют слишком большую роль в жизни, грозя уничтожить все благо от производственных реформ. Жизнеспособность народа, по мнению академика, зависит в основном от его любви к правдивости.

В русской средневековой культуре принципам честности и обязательности в делах и отношениях с людьми учил *Домострой*. Суть экономических отношений русской культуры выражают слова: «Всякую ссуду брать и давать честно, хранить крепче, чем свое, и отдавать в срок». Порядочность, исполнительность, честность высоко ценились в этом памятнике народной мудрости, учившем, как сделать человека нравственным при существующих у него средствах.

Исследуя ценностные ориентации предпринимательства Западной Сибири второй половины XIX — начала XX в., мы неоднократно обращали внимание на то, что у ряда дореволюционных предпринимателей, в первую очередь вышедших из старообрядческой среды, такая добродетель, как честность, была сущностной чертой и фактом их экономического сознания [4, 77—95; 5, 57—73].

Для примера можно обратиться к мемуарным автобиографическим книгам «Мои воспоминания» и «Записки о моей жизни», а также к публицистическим статьям «Московские письма» известного западно-сибирского предпринимателя Н.М. Чукмалдина.

Чукмалдин вышел из русской трудовой крестьянской семьи деревни Кулаковой, расположенной недалеко от города Тюмени. Воспитание и образование он получил у учителя-старообрядца.

Деловые отношения в деревне в пору его детства, как узнаем мы из его книг, были очень простыми, но очень честными. Понятия о кредите деревенские жители не имели, а всякую сбереженную копейку прятали дома в какой-нибудь сундук или узелок из тряпок, закатывали в холстины или складывали в горшок, а затем закапывали горшок в землю, в углу подполья. Если крестьяне давали деньги кому-нибудь взаймы, то отмечали это зарубкой на бирке, и это считалось «верным обеспечением».

«Брат бабушки моей, дед Василий, — пишет Чукмалдин, — часто рассказывал, как должник ему в ноги кланялся и умолял “не скальвать зарубки”, пока он не уплатил долга» [6, ч. 1, 58].

Из воспоминаний автора можно узнать, что все деревенские расчеты велись столь добросовестно, что случаев спора между должником и кредитором никогда не было, не было и случаев обмана или того, чтобы подводили в «делке». В самых крайних случаях требовались лишь уверения: «Вот вам Бог порука» или «святой угодник Никола».

Впитав с детства крестьянскую честность в ведении дел, тягу к ответственности «слова» и «дела», Чукмалдин до конца жизни считал, что доверие и честность являются главными нравственными ценностями, на которых должна строиться культура предпринимательства.

Чувство долга по отношению к своему краю и стране и как средство для выполнения этого долга — честная и добросовестная предпринимательская деятельность — центральная мысль всех работ Чукмалдина. «Выигрывает и богатеет в торговле только тот, кто оказывает услугу обществу. Наивыгоднейший товар — доверие, а доверие дается только безупречной честности и торговому бескорыстию...», — писал он в своих воспоминаниях [6, 56].

Дорожить своей репутацией, думать о будущем дела для Чукмалдина — важнейшее качество русского предпринимателя: «Кто не дорожит своей репутацией и не думает о будущем, для того обман другого в целях барыша всегда выгоден и заманчив. Им, видимо, руководит правило: только бы захвати деньги, а там хоть трава не расти» [7, 20].

В конце жизни Чукмалдин уже говорил о честности не только в коммерческих, но и в социально-экономических отношениях. Так, несправедливое налогообложение в государстве заставляет его делать выводы, имеющие уже общегосударственное значение. Пройдя суровую жизненную школу, обретя богатство и положение, Чукмалдин начинает сомневаться в честности существующей социальной системы.

«Чукмалдин торговал и наживал деньги словно не для себя, а по чьему-то поручению и доверенности. Он отдавал великий долг земле, которая его обогащала, щедро платя за находчивость и честную энергию. Такие дельцы в русской жизни встречаются и влияние их на все

окружающее самое благотворное», — писал о Чукмалдине современник [8, 3].

Как социальная категория честность — *условие социального и личного блага*. Это универсальное нормативное требование общечеловеческих норм поведения в обществе. Высокий уровень честности способствует возникновению разнообразных типов социальных контактов, что помогает внедрению новых прогрессивных форм общественных институтов и организаций.

Как экономическая категория честность связана с *хозяйственной культурой* общества, которая представляет собой систему ценностей, символов, знаний, традиций, обеспечивающих мотивацию и регуляцию хозяйственной (экономической, производственной, предпринимательской, финансовой, коммерческой и др.) деятельности.

Хозяйственная культура имеет личный и институциональный уровни. Личностный уровень определяют ценности, нормы, мотивы, ориентации, составляющие основу экономической деятельности людей. Так, от производителей требуется честность, которая выражает высокий уровень хозяйственной культуры личности. Институциональный уровень хозяйственной культуры образуется тогда, когда личностные ценности, нормы, стереотипы поведения и т. п. закрепляются в экономической деятельности общества: управлении производством, ведении делового предприятия, устойчивых массовых правилах поведения в бизнесе.

Честность выступает основной категорией *этики бизнеса*. В качестве основных измерений этики бизнеса можно выделить горизонтальные отношения между предпринимателями и их партнерами и конкурентами, клиентами и покупателями, а также вертикальные отношения между руководителями фирм и наемными служащими.

Основными нравственными требованиями и в том и в другом случае являются честность, доверие, надежность, способствующие тщательному выполнению деловых обязательств и контрактов.

В качестве примера можно привести принципы этики бизнеса американской компании «Procter & Gamble», созданной в 1837 г. и известной всему миру. Данная компания поставила нравственные принципы, а именно честность и доверие, во главу своей экономической деятельности [9, 108—119]. От сотрудников компании, производящей товары для гигиены тела и жилища человека, требуется соблюдения престижа и честного имени компании. В отношениях с заказчиками и поставщиками компания руководствуется принципами честности, доверия, добросовестности, справедливости, взаимного уважения и отсутствия дискриминации. Вся документация относительно деловой активности компании должна быть точной, достоверной и соответствующей этическим нормам.

Честность неразрывно связана с *доверием*, которое может рассматриваться как одна из ее сторон или как категория, производная от честности.

Тема доверия сегодня очень актуальна для экономической науки. Доверие играет в экономике важную роль, так как без него нет инвестиций, растут издержки, в результате чего тормозится всякое хозяйственное развитие. Любой бизнес сопряжен также с риском. Для того чтобы бизнес развивался и был рентабелен, ему нужен постоянный рост доверия со стороны клиентов. В мировой и российской практике существуют примеры построения индексов доверия.

В России составлением рейтингов доверия в стране на основании социологических опросов населения занимается «Левада-Центр». Данные последних социологических исследований данного центра говорят о том, что отсутствие доверительных отношений между властью, бизнесом и населением является важнейшей проблемой современной России [10; 11].

Честность — один из основных факторов модернизации и инновационной экономики. Успеху модернизации может помочь создание нравственной атмосферы в обществе. Сегодня модернизация и инновации в России нередко «забалтываются», превращаются в слова при отсутствии дел. Традиционным барьером на пути модернизации служит взаимное недоверие власти и общества, недостаточное распространение нравственных ценностей.

Концентрированное и крайне опасное проявление нечестности — коррупция. Коррупция получила широкое распространение в чиновничьей среде: взяточничество, незаконное участие государственных служащих в коммерческой деятельности, владение пакетами акций, работа на оплачиваемых должностях в хозяйствующих структурах, уход от уплаты налогов, сокрытие или искажение деклараций о доходах и имуществе, оформление имущества на своих родственниках, друзей или подставных лиц, а также многое другое.

Нельзя мириться и с тем, что чиновники назначают себе и своим приближенным необоснованно завышенную зарплату, осуществляют незаявленные (и, как правило, незаконные) виды деятельности в ущерб своему предприятию, создают фирмы-однодневки для быстрого личного обогащения, позволяют себе нецелевое расходование государственной помощи, допускают необязательность и жульничество при выполнении хозяйственных договоров и бизнес-планов. Ряд чиновников, которые не имели никакого отношения к научной деятельности, купили себе ученую степень. Как выяснилось сегодня, десятки остепененных политиков и депутатов защитили пустые, не содержащие новых результатов и не имеющие отношения к науке диссертации. Тек-

сты ряда таких диссертаций дословно совпадает с теми, что защищены значительно ранее.

В России продолжают фиксироваться высокие рейтинги недоверия к власти авторитарной, «распиливающей» бюджеты и улаживающей свои дела. О том, к чему приводит такое недоверие, говорят современные события на Украине и, в частности, отношение ее населения к олигархической правящей верхушке.

Важнейшей экономической и нравственной проблемой является отчуждение в стране собственности от тружеников. Продолжает не учитываться и равное право каждого гражданина России на природно-ресурсный потенциал страны (как, например, в Норвегии, в нефтедобывающих странах Ближнего Востока, в американском штате Аляска и др.).

Ряд владельцев средств производства стремятся не к тому, чтобы усилить свое производство, а к тому, чтобы как можно скорее выкачать из этого производства все, что можно, даже если это приведет к его разрушению. По России множество примеров, когда в ходе приватизации распродали целые заводы, институты и другие организации. Деятельность многих предприятий наносит вред окружающей среде.

Новоявленные богачи в большинстве не творцы и созидатели продуктивного капитала. Они заняты не развитием и возрождением страны, а уходом от налогов, перекачкой капиталов за границу.

Совсем недавно государство оказывало значительную помощь банкирам. Но на что расходовались эти средства? Доходили ли они до реального сектора экономики? Далеко не всегда. И сегодня в результате нечестной деятельности ряда банков (необоснованного сокращения кредитования предприятий и граждан, отмывания доходов, полученных преступным путем, мошеннических операций с деньгами населения, финансирования терроризма) государство вынуждено прекратить их работу путем ликвидации лицензий.

Честность сегодня не является детерминантом хозяйственной деятельности наиболее экономически активной части населения страны. С моральным обликом современных предпринимателей и деловых людей в сознании россиян достаточно часто связываются стремление к легкой наживе, безразличие к общественным интересам, нечестность и неразборчивость в средствах. И этому есть объяснение. В пример можно привести заполнившие рынки и магазины фальсификаты, поддельные лекарства и медицинские препараты в аптеках, нечестную деятельность ряда представителей ЖКХ, нечестную рекламу, которая вредит здоровью жителей России и др.

В своей работе И. Янжул, говоря о необходимости добиться у производителей честности, в качестве примера ссылается на случаи невозврата потребителями пустых бидонов из-под молока кооператорам.

Этот пример сегодня может вызвать горькую усмешку, поскольку хищничество в особо крупных размерах, проведение противоречащих закону операций, значительной частью населения страны рассматриваются как норма или нормальное явление. В умах многих людей, прежде всего молодых, произошла нравственная путаница. Так, честность сегодня нередко приравнивается к глупости, а ум — к умению зарабатывать большие и легкие деньги. Это происходит потому, что люди часто не знают, как относиться к тому, что доходы и богатство их сограждан увеличились не благодаря трудолюбию, а на основе личных связей и алчности. На взгляды и поведение людей влияют бесчестные поступки публичных фигур, а также руководителей на работе.

Такая категория, как честность, слабо обсуждается сегодня представителями власти, на телевидении и в прессе.

О тревожных тенденциях в экономике и социальной сфере российского общества, которые заключаются в стремительном расслоении по имущественно-социальному признаку, в навязывании принципов вседозволенности, а также о необходимости утверждения норм нравственности во всех аспектах жизни современного российского общества указывается в официальных источниках Русской православной церкви.

В документе «Основы социальной концепции Русской православной церкви» изложены базовые положения учения церкви по ряду современных общественно-значимых проблем. В разделе «Труд и его плоды» говорится о честности в оплате труда, о честном и справедливом распределении продуктов труда и о том, что духовное благополучие и самосохранение общества возможны лишь в том случае, когда обеспечение жизни, здоровья и минимального благосостояния всех граждан считается безусловным приоритетом при распределении материальных средств.

На VIII Всемирном русском православном соборе деятелями церкви был принят свод нравственных принципов и правил в хозяйствовании, включающий в себя десять нравственных заповедей для российского бизнеса. Ряд из них касаются честности. «Присваивая чужое имущество, пренебрегая имуществом общим, не воздавая работнику за труд, обманывая партнера, человек преступает нравственный закон, вредит обществу и себе», — отмечается в данных правилах [12; 13].

Вместе с тем, данные последних социологических исследований «Левада-Центра», ФОМ, ВЦИОМ говорят о том, что честность в сознании большого числа россиян продолжает оставаться важной и необходимой ценностью. Так, большая часть россиян считает, что качества, которые в настоящее время требуется воспитывать в детях, — это трудолюбие, честность и порядочность; самые ценные мужские качества глазами жительниц России — порядочность и честность; самыми

важными качествами политика россияне назвали честность и порядочность. Данные исследования свидетельствуют, что честность пока не превратилась в аномию массового сознания жителей России, как это имеет место у большей части богатых и сверхбогатых граждан.

Только такой фактор, как честность, может обеспечить развитие общества и подъем экономики в России на современном этапе. Честность должна рассматриваться как важнейшая нравственная и социально-экономическая категория и часть государственной идеологии, а также определять деятельность наиболее экономически активной части населения нашей страны. А честность составляет субстанцию каждой мысли, идеи философии хозяйства. Честность — это метафизический глас Софии Премудрой, взывающей к нам.

Литература

1. Словарь по этике / Под ред. И.С. Кона. М., 1983.
2. Честность / Нечестность. Богословская библиотека // <http://biblestudy.ru/lib/sbornik-tolkovaniy/27715-chestnostnechestnost>.
3. Воспевший честность // <http://ras.ru/news/shownews.aspx?id=180a076f-2d7f-49f0-ab1b-bc7674abf485&print=1>.
4. Беспалова Ю.М. Ценностные ориентации предпринимательства России. СПб., 1999.
5. Беспалова Ю.М. Западносибирские предприниматели второй половины XIX — начала XX вв.: имена, биографии, судьбы. Тюмень, 2002.
6. Чукмалдин Н.М. Мои воспоминания. СПб., 1899.
7. Чукмалдин Н.М. Записки о моей жизни: Посмертное издание по рукописи, во второй части начерно отделанной автором. М., 1902.
8. Головачев П.М. Жизнь и деятельность Н.М. Чукмалдина. Тюмень, 1903.
9. Этический кодекс корпорации PROCTER & GAMBLE (P&G) // Петрунин Ю.Ю., Борисов В.К. Этика бизнеса. М., 2001.
10. Исследование Левада-Центра. Доверие россиян институтам власти и общества в 2013 году // <http://gtmarket.ru/news/2013/10/08/6297>.
11. Наше «мы». Особое российское доверие // <http://levada.ru/18-02-2014/nashe-my-osoboe-rossiiskoe-doverie>.
12. Основы социальной концепции Русской православной церкви // <http://patriarchia.ru/db/text/141422>.
13. Свод нравственных принципов и правил хозяйствования // <http://vrns.ru/documents/61/1219/>.

V

**РЕЦЕНЗИИ И
ОТКЛИКИ**

Ю.М. ОСИПОВ

Философия хозяйства и историософия*

Аннотация. Хозяйство сегодня в центре и у истоков бытия и истории. Философия хозяйства освещает историю и разъясняет ее философию истории.

Ключевые слова: бытие, история, хозяйство, философия, историческая наука, экономическая наука, философия хозяйства.

Abstract. The article is devoted to modern economy in the center and at sources of life and history. The philosophy of economy shines history and explains its philosophy of history.

Keywords: life, history, economy, philosophy, historical science, economic science, philosophy of economy.

История есть течение бытия, запечатлевающееся в артефактах и в сознании (памяти) человека. Реализация бытия осуществляется для человека в хозяйстве, либо как хозяйство. Можно сказать, что между бытием и историей располагается хозяйство, включающее труд, творчество, демиургию, что означает не что иное, как созидание бытия и истории человеком хозяйствующим (бытийственным и историческим). Поскольку хозяйство есть реализация сознания, то бытие и история есть в той или иной мере функции от сознания. Осмысление действующего (живущего) человека есть осмысление сначала хозяйства, или жизнеотправления, человека, а затем уже бытия и истории. Отсюда центральное положение в интеллект-реализации человека принадлежит *философии хозяйства*, без которой ни адекватного представления о бытии, хомотворных перемен в нем, ни об истории как хомотворном течении бытия.

Философия хозяйства видит в бытии физическую и метафизическую составляющие, что то же самое — *физис* (материальность, явление, зримость, упругость, вещественность, предметность, организованность, время-пространственность, упорядоченность, космос-

* По материалам доклада Ю.М. Осипова на заседании научного семинара 18 февраля 2014 г. «Философия хозяйства и историософия (философско-хозяйственный подход к историософии)», состоявшегося в МГУ в рамках деятельности ЦОН при МГУ и лаборатории философии хозяйства экономического факультета МГУ.

ность, хаосность) и *метафизис* (духовность, идеальность, сущность, скрытость, прозрачность, пустотность, вне-время-пространственность, беспредельность, беспорядочность, трансцендентность). Физис — чувствительное *нечто*, которое вопреки ничто, хотя и вместе с *ничто*, если не от ничто; метафизис — умопостигаемое *нечто*, которое в то же время и *ничто* — нечто из ничто и в ничто, но то самое ничто, которое обычно рядом с явленным нечто, если не в нем. Если наука в основном занята постижением физиса, что делает ее *физикой*, лишь вынужденно и вспомогательно прибегающей к *метафизике* — для установления, характеристики и объяснения физических феноменов, то философия более всего обращается к метафизису, оказываясь более *метафизикой*, чем физикой. Отсюда наука о хозяйстве, обычно именуемая экономикой, посвящает себя более *физике хозяйства*, его практической реализации, не избегая при этом и некоторой метафизики, а философия хозяйства более всего интересуется *метафизикой хозяйства*, его идеологией, концептологией, металогией. Экономика по преимуществу, если не вся, в явленном нечто, пусть в основном и метафизическом (деньги, цены, капиталы, финансы, инвестиции, производительность, информация, доходы и т. д.), а философия хозяйства скорее или в неявленном нечто, или же в явленном ничто, пусть частично и в физическом нечто тоже, но по преимуществу все-таки в бытийном метафизисе.

Если науке о хозяйстве достаточно *физической смыслологии*, способной выявить и обосновать явные текущие (пусть и с перспективой) хозяйственные действия человека, то философия хозяйства нуждается уже в *метафизической смыслологии* (или *метасмыслологии*), чтобы заметить и осмыслить неявные хозяйственные интенции человека, мало и ясно человеком и осознаваемые, как и возникающие сами по себе в хозяйственной жизни потенции-тенденции-процессы-результаты. Наука беспокоится о малых, поверхностных и коротких смыслах, а философия о больших, глубинных и длинных, но также и трансцендентных. (стр.3 — повтор со стр. 4)

Историческая наука занята фактологией и фактологическими обобщениями, не выходя за пределы малых, поверхностных и коротких смыслов, а философия истории поглощена осознанием исторической смыслологии, обращаясь более всего к большим, глубинным и длинным смыслам, к трансцендентности, т. е. поглощена метасмыслологией. Отсюда и особая роль философии хозяйства в ее отношении к историософии.

Человек хозяйствующий вершит бытие и историю? Раньше казалось, что это бытие и история вершат человека — раба бытия и пленника истории. Но Модерн доказал, что хозяйствующее сознание пер-

вичнее бытия и истории, — и если у бытия и истории есть цель, то эта цель по-человечески субъективирована, что не значит, что она человеку известна. Как хозяйство телеологично и эсхатологично, так и бытие с историей телеологичны и эсхатологичны, а не наоборот. Активно-первичная роль хозяйства, а вместе с этим и соответствующая роль хозяйствующего сознания.

Не зная конечной цели, человек хозяйствующий имеет-таки какую-то конечную цель, вступив на творчески-демиургический путь по направлению от *природы к неприроде*. И что ему мелкие заботы о насущных потребностях, излишних потребностях и ненужных потребностях, ибо у него неведомая трансцендентная потребность, она же и транспотребность, в любом случае — трансмировая (трансбытийная и трансисторическая) *метапотребность*, которой он не знает, но за которой тем не менее следует.

Делание бытия и истории — хозяйство, включающее в себя и трансцендентную составляющую. Наука, вслед за философией, любит рассуждать об объективности, т. е. само собой происходящем, независимом от сознания, внешнем относительно субъекта-человека. Но дело в том, что и человек творит незнамо что — и не только вследствие неполноты знания и действия, а по причине исполнения неизвестного предназначения. Сегодня, когда земная и околоземная природа целостно узнана человеком и им практически покорена, когда человек хозяйничает в космосе, путь и относительно мироздания микроскопическом, хозяйство человеческое не может трактоваться иначе, как трансхозяйство, как метахозяйство, то бишь как хозяйство уже... за пределами собственно хозяйства.

Человек пришел из ничто и идет в ничто, вступив на время в нечто, его познав и покорив, а теперь это уже не человек, а трансчеловек, выходящий за пределы бытия и истории, ну и, разумеется, самого себя.

И какой же тогда быть сегодня историософии?

Ф.И. ГИРЕНОК

О боге советской интеллигенции*

Аннотация. В статье рецензируется новая книга Игоря Гамаюнова «Бог из глины». Автор книги — сотрудник «Литературной газеты» — духовного центра жизни советской интеллигенции. У газеты был

* Рецензия на кн.: *Гамаюнов И.* Бог из глины. — М.: МИК, 2013.

внешний план — судебные очерки, и еще был внутренний план — жизнь редакции. Однако по внешнему нельзя судить о внутреннем. «Дневник литгазетовца» Гамаюнова позволяет взглянуть изнутри на то, что нельзя увидеть извне. Комментируя текст, автор статьи находит причину гибели советской интеллигенции.

Ключевые слова: интеллигенция, Литературная газета, судебные очерки, СССР.

Abstract. In article Igor Gamayunov's new book «God from clay» is reviewed. The author of the book — the employee of «The literary newspaper» — the spiritual center of life of the Soviet intellectuals. The newspaper had an external plan — judicial sketches, and still there was an internal plan — edition life. However on external it is impossible to judge the internal. «The diary of a litgazetovets» Gamayunova allows to look from within that it is impossible to see from the outside. Making comments on the text, the author of article finds a cause of death of the Soviet intellectuals.

Keywords: intellectuals, Literary newspaper, judicial sketches, USSR.

Недавно вышла книга Игоря Гамаюнова «Бог из глины». О чем она? О нас, о тех, кто помнит перестройку, кто испытал 1990-е и жил в 2000-е. Какие же мы?

Ошибка в конструкции

Конец 1980-х гг. — начало конца советской интеллигенции, появившейся в России после Революции 1917 г. «Литературная газета» — духовный центр, точка интенсивности в жизни советской интеллигенции. У газеты был внешний план — судебные очерки, его знали и любили миллионы, и я его любил. А еще был внутренний план — жизнь редакции. Но по внешнему нельзя судить о внутреннем. «Дневник литгазетовца» Гамаюнова позволяет нам взглянуть изнутри на то, что нельзя увидеть извне.

«Литературная газета» перестраивала и перестроила наша сознание. И вот финал. Гамаюнов его изображает так. 1993 г. Поезд «Адлер—Москва». В купе входит актриса и говорит: «Время беспокойное. Хотите отвлечься? Стихи могу почитать. Блока, Есенина, Ахматову. Стоит недорого». Ей отвечают: «Спасибо, не до стихов».

Русская интеллигенция ставила идею выше жизни. Она умерла после того, как, управляя государством, стала приносить в жертву своей идее миллионы жизней. Советская интеллигенция умерла на рынке, продавая услуги. И хотя она говорила о том, что по-прежнему идейна, ей уже никто не верил. В ее конструкции была замечена ошибка. Она, как пишет Гамаюнов, «полюбила свежую клубнику в январе». Ей захо-

телось прикоснуться к буржуазному комфорту. Это прикосновение, этот порыв и погубил ее.

Рыба в аквариуме

Герой одного из очерков Гамаюнова решил испытать себя правдой. Он капитан КГБ. Они — диссиденты, но у них есть правда. И капитан решил помочь диссидентам.

Капитан не знал, ему не рассказали, что правда — это вымысел, который существует, если мы хотим, чтобы он существовал. А это значит, что нет никакой истинной реальности, реальность — это объективированная иллюзия, а истина — практически оправданное заблуждение.

Офицера поймали и посадили в тюрьму. После тюрьмы, боясь КГБ, он уехал в США. Где, наконец, понял, что Америка — аквариум, а он — рыба в этом аквариуме. Пройдет какое-то время, и капитан, теперь уже развозчик пиццы, поймет, что СССР, как и Америка, тоже был аквариумом, только другим. И советская интеллигенция, частью которой были инакомыслящие, это самая большая рыба в этом аквариуме.

Прокуроры и совесть

В повести «О человеке на коленях» Гамаюнов исследует вопрос о том, что бывает, если совесть перестает мучить человека.

Герой повести — прокурор. Этот прокурор нарушает закон, надзирая за исполнением закона. Он нарушал, а страдали невинные люди. Почему он нарушал закон? Потому что у него нет совести? Или — потому что он непрофессионал? Автор повести склоняется к тому, что у него нет совести, т. е. сознания. Но, когда ты идешь к прокурору, тебе ведь все равно, есть у него душа или нет у него души, есть у него совесть или нет у него совести, у него должна быть форма. Отсюда следует, что он не имеет права быть содержательным. Он должен быть машиной закона, которая сама по себе не может ничего ни прибавить, ни убавить. Он должен отказаться от своего «я» и действовать ради закона. Поскольку судьи, следователи и прокуроры могут что-то прибавлять и убавлять от себя, постольку они сами являются уже не правоприменителями, а преступниками. Поэтому не совесть, а формы, т. е. абсолютный запрет на своеволие, может помешать обвинителю превратиться в обвиняемого.

Самообман

В повести «Бог из глины» Гамаюнов рассказывает историю одного интеллигентского самообмана.

Москва — столица. В Москве живет много умных людей. Они много знают и хотят знать еще больше. Их привлекает необычное, экстра-

сенсорное, словами не выразимое. Например, связь с космосом. В Каракалпакии живут простые люди. Они мало знают, но понимают, что боги потому боги, что к ним люди относятся, как к богам. Столичной интеллигенции было нужно чудо, нечто сверхъестественное, и она нашла его в Средней Азии, полагая, что на Востоке хранятся чудеса. В результате несколько азиатов, согласившись с тем, что они боги, дурачили Академию наук, преподавателей вузов, режиссеров, студентов, пока не убили одного из своих последователей, известного актера. Но даже это преступление не смогло рассеять самообман московской интеллигенции.

Что значит обмануть себя? Не значит ли это, что нужно солгать себе? Но, солгав себе, ты будешь знать то, что скрываешь от себя. Нельзя заблуждаться, зная, что ты заблуждаешься. Но можно заблуждаться, не зная о заблуждении.

Самообман раздваивает человека. Кто знает, тот обманывает другого, но, кто верит, тот не обманывает себя. В повести Гамаюнова «Бог из глины» рассказывается о действии из самообмана, рожденного суеверием. Чтобы обмануть себя, нужно верить в бога из глины. То есть, парадоксальным образом нечто знать и одновременно не знать. Для чего эти парадоксы? Для того чтобы, парализовав свой ум, привести его в замешательство. Ведь пока член-корреспондент Академии наук находится в своем уме, обмануть его невозможно. А когда ум парализован, реализуется действие из самообмана, и академик Спиркин приглашает молодого бурятского ученого на роль экстрасенса и предлагает ему вылечить председателя Госплана СССР. Равно как и главный редактор журнала «Огонек» пишет руководителю Каракалпакской АССР письмо с просьбой помочь простому колхознику с необычными способностями телепатии и телекинеза.

Конечно, преподавательница Полиграфического института хочет не связи с космосом. Она хочет любить. Но любовь — сумасшествие. Пока человек находится в своем уме, он не сможет полюбить, ему нужно уйти от сознания, ускользнуть от ума. Зачем? Чтобы достичь докогитальных состояний. А среди этих состояний — любовь и вера. Свидание высокообразованной героини «Бога из глины» с колхозником из Каракалпакии — безумная попытка встретить любовь. Героиня полюбила в нем глиняного бога. Но любовь и самообман несовместимы. Любовь требует искренности. А вера требует невозможного. Действием из самообмана рождается не вера, а суеверие.

Книга Игоря Гамаюнова «Бог из глины» напоминает нам о бездонной пустоте мира, который оставлен Богом. О зиянии пустоты, которую не заполнить чудесами.

**НАУЧНАЯ
ЖИЗНЬ**

Шестидесятилетие А.Ю. Архипова

Архипов Алексей Юрьевич много трудится на благо общества, науки и высшего образования, он многого достиг, став доктором экономических наук, профессором — сначала славного Ростовского государственного университета, а затем Южного федерального университета, заведующим кафедрой мировой экономики экономического факультета, основателем и директором Института экономики и международных экономических отношений, а в настоящее время Высшей школы бизнеса при ЮФУ.

Однако Алексей Юрьевич более всего дорог нам своим пристрастием к новым течениям мировоззренческой, обществоведческой и экономической мысли, каковым является и отечественная философия хозяйства. Он не только встал идейно на позицию философии хозяйства, но и нашел возможность активно и эффективно поддерживать новое оригинальное течение мысли, участвуя в научных мероприятиях, готовя и издавая труды по философско-хозяйственной проблематике, а также став одним из организаторов Академии философии хозяйства, ее вице-президентом.

Редакция желает А.Ю. Архипову трудовой, творческой и организаторской боеспособности, ни на мгновение не сомневаясь в благоприятных перспективах его разнообразной деятельности, включая и работу во благо Академии философии хозяйства!

* * *

18 апреля 2014 г. **Архипов Алексей Юрьевич**, первый вице-президент Академии философии хозяйства, за заслуги в развитии национальной школы философии хозяйства и существенный вклад в экономическую науку награжден медалью С.Н. Булгакова «Свет Невечерний».

* * *

В.В. Кашицыну — 60

Любая юбилейная дата приходит неожиданно. Вроде бы все еще молодой(ая), энергичный(ая), стройный(ая) и вдруг — дата! Трудно поверить, но вот и **Виктору Валентиновичу Кашицыну** стукнуло шестьдесят! Вот и его — такого неувядающего — настгла дата, дающая нам повод не только поздравить юбиляра, но и отметить его ответственное участие в делах нашего — философско-экономического — ученого сообщества, Академии философии хозяйства, особо при

этом подчеркнув его высокий профессионализм, редкое экспертное чутье, настоящий энциклопедизм. Совсем не лишне указать и на наличие в славном городе Новороссийске научно-образовательной школы, основанной и поддерживаемой Виктором Валентиновичем, выпускником МГУ имени М.В. Ломоносова и руководителем кафедры в Государственном морском университете имени Ф.Ф. Ушакова. Впереди у профессора В.В. Кашицына только одни новые достижения, разве не так?

* * *

18 марта 2014 г. состоялось очередное заседание семинара «Дискуссионные проблемы современной обществоведческой и экономической мысли» на тему «Советское хозяйство как феномен эпохи Модерна», на котором выступили доктор наук Ю.М. Осипов, К.А. Хубиев; кандидаты наук М.Н. Глазунов, О.В. Доброчеев, С.А. Ермишина, П.П. Жуликов, С.Ю. Синельников, С.В. Кайманаков, Е.Х. Хабибуллина; научный сотрудник А.А. Антропов; президент компании «Белый кот» Т.В. Воеводина.

Публикуем статьи, присланные по теме семинара.

Н.Б. ШУЛЕВСКИЙ, О.Б. ЛЕМЕШОНОК

СССР. Что это было?

Аннотация. Анализируется причина геополитической катастрофы СССР. Между системой и развитием существует общее противоречие, которое должно разрешиться через трансформацию его сторон в форму целостности, допускающей в своем пространстве массу взаимодействий различных систем, их бифуркаций, свободную игру асистемных и метасистемных факторов. СССР не смог (не пожелал) преобразить свою систему в целостность — в более свободную, широкую организацию и ассоциацию общественных сил и... рухнул, потащив за собой в бездну и прогресс.

Ключевые слова: СССР, прогресс, система, целостность.

Abstract. The article is devoted to the reason of geopolitical accident of the USSR. Between system and development there is the general contradiction which has to be resolved through transformation of its parties in a form of the integrity allowing in itself mass of interactions of various systems, their bifurcations, free game the nonsystem and metasystem factors. The USSR couldn't (didn't wish) to change the system in integrity, in free, wider

organization and association of public forces and failed pulled along in a chasm and progress.

Keywords: USSR, progress, system, integrity.

Великое понимание СССР, соразмерное его мировой значимости, недоступно до сих пор ни верным сынам его, ни смердяковым, ни вечным его врагам. Ясно, что ядром СССР была Россия, принявшая такой исторической и сакральный облик в эпоху железного века и ставшая наследницей этого таинственного строя. Но это лишь часть правды, ибо Россия и СССР, как возрасты человека, связаны нерасторжимыми узами той причины, которая породила Россию и хранит ее сегодня в цветных туманах виртуального мира. Точно эту единую правду СССР и России обозначила поэзия⁴⁴.

Феномен СССР, сотворенный и разрушенный по закону невозможности, останется непостижимым вплоть до Судного дня. Тема эта не по силе авторам, но здесь задача проще — выявить «Отца», который породил СССР, безжалостно его убил и под властью которого мы живем и поныне.

Как стало возможным невозможное? Малограмотная страна в один миг создала научно-технический потенциал, который победил в самой крупной мировой войне, создал ядерный щит и вывел страну в космос. Но это еще не все, ибо СССР, не найдя для себя достойных дел, сам же себя сгубил, внешние воздействия и предательство не могли этого сделать, ибо они были с первого дня СССР, но только укрепляли его. Что-то загадочное случилось в Духе, который созидал СССР своими энергиями, а затем ушел, оставив свое дите на погибель.

Феномен СССР, причины его крушения изучают со всех сторон: видят в его гибели большую геополитическую катастрофу, неудачу якобы утопического проекта, провал тоталитарной власти и подавления свободы. Все так, но почему же мощный геополитический субъект, обладающий всеми материальными, трудовыми, техническими, научно-культурными, социальными ресурсами, рухнул, а при Сталине стоял несокрушимой стеной. Социально-культурные, хозяйственно-экономические, идеологические, конспирологические подходы не рас-

⁴⁴ «Все неразумно, необычайно: / Взмахи побед и разрух / Мысль замирает пред вещью тайной. / И ужасается дух. / Каждый коснувшийся дерзкой рукою / Молнией поражен: / Карл под Полтавой; / ужален Москвою, падает Наполеон» (М. Волошин). Нужно добавить еще мировую войну, индустриализацию, ядерный щит, космос... и саморазвал СССР, или же сбрасывание Россией очередной исторической кожи в преддверии неслыханного самобытия! Да и аббревиатуру СССР придумали не коммунисты, а Дух, и она гласит: «Союз Священных Сил России».

кроют нам тайны взлета и крушения СССР. Да, отдельные аспекты катастрофы они видят, но главное ускользает от их взора. Автомобиль может разбить фару, сломать дверь, но все же быть на ходу, а вот без горячего и двигателя он встанет.

Что же послужило первопричиной крушения СССР? Можно ли было реформировать и сохранить величайшую страну мира?

Авторы не претендуют на раскрытие этой загадки, ибо она коренится в дебрях развития (прогресса) и системы, которые породили СССР, вознесли его, а затем сбросили в бездну. Для чего-то такая катастрофа была нужна, ибо сами по себе они не случаются. Нужно было доказать что-то очень и очень важное, сакральное и человеческое, опровергнуть какого-то кумира, разоблачить какого-то идола, открыть кому-то врата на свободу.

Итак, истоки успехов и крушения СССР нужно искать в развитии и системе, которые дурманят и гипнотизируют⁴⁵ людей, готовых пожертвовать всем ради будущих благ. И никакая критика прогресса не пробивает прогрессирующее слабоумие демиургов-прогрессистов.

Ф. Энгельс возлюбил слова Гете, не заметив, что у поэта это заминированное изречение принадлежит главному бесу Германии — Мефистофелю: «Alles, was entsteht, ist wert, daß es zu Grunde geht» («Все, что возникает, имеет ценность лишь для гибели и в гибели»).

Допустим эту бессмыслицу, ибо сие суждение тоже достойно гибели! А зачем возникать, рождать, создавать, если все это сгинет? Да и зачем смерти гибель людей, царств, миров? Что она желает получить от них?

Эта «мудрость» гибели относится и к судьбе СССР. Разве он возник только и только для того, чтобы разрушить себя? Даже для бессмыслицы перебор! А урок-то этой чудовищной катастрофы какой?

Итак, судьбы СССР нужно искать в джунглях *системного прогресса*, ибо в частных измерениях социума мы запутаемся. Прогресс вместе со своими друзьями — Логосом и Системой — овладел обществом в конце XVIII в., подавив своих критиков, хотя Достоевский распознал в нем князя мира сего, несущего в жертву человека. Русь с первых дней своих не принимала системный экономизм Запада, склоняясь к

⁴⁵ Этого диалектического гипноза развития не избежал и Гегель, для которого ценность, единственный смысл культуры древней Эллады состоит только в создании Фукидидом истории Пелопонесской войны, сгубившей Древнюю Грецию. «Фукидид написал историю большей части этой войны, и это бессмертное произведение есть абсолютное приобретение, доставшееся человечеству в результате борьбы». И все! Гибель уникальной культуры стала лишь средством закрепления истории (развития) в тексте [1, т. 8, 250].

хозяйству и домострою, не ладила она и с историей⁴⁶, то отставая от нее, то обгоняя ее, то обходя ее стороной, не желая следовать системному прогрессу. Она отстаивала свое скрытое движение, хотя допускала и элементы системы Запада. И лишь марксизм облачил Россию в железное одеяние системного прогресса, ставшего орудием создания СССР и орудием... его же разрушения.

Даже Гегель — фанат развития, все же благоразумно принял конец развития и системы, послав их на фушет отрицателя отрицаний! Развитие отрицает бытие, но само становится жертвой системы, которая в свою очередь падает жертвой прогресса. Система и развитие у Гегеля не творят нового бытия, а лишь разворачивают идеи Абсолюта. Развитие из семян порождает растения, но оно не превратит овес в просо. Система и развитие — не автономии, а лишь органы целого. Не мирознание суть развития и системы, а развитие и система суть части мирознания.

Но внутренний конфликт развития (прогресса) и системы впервые заявил о себе у Гегеля: диалектика утверждает бесконечность развития, а системы мира и знаний отрицают эту бесконечность. Охватывая развитие, система делает его средством, инстинктом своего самосохранения. Предмет, знание могут развивать лишь до уровня системы и в качестве системы, которая не может перейти в форму целостности. Система — цель развития, в которой раскрывается прошлое, но теряется будущее, а само развитие становится кругооборотом, тиражирующим систему.

Запад и марксизм отреклись от мудрого Абсолюта Гегеля, приняв систему и прогресс вместе с «золотым тельцом» и социализмом. Развитие и система стали цельным контекстом для всех других проблем, а целое стало частью развития и системы. И тут начинаются чудеса и мистерии лукавые, ибо либерализм и марксизм превратили систему и прогресс в тоталитарную идеологию. Но развитие не совладало со своей же *системной организацией*, сделавшей мир лабиринтом с изменяющейся конфигурацией стен.

Противоречие между развитием и системой — не исторический эпизод и не внутреннее дело философии. В противоречиях систем и

⁴⁶ Термин «история» вначале у Геродота, Фукидида, Августина означал бытие, сочетающее в себе вечное и временное. Понимание истории, как чисто временного, прогрессивного процесса, внедрила в умы людей Европа, сделав историю орудием своей экспансии. И вот на исходе XX в. Европа заявила, что она не нуждается в истории, а будет сама творить себя. И если в истории человек должен был считаться с законами, культурными, национальными традициями человечества, то, отменив историю, он стал субъективно творить динамику своего бытия из себя, идя в никуда.

развития выражается эсхатология XX—XXI вв., определяющая их когнитивный, проективный, социокультурный и политический ландшафты. Мир-процесс восстал против своих систем. История-процесс вступила в противоречие с системой Истории. Хозяйство-процесс бунтует против системы собственности. А кризис биосферы делает противоречие системы и развития судьбой мира.

В философии противоречие системы и развития выражает несоответствие системного мышления, системных идей, системных методологий асистемности и метасистемности бытия, творящего «новый мировой порядок». Но наука и практика не замечают этого противоречия, не видят насилия, разрешающего его по-своему, если люди отдыхают от мысли.

Загадочны отношения к этому противоречию в марксизме. Маркс и Ленин взяли у Гегеля и систему, но отрицали ее в своем учении, уклоняясь от выражения своих идей в системе. «Мы пытались держаться подальше от всякого изобретения систем» [2, т. 42, 411]. «Я никогда не возводил никакой “социалистической системы”» [2, т. 19, 372]. «Социализм не готовая система, которой будет облагодетельствовано человечество» [3, т. 23, 54]. А после знакомства с системами своего учения, Маркс заявил: «Я знаю только одно, что я не марксист» [2, т. 39, 379]. Догадывались, что система съест социализм.

Почему же возник разлад между развитием и системой? Почему система губит плоды развития, а развитие сносит головы системам?

Вкратце о биографии «системы», которая стала сегодня *формой, образцом, критерием, методом, символом, эталоном* истины. Система — одна из самых агрессивных категорий современности, скрывающей ее истоки. Система породила особый тип исследований. Появилась «системная идеология», имеющая свои международные институты, корпорации, свою системократию. Эта идеология повелевает науками, философией, религиями, сама не подчиняясь никаким правилам. И система не открывает смысл своей грозной сути, по-американски навязывая себя в качестве «лучшего друга».

Так, одни мудрецы видят «системы повсюду» [4, 30]; другие — «под системой понимают все, что угодно» [5, 18]: *Systemglaube* ist *Aberglaube*⁴⁷; третьи видят в системе «скелет науки», занимающий «среднее место между фактами и теориями» [6, 107]. В общем, система — «*Все*», система — «*Ничто*», система — «*Скелет*»⁴⁸.

⁴⁷ Вера в систему есть суеверие.

⁴⁸ З. Фрейд и К. Юнг не довели свой психоанализ до конца. Если бессознательное лежит в основе Сознания, то в основе самого бессознательного может лежать только система, организующая сбор, хранению и распространение пси-

Развитие оформляет содержание предмета в систему, в ней он обретает свои методологические органы; система становится орудием идей, но не предметом. Система служит средством мобилизации материи и знания в целях технической и властной мощи человека. Сила системы впервые была осознана жрецами. А «систему образует аппарат» [7, 310], в котором хранится ее генетика. Позже по этой модели создавались первые царства, социокультурные организации, и техника. Системность и поныне определяет их цели — концентрация материи, знаний и людей в определенных точках.

Системы создаются людьми, но сразу же становятся хозяевами их жизни. Система, усиливая действие человека на мир, столь же усиливает обратное воздействие мира на человека. Она есть концентрация скрытого *насилия*. Первым чистым воплощением системы в истории стала тюрьма. Не зря узники называют ее — «система»; служащие юстиции воспринимаются как люди «системы». И не случайно «Новые левые» во Франции обозначали в 1960-х гг. своего главного врага коротко — «система», которая использует «научное покорение природы для научного покорения человека» [8, 17]. Идея тюрьмы — это «общая теория систем».

Истоком системогенеза является и техника. Маркс отмечал, что материей капитала является «автоматическая система машин», которая «есть лишь наиболее совершенная, наиболее адекватная форма системы машин, и только она превращает машины в систему» [2, т. 46, ч. 2, 203]. Функции техники и системы одни и те же — концентрация насилия и рабства.

Провиденциальное значение системы глубоко раскрыл Энгельс: «У всех философов преходящей оказывается как раз “система”, и именно потому, что системы возникают из непреходящей потребности человеческого духа... преодолеть все противоречия. Но если бы все противоречия были раз навсегда устранены, то мы пришли бы к так называемой абсолютной истине, — всемирная история была бы закончена и в то время должна была бы продолжаться, хотя ей уже ничего не оставалось бы делать» [2, т. 21, 278]. Но преходящей система является не только у философов, но и в бытии вообще.

Преодолеть все противоречия! Задача всех задач! Цель всех целей! На языке религии это означает достижение Рая, Царства Небесного! «Дерзко!»⁴⁹.

хозов в жизни и культуре, сохранение в себе элементов сознания всех тех существ, которым оно оказалось не под силу.

⁴⁹ Техника и государство суть системные органы развития. Символом системы является и пирамида, в которой вся ее мощь устремлена к невидимой вершине,

Имея такую техническую и государственную опору, система начала триумфальное шествие во всех областях общества, завершившееся в XX в. созданием царства «системонизма». Появилась и особое гражданство — ученые-системщики, системоведы. Система стала принципом решения технических, военных, политических, экономических и образовательных проблем общества, всеобщей формой знания, метода. Изображение предмета как развивающейся системы стало идеалом науки. Поиски совершенной системы жизнеустройства людей стало мотивом жизни и творчества людей.

Но познавательная и практическая роль системы в связи с освоением с середины XX в. метасистемных типов предметов, технологий стала проявлять свою ограниченность. Система начала терять свои интегрирующие функции. Вместо подъема человечества по вертикалям духа система стала низводить разум до уровня брюха. Структура систем уже не соответствует творящим силам бытия. Но мир ищет решения своих проблем посредством систем, которые исчерпали свой креативный потенциал и как раз порождают эти тупиковые проблемы. И не думает мир о том, можно ли доверять власть системам? Возможны ли вообще инновации и прогресс в системных формах?

Каковы же врожденные и неисцелимые пороки системы?

Во-первых, *система не объясняет системность и системогенез*. Изображая предмет как систему, она не объясняет причин самой себя, заверяя лишь свою несводимость к элементам предмета, она не указывает своего автора: то ли предмет строит себе систему, то ли система дает предмету свою форму? Анонимность системогенеза не раскрывает ее истоки, ее творцов, оставляя их за дверью системных радостей. Возникнув как метод интеграции, системология распалась на сумму отдельных течений, которые сами нуждаются в интеграции. Появляются метасистемы, но и они страдают метафизической безотцовщиной.

Каков исток причинной импотенции системы? Дело в том, что система не различает элементов предмета. Если для системного «колхоза» все элементы равны, то для предмета это неприемлемо. Ведь важными для предмета являются их субстанциальные, творящие элементы. Именно эти элементы оформляют предметы в устойчивые системы. Познание вещей опирается не только на систему, но и на субстанциальную идею, служащую причиной системы. Поэтому не всякое

где происходит мистерия встреч идей и материи. Пирамида воплощает в себе синтез техники, власти, физики и метафизики, света и мрака; они часто были без вершины. Это не случайно, ибо вершина пирамиды — дух, а он не может быть частью материи.

системное знание истинно, и не всякое несистемное знание ложно. Истинно целостное знание идеи-причины.

Во-вторых, *содержание предмета целиком не выражается в системе*, требуя массы досистемных, инфрасистемных, метасистемных, асистемных, транссистемных форм. Но понимание этой целостности выходит за рамки системологии, которая не знает асистемных явлений. Но связи системности и асистемности пронизывают все предметы, выступая как противоречия хаоса и порядка, нормы и аномалии и др. Понимание возможно лишь на основе целостной онтологии, соединяющей системные и асистемные реалии. Асистемные свойства не входят в систему, но в предмет-то они входят, и из предмета их не исключит никакая система!

В-третьих, *система не охватывает интенсивную и экстенсивную полноту, многофункциональность предмета*. Ведь каждый элемент предмета содержит свой проект мироустройства. Именно эти проекты служат причиной новых систем. Есть предметы, целостность которых несовместима с системой. Например, сознание не может быть даже органической системой. Все его элементы более зависимы, чем элементы любой органической системы. Память, воля, мысль, фантазия — это части, в которых присутствует все сознание, не делящееся на систему и элементы. Информация и виртуальность тоже суть асистемные, целостные реалии. Философия и есть форма целостной мысли, в которой системная логика подчинена свободному творчеству каждой части предмета.

В-четвертых, *обобщенным выражением врожденного дефекта системы является ее бесовская вражда с развитием*. Система и развитие необходимы друг другу и в то же время они взаимно отрицают друг друга. Система выражает лишь одну фазу развития — *становление*, в котором причина посредством системы образует из элементов предмет. Посредством системы новоявленный предмет превращает все факторы бытия (природу, семью, культуру, религию, нацию и др.) в материал своего роста. Она объективирует и невидимые силы предмета, экспансию субъекта. В системе причина совпадает со своим действием. Она утверждает негативное развитие, в котором *одно развивается за счет другого*. Общество развивается за счет природы; город — за счет села; культура — за счет рабства. Система стала перводвигателем цивилизации. Но после цветущего становления наступает пора развития на собственной основе и возвращения долгов бытию. Система «приватизирует» развитие, желая, чтобы оно работало лишь на ее укрепление, гарантируя «светлое будущее» только системному олигархату.

В то же время само развитие система воспринимает как нечто негативное, чуждое, несущее хаос и деструкцию. Она раскалывает развитие на застойные и катастрофические типы.

Застойное развитие идет по циклу: система — разрушение — новая система. Предмет здесь служит сырьем и моделью для гардероба системы, на знамени которой написано: «*Существовать — значит, быть системой!*».

Катастрофическое развитие идет по циклу: разрушение — система — новое разрушение. Здесь предмет и система служат сырьем ничто. Лозунг этому развитию дал Мефистофель: «*Достойно гибели все, что возникает!*».

Общее в этих типах развития то, что время систем сокращается, а время «революций» удлиняется. Но предмет в любом случае становится жертвой противоречия системы. Вращивая этого Левиафана, система не воспитывает его, а спускает с цепи, подчиняя его закону мир. Поэтому бытие требует контроля субъекта и предмета над противоречиями. А такой контроль требует контроля над системой целостного бытия. Но XXI в. не может взглянуть на себя с точки зрения *целостности*, погрязнув в системном варварстве и в борьбе систем, забыв, что противоречия — часть предмета, а не предмет — часть противоречий. Предмет есть разрешенное противоречие.

Но предмет не столь наивен: он не ждет, пока система растерзает его, пока человек разумный поможет ему; он принял меры самозащиты. Система посредством развития покоряет предмет, а предмет поворачивает развитие против системы, разрушая ее до оснований. И так как противоречие системы и развития дано не в философии, а в бытии, то логически оно неустранимо, отравляя XXI в. мировым кризисом; а спастись от него хотя бы прибавкой дозы «развития — прогресса», то усилением «системы — порядка». Не выйдет!

Типичным проявлением вражды системы и развития являются проблемы *дефицита ресурсов и роста отходов*. Система не охватывает асистемные элементы; они для нее «чужие», хотя для предмета — «родные». Но система привносит свои элементы, «чуждые» предмету. Она упускает часть «своего» предмета и хватается за часть «чужого». Но и «чужое» становится отходами; а отвергнутые свои элементы — дефицитом ресурсов. В природе нет отходов, а всякое дело обеспечено сырьем. Именно власть системы над природой порождает отходы и дефициты ресурсов⁵⁰.

⁵⁰ Образ действия системы хорошо изображает басня И.А. Крылова «Лебедь, рак и щука». Здесь есть одна часть необходимого — телега с грузом, но нет другой его части — лошадей. Здесь есть часть ненужных элементов — лебедь,

Физический блеск и метафизическая нищета Системы, ее противоречие с развитием (прогрессом), приоткрывает причины геополитической катастрофы СССР. Начиная с 1930-х гг. и вплоть до международных космических станций, обеспечивающих проживание человека в космосе, СССР прогрессировал, находясь в состоянии становления: все благие и злые силы, все удачи и неудачи, само НАТО работали на его укрепление. И даже ветхозаветная система служила ему, защищая страну от вечного фашизма.

Но к 1977 г. страна исчерпала потенциал *становления* с его «льготами» индустрии: нужно было переходить к фазе развития на собственной основе. Отчасти этот переход осознавался в гипотезе «развитого социализма», но не осознавалась преподлая и архиковарная роль системы (часть выдавать за целое!), которая удерживала организацию общества, все его сферы в состоянии колебаний, направляя прогресс против СССР. А идеология лелеяла, прославляла и защищала эту систему, хотя ее нужно было, нет, не разрушать, а трансформировать в более широкую и свободную целостность, в которой совмещаются разные системы и асистемы, в которой прогресс из внешней силы стал бы фактором саморазвития этой целостности. Нужно было найти свою формулу Дэн Сяопина: «Одно общество — две системы». Несколько медведей не уживутся в одной берлоге, а в одном лесу они благоденствуют. Но правители СССР упорно твердили: «Живи в веках, Система, ты прекрасна!». Идеология боялась, что трансформация системы вызовет хаос и похерит социализм. Хотя за системой идет не хаос, а высший тип организации — целостность. Как система есть новое качество, вырастающее из множества элементов, так и целостность есть новая организация, вырастающая из множества систем. А хаос порождает сама система. Человек не заметил, что работа систем с целостными предметами порождает массы ветвлений-бифуркаций, настолько усложняя сами системы, что эта сложность становится уже энтропией — детерминированным хаосом. Так, система Госплана стала порождать хаос, а не порядок.

И тотальная власть системы начинается тогда, когда уже иссякает энергия проекта, а бытие уже не держится своей идеей, а прибегает к внешним опорам. Система выполняет роль протезов, к которым прибегает жизнь без души. Поэтому в ней есть что-то мертвящее. Она уно-

щука и рак; есть и препятствия — несогласованность векторов движения движущих сил. И даже если бы они согласовано тянули, то телега все равно не сдвинулась бы с места. Из принципа согласования предметных сил система превращается в принцип их рассогласования. Все усилия системного труда не выловят даже рыбку из асистемного пруда.

сит из мира сего часть смысла жизни и приносит в нее часть бессмыслицы не из мира сего. Вот почему так трудно понять и оценить систему. Принимая систему, принимай и часть зла; отвергая систему, отвергай и часть добра. Система становится опасной для истины, ибо истина становится опасной для системы, раскрывая ее тайное безумие. Поэтому она блокирует мышление, не позволяя ему участвовать в поиске цельного знания. Именно система не дала СССР познать себя, свою «системно-ахиллесову пятю».

Критика системы невозможна изнутри, ибо такая критика «удочерена» системой; ее критика невозможна с позиций другой системы, ибо одно безумие не осилит другое; критика системы невозможна с позиций асистемы, ибо система возникла из хаоса. Критика системы возможна лишь с позиции метафизического понимания целостности общества. Систему общества все знают, а вот проблему его целостности еще только предстоит осознать; системные романсы не помогут. Но после «кистмата» и «диамата» мировая мысль не создала ни одного целостного учения, ни одной новой теории развития, а диалектика стала беззубым диалектом. Мир барахтается сегодня среди самораспадающихся систем, которые ищут спасение в формах «инноваций», «конструирований», «трансформаций» и «бикинипроектирований». А многие страны идут путем системы СССР.

В 1991 г. наступил момент истины для системы СССР, и она рухнула при малом содействии внутренних и внешних смердяковых. Идеология СССР видела в нем общество, которое вот-вот станет развитым социализмом, а оно стало кучей экономических, социокультурных развалин. СССР пал именно потому, что уже в 1970-х гг. рухнула его базовая идея — системная организация, которая потянула за собой в хаос и прогресс. СССР разрушила система, сковавшая своими структурами развитие, которое должно было найти более высокоорганизованную целостную форму.

Система СССР оказалась слепой к целостности общества и человека, которых она представляла лишь частично: и отвергнутое системой целостное содержание общества и личности отвергло систему СССР.

Была у системы великая задача: крепить бытие, искоренять противоречия. Но слепой она оказалась к возложенной на нее миссии духа, гарантирующей ей безопасность в мире. Дух пожаловал Системе ранг представителя Становления, с помощью которого человек восходит в «царство свободы», где он станет таким, каков он сам по себе. Духовная слепота системы закрыла познание мира и самопознание самой системы.

В Античности и в Средневековье диктат системы был невозможен, ибо там она определялась целями духа. СССР создал научно-

исследовательское творчество, развернувшее его в качестве системы, которая определяла все аспекты организации общества, требующего уже перехода к целостной форме своего устройства. Но система незаметно подменила своими структурами целостность и выродилась в лоскуты этнического криминала.

СССР? Так что же это было?

В плане софийной *софиасофии* (Ю.М. Осипов) СССР был совершенной системой общества, достигшего высокого уровня справедливости. Настолько высокого, что она уперлась в границы системности и взорвала ее вместе с прогрессом. Если бы власть СССР обладала знанием преобразования систем в сложные целостные институты и структуры, допускающие бифуркации систем и асистемных реалий, то взрыв стал бы трансформацией системы в целостность. Переход от обычных самолетов к реактивным вызван не катастрофами, а конструкторской мыслью, создавшей новые целостные летательные аппараты.

Поэтому СССР воплотил в себе взлет, расцвет, все возможности Системы, включая и крушение ее претензий стать Абсолютом организации бытия, власти и знания. Но СССР вместе с системой испытал до конца сам прогресс, показав, что этот вид динамики сам по себе становится хаосом, управляемым лукавым. Но власть так и не поняла причин этой величайшей катастрофы мира. Хотя сознание стихийно кое-что постигло: прогресс постепенно вытесняется инновациями, которые заменяют развитие творчеством, а системы — целостными программами и проектами.

И современная Россия уже не строит очередную политическую систему, а ищет общественную целостность, в которой найдется работа всем видам систем, организаций и асистемных элементов. Не стремится она и шибко прогрессировать, а ищет новые формы творящей динамики. Ибо нас всегда зовет Целое. Это Целое («в целом») есть мир нашей неизвестности.

Запад же остается верным прогрессу и системе, видоизменяя их, незаметно насыщая их взрывными антисистемными и антипрогрессивными элементами, которые и спляшут свой последний демографический и апокалиптический танец. В России возможен переход от системы к целостности, от прогресса к преобразению, а для Запада этот путь закрыт.

В течение тысячелетий Дух двигал историей посредством Логоса, который уже конкретно направлял техническое и социокультурное развитие по пути прогресса и системотворчества. Сегодня Дух покидает Логос, его слуг, творцов и приверженцев. Запад не развивается, его

социокультурные системы не совершенствуются, а катятся по инерции. Куда? Вслед за СССР?

После крушения СССР и ухода из Логоса Дух живет и действует сегодня в смысловом мире Софии Премудрой, а практически — в софисофии и в философии хозяйства, которая вся буквально переполнена жаждой спонтанного построения Дома-целостности человеческой жизни. Не то что эпоха Логоса уступает место Софии, а возникает их целостность, по образу и подобию которой должно формироваться, жить, действовать все предметное подворье мира. Вне софийных смысловых энергий все живые формы становятся мертвыми и мертвящими системами механизмов распада.

Сегодня в мире царят апокалиптические времена, в которых зарождаются не системы (они все разрушаются), а целостные формы бытия, жизни, мысли, берущие себе в качестве орудий развитие и прогресс. Создатели СССР грезил мировой республикой. И не беспочвенно. Наследником СССР может стать только планетарная федерация человечества как *целостного* субъекта, который, освободившись из плена системы, войдет в софийную и ноосферную целостность, создающую наш новый мир, в котором ничто и никто не будет лишен благодатной мудрости Света Светов.

Литература

1. Гегель Г.В.Ф. Соч.: В 14 т. Т. 8.
2. Маркс К., Энгельс Ф. Соч.
3. Ленин В.И. Полн. собр. соч.
4. Бергаланфи Л. фон. Общая теория систем — обзор проблем и результатов // Системные исследования. Ежегодник. М., 1969.
5. Блауберг И.В., Садовский В.Н., Юдин Э.Г. Системные исследования и общая теория систем // Системные исследования. Ежегодник. М., 1969.
6. Боулдинг К. Общая теория систем — скелет науки // Исследования по общей теории систем. М., 1969.
7. Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1991.
8. Маркузе Г. Одномерный человек. М., 1994.

С.Ю. СИНЕЛЬНИКОВ

**Домоупроение в рамках семейного хозяйства
(современный опыт)***

Знает один, познают многие.

С.Н. Булгаков

Аннотация. Статья посвящена новому прикладному направлению философии хозяйства — современному домоупроению, т. е. созданию семейного (родового) хозяйства за пределами мегаполисов и городов.

Ключевые слова: философия хозяйства, современное домоупроение, Россия.

Abstract. The article is devoted to the new applied direction in philosophy of economy, modern house-building, creation of family (patrimonial) economy outside megalopolises and the cities.

Keywords: philosophy of economy, modern house-building, Russia.

Углубленное прочтение трудов русских мыслителей и, в частности, «Философии хозяйства», диссертационной работы С.Н. Булгакова, позволяет сделать ряд ключевых выводов, актуальных по сей день, имеющих непреходящую ценность.

Первое. *Хозяйство есть борьба человечества со стихийными силами природы в целях защиты и расширения жизни, покорения и очеловечения природы, превращения ее в потенциальный человеческий организм [1, 63].*

Второе. *Хозяйство представляет собой родовую деятельность, субъектом которой является не индивид, но род [1, 12].*

Третье. *Человек стоит в хозяйственной позе по отношению к природе, с рабочим инструментом в одной руке, с пламенеющим светочем знания в другой. Он должен бороться за свою жизнь, т. е. вести хозяйство.*

Четвертое. *Хозяйство софийно, и софийность эта двулика — София Небесная, вневременная, и София эмпирическая. Необходимый признак хозяйства — трудовое воспроизведение или завоевание жизненных благ, материальных или духовных, в противоположность даровому их получению. Это напряженная активность человеческой жизни во исполнение Божьего слова: в поте лица твоего снеси хлеб свой. Так что трудись в поте лица своего, с Верою, Надеждою и Любовью и снизойдет на тебя (и твой род) София Высшая и осветит собой твое хозяйство и повседневный быт. Природа без труда, без трудовой культуры*

* Сердечная благодарность И.В. Фоменкову, подвижнику и хозяину.

не может выявить всех своих сил, по крайней мере, в человеке, выйти из полудремотного существования [1, 67].

Что ж, кратко и принципиально важно. Открывается новое, сокрытое доселе, направление философии хозяйства, направление прикладное, а именно — мудрое современное *домоустройство*, организация и налаживание семейного (родового) хозяйства на просторах нашей Родины (вне пределов мегаполисов, городов и подобных им образований).

«Лучше по крохам участвовать в создании, чем одним махом — да еще по неведению своему и непониманию — разорять» (отец Иоанн, Крестьянкин).

И опыт такой в России уже имеется. Генеральное решение было принято пять с лишним лет назад (одним молодым мужчиной 50-ти с лишним лет от роду), на плечах которого довольно многочисленное семейство: всего более десяти человек (он с женой, пожилые родители с обеих сторон, два сына (один женатый, с новорожденным ребенком, другой — студент вуза) и родная сестра с мужем).

Часть первая — *от общего замысла к устройству на земельном участке*.

Временной горизонт: 70—100 лет. Экологическая чистота: удаленность от Москвы — 140—150 км. Направление — восток, юго-восток (северо-восток отчасти). Месторасположение: Средне-Русская равнина. Высота над уровнем мирового океана — 160—200 м; сейсмологическая устойчивость; земля — преимущественно чернозем; удаленность от всех «грязных» и вредных производств (химических, радиоактивных, военных частей, мест поселения и т. д.). Историко-краеведческие факторы — в «клиньях» с прочными и многовековыми традициями, характеристиками, определявшими в краеведческих музеях.

После определения вышеуказанных факторов была произведена окончательная разведка «по месту» (на автомобиле высокой проходимости) и выбрано конкретное место будущей стройки (на рубеже Тульской и Московской областей).

Оформление земельного участка и начало домоустроительного процесса.

Площадь участка — 40 соток (2 объединенных участка по 20 соток), прямоугольный, вытянутый и строго сориентированный с севера на юг. Вода — артезианская скважина. Электричество — капитальная линия и мощная трансформаторная установка.

Окультуривание участка — вырубка и выкорчевка старых деревьев (яблони); распашка, разбороновка, разбитие гряд (под овощные

культуры и корнеплоды); подготовка места для пасеки, ее перевоз и капитальная установка (19 семей).

Закладка капитального фруктового сада (высажены семечки яблонь, груш, а после их всхода произведена их прививка под выбранные сорта). Произведены ирригационные и санитарно-сточные работы с целью удаления с участка излишних объемов воды и нечистот.

Строительный комплекс хозяйства. Возведены подсобные строительные сооружения (сарай для стройматериалов, весьма вместительный, бытовка для рабочих-узбеков и бытовка для трансформатора, шахтный куб для скважины с целью избежания возможных проблем с промерзанием зимой).

Капитальные строительные постройки. Пчелиный дом — 2-этажное строение для хранения пчеловодного оборудования, объемного и сложного; с кухней и спальными местами на втором этаже, более теплом и просторном.

Строительные материалы и технологии. Стеновой материал и перегородки — газосиликат (блоки различной толщины и плотности, соединенные между собой специальным клеем, подогнанные плотно, «пронизанные» базальтовой арматурой).

Нулевой цикл — технология ТИСЭ (экономная, сейсмоустойчивая, на глубину промерзания почвы в этом месте (2—2,5 м), столбы расположены на расстоянии 2 м друг от друга). Далее: цоколь и литые капитального бетонного пола (армированный и высококачественный бетон).

Обогрев дома — экономичные электронагреватели и печь-конвертер (высокий КПД и быстрая нагреваемость дома в зимне-осенний период). Внутренняя отделка: пол — ламинат, стены-потолок — штукатурка и покраска; проводка — внутренняя; свет — верхний. Внешняя отделка: утепление (базальт) и сайдинг (белый).

Крыша: металлочерепица (желательно финская). Окна: стеклопакеты.

Баня-хранилище. Отличается от «пчелиного дома» наличием подвала глубиной 3,70 м («сталинский стандарт»). Кстати, высота потолков в жилых помещениях такая же, а все двери в домах выходят исключительно на юг. Для устранения затопления подвала по углам бани в земле установлены бетонные кольца с отводами, и все хранимые овощи (картофель, лук и т. д.) остаются сухими до весны-лета.

«Родовое гнездо»: 3-этажный дом с подвалом, находящийся в центре участка. Дом, особо утепленный и покрытый наночерепицей. Парадная дверь выходит опять же на юг. Дом, где все жилые помещения (спальни, кабинеты и т. д.) рассчитаны по Фэн-Шюю, где учитывают особенности и пристрастия каждого члена семьи. В подвале монтиру-

ется и устанавливается высокоэффективный газовый котел и другие установки для обеспечения теплом его жильцов в условиях экстремальных ситуаций, весьма возможных в нынешние неспокойные времена.

Конечно же, в изложенном материале рассмотрен чрезвычайно мощный и грандиозный проект семейного (родового) хозяйства. Но каждый хозяин обязан и волен исходить исключительно из собственных сил и средств. Правда, есть и обязательные компоненты подобных домоустройств, и пусть каждый, кто встанет на этот путь, творчески и по-хозяйски рационально подходит к решению этого вопроса. Существуют волны ладного и успешного домоустройства. Настоящая волна должна продлиться до 2024 г. Так что остается всего 11 лет, а затем наступит 150-летний период другой волны, весьма отличной, и во многом противоположной.

Итак, *обязательные признаки* мудрого домоустройства могут быть сведены, очевидно, к следующим:

- экологическая чистота и удаленность от больших мегаполисов, вредных производств и их зон загрязнения;
- оптимальное сочетание факторов (восточная направленность, высота над уровнем мирового океана, сейсмостойчивость, исторические корни местоположения, плодородие земли и т. д.);
- расположение «центральной усадьбы» в центре земельного участка, экологическая чистота стройматериалов, их теплостойкость и прочность, использование рациональных современных технологий (нулевой цикл, возведение стен и крыш, строгая ориентация дверей и входов-выходов на юг и т. д.);
- земельный участок (плодородие земли, его расположение «север—юг», пасека, закладка долговременного фруктового сада, использование проверенных и устойчивых сортов, смешанное расположение культур, позволяющее обеспечить их защиту от вредителей и оптимальную урожайность, постепенное введение животноводства в хозяйственный комплекс участка.

Часть вторая — *духовная*.

Рассмотренное выше вплотную подвело хозяев к налаживанию духовно-родственного климата во вновь устроенном доме. А что же такое дом? Это — любовь, теплота и их единство. О любви и доме в одном фильме были произнесены вещие слова: «Любили ли вы когда-нибудь женщину так, чтобы чувствовать ее вкус и запах, чтобы в ее глазах вы видели своих еще не рожденных детей, чтобы день начинался с нее и заканчивался ею. *Это и есть дом*».

Вот тут-то и приходят на память наши — древнерусские — книги, и в первую очередь Домострой — памятник древнерусской истории

XVI в. И надо *встать* на древние пути и *посмотреть*, который из них прямой и правильный, и *следовать ему!*

А ведь придется!

Литература

1. *Булгаков С.Н.* Философия хозяйства. М., 2008.

* * *

26—27 марта 2014 г. на базе Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова прошел Московский экономический форум «Несырьевое будущее России». По инициативе ЦОН при МГУ в рамках форума состоялось заседание круглого стола «Неолиберализм и несырьевое будущее России». Модератором выступил директор ЦОН профессор Ю.М. Осипов. Среди участников дискуссии — доктора наук Ю.М. Осипов, А.И. Агеев, Л.Ю. Андреева (Ростов н/Д), С.Г. Ковалев (СПб.), В.Т. Рязанов (СПб.), Л.Д. Широкопад (СПб.), кандидаты наук О.В. Доброчеев, Г.В. Фадейчева (Владимир), Е.В. Шелкопляс (Иваново), заместитель директора предприятия А.Н. Васюков (Миасс).

* * *

8 апреля 2014 г. в Варшавском университете состоялся международный научный симпозиум «Европейская и евразийская международные экономические интеграции: сравнительный анализ», в котором приняли участие действительные члены Академии философии хозяйства д.э.н., проф. Ю.М. Осипов (президент Академии), д.э.н., проф. А. Новак (Польша), д.э.н., проф. В.Т. Рязанов (вице-президент Академии), д.э.н., проф. А.А. Гриценко (Украина), д.э.н., проф. К. Рыч (Польша), к.э.н., проф. В.В. Кашицын, М.Л. Хазин, к.э.н. Е.С. Зотова, д.ф.н. Л.С. Воробьева (Украина), член-попечитель Академии Т.С. Сухина.

Симпозиум прошел в обстановке содержательной, оживленной, острой дискуссии.

Ниже приводится материал Ю.М. Осипова, касающийся неоднозначной проблематики актуального симпозиума.

Ю.М. ОСИПОВ

Международные интеграционные процессы в Евразии

Аннотация. Международные интеграционные процессы на евразийском континенте. Сравнение европейской и евразийской (постсоветской) интеграции. Украинский вопрос.

Ключевые слова: мир перемен, геостратегия, международная интеграция, Европейский союз, евразийская интеграция, Европа, Россия, Украина, Польша.

Abstract. The article is devoted to the international integration processes on the Euroasian continent, to comparison of the European and Euroasian (Post-Soviet) integration and to Ukrainian question.

Keywords: world of changes, geostrategy, international integration, European Union, Euroasian integration, Europe, Russia, Ukraine, Poland.

Современный мир — мир перемен, ведущих к новой конструкции планетарного мира. Одним из моторных процессов в нынешней реконструкции мира являются региональные международные интеграции, активно стимулируемые, с одной стороны, общей глобализацией мира, а с другой — противодействием данной глобализации на региональном международном уровне. Глобализация мира в итоге сопровождается фрагментацией мира. Речь идет, конечно, об образовании больших международных интеграционных фрагментов, или больших локализованных, хотя и не изолированных, международных пространств.

Один такой интеграционный фрагмент или большое локализованное пространство, хорошо известен: это Евросоюз. Последний имеет уже более чем полувековую историю и ныне переживает своеобразный кризис протоиimperской зрелости: куда идти дальше? Пока Евросоюз, совсем недавно расширившись за счет Востока и Юга Европы, предпочитает попросту усиливать свое внешнее влияние, вполне уже и имперское, на окружающие его территории. В то же время внутри Союза весьма заметная тенденция к усилению имперской же унитарности, переходу к хоть и все еще межгосударственному, но более управляемому из единого центра объединению.

На востоке от Евросоюза, на пространстве бывшего СССР, возник новый интеграционный очаг, получивший определение евразийского: Таможенный союз (Россия, Казахстан, Белоруссия), переходящий в Евразийский экономический союз. Так или иначе, но это начало хотя и схожего с Европейским союзом, но другого по сути и форме межнационального объединения. И вот что интересно: эта евразийская инте-

гация, едва начавшись, тоже переживает острый кризисный момент, но, в отличие от Евросоюза, обусловленный не зрелостью и поиском нового пути, а ранней молодостью, точнее — самим рождением евразийского союза, оказавшемся в критической зависимости от позиции Украины — этого крайне противоречивого кандидата в члены Союза.

Занимая межинтеграционное географическое положение, Украина захотела цивилизационно, политически и экономически (финансово) примкнуть к Евросоюзу, а торгово-производственно поддержать связи с евразийским объединением, прежде всего с Россией. В итоге такого раздвоения на Украине возник острый социально-политический кризис, грозящий гражданской войной и полным распадом страны. Так или иначе, но Украина сегодня не прямой и не эффективный кандидат ни в одну из интеграций, а нечто вроде «черной дыры», заместить которую здоровым «белым телом» очень и очень трудно, почти что и невозможно.

Вопрос с Украиной выходит за рамки самой Украины, ее собственных чаяний, порывов и противоречивых действий. Украина оказалась в перекрестье внеукраинских геостратегических интересов и сил: США, Евросоюза (Германии, Польши), евразийской, скажем так, объединительной потенции, а напрямую — России, наконец, и Китая. Украина — не так уже субъект своей судьбы, как и ее объект, а что это такое, пусть каждый обозреватель решает для себя сам.

Сегодняшний мир сегодняшних перемен — вовсе не мирный мир, а скорее мир «войновский». Относительный мир в мире на поверхности мира, да и то не везде, а вот война в мире — в глубине мира, пожалуй что, и повсюду. Международные интеграции имеют важнейшее геостратегическое значение, они возникают не ради выгод, а ради выживания, независимого и самостоятельного развития, при этом не столько ради мира, хотя бы в пределах себя, сколько ради, увы, войны, как раз той самой, что цветет ныне пышным цветом по всему миру.

В интеграциях, как и в самих мировых переменах, нет ничего умильного, тут сплошная необходимость, вполне и железная; кто это понимает, тот и выигрывает, но горе тому, кто этого не понимает, попадая в беспощадные жернова геостратегической перспективы!

* * *

17 апреля 2014 г. в рамках VII международной конференции «Инновационное развитие экономики России: междисциплинарное взаимодействие» (Ломоносовские чтения — 2014) состоялось заседание секции лаборатории философии хозяйства «Инновационный дирижизм в современной хозяйственной практике», на котором выступили док-

тора наук Ю.М. Осипов, М.Л. Альпидовская, И.Р. Бугаян (Ростов н/Д), С.Г. Ковалев (СПб.), Г.Р. Наумова, Н.А. Шапиро (СПб.), И.Г. Шевченко, Т.Н. Юдина, кандидаты наук М.Н. Глазунов, О.В. Доброчеев, С.А. Ермишина, П.П. Жуликов, С.В. Кайманаков, С.С. Нипа, Г.В. Фадеечева (Владимир), Е.В. Шелкопляс (Иваново), Т.Ю. Яковец, преподаватели И.А. Горюнов, Н.А. Сибирский (Ливны), научный сотрудник А.А. Антропов, соискатель И.И. Рудяк.

18 апреля 2014 г. в рамках форума был проведен круглый стол «Современная наука: от разногласия к симфонии», посвященный 25-летию лаборатории философии хозяйства, на котором выступили доктора наук Ю.М. Осипов, А.Ю. Архипов (Ростов н/Д), И.Р. Бугаян (Ростов н/Д), С.П. Макаров, С.Г. Ковалев (СПб.), Н.В. Кравчук (Украина, Киев), Г.Р. Наумова, И.В. Пшеницын, Л.А. Тутов, Н.А. Шапиро (СПб.), И.Г. Шевченко, Н.Б. Шулевский, Т.Н. Юдина, кандидаты наук О.В. Доброчеев, Е.В. Косов, соискатель И.И. Рудяк.

Что касается секционного заседания, в котором приняли участие 68 человек с 22 выступившими, то его содержательные результаты могут быть сведены к следующим пунктам.

1. Дирижизм (от фр. *Diriger* — управлять) — нормальное явление для экономики. Недирижистских экономик нет и быть не может. Речь может идти лишь о характере, степени, способах конкретного дирижизма, его субъектах и объектах.

2. В настоящее время дирижизм является по преимуществу побудительным, ориентировочным, селективным (выборочным), он, преследуя цели конкурентоспособности, безопасности, суверенности страны, направлен в основном на стимулирование хозяйственного развития, обновления инноваций, научно-технических перемен, освоения новых технологических укладов, что и означает, что дирижизм в настоящее время является по преимуществу инновационным.

3. Россия — дирижистская страна. Переворот 1990-х гг. — совершенно дирижистский, как и удержание российского национального хозяйства в 2000-е гг. в рамках энерго-полуфабрикатно-сырьевой модели, разумеется, при поддержании в основном присвоительно-потребительного и финансового характера экономики.

4. Вхождение российского национального хозяйства в состояние «невозможности развития», или попадание в «тупик неразвития», заслуга и соответствующего дирижизма — с позиций развития, обновления и прогресса негативного.

5. Выход российского хозяйства из «тупика неразвития» — задача нового, позитивно ориентированного на обновление и развитие дирижизма — вполне инновационного. Надежды лишь на частную инициа-

тиву и иностранный капитал тщетны. Или государственно-корпоративный инновационный неолиберализм, или никакого комплексного, передового, конструктивного развития.

6. Отсюда не одни лишь перемены в экономической политике государства, но и существенное общенациональное перестроение, способное обеспечить переход от пореформенной модели присвоения, потребления и неразвития к постреформенной модели производства, производительного накопления и комплексного развития.

В заседании круглого стола 18 апреля приняли участие около 50 человек при 11 выступивших с концептуальным и приветственным словом. Ораторы отметили не только факт огромной работы, проделанной лабораторией за 25 лет существования, но и факт превращения лаборатории в уникальный, самостоятельный, широко известный и высоко значимый на национальном и международном уровнях центр экономической, философско-хозяйственной, обществоведческой и мировоззренческой мысли. Особо были отмечены рождение, становление и развитие в лоне лаборатории научно-образовательной школы философии хозяйства. Выступавшие подчеркивали не просто междисциплинарный, но и воистину целостный (холистический) характер научно-исследовательской деятельности лаборатории.

Не прошли ораторы и мимо знаменательного выхода лаборатории в метанаучное (метафизическое) размыслительное пространство, отметив в качестве выдающихся достижений обращение к русской софийной философии и открытие софиасофии.

Участники дискуссии обратили внимание на факт того, что лаборатории удалось объединить вокруг себя немалое по численности и весьма эффективное по творческому напряжению сообщество ученых из разных наук, учреждений, регионов и стран, чему ярчайшим свидетельством стали сотни больших и малых научных мероприятий (конференций, семинаров, заседаний круглого стола, секций, дискуссий, публичных лекций), многочисленные коллективные и личные публикации, более 90 номеров входящего в перечень ВАК журнала «Философия хозяйства».

*Материал подготовлен
Т.С. Сухиной и Т.Г. Трубицыной*

* * *

Анонсы

НАУЧНЫЙ СИМПОЗИУМ

Философско-хозяйственная трактовка экономики

Философия хозяйства склонна не отождествлять «хозяйство» и «экономику», видя в последней лишь особенное по мотивам и организации хозяйство. Отсюда хозяйство не всегда экономика, хотя экономика, разумеется, всегда хозяйство.

Философия хозяйства дает свою интерпретацию экономики, видя в ней лишь один, пусть и универсальный, способ хозяйства, основанный на приоритетном использовании фундаментального метафизического феномена — феномена стоимости. Экономика — стоимостное хозяйство. Где стоимость, там и экономика, где экономика, там и стоимость. Стоимость — самое экономическое в экономике, это ядро экономики, ее «грааль». Экономика — это стоимость, ее движение, ее реализация, а стоимость в движении и реализации — экономика. В итоге иное понимание сути экономики, ее функциональной и исторической роли, места и значения в хозяйстве и в бытии человека.

19 июня 2014 г., четверг

МГУ, экономический факультет, 3 уч. корпус (пр. Вернадского)

* * *

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ СИМПОЗИУМ

Средняя Россия: земля и люди (проблемы эффективного хозяйствования и перспективы полноценного бытия)

Россия как цивилизация земли: история и современность. Земля с ее угодьями, лесами, водными ресурсами, животным миром, недрами — главное национальное достояние России. Люди Земли как основной человеческий ресурс страны. Деревня — потребительная, людская и культурная житница. Умирание, выживание или возрождение (или все сразу!); сельское народонаселение: депопуляция и стабилизация.

Землепользование. Эффективное хозяйствование на земле в новый технологический век: новая агрономика, новая экономика, новое управление. Экологизация производства. Обновление кадров. Перемены в образе села и в образе жизни на селе. Урбанизация или же к сельским поселениям нового типа? Культура села: традиция и современность. Новая сельская культура: есть ли она? Новый сельский человек: есть ли он? Новый образ сельской жизни: есть ли он? Глобальное, национальное и местное в жизнеотправлении нынешнего села. Средняя Россия как оплот глубинной и развивающейся России (или это иллюзия?). Будущее русского села, есть ли оно вообще?

**20—21 июня 2014 г.
пос. Мучкапский Тамбовской обл.
(по специальным приглашениям)**

* * *

ОРЛЕНКОВСКИЕ ЧТЕНИЯ—2014

Кризис мира и мир кризиса (эсхатологическая драма современности)

Современный мир в кризисе, безусловно, в переходном, но в то же время и в апокалиптическом. Мир на краю, в борьбе миров, в сложной схватке Постмодерна (торжествующей ультрасовременности), Модерна (продолжающейся модернизации) и Премодерна (оставшейся традиции). Постмодерн — не только не преодоление кризиса мира, но, наоборот, его генератор. Выход мира к Постмодерну — не выход мира из кризиса. Потребность преодоления Постмодерна через обращение к традиции, но не через нисхождение в Премодерн. Человечество не перед выбором, а внутри судьбы, уготованной ему исторической трансценденцией. Уж не сбываются ли библейские пророчества?

**Сентябрь 2014 г.
Пос. Новомихайловский Краснодарского края
(по специальным приглашениям)**

* * *

VIII ФЕСТИВАЛЬ НАУКИ

Лекция-дискуссия профессоров
Ю.М. Осипова, Л.А. Тутова и Н.Б. Шулевского
на тему:

Философия хозяйства в фундаментальной подготовке экономистов

Философия хозяйства сложилась в целостное знание, оставаясь открытой для новых суждений, смыслового и категориального обогащения, дальнейшего развития. Имеет место практика преподавания философии хозяйства в высшей школе, в МГУ. Ознакомление учащихся с основами философии хозяйства способствует расширению их профессионального кругозора, стимулирует творческие потенции. Пришло время более основательного внедрения философии хозяйства в образовательный процесс.

Октябрь 2014 г.

МГУ, экономический факультет

* * *

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ СЕМИНАР

«Дискуссионные проблемы современной обществоведческой
и экономической мысли»
на тему:

***Постмодерн: инфернализация гуманизма,
или От культуры к антикультуре***

Эпоха Премодерна — эпоха сакрализованной культуры. Эпоха Модерна — эпоха гуманизированной культуры. Постмодерн — эпоха инфернализированной антикультуры. От метафизики божественной (Премодерн, истоки) через метафизику человеческую (Модерн, классика) к метафизике античеловеческой (авангард). Сын Божий — сын природный — сын преисподний. Очеловечивание — человечение — расчеловечивание. Постмодерн как апокалиптический кризис человека, социума, культуры. Что дальше?

18 ноября 2014 г., вторник

МГУ, экономический факультет, 3 уч. корпус (пр. Вернадского)

* * *

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

**Российский антикризис: потребности, препятствия,
исходы (социум, государство, экономика, культура)**

Россия переживает затяжной системно-цивилизационный кризис, активно и глубоко обусловленный предпринятой с рубежа 1980—1990-х гг. тотальной и крайне рискованной трансформацией всего странового бытия, включая роспуск СССР и всестороннюю капитализацию Российской Федерации. Ныне Россия — совсем другая, чем была еще в 1980-е гг., страна — не вполне европейская, но зато вполне капиталистическая, хотя и с заметной феодально-самодержавной и монополично-коррупционной спецификой. Страна со сложившимся в общих чертах строем, прошедшая в 2000-е гг. этап стабилизации, но не преодолевшая системно-цивилизационного кризиса, не вышедшая на бесспорный подъем и не вступившая на путь несомненного — самостоятельного — развития. Антикризис, который вовсю просится в российскую актуальность, этой актуальностью вовсе не овладел. Он более в потенции и проекте, чем в реальности и деле. И однако будущее требует преодоления кризиса, что то же самое — торжество антикризиса. Здесь и вся историческая проблема: страна нуждается в антикризисе, а сложившийся строй, сам по себе качественно кризисный, антикризис отвергает. Отсюда потребность в целостном перестроении, на которое правящий класс не решается. А жизнь требует решительных от него действий. Это ли не коллизия, тянущая к революционной ситуации! Однако шансы у государственной власти есть: преодолевая кризис, преобразовать страну — преодолеть кризис. Трудно, затратно, невозможно, а надо! Есть, что обсудить в ходе научно-общественной дискуссии, предпринимаемой на пользу России и ее народа.

Секции:

- А. Производительно-творческий антикризис, подъем и развитие России.*
- В. Государственный антикризис и национальное возрождение.*
- С. Культурный антикризис ради человека и общества.*

**3—5 декабря 2014 г., среда, четверг, пятница
МГУ, экономический факультет**

Заявки с указанием темы и заполненную анкету просим подавать (пересылать по электронной почте) до 20 ноября 2014 г.

Тексты статей до 0,33 печатного листа принимаются в электронном и печатном виде (eszotova@mail.ru) до 15 января 2015 г. (требования к оформлению статей смотрите на сайте: МГУ, экономический факультет, лаборатория философии хозяйства: <http://www.econ.msu.ru/cd/110/>).

Информация для иногородних: место в гостинице МГУ необходимо забронировать по e-mail: <lab.phil.ec@mail.ru>, <eszotova@mail.ru> до 13 ноября 2014 г.

Контактный телефон: +7(495)939-4183

Наши авторы

ОСИПОВ ЮРИЙ МИХАЙЛОВИЧ,

президент Академии философии хозяйства (АФХ), вице-президент Академии гуманитарных наук (АГН), действительный член Российской академии естественных наук (РАЕН), д.э.н., профессор, Заслуженный деятель науки РФ, директор Центра общественных наук при МГУ, заведующий лабораторией философии хозяйства экономического факультета МГУ, председатель Философско-экономического ученого собрания; член Союза писателей России (*osipov.msu@mail.ru*).

ШУЛЕВСКИЙ НИКОЛАЙ БОРИСОВИЧ,

действительный член АФХ, д.ф.н., профессор, кафедра философии гуманитарных факультетов, философский факультет МГУ; заместитель директора, Центр общественных наук МГУ (*shylevsk@mail.ru*).

ЛЕМЕШОНОК ОЛЬГА БОРИСОВНА,

аспирант, экономический факультет МГУ (*student.msu@ya.ru*).

ПАСТУКЬЯН ЕКАТЕРИНА ВИКТОРОВНА,

к.филол.н., доцент, кафедра иностранных языков и речевых коммуникаций, Южно-Российский институт — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы (г. Ростов-на-Дону) (*ktpt@mail.ru*).

ЖУЛИКОВ ПЕТР ПЕТРОВИЧ,

действительный член АФХ, к.т.н., доцент, Московский государственный университет приборостроения и информатики (*peter-julikov@yandex.ru*).

ЖУЛИКОВА ОЛЬГА ВЯЧЕСЛАВОВНА,

к.э.н., Московский государственный университет приборостроения и информатики (*peter-julikov@yandex.ru*).

ЯКОВЕЦ ТАТЬЯНА ЮРЬЕВНА,

действительный член АФХ, член-корреспондент РАЕН, к.э.н., докторант, Институт социально-экономических проблем народонаселения РАН (*tsag@mail.ru*).

ГРИЦЕНКО АНДРЕЙ АНДРЕЕВИЧ,

действительный член АФХ, член-корреспондент НАН Украины, д.э.н., профессор, заместитель директора, Институт экономики и прогнозирования НАН Украины (г. Киев) (*agrytsenko@ief.org.ua*).

БОДРОВ ВЛАДИМИР ГРИГОРЬЕВИЧ,

действительный член АФХ, д.э.н., профессор, заведующий кафедрой управления национальным хозяйством, Национальная академия государственного управления при Президенте Украины (Киев, Украина) (*vgbodrov@rambler.ru*).

МОЙСЕЙЧИК ГАЛИНА ИВАНОВНА,

действительный член АФХ, к.э.н., главный советник, Главное управление денежной политики и экономического анализа, Национальный банк Республики Беларусь (г. Минск) (*g.mojsejchik@nbrb.by*).

СКРЫННИК ЗОЯ ЭДУАРДОВНА,

академик-секретарь АФХ, д.ф.н., профессор, заведующая кафедрой общественных дисциплин, Львовский институт банковского дела Национального банка Украины (*kgd@lbi.wubn.net*).

ЗОТОВА ЕЛЕНА СЕРАФИМОВНА,

академик-секретарь АФХ, член-корреспондент АГН, к.э.н., ведущий научный сотрудник, экономический факультет МГУ; заместитель директора Центра общественных наук при МГУ; первый заместитель главного редактора журнала «Философия хозяйства» (*eszotova@mail.ru*).

ВЕРЖБИЦКИ АНДЖЕЙ,

д.полит.н., профессор, Варшавский университет (Польша) (*awierzb@onet.eu*).

ПОПОВ АЛЕКСАНДР КОНДРАТЬЕВИЧ,

действительный член АФХ, к.э.н., старший эксперт, Институт экономических стратегий Отделения общественных наук РАН (*a-kporov@yandex.ru*).

СОБОЛЕВСКАЯ АЛИСА АЛЕКСАНДРОВНА,

действительный член АФХ, к.э.н., старший научный сотрудник, Институт мировой экономики и международных отношений РАН (*a-kporov@yandex.ru*).

НОВАК АЛОЙЗЫ ЗБИГНЕВ,

действительный член АФХ, д.э.н., профессор, проректор, Варшавский университет (Польша) (*ANowak@wz.uw.edu.pl*).

РЫЧЬ КАЗИМЕЖ,

действительный член АФХ, д.э.н., профессор, факультет управления, Варшавский университет (Польша) (*ANowak@wz.uw.edu.pl*).

БИРЮКОВ СЕРГЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ,
действительный член АФХ, д.полит.н., профессор, Кемеровский
государственный университет (birs.07@mail.ru).

СМАГИНА ВАЛЕНТИНА ВИКТОРОВНА,
д.э.н., профессор, проректор по корпоративной политике, Тамбов-
ский государственный университет имени Г.Р. Державина
(troveo@mail.ru).

ВОЕЙКОВ МИХАИЛ ИЛЛАРИОНОВИЧ,
д.э.н., профессор, заведующий сектором политической экономии,
Институт экономики РАН (mvok1943@mail.ru).

АКИНИН АНДРЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ,
действительный член АФХ, к.э.н., доцент, г. Санкт-Петербург
(ad.antonin@yandex.ru).

ШЕВЕЛЕВ АЛЕКСАНДР АЛЕКСЕЕВИЧ,
к.э.н., доцент, кафедра экономической теории, экономический фа-
культет, Санкт-Петербургский государственный университет
(ad.antonin@yandex.ru).

ЗАЛЕТНЫЙ АЛЕКСЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ,
к.э.н., к.ф.н., старший научный сотрудник, экономический факуль-
тет МГУ (zaletny@hotmail.ru).

ПЕТРЕНКО ГЕННАДИЙ СЕРГЕЕВИЧ,
аспирант, кафедра философии, Национальный педагогический уни-
верситет имени М.П. Драгоманова (г. Киев, Украина) (ilin_vv@ukr.net).

АСТРАТОВА ГАЛИНА ВЛАДИМИРОВНА,
д.э.н., к.т.н., директор, Институт качества жизни, Уральский госу-
дарственный лесотехнический университет (г. Екатеринбург)
(astratova@yahoo.com).

АГАФОНОВА ИРИНА ВАСИЛЬЕВНА,
к.ф.н., менеджер по исследовательской работе, Екатеринбургский
филиал ЗАО «Эй Си Нильсен» (Iris.IVA@yandex.ru).

БАЖЕНОВА ЕЛЕНА ВЛАДИЛЕНОВНА,
соискатель, старший преподаватель, кафедра управления качеством
Уральский государственный лесотехнический университет (г. Екате-
ринбург) (lena@domdvor.ru).

ГИРЕНОК ФЕДОР ИВАНОВИЧ,
действительный член АФХ, действительный член АГН, д.ф.н.,
профессор, кафедра философской антропологии и комплексного изу-
чения человека, философский факультет МГУ (girenok@list.ru).

КУЗНЕЦОВ АЛЕКСЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ,

действительный член АФХ, д.э.н., профессор, Институт международных отношений, Национальный авиационный университет (г. Киев, Украина) (*kuznetsov0572@mail.ru*).

РОСТОВА НАТАЛЬЯ НИКОЛАЕВНА,

к.ф.н., старший преподаватель, кафедра философской антропологии и проблем комплексного изучения человека, философский факультет МГУ (*girenok@list.ru*).

ДОБРОЧЕЕВ ОЛЕГ ВИКТОРОВИЧ,

действительный член АФХ, к.т.н., ведущий научный сотрудник, Российский научный центр «Курчатовский институт»; ведущий эксперт, Минэкономразвития РФ (*olegdobro@list.ru*).

АЛЬПИДОВСКАЯ МАРИЯ АЛЕКСАНДРОВНА,

искусствовед (*morskaya67@bk.ru*).

БЕСПАЛОВА ЮЛИЯ МИХАЙЛОВНА,

д.ф.н., профессор, кафедра общей и экономической социологии, Тюменский государственный университет (*bespalova2@yandex.ru*).

КОНДАКОВ ВАДИМ АВЕНИРОВИЧ,

д.ф.н., профессор, кафедра философии, Тюменский государственный нефтегазовый университет (*bespalova2@yandex.ru*).

СИНЕЛЬНИКОВ СЕРГЕЙ ЮРЬЕВИЧ,

действительный член АФХ, к.э.н., старший научный сотрудник, экономический факультет МГУ (*lab.phil.ec@mail.ru*).

Научно-образовательный журнал «Философия хозяйства»

Центр общественных наук при Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова, экономический факультет МГУ продолжают в 2014 г. выпуск научно-образовательного журнала «Философия хозяйства», призванного отражать новейшие мировоззренческие и общетеоретические искания современной гуманитарной, экономической и философской, обществоведческой науки, нацеленные на комплексное и сущностное осмысление актуальных проблем, стоящих перед хозяйствующим человечеством, мировым экономическим и политическим сообществом, Россией. Философия хозяйства — особая сфера знания о человеке, его жизни и хозяйственной деятельности, для которой характерны проблемы и смыслы, сопряженные с феноменом человека вообще, началами и целями жизни, устремлениями человека хозяйствующего и творящего, историческими судьбами человека и мира.

Научное направление издания: исследования в области гуманитарных и общественных наук, развитие научного направления философии хозяйства и примыкающих к нему отраслей знаний, создание условий для свободного научного творчества, выражения различных мнений, дискуссий, способствующих развитию фундаментального и прикладного знания.

Редакция принимает к рассмотрению статьи объемом не более 12 страниц, т. е. не более 20 000 знаков (без пробелов).

К статье обязательно должны прилагаться: электронная версия (файл на дискете 3,5 или присланный по электронной почте на адрес: eszotova@mail.ru); сведения об авторах (имя и отчество полностью — без сокращений, научная степень, место работы, должность, контактный телефон, адрес, e-mail); аннотация и список ключевых слов (на русском и английском языках), а также название на английском языке. Прикрепленный файл — неархивированный. Формат doc.

Требования к электронной версии: текст статьи в формате Word for Windows шрифтом Times New Roman, размером 14 pt, через 1,5 интервала.

Список цитируемой литературы указывается в конце статьи. Источники представляются в порядке цитирования в тексте. Ссылки на литературу — внутритекстовые. В квадратных скобках после цитаты указывается номер источника в списке литературы и после запятой — номер страницы (например, [1, 3]).

Таблицы должны выполняться табличными ячейками Word. Математические символы и формулы должны быть набраны в редакторе формул, прилагаемом к MSWord. Графики должны быть построены с использованием Excel (файл обязательно должен содержать исходные численные данные). Рисунки и схемы, выполненные в Word, должны быть сгруппированы внутри единого объекта. Не используйте в статье сканированные, экспортированные или взятые из Интернета графические материалы и не вставляйте их в документы Word.

Редакция плату за публикацию не взимает, главное — качество материала и его соответствие профилю журнала. Подписка на журнал (6 номеров в год; один номер объемом 20 п. л.) осуществляется в редакции. Оформить подписку можно в отделениях связи, почтовый индекс в каталоге «Пресса России» — 83115. Библиотечный индекс — 741. Все вышедшие с 1999 г. номера журнала можно приобрести в розницу.

Наш адрес: 119991, Москва, Ленинские горы, МГУ, 3 учебный корпус, экономический факультет, к. 331. Контактный тел. (495)939-4183. По вопросам распространения журнала обращаться к Ирине Анатольевне Ольховой (пн., чт., 14.00—18.00).

ПОРЯДОК РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ СТАТЕЙ, поступающих в журнал «Философия хозяйства»

1. Все рукописи, поступающие в журнал, направляются по профилю научного исследования на рецензию членам редакционно-издательского совета (РИСО).

2. Обязательному рецензированию подлежат тексты соискателей ученых степеней, а также присылаемые в редакцию статьи.

3. Не рецензируются по усмотрению редакции статьи:

- заказываемые приоритетным авторам редакцией журнала;
- подготовленные авторитетными в стране и за рубежом учеными и специалистами, а также высококвалифицированными авторами, регулярно публикующимися в журнале;
- авторами которых являются члены РИСО.

4. Рецензенты уведомляются о том, что присланные им рукописи являются частной собственностью авторов и относятся к сведениям, не подлежащим разглашению. Рецензентам не разрешается делать копии статей для своих нужд.

5. В отдельных случаях рецензирование проводится конфиденциально. Автору рецензируемой работы предоставляется возможность ознакомиться с текстом рецензии.

6. Если в рецензии на статью имеется указание на необходимость ее исправления, то она направляется автору на доработку.

7. Решение о целесообразности публикации после рецензирования принимается главным редактором.

8. Материалы, относящиеся к деятельности редакции и РИСО, сохраняются.